

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

**Жизнь и поражения советского
инакомыслящего**

Взросление

Том III

Москва, 2016

Оглавление

ПРЕДВАРЕНИЕ	5
ГЛАВА I. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ (1956-1962 ГГ.)	7
РАЗДЕЛ 1. ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ И ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ	7
РАЗДЕЛ 2. ПЕРВЫЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАТИСК	12
РАЗДЕЛ 3. РАБОТА НА ЦЕЛИНЕ	18
РАЗДЕЛ 4. МОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ	26
РАЗДЕЛ 5. АЛИК Ш. - МОЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ	34
РАЗДЕЛ 6. МОЁ УВЛЕЧЕНИЕ МАОИЗМОМ (КИТАЙСКИМ КОММУНИЗМОМ)	38
РАЗДЕЛ 7. ОБЫЧНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	49
РАЗДЕЛ 8. БУНТ СТАРОСТЫ - ПРОТИВ СТУДЕНТОВ И ДЕКАНАТА	60
РАЗДЕЛ 9. ОБЩЕУЧИЩНЫЙ ДИСПУТ - ПЕРВЫЙ ВЫСАЖЕННЫЙ РОСТОК ГЛАСНОСТИ	66
РАЗДЕЛ 10. ОРГАНИЗАЦИЯ «НАШЕГО ДИСПУТА»	69
РАЗДЕЛ 11. 1961 - ГОД ОБСУЖДЕНИЯ ХРУЩЕВСКОЙ ПРОГРАММЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА	75
РАЗДЕЛ 12. ПУБЛИЧНАЯ «КАЗНЬ» НА УЧИЛИЩНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	85
РАЗДЕЛ 13. КОМИТЕТСКОЕ СУДИЛИЩЕ	92
РАЗДЕЛ 14. ПОЛНОЕ ПОКАЯНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ	98
РАЗДЕЛ 15. МУРМАНСК, 1962Г. КАК Я ПОБЫЛ «БОМЖОМ»	104
ГЛАВА II. ДАЛЁКИЕ И МОЛОДЫЕ НАШИ ГОДЫ В КОЛОМНЕ (1962- 1964ГГ.)	106
РАЗДЕЛ 1. РАССТАВАНИЕ С МАРКСИЗМОМ	106
РАЗДЕЛ 2. НАЧАЛО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	115
РАЗДЕЛ 3. ИНФОРМАЦИЯ И ЭНТРОПИЯ. ТРИ НАЧАЛА МИРА	124
РАЗДЕЛ 4. ПЕРВАЯ ГОЛОДОВКА ПРОТЕСТА	136
РАЗДЕЛ 5. 1964 ГОД - ПОСЛЕДНИЙ КОЛОМЕНСКИЙ ГОД	141
ГЛАВА III. НАЧАЛО СЛАЙД-ФИЛЬМОВ	153
ПРЕДИСЛОВИЕ В. СОКИРКО, 2012 Г.	153

РАЗДЕЛ 1. "Обыкновенный культ" - нулевой диафильм	156
РАЗДЕЛ 2. "РАЗБЕГ" 1966 г. - САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ МОСКОВСКОГО ТРУБНОГО ЗАВОДА	189
РАЗДЕЛ 3. ДИАДВИЖЕНИЕ НА МОСКОВСКОМ ТРУБНОМ ЗАВОДЕ (1966 - 1970 гг.)	220
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ КПСС.....	280
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ	286
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ОБРАЩЕНИЕ В ЦК КПСС, ДЕКАБРЬ 1961 Г.....	288
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА "ХИБИНЫ" (1967 ГОД)...	296
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. САЯНЫ. ЛЕТО 1963 Г. АНАТОЛИЙ ЖИЛИН	303
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. САЯНЫ В СТИХАХ И ФОТО	330
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «АРТЕМКА» (1968 Г.)...	348
ПРИЛОЖЕНИЕ 8. "ПЕРЕПИСКА О СИОНИЗМЕ", 1967-69 ГГ.....	358
(КОММЕНТАРИИ 1971Г.)	358
ПРИЛОЖЕНИЕ 9. СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМ "ВЕСНА СВЕТА"(1967Г.)...	403
ПРИЛОЖЕНИЕ 10. СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «МОСКОВСКИЕ ЦЕРКВИ» (1967Г.)	418
ПРИЛОЖЕНИЕ 11. СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМ «ВЕСНА ВОДЫ И МАЯ».468	
ПРИЛОЖЕНИЕ 12. ЗАПИСЬ СОБРАНИЯ ПРОФСОЮЗНОГО АКТИВА МТЗ 21.2.1969	472
ПРИЛОЖЕНИЕ 13. НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ СТЕНГАЗЕТЫ "МОСКОВСКИЙ ТРУБНИК" (1969 ГОД)	489

Предварение

Третий том включает воспоминания В.В.Сокирко о студенческих (1956- 62гг.) и постстуденческих годах его жизни. Первые три постстуденческих прошли в подмосковном городе Коломна на Коломенском тепловозостроительном заводе, последующие (включённые в этот том) в Москве на Трубном заводе. За пределами студенческих и заводских стен и занятий было личное время, которое тратилось им на самостоятельное познание большого мира, что в свою очередь требовало личного участия в усовершенствовании окружающего мира.

В Приложениях к тому 3 помещены его тексты 1961г: выступления на факультетской комсомольской конференции, письмо в ЦК КПСС по поводу его «Критики Программы КПСС», приведшей к исключению из комсомола; осуждение на собрании профсоюзного актива МТЗ в 1969г. Витиново «подписанства», приведшего к исключению из аспирантуры; сценарии диафильмов, многократно показанных в различных аудиториях; тематическая переписка с другом.

С согласия родственников Анатолия Семёновича Жилина, нашего многолетнего руководителя дальних и ближних туристских походов, в Приложениях помещены оцифрованные нами его «Саянский дневник.1963г», в котором Витя принимал участие, и альбом «Саяны в стихах и фото», скомпонованный Витей из стихов А. Жилина и фото Б.Быкова и А.Жилина.

Первые две главы тома 3 были написаны примерно через 5 лет после того, как наш старший сын Артём создал нам сайт

(отсутствие привычки датировать сделанную работу и ухудшающаяся память, не позволяют указать даже приблизительную дату, только год -2010). Глава III была написана раньше, чем в нашу жизнь вошёл интернет, в 1977г. К этому времени уже 10 лет мы жили в атмосфере особой формы самовыражения - создавая диафильмы. При этом рождались и росли дети, отдавались обязательные часы работе, быту, чтению, путешествиям, большим и малым. Предисловие к главе III было написано Витей после 2010г, а отредактировано мной при подготовке этого тома к печати.

Мою фамилию не следовало бы ставить на первых трёх томах – Витя сам писал их, а я только редактировала. Но нашему младшему сыну Алексею – нынешнему хранителю нашего сайта и издателю книг - привычно осознавать родителей единым миром, тем более что тексты тома 3 уже размещены (разобщено, правда) на сайте, «украшенном» обеими нашими фотографиями www.sokirko.info. Одно утешает, что в следующих томах появятся походные дневники, которые писала я, и моя фамилия рядом с фамилией основного автора будет хоть как-то оправдана. Л.Ткаченко. Ноябрь 2015г

Глава I. Студенческие годы (1956-1962 гг.)

Раздел 1. Окончание школы и поступление в институт

Мои родители и близкие ждали от меня одного логичного решения - постараться поступить в вуз, тем более что почти все школьные годы я получал похвальные грамоты и был явным кандидатом на получение медали. Но меня тянуло к более рисковому и красивому решению, подсказанному молодыми писателями из комсомольского журнала «Юность» - Гладилиным, Аксеновым и другими будущими диссидентами. В это время не я один жаждал комсомольской романтики по типу Павки Корчагина... Но как ни был я молод, но уже успел понять, что реальность может обернуться не только подвигами, но и невыносимыми гадостями. И что тогда? Я просто потеряю год жизни. Потому мой выбор оказался компромиссным: сначала сделать попытку поступления в вуз, (чтобы после его окончания начать нормальную трудовую жизнь, как говорится, на пользу коммунизма), а если не получится, то сразу уехать на одну из сибирскихстроек, типа Братской ГЭС.

При выборе профиля института я, прежде всего, осуществлял завет Петра Петровича: не стать партийной проституткой, избегая судьбы гуманитария-партийца.

Кроме того, на мой выбор ложилась неприязнь к профессиям врача и педагога.

Наверное, я почему-то усвоил не их гордость за свою профессию, а лишь ее тяготы и минусы. К техническим вузам предубеждённости не было, и довольно случайная рекомендация моего троюродного брата со стороны деда Митрофана- Алеши Артеменко, подтолкнула меня к проходной МВТУ. Будучи на два года меня старше, он был старшим среди своих пяти братьев и сестёр (Матрёны на фото нет), учился в западноукраинском городе Славута и благополучно (возможно, при некоторой протекции своего отца-часовщика) поступил на закрытый (ракетный) факультет МВТУ им.Баумана. Совет Алеши был для меня особенно весом, потому что он после окончания первого курса месяц работал по комсомольской путевке на освоении целины и даже получил за это памятный знак ЦК ВЛКСМ, т.е. соединил учебу по профессии и работу на идею. И это обстоятельство грело мне душу. И еще. На целине Алеша Артеменко работал не только на комбайне, но и на зерновом току, где

приходилось им использовать «прогрессивную» электросварку для ремонта зернопогрузчиков, и это меня подтолкнуло выбрать специальность сварщика... Именно так, случайно, все в моей жизни и получалось.

Наверное, прежде чем отправиться в Москву летом 1954г, отец Алеши Алексей Никифорович навел справки в Гвинтовом о своих родных и вышел на моего деда, чем обеспечил сыну крышу над головой в пору его вступительных экзаменов... Возможно, Алексею Н. пришлось решить и более трудную задачу. Как он ее решал, об этом можно только догадываться...

Через два года я благополучно сдал приемные экзамены в МВТУ и вдруг получил от мамы просьбу деда - найти аудиторию приемной комиссии, встретиться в ней с сотрудницей (мне была названа какая-то еврейская фамилия) и передать ей конверт с благодарностью согласно какой-то договоренности... Сотрудницу эту я увидел, дедову благодарность передал, но от приема дедова конверта она категорически отказалась, заверяя, что этого не надо, мол, пусть Митрофан Степанович не волнуется, раз Вы хорошо сдали экзамены, то с Вашим зачислением в МВТУ все благополучно разрешится.

Алексей Никифорович Артёмenko с женой Машей.
1958г.

Вот когда я смог понять, чем именно был озабочен Алексей Никифорович, когда оставлял сына в Москве. Да, он верил в силу своего первенца, но на всякий случай был готов помочь ему даже кривым путем. Я оценил такую отцовскую готовность лишь много позже, когда от Лили услышал историю, что она при поступлении в МВТУ тоже подавала на факультет «М» - «Реактивные двигатели», но не была принята на него, хотя школу закончила с серебряной медалью. Родные не помогали её мечтам, более того, мама хотела, чтоб она училась дома. Поставленная перед выбором - вернуться в Сталинград или согласиться стать студенткой кафедры со странным названием «Технология обработки металлов давлением и кузнечно-штамповочное производство», Лиля выбрала «остаться в Москве». Свою специальность она искренне полюбила на всю жизнь. Наверно, этого не случилось с Алексеем-младшим. В самом конце своей учебы он заболел каким-то психическим расстройством, о чем сообщил мне через врача с просьбой о посещении. Конечно, я приехал в больницу, но зачем был ему нужен, так и не понял, а позже пришел к выводу, что Алексей просто «косил» от выпавшего ему распределения. Думаю, что и в этот раз не обошлось без следования отцовскому совету. Как потом я слышал, Алексей работал на оборонном предприятии в Днепропетровске, где в это время жили родители, но рано умер. Не смог он, как отец, жить долго, достойно и счастливо.

Алексей Никифорович в 1970г. был похоронен на приморском кладбище в Анапе, что мы обнаружили, бродя по Анапе в 1981 году с младшими детками и бабушкой Фаиной (диафильм «Понт эвксинский (поиски детской веры)» на нашем сайте). Его дочка Оля с мужем приезжали из Анапы к нам в Печатники, собираясь переселиться в Москву, но, видно, не решились расстаться со своим добротнo обустроенным домом, зато вписали свои веточки в наше семейное древо.

*

Медаль по окончанию школы мне не светила. Я это понял до начала выпускных экзаменов, когда мне неожиданно сообщили, что годовая оценка по астрономии у меня не «отл», а «хор». Я поначалу просто недоумевал - астрономию же я любил, потом догадался, что перестраховываются - вдруг не удастся снизить балл на самом экзамене. Удалось: посчитали ошибкой утверждение в сочинении о Маяковском, что он имел дворянское происхождение, хотя в подтверждение этого факта я ссылаясь на фотографию документа в нашем учебнике. Пристрастность такой оценки была очевидной, обжаловании я тогда и не помышлял, но предположил, что и вузовские экзамены будут необъективные. Значит, надо усиленно готовиться...

Я заработал на вступительных экзаменах 23 балла при проходном 22.

Плотная учеба началась сразу, без раскочки. Пройдя школу вступительных экзаменов, мы как бы скачком повзрослели, тем более что в нашей группе оказалось двое после армии: Лев Никулин и Савелий Моцохин - они заняли положение «солдатских авторитетов». По их рекомендации после одного из первых субботников деканат назначил меня старостой группы, что прикипело ко мне на все студенческие годы.

Раздел 2. Первый либеральный натиск

Ошеломительным событием стала для меня публикация в «Новом мире» ставшего сразу знаменитым романа Дудинцева «Не хлебом единым» - с его бескомпромиссным духом противостояния инженера-изобретателя карьеристам-чиновникам, загоняющим новатора в тюрьму как шпиона и врага народа. В описании советской деревни аналогичную «прорывную» роль сыграли более сдержанные «Районные будни» Овечкина. Первая литературная критика была восторженной: новые произведения восхвалялись, как художественное воплощение освободительного духа XX съезда партии. Причем упор в этих статьях делался на обобщение отрицательных образов бюрократов и карьеристов, особенно умных и влиятельных, которые, мол, и являются главными противниками нового курса партии. Стали употребляться специальные термины: «дроздовщина» и «борзовщина» по фамилиям главных отрицательных героев - директора завода Дроздова и секретаря райкома партии Борзова. И пусть пока в литературной форме, но в открытой печати появились свободные общественные обсуждения, затрепал лед растерянной партийной цензуры. Если бы на месте Хрущева оказался верующий в демократический социализм Горбачев, советская империя могла бы распасться на 40 лет раньше, но Хрущев имел опыт борьбы с оппозицией и знал, что полной гласности допускать нельзя: за осуждением реальных Дроздовых и Борзовых, «огонь» будет перенесен на «областные штабы», а потом и на него самого как главного сталиниста. Забудут, что именно он и начал критику «культы личности».

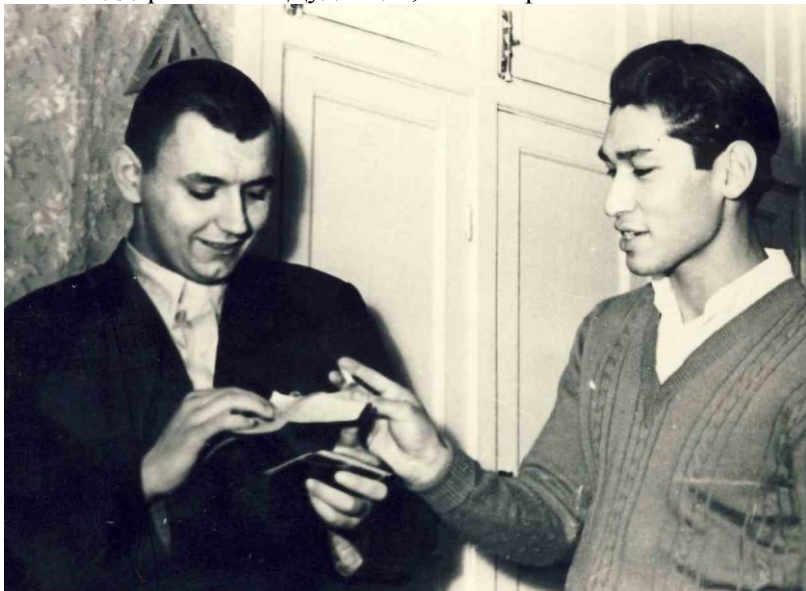
Партийной машине была дана команда: «Полный назад!» Пара месяцев не прошла, как тон рецензий резко изменился. Роман Дудинцева и опубликовавший его журнал были подвергнуты разносу на собрании советских писателей за неверие и антипартийные ошибки, очерки Овечкина

постарались забыть без разносов, но так, чтобы никому не захотелось больше ставить под сомнение и «раскачивать партийную лодку».

Венгерские события. Быстрота той спасительной для КПСС реакции была связана с осознанием глубины опасности на примере венгерской демократической революции, задавленной советскими танками осенью 1956 года. Ведь началась их революция с обычных литературных дискуссий в клубе Петефи в поддержку антисталинских решений XX съезда КПСС, которые переросли в массовые студенческие демонстрации с требованиями ухода от власти сталинистов Ракоши-Герэ и в вооруженное восстание. При этом повстанцы не могли удержаться от самосудов и штурма партийных зданий. При содействии посла Андропова Москва согласилась на вывод из Будапешта своих войск и на новое правительство умеренного коммуниста Имре Надя и бывшего политзаключенного Яноша Кадара. Но через несколько дней постепенного упорядочивания Будапешта Янош Кадар перешел на сторону советских войск, которые потом, якобы по просьбе его «революционного правительства», разгромили город и молодежное сопротивление. Обращение Имре Надя к ООН о защите Венгрии запоздало, сотни тысяч венгров оказались в новой эмиграции на десятки лет, а Имре Надь с не предавшими его сподвижниками - были расстреляны. Мир, включая мировое коммунистическое движение, увидел, что Советский Союз даже после Сталина остался в целом тоталитарной страной.

Венгерские события происходили в самом начале моей студенческой жизни, параллельно с процессом знакомства как с ее правилами, так и с сокурсниками. Вместе с миром у меня по-прежнему кружилась голова от свободы XX съезда. Помнится, я бурно радовался и сообщениям о венгерском клубе Петефи и новому роману Дудинцева, предлагая своей группе обсуждение романа Дудинцева и своих мнений о венгерских событиях - все это мне виделось одной цепью

освобождения. Однако моя эйфория практически никем не была поддержана - ни Дудинцев, ни Венгрия

никого из сокурсников не интересовали, так что вскоре я сам себе стал видаться каким-то уникальным уродом. И только много позже, на старших курсах и в послеинститутской жизни я узнал, что у меня все же могут быть единомышленники в смысле приязни к инакомыслию - но очень малочисленные.

В ходе же той первой бурной политической осени я испытал и первый надлом в своей безусловной приязни к свободе. Это случилось, когда увидел в газетах снимки повешенных за ноги и убитых штыком в грудь будапештских коммунистов. Это было как шок, как удар по сознанию: свобода литературы и свобода демонстраций без властных ограничений ведут к кровавой мести, к смерти всех нас, коммунистов: и моего отца-коммуниста, и меня-комсомольца.

Фотоснимки убитых венгерских коммунистов на долгие годы стали причиной моей антиреволюционности и даже защиты традиционной неправедной власти, ибо и она

лучше демонов вседозволенности. Мало того, той осенью я про себя твердо поддержал ввод советских войск для спасения страны от контрреволюционного террора и смертей коммунистов. Конечно, такое настроение было временным, пока я не услышал о бессмысленных жестокостях наших войск, а потом о многомесячной забастовке всей Венгрии, с трудом подавленной правительством Кадара. Читая же впоследствии в самиздате свидетельства очевидцев, я понял, что на деле широкой волны революционного террора не было и быть не могло, что немногие эксцессы и бессудные казни со стороны вооруженных «отрядов самообороны» были прекращены правительством Имре Надя буквально в первые же часы и дни революции. Теперь я понимаю, что действия советского руководства в Венгрии 1956 года и в Чехословакии 1968 года были провокационны и недопустимы в каждый момент их совершения. Но главный урок той трагической венгерской осени 1956 года - об опасности перерастания мирных демонстраций в вооруженный бунт и месть - остался во мне навсегда. И, как я теперь понимаю, не только во мне: ненасильственные революции последних десятилетий тому свидетельство.

Пожалуй, только в имперской России остается актуальной такая опасность, а в сегодняшней Чечне - грозная действительность. Альтернативой «вооруженному русскому бунту, бессмысленному и беспощадному» должны быть превентивные реформы, по словам императора Александра II: «Лучше людей освободить сверху, чем они будут освобождаться снизу сами».

Мое второе публичное обращение к официозу. Безуспешные поиски единомышленников в среде студентов неожиданно для меня самого кончились очередной вылазкой с вопросами, только теперь публичной. Надо признать, что теперь она была спровоцирована.

Лишь год миновал с той поры, когда моя первая записка-вопросник была с ужасом воспринята учителями и сожжена мною на газовой плите. За этот год страна стала

иной. В мае из «Юности» мне пришел весьма благожелательный ответ на какое-то мое письмо читателя. Там были такие слова: «Нам очень радостно было, читая ваше письмо, видеть, что среди молодежи встречаются люди глубокой мысли, серьезно размышляющие над коренными вопросами жизни. В этом и есть залог того, что мешанство не будет процветать...» Я не помню, о чем писал в журнал до и после этого ответа. В каком-то из номеров была упомянута моя фамилия, вот и все. Это не важно. Тот редакционный отклик был для меня каким-то чудом, первой и на много лет вперед живительной поддержкой от единомышленников. На всю жизнь я сохранил благодарность его автору и вновь, на исходе жизни говорю ему «Спасибо!»

И вот осенью 1956 года на общественной лекции известного в МВТУ «прогрессивного» преподавателя истории КПСС и одновременно лектора ЦК КПСС Юрия Михайловича Климова я подаю записку с развернутыми вопросами о смысле курса XX съезда партии, о событиях в Венгрии и Польше, о сворачивании критики бюрократизма и др. Наверное, в чем-то вопросы повторяли мою записку годовой давности, но я совершенно не ожидал, что получу практически такой же ответ. Записка была послана в самом начале лекции, ответ прозвучал после лекции. Климов сказал примерно следующее: «Я постарался ответить на все ваши вопросы, кроме содержащихся вот в этой поданной мне записке. Я не считаю нужным их оглашать в связи с явно враждебным и провокационным содержанием. Ее автору надо крепко задуматься над тем, с кем он, и сделать правильные выводы во избежание дальнейших и непоправимых ошибок...» После таких слов можно было начинать ждать любых репрессий, вплоть до исключения из института (что было бы совсем нетрудно на первом курсе, тем более что записка моя была подписанной).

Тем не менее, она осталась без последствий. Никто, включая Климова, со мной больше на эту тему не разговаривал, как будто ничего и не было. Я исключаю

вариант, что Климов не направил ее туда, куда следует. Он, конечно, направил, а там, прочитав ее и сравнив с содержанием уже заведенной «папочки», в очередной раз чертыхнулись: «И в институте преподаватели такие же трусы, как в школе - этому филевскому парню на самые простые вопросы ответить не могут» и, может, просто решили активизировать за мной негласный надзор.

Для меня лично отповедь Климова стала концом эпохи XX съезда и надежд на судьбоносность его решений. Надо было считаться с тем, что власть партаппаратчиков и пассивность окружения остаются незыблемыми и надо жить с этим, надеясь только на общие подвижки в будущем. В целом такие надежды оказались небеспочвенными, но на их осуществление потребовалась почти вся жизнь.

Сейчас я вижу, что все хрущевские годы были полны поисками выхода из сталинского тупика, попытками обновления социализма. Разгромив сталинский состав Политбюро и устранив и главного сталинского маршала Жукова, Хрущев обеспечил на время свою безопасность. Потом он сделал попытку уничтожить удушающую хозяйство систему централизованного планирования, разделив страну на якобы независимые совнархозы, а в последние годы своего правления замахнулся и на децентрализацию партийного аппарата, разделив партию на городские и сельские райкомы (последнее его и погубило). Он наивно полагал, что стоит перетрясти все партийные кадры под видом перестроек, как бичи бюрократизма будут удушены поднимающейся взамен снизу инициативой масс. На деле, задачу придушения бюрократизма могло решить только бескомпромиссное введение свободы рынка в экономике, свободы печати и демократии в политике. Но до таких мыслей додумались последний генсек Горбачев и его окружение только через четверть века. Хрущев же вместе со многими в стране (не исключая и меня) еще верил в реальность построения коммунизма нерыночного и недемократического образца. Но об этом позже.

Раздел 3. Работа на целине

В летние месяцы старшекурсники традиционно были заняты многочисленными заводскими практиками и военными сборами, а младшим предписывалась «обязанность» проявить трудовую доблесть сначала в подмосковных колхозах, а после второго курса - на более трудной и далекой казахстанской "целине". Никакой свободы выбора не предусматривалось и собственных решений «по зову души» не требовалось. Однако в 1957 г. в студенческом призыве на целину, видимо, образовалась брешь (подозреваю, что из-за уклонистов, стремившихся остаться в Москве на время проведения первого всемирного молодежного фестиваля), и в порядке исключения разрешили поехать первокурсникам-энтузиастам по особым заявлениям.

Конечно, я оказался в числе энтузиастов и с радостью увидел, что не один такой выродок, отказавшийся от возможности жить в фестивальной Москве ради участия в целинной жатве. И пусть нас, идеалистов, в трезвом большинстве сокурсников было единицы (несколько процентов), но мы все же были.

Нас было почти двадцать человек, т.е. вполне дееспособная шабашная бригада или трудовая коммуна, спаянная своею добровольностью.

Надо признать, что дорожной романтики мы хватанули в тот переезд вдосталь: нас везли как мобилизованных в гражданскую или отечественную войну - длинным эшелоном двухосевых теплушек с вечно открытыми дверьми и двухэтажными нарами по 16 человек с каждой стороны, с неожиданными остановками на opravку в кустах и чуть более длинными столованиями в солдатских кухнях: черпак горячей каши, кружка подкрашенного кипятка и кусок черняшки на некрашенных серых досках - какое счастье для проголодавшихся маменьких сынков!

Конечно, даже в таком вагоне мы не были единомышленниками. В один из первых дней меня сразил Адик (Адольф) Баско ;из параллельной группы (он, кстати, так и не сменил своего тезоименитства с Гитлером) ленивым отзывом: "Коммунизм? - Ха! Это ж только светлое будущее, его просто нет". Я мог ненавидеть его хамскую издевку в противном голосе, но не признать правды, что коммунизм это лишь мечта и утопия - тоже не мог. Но все мы были добровольцами и потому доброжелательно относились друг другу

От этого первого целинного сезона у меня остались очень теплые воспоминания. Повезло, что нас, первокурсников, оставили отдельной бригадой на центральной усадьбе, заняв самыми разными строительными и подсобными, но явно полезными работами. Именно тогда мне пришлось впервые тяжело орудовать лопатой и топором до судорог в руках и этой тяжести радоваться, если она завершалась нормальным

закрытым нарядом как свидетельством твоей объективно высокой человеческой цены. Это была чистая от корысти, свободная радость, потому что ты нес свои наряды в общую копилку, сознавая, что в конце все заработки будут разделены поровну (наверное, как в кибуце). В те месяцы мы жили естественно, как бы одной семьей, а ведь приходя в свою семью с хорошим заработком, ты сам желаешь, чтобы он достался всем домочадцам на разделенную всеми радость и чтоб они тебя отметили лишь словом "спасибо"... Что-то подобное я испытал потом только в хороших шабашных бригадах.

Но уже во второй выезд на целину я разочаровался в трудовых коммунах (и сейчас я легко догадываюсь, почему).

Второкурсников на целину отправляли всех подряд и ставили на главную, уборочную работу в одном из отделений гигантского совхоза. Практически нас принудительно мобилизовали и отвели участок фронта: "Держитесь!" Поселили посреди бескрайнего хлебного поля в вагончиках рядом с открытым всем дождям земляным током, на который грузовики ссыпали привозимое от комбайнов сырое зерно для так называемой «подрботки»: веяния (отделения половы), просушки на солнце и отправки на элеватор.

На деле же от нашего безнадежного труда зерно только портилось и «горело». Нашим главным врагом был нередкий дождь. С его началом требовалось срочно все раскиданное на просушку зерно собрать в высокие бурты и закрыть брезентами (если таковые были) от намокания и порчи.

Как только дождь кончался и ток просыхал, необходимо было вновь разбрасывать зерно на просушку (как говаривали местные начальники: «надо держать зерно в воздухе» - слова эти, конечно, были художественным вымыслом, а вернее, абсурдом, потому что на току открыто лежали даже не пуды, а многие десятки тонн влажного зерна - и держать их в воздухе с помощью немногих вечно ломающихся веялок и зернопогрузчиков и десятка-двух студенческих лопат было совершенно невозможно. А если дождь, то переставал, то вновь начинался, наши собрания зерна и его разбрасывания только увлажняли ранее высохшее зерно, только портили его. И когда через нескольких дней такой переменчивой сволочной погоды ты обнаруживаешь, что недавно почти сухие бурты зерна под лопатой уже не сыпятся, а стоят стеной, парят, «отдают сивухой» и даже начинают прорастать, то тебя охватывает вначале ужас, а потом тупость: это от твоих титанических стараний знаменитый целинный урожай гибнет, становясь гнильем, негодным даже на корм скоту... И какой же тут

коммунистический труд?- Одно «вредительство». Но кто в этом виноват? - Ведь не мы же с лопатами, уже просто обессилившие на этих гниющих буртах... И не электрики, рискующие жизнями в починках мокрой электрической рухляди... И не местное начальство, которое хоть и призывало нас держать зерно в воздухе, поскольку технологически это было совершенно правильно, но делало оно это по долгу службы и жалеючи, понимая всю нереальность исполнения таких требований... Виноват был кто-то выше...

И вот однажды мы этого «Высшего» увидели... Вернее, узрели в своем вагончике самого мелкого его представителя, хотя он и строил из себя крупного областного или повыше комсомольского или иного начальства, прибывшего сюда с «инспекцией», «на ликвидацию прорыва в неблагоприятных погодных условиях» или с какой-нибудь иной идиотской целью. Увидев на току парящий хлеб, он срочно стал «принимать меры», мобилизуя на помощь находящимся на току всех на нашем стане, включая кухонников и ночную смену, уже начинавшую отходить ко сну.

Он влетел в наш вагончик, громко стыдя «прохлаждающихся, когда гибнет народное добро», и приказал немедленно отправляться на ток. Ночью работать всегда труднее, орать на нас он не имел никакого права, вид его холеного молодого лица был отвратителен и просто просил кирпича. У меня не хватило юмора воспринять его вместе с его свинячьим визгом смешным, я испытал жгучую обиду, как староста группы, как «старый целинник» и сразу вылез с резким отпором в том смысле, что мы и сами все понимаем, но держать мокрое зерно на лопатах невозможно. Можно его только портить.

Спустя тридцать с лишним лет, в 1990 году, мне с женой и младшим сыном Алешей пришлось ехать на велосипедах от Рейна до Парижа по бескрайним хлебным Вогезам в самый разгар июльской жары и видеть, как именно жатва должна была идти и в Кустанае... Нет, во Франции не было множества людей с лопатами на открытых токах, зато

мы видели редкие, но работающие даже ночью с прожекторами комбайны и шустрые грузовики, отвозящие зерно на ближайший элеватор и не куда-то за десятки километров, а в прямой видимости (с шоссе видно было сразу несколько). Именно так и должно быть: хлеб от комбайнов сразу же поступает на гарантированную очистку, сушку и хранение. И работают не добровольцы с лопатами, а воплощенный в зданиях и механизмах человеческий Разум, Капитал при минимальном и уважительном участии живого труда. У нас же в Кустанае было совсем иное -одна командная дурость и хамство. И никакого смысла, никакого коммунизма... Слава Богу, что в Европе этот смысл остался, и потому я хотя бы теоретически могу сохранять свою веру в отцовский, хороший коммунизм.

Раздел 4. Мое политическое самообразование

Теперь я вижу, что жизнь моя прошла в непрерывном споре со всё определяющими идеологами советского времени при чтении их книг и в попытках время от времени открыто оспорить их выводы. В шкоёле я свои сомнения отнес к конспекту главной сталинской книги - «Истории ВКП(б)». В годы моего студенчества всепобеждающим учением были объявлены труды Ленина, и потому я взялся за чтение собрания его сочинений. Читал, в основном, в метро и трамвае, а также между лекциями, и года за полтора одолел все 40 коричневых томов, испещрив их страницы по-ленински пометками, ибо надеялся найти в них все ответы на загадки и изъяны режима, но одновременно росло сомнение в ленинской правоте... Удивительный появляется эффект от сплошного чтения - легко усматриваются противоречия автора, смены мнений, ну и конечно, и полное несоответствие официального облика человеческого и демократичного вождя реальному проповеднику массового террора и классовой ненависти (это стало мне понятно тогда, до ознакомления с засекреченными записками времен гражданской войны).

Конечно, был поздний Ленин времен провозглашения длительного НЭПа, курса на постепенную и ненасильственную кооперацию, антисталинского завещания съезду... Как раз из этих писем Ленина конструировалась тогда демократическая альтернатива сталинизму. В конечном счете, совокупность поздних ленинских рекомендаций я тоже принял как желательную перспективу развития страны и поддерживал ее до начала перестройки (даже когда простился с марксизмом-ленинизмом).

Потом было долгое чтение множества томов сочинений Маркса-Энгельса и связанное ним расставание с марксизмом. И только в конце 70-х годов чтение самиздатской и иной литературы и конспектирование ее в книге «Советский читатель вырабатывает убеждения» позволило мне как-то

устояться в своем «буржуазно-коммунистическом» мировоззрении.

Мои живые собеседники институтской поры - философы Гудожник и Косолапов. Постепенно находились в моем окружении и доброжелательные оппоненты.

На одного из них меня вывел наш преподаватель м.л. философии или научного коммунизма (не помню точно, как тогда называлась эта часть идеологического курса) Гудожник - открытый и доброжелательный к студентам человек. Он пригласил всех желающих участвовать в своем философском кружке. Конечно, я записался одним из первых, но, к сожалению, кружок оказался недолговечным, потому что Гудожнику было интересно только обсуждение своих естественно-научных тем, острые же дискуссии как-то с ним не разгорались... Так загасла тема «Будут ли созданы машины, умнее человека?», которая именно в те годы оправдания кибернетики, снятия с нее клейма лженауки начала входить в умы молодого поколения, чтобы остаться в них информатикой навсегда. Я соединял эту тему с будущей технической базой коммунизма, когда, мол, машины возьмут на себя весь принудительный труд, а людям оставят только труд свободный и творческий. Гудожник отмахнулся от меня простым схоластичным отрицанием: «Быть умнее человека нельзя, потому что это означает стать прежде всего человеком». Довод был сильным, но он просто закрывал тему, в которой было очень много будущих проблем и направлений: «Как учить машину языку? Что такое творчество? Может ли будущее изобилие технических средств избавить людей от необходимости наемного труда и денег? Возможен ли вообще безденежный коммунизм?»

Наверняка, я задавал Гудожнику эти неинтересные ему, но тревожащие меня вопросы, и в связи с этим он дал мне на чтение брошюру своего коллеги, преподавателя кафедры философии МГУ Ричарда Ивановича Косолапова. Кажется, ее названием было «К диалектике товара при социализме», но

речь в ней шла об условности всех стоимостных показателей при социализме, особенно касающихся рабочей силы, поскольку рабочий класс официально считался хозяином соц. государства и потому не мог сам себя нанимать и оценивать. Вот именно это логическое противоречие Косолапов и предложил разрешить с помощью применения особой (условной) терминологии и тем самым подвести логическую базу под «политэкономия» социализма. Работа его была написано ясно и задиристо, так что мне сразу захотелось вступить в спор, что я и сделал в письме автору. Черновик моего письма не сохранился, зато в нашем архиве (на сайте) есть интересный ответ самого Косолапова, написанный 5.09.1961 года, буквально за месяцы до исключения меня из комсомола.

Но прежде мне хочется откликнуться на саму теорию Ричарда Ивановича, ставшего в конце своей партийной карьеры при Андропове главным редактором журнала «Коммунист», а потом при Горбачеве свидетелем полного развала всех партийных концепций, которым он отдал свою незаурядную жизнь.

На деле теорию условности всех стоимостных показателей при социализме не без успеха утверждал еще в 30-е годы известный советский политэконом академик Островитянов. Но кончилось это «схоластическое развитие» неожиданно вразумляющей беседой великого вождя и корифея всех наук с группой ученых экономистов из АН СССР.

Рассказал мне о той беседе в 70-х годах Вячеслав Александрович Бессонов, один из моих немногих жизненных стариков-учителей (вечная ему память!), пересказывая одного из участников встречи (в 1939 году В.А. был секретарем отделения экономических наук АН СССР). Разговор был краток и начался с обращения Сталина к академику Островитянову: «Так это Вы утверждаете, что при социализме закона стоимости нет?» Заробевший Островитянов засуетился: «Он действует только условно, товарищ Сталин... », но был

тут же прерван вождем: «Значит, его нет... А что же тогда по-вашему есть?» Воцарилась растерянная тишина. Конечно, Островитянов, мог бы много наговорить в споре, но не с товарищем Сталиным, явно не согласным с ним. Любое слово возражения могло бы кончиться для него самым худшим... Наверное, товарищ Сталин любил сообразительных людей, поэтому насладившись произведенным эффектом, милостиво отпустил ученых: «Хорошо, идите и думайте!»

«Идите и думайте!»- сколько раз я слышал эту вразумляющую фразу, не догадываясь, кто был ее автором и какая смертоносная сила за ней таилась... Кстати, эффект и той «беседы» был поразителен. Больше никогда ни при жизни Сталина, ни после него никто не заикался об условности экономических категорий при социализме, за исключением... Р.И. Косолапова, но думаю, и он тоже скоро отказался от своих логичных, но не жизненных построений. И в пору его редакторства в журнале «Коммунист» экономическим отделом заведовал не какой-нибудь доктринерский поборник условности экономических категорий при социализме, а трезвый автор будущей либеральной реформы социализма (или реставрации капитализма) в России Е. Т. Гайдар.

В том «споре» Сталин был прав на самом глубинном уровне, благодаря своей зверской интуиции. Во-первых, с точки зрения практики нельзя было давать волю ученым догматикам вмешиваться своими условными обозначениями в живую практику и тем «губить дело». И действительно, если ничего кроме закона стоимости (т.е. эквивалентного обмена товарами по стоимости) нет, то как можно путать всеобщий экономический учет какими-то условными показателями для так называемой социалистической части экономики? Во-вторых, Сталин был прав и с точки зрения своей идеологии, которой противоречивость, вопреки мнениям ученых, вовсе не вредила, а лишь ее укрепляла. Еще со времен св.Тертуллиана христианская Церковь (а Сталин в молодости, как известно, был прилежным семинаристом), знала, что «верую, потому что абсурдно», и мировой верой христианство стало лишь

тогда, когда христиане перестали спорить о двойной природе Христа, а приняли абсурдное совмещение в нем обычного человека и Бога одновременно. Аналогичным образом и Сталин утвердил, что советская экономика является одновременно и социалистической, т.е. плановой, и стоимостной, т.е. регулируется рыночным законом обмена товаров по стоимости. Идеологии такая абсурдность только помогала. И, наконец, в самом последнем смысле, о котором сам Сталин и не хотел догадываться, он был прав по существу. Действительно, поскольку кроме закона стоимости, т.е. рыночного регулятора, в экономике ничего нет, то, в конце концов, это стало общепризнанным. Точку в пользу сталинского ответа в беседе с Островитяновым поставил Е.Гайдар, когда отмел все социалистические условности, оставив для учета товаров в стране один рынок

Начетнический спор. Но вернемся к его будущему начальнику Р.И. Косолапову, когда тот еще молодой преподаватель философии МГУ беседует со студентом Бауманки. Передо мной лежит его развернутый ответ, помеченный сентябрем 1961 года. Он начинается откровенной радостью по поводу моего «живого интереса к вопросам теории научного коммунизма», а заканчивается дружественным «С приветом!», в котором мне чудится отзвук вычитанной у Ленина («С коммунистическим приветом!») романтики революционной веры в идеалы и братство, искренность и смелость. Он был уже новым человеком, способным разговаривать, а не формулировать, но был таким, наверное, недолго. Может, краткое знакомство со мной направило его к осторожности. В моей же жизни Ричард Косолапов остался единственным значительным партийным идеологом, который вел со мной заинтересованный спор, но было это лишь однажды.

Ядром спора оказалась дискуссия о госкапитализме, как о сути существующего в СССР строя. Догадка эта лежала на поверхности Умозаключение: «Если на Западе всем

владеют и распоряжаются капиталисты, а у нас - госчиновники, то у них - капитализм частный, а у нас - государственный, вот и вся разница!» сидело в голове почти каждого думающего человека. Но говорить так открыто было нельзя, потому что из такой догадки следовал автоматически убийственный вывод: если наш строй на деле госкапитализм, то с ним советские люди должны бороться еще сильнее, чем в революцию 1917 года с частным капитализмом, что равносильно призыву к свержению советской власти. Как раз из-за опасности такого вывода и выдвинул Косолапов свою теорию условности стоимостных категорий при нашем социализме.

Я же стал ее оспаривать еще более начетническим образом: ссылаясь на вычитанные у Ленина слова о том, что капитализм рождает госкапитализм, а тот становится социализмом, как только власть переходит к народу. Чуть позже я стал ссылаться еще на одну ленинскую формулу: «Социализм есть ни что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией». Я ее толковал как абсолютное с точки зрения ленинского учения доказательство того, что наш строй является госкапитализмом, раз народ не чувствует его своим, обращенным в свою пользу, раз он нанимается к нему на работу и т.д.

Конечно, никаким доказательством эта фраза служить не может, потому что она изначально порочна, внутренне противоречива и не утверждает ничего, кроме банального: социализм служит народу, а госкапитализм - нет, хотя по всему остальному своему содержанию эти понятия идентичны. На это мне и указал в своем ответе Косолапов: «Анализ надо начинать с факта неразрывного соединения рабочих с их собственностью на предприятия, как господствующего класса». Иначе, предупреждает он, можно провалиться в одну не очень приятную яму, признать возможность госкапитализма при социализме, т.е.

эксплуатации руководящего страной рабочего класса... неизвестно кем... Тот факт, что часть трудящихся не считает предприятие своим, «нанимается», работает только ради заработка - это лишь явление человеческой психологии... Говорить на почве такого недоразумения о госкапитализме у нас, значит, заниматься не наукой об объективных законах общественного развития, а схоластическим анализом индивидуальных настроений. «Вы спутали разные вещи - чувства и мысли с экономическим базисом, потому и пришли к ошибочному выводу».

Да, убедительно писал Ричард Иванович и с искренним чувством добра к заблуждающемуся молодому товарищу, но помочь, исправить и спасти его от уже совсем близкой катастрофы не смог, хотя и имел дело в моем лице тоже с доктринером-схоластом, сыплющим цитатами. Думаю, у нас просто оказались разными основания личной веры - мы по-разному верили в социализм-коммунизм. Для Р.И. социализмом была окружающая его действительность, которая, если верить Гегелю, разумная просто потому, что именно она действительна, а для меня в согласии со старокommунистическими книжками социализм был только начальной ступенью светлого будущего, но я нутром и глазами чуял и видел, что ничего хорошего для трудящихся в советском строе нет, поэтому он есть плохой госкапитализм.

Той же осенью я встречался с Ричардом Ивановичем прямо на факультете МГУ в какой-то пустой комнате. Он был светел и разговорчив. Проходивший в те дни XXII съезд партии, принявший решения о выносе тела Сталина из Мавзолея и о Программе построения коммунизма к 1980 году, им оценивались, как замечательные события мировой истории. На мое о чем-то скептическое замечание он горячо возразил, что в ЦК и Секретариат приходят замечательные прогрессивные деятели, такие как Юрий Андропов (с той беседы я запомнил эту неизвестную раньше фамилию с манящим определением «прогрессивный»), которые скоро осуществят чудесные преобразования. Его сияние контрастировало с моей

хмуростью, потому что вместо согласия с его критикой своих заблуждений я в них упорствовал, может, даже принеся на ознакомление экземпляр своей критики новой Программы КПСС. Честно говоря, в те дни я на самом деле уже не хотел споров, не верил, что меня кто-то переубедит и просто хотел публичного обсуждения. И мне даже не хотелось ввязываться в тревожную ситуацию сгущающегося риска симпатичного мне Ричарда Ивановича. Сейчас я даже не помню, передал ли ему что-то в ходе встречи...

Уже значительно позже, после катастрофы исключения и поиска опоры, я все же писал письмо к Косолапову с сообщением о своем осуждении и частичном покаянии. Наверное, в нем было и косвенное извинение за возможные тревоги, а может, и неявная просьба о заступничестве - не помню. На его ответ я не рассчитывал, в жизни мы больше никогда не пересекались, осталось только с благодарностью вспоминать первого умного и благожелательного коммунистического оппонента.

Раздел 5. Алик Ш. - мой комсомольский покровитель

Мой рассказ об Алике Ш. отличается тем, что в нём не только факты, но и - существенной частью - мои нынешние догадки, выстроенные мной в некую версию, которая вполне может быть неверной. Впрочем, эту версию я уже начал высказывать, когда предположил, что поданные мною осенью бурного 1956 года «вредные» вопросы были переданы лектором «куда надо», где тот, «кому надо», решил, что глупо ему гоняться за студенческими вопросами, и отдал «дело» под надзор факультетского комсомола.

Именно в это время куратором нашего курса стал член факультетского бюро ВЛКСМ, студент соседней специальности, третьекурсник, Алик - крупный, спокойный, даже флегматичный. У него были самые рутинные обязанности надзора за проведением комсомольских собраний, выборов, политинформаций, разрешением мелких конфликтов и т.д. Хотя я был только старостой группы и никак себя не проявлял, но в редких встречах постоянно ощущал его ненавязчивый интерес и доброжелательность. Контакты с Аликом участились и стали превращаться почти в приятельство на второй целине. Работа молодежи на целине считалась комсомольской задачей в масштабе страны, и потому организация жизни студенческих отрядов из сотен и тысяч студентов оказалась на плечах не только местных властей, но и студенческих комсомольских руководителей. Алик тогда уже дорос до должности факультетского секретаря и потому в зоне его вполне взрослой ответственности оказалась работа и жизнь около четырех сотен студентов.

Естественно, он часто появлялся на полевом стане и обычно разыскивал меня в каком-то из закоулков зернового тока. Я не стеснялся всерьез прокламировать свою приверженность к коммунистическому труду, доказывая это просто тяжелой работой (подобно Коняге на оруэловском «Скотном хуторе»), и он проникся ко мне симпатией не только

как к примеру «хорошего комсомольца», но и просто как к человеку. Кстати, разговоры наши были крайне незатейливы - о местных глупостях и неурядицах, но без всяких выходов на «теорию» или тем более на «антипартийные вылазки»... А ведь именно во вторую «целину» меня настигло сильное разочарование - не в сути коммунистического труда, а в фразеологии по его поводу. В разговорах с Аликом все такие темы сразу переводились на необходимость их разрешения в ходе конструктивной работы, которая как раз ему удавалась, что и убеждало, вызывало доверие и желание терпеть свои неудачи, чтобы добиваться реального результата. Если бы я изначально не был так захвачен идеологическими спорами и обладал какими-то организаторскими талантами, возможно, и стал бы членом его будущей команды, и веру в коммунизм или демократию постепенно вытеснила и заменила бы личная вера в своего руководителя.

Думаю, что из таких людей, как Алик, и вырастали положительные партийные кадры типа Горбачева (впрочем, самому Алику выпала иная судьба).

После «целинной эпопеи» наше короткое приятельство совсем заглохло из-за моей полной бесперспективности в карьерном смысле. Один раз он затащил меня на какой-то комсомольский актив, где дал слово, как активному и неравнодушному комсомольцу, целиннику, доказывающему делом свои взгляды о коммунистическом отношении к труду. Соглашаясь выступить, я, казалось, знал, что хочу сказать, но, очутившись на трибуне, буквально не мог выдать ни слова, ибо все мысли смешались в невообразимый хаос... Покраснев от натуги, я несколько минут только мычал, не в силах произнести хотя бы фразу, пока Алик не посадил меня на место со словами: «Неожиданный урок мы сейчас получили. Мало быть хорошим студентом и комсомольцем, надо еще учиться искусству выступлений».

Этим искусством я не овладел в течение всей жизни, но подобного позорища у меня больше не было. В ответственных случаях и сейчас я пишу текст полностью,

потом стараюсь разбить его на смысловые блоки и запомнить. Бывает, что текст читаешь, но иногда начинаешь «нести по памяти»- и тогда получается неплохо. Так что, тот урок Алика пошёл мне впрок.

Был еще эпизод, скорее, знак признания. На факультетском собрании в конце третьего курса торжественно зачитали Указ Президиума ВСССР о моем награждении медалью «За освоение целинных и залежных земель». Она была единственной на курсе и досталась вне разрядок самому некарьерному студенту факультета, вызвав тем

самым искреннее ликование группы... Мне же было совсем нетрудно сообразить, кому я обязан своей единственной за жизнь правительственной наградой (у отца-фронтовика их было на порядок больше, и были они несомненно заслуженными, но звал он их пренебрежительно «цацками», что не мешало мне чтить и его, и его награды).

На удостоверении моей медали стоит подпись какого-то зам.председателя райисполкома в Кустанайской области, но я знаю, что реально ее обеспечил и выдал Алик, мой явный покровитель а, может, даже негласный куратор. Ни разу в жизни я не носил этой «цацки», но ни один из судов не захотел ее отнять. До сих пор мне дорога в ней память о целине, о своей молодой восторженности. В ней живет память и об аликовой молодой вере в какой-то наш общий коммунизм. Мне-то кажется, что той верой и поисками я и был ему интересен тогда.

.

Раздел 6. Моё увлечение маоизмом (китайским коммунизмом)

Интерес и приязнь к Китаю я испытывал всю жизнь, но до 2009г. лишь приближался к нему - в хабаровской шашке

и в походах по Алтаю и Бурятии

Впрочем, целый год (4-й курс) я тщеславился и носил сразу три значка: старый символ комсомола в виде трех букв КИМ (Коммунистический Интернационал Молодежи), маленькую планку целинной медали и значок Мао Цзэ-дуна, подаренный мне китайским студентом. На это время приходится пик моей коммунистической эйфории, вызванной, главным образом, рассказами китайцев.

В нашем училище училось довольно много китайцев и вьетнамцев. Держались они наособицу от нас, но подчеркнута дружелюбно. Китайцы отличались трудолюбием, дисциплинированностью и приветливостью. Иногда они

казались запрограммированными своими парткомами (в отличие от более раскованных вьетнамцев) и потому вызывали у наших студентов естественное чувство недоверия. Сам Китай считался младшим (несмотря на величину) и отсталым братом, которому надо помогать в ответ на его послушание. Все оригинальные известия из него воспринимались как чудачества или дикость типа уничтожения по всей стране ворующих зерно воробьев или обязательный физический труд всех руководителей и т.п. Правда, начиная с XX съезда КПСС, китайцы стали выражать раз за разом свои особые мнения, но в нашей прессе их старались сглаживать... Конечно, такие тезисы Мао, как «Ветер с востока довлеет над ветром с Запада» или «Атомная бомба - бумажный тигр» до нас доносились, но не провоцирующим войну смыслом, а неким всемирным оптимизмом.

Про Китай я знал, что это особая страна, в которой в отличие от наших соседей по соцлагерю произошла самостоятельная гигантская революция со своей незаемной мыслью, и что мир будет иметь живым не сталинизм, а маоизм. Потому после окончания томов Ленина я взялся за чтение четырехтомника Мао, но почерпнул в них немногое...

Знаменитая фраза Мао: «Винтовка рождает власть» при всей ее террористской хлесткости меня не привлекла, а скорее отвратила, хотя я и не мог не признавать ее правды. А вот выработанный Мао в 30-х годах курс завоевания пролетарской власти «из деревни в город» меня восхитил своей недогматичностью. В остатке у меня создалось от Мао ощущение его полной свободы от марксистских догматов и знаменитая формула «линия масс», которую он вмнял своей партии как главное руководство: во всем сливаться с волей масс и следовать ей. Получалось, что совершенно недемократической организации - Китайской компартии вмнялась обязанность не за страх, а за совесть выполнять демократические задачи. Как возможна такая нелепость? И, тем не менее, почти полвека мы наблюдали за довольно

успешным воплощением в Китае этой самой маоистской «линии масс» вместе с привычным для правящих компартий набором антидемократических практик...

Китайская весть о наступившем коммунизме.

Не помню, как появились в моей студенческой группе китайские аспиранты... Кажется, я их увидел на каком-то активе, загорелся и пригласил сделать более подробный рассказ в моей группе. Как старосте, мне не трудно было найти подходящее окно в занятиях и аудиторию. То, что рассказывали воодушевленные китайцы, превосходило всякое воображение...

По их словам, в Китайской Народной Республике происходит Большой скачок непрерывных коммунистических преобразований, побивших все нормы и прогнозы. Это чудо совершает разбуженное творчество широких масс. Да, в последние годы все более высокими темпами развивалось кооперативное движение и механизация тяжелого сельского труда. Но даже такие темпы не удовлетворяли освобожденных людей. И вот в одной из провинций крестьяне выступили с инициативой преобразования своих небольших кооперативов в более широкие и мощные народные коммуны и добились больших успехов. Их опыт был внимательно изучен ЦК партии, который и призвал всю страну к изучению и использованию его. С тех пор коммунистическое движение буквально разливается по стране, идет от успеха к успеху. В их основе - свободная инициатива людей, наконец-то поверивших в свою способность осуществления самых смелых мечтаний.

Я передаю сейчас содержание этой китайской сказочной «были», наверняка, переставляя акценты в силу своего тогдашнего понимания. Но курс на линию масс для КПК был определен очень давно, а после XX съезда КПСС Мао прокламировал еще и курс на свободу инакомыслия во

всех его мыслимых формах в знаменитой фразе: «Пусть расцветают сто цветов, пусть спорят сто ученых». Во время фронтального наступления народных коммун этот курс преобразился в призыв к простым людям самим писать и вывешивать для всеобщего обозрения свои письма и предложения, расценивая их, как кладезь мнений и опыта масс. Правда, КПК никогда не скрывала, что провозглашаемая свобода «100 цветов» не безгранична и что у нее есть простой подтекст: «дурную траву с поля вон», причем определять, что является дурной травой, а что нет, следовало делать, естественно, тоже ссылкой на мнение масс. Внешне при этом концепция свободы выстраивалась вполне «народно», хотя сейчас понятно, что есть различия между английскими строго ограниченными запретами свободы слова на брань или оскорбление королевы и китайской ссылкой в запрете на крайне неопределенное «мнение масс» - («дьявол скрывается в деталях»). Но в то время мне было не до деталей, я просто верил в полководье китайского коммунизма, свобода которого была главным условием и доказательством его возможности.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Китайцы в своих рассказах напирали на материальные результаты. Прежде всего в народных коммунах резко выросла производительность труда - не только за счет интенсификации труда на полях и передовых агротехнических приемов, но еще больше за счет неожиданного новаторства. Так, справившись в предыдущие годы с разрушительными наводнениями великих рек, этими вечными проблемами Китая, наладив правильное и надежное орошение, массы взялись за интенсификацию земель путем их глубокой вспашки и переустройства, так что плодородие почв стало повышаться во многие разы, что приводит к росту урожайности буквально в десятки и сотни раз, и колосья стоят на полях столь плотно, что по ним могут ходить сверху люди и не проваливаться... .

Последнее сообщение китайского информатора, неоднократно повторяемое, вызвало, естественно, гул и крайне веселую реакцию слушателей, которая потом уже не унималась до конца встречи... За перечислением примеров побед в сельском труде, шли сообщения, что в народных коммунах практикуется все предсказанные еще Марксом-Энгельсом черты коммунизма: соединение сельского труда с промышленным, умственного (главным образом, учебного) труда с физическим, всеобщее вооружение народа (военные учения и полевые работы одновременно), самодельные автомобили в каждом селении, домны на каждом дворе, чтобы выплавить стали больше, чем в Англии, бесплатные детские садики, больницы и бесплатность всеобъемлющих фондов потребления и иных коммунистических форм общежития (правда, про отмену денег, зарплаты и обобществление семей не сообщалось). Все это воспринималось весело, чуть ли не со смехом - всеми, кроме меня.

Наверное, только я воспринял результат той встречи как провальный: ведь почти никто не поверил всемирному, нет, пока всекитайскому наступлению коммунизма прямо на наших глазах. Я и сам с трудом верил, вспоминая и уроки нашей собственной поголовной коллективизации, оказавшейся «головокружением от успехов», и силу пропагандистских накачек из китайского посольства. (Кстати, Лиля в это время жила в общежитии с двумя китайками и восторженных рассказов от них не слышала.)

И потому я просил от китайских политинформаторов пояснений-доказательств. И поехал за ними. В какой-то библиотеке от посольства Китая мне дали читать разные буклеты и сообщения на русском языке о великой революции Большого Скачка. Из них складывалась похожая на рассказанное, но более реалистичная картина. Так, о загущенных посевах зерна сообщалось, что делается это на опытных участках, что повышение урожайности очень значительное, но не фантастическое, тем более, что не решены до конца проблемы со снабжением растений воздухом у почвы. Конечно, никто не ставил задачи ходить поверх пшеницы, но устойчивость стеблей от полегания при загущенном посеве вроде бы повышалась.

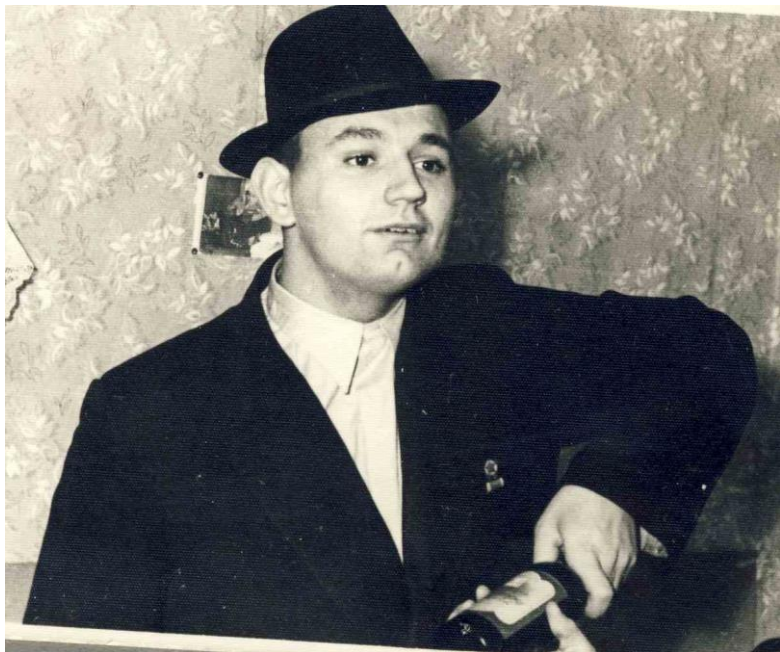
Китайский эксперимент с загущенной пшеницей вскоре был забыт, как были забыты попытки ак. Т.Лысенко вывести ветвистую чудо-пшеницу. А чудо-хлеб без всякой пропаганды подарил человечеству американский селекционер, выведя низкорослую скороспелую пшеницу, урожайность и устойчивость которой в сравнении с прежними сортами выросла сразу в несколько раз. Именно американская зерновая революция, а не коммуны спасли от голода миллионы людей в третьем мире.

Примерно столь же опороченными оказались известия о других достижениях китайских коммунаров. Так, домашние домны были способны выдавать только некачественный металл (годный лишь на переплав), автомобили-самоделки были похожи больше на экспонаты и т.д.

После такого разбирательства мне следовало бы признать свою неправоту перед сокурсниками, с самого начала со смехом встретивших китайские сообщения. Но не тут-то было, я был слишком верующим в коммунизм и потому пришел совсем к другому выводу, а именно: движение за коммунистический труд в Китае было не пропагандой, а искренним и массовым, но при этом сопровождалось массой заблуждений, поползновений выдать желаемое за действительное...

Очень интересным для меня оказалось чтение Постановления ЦК КПК о развитии опыта создания народных коммун, серьезного документа, описывающего динамику «преобразований» по провинциям, но завершающегося вдруг совсем фантастической уверенностью, что поскольку народное движение за освоение китайских целинных земель и общий рост урожайности, видимо, скоро приведут к переизбытку продуктов питания, следует предусмотреть высвобождение части пахотных земель для организации массовых цветочных насаждений, что станет основой для эстетического воспитания масс при коммунизме. Должен напомнить, что этот руководящий документ написан в 1959 году в извечно голодном Китае, каковым он оставался еще лет 20 вплоть до правления Дэн Сяо Пина). Писали эту фантастику не крестьяне-энтузиасты, а партспецы, но и они были заморожены сводками о «коммунистических победах» и потому решали, что раз зерна будет завалиться, пора заваливать страну цветами и «делать сказку былью»... Действительно, головокружение от успехов...

Но повторяю, «разоблачения» не отвратили, а лишь укрепили мою «китаефилию». Ведь я убедился в главном:

движение к коммунизму в Китае было искренним и массовым, о его свободном и народном характере свидетельствовали «линия масс», свобода «ста цветов» и «дацзыбао». Отдельные же «перегибы» и фантазии были лишь естественными ошибками и трудностями роста, которые не могли зачеркнуть главное: огромную пользу от пробудившейся инициативы радостно работающих миллионов. И потому делал я вывод, нам нужно изучать и следовать опыту китайцев, реально строящих коммунизм - иначе, какие же мы комсомольцы? И потому значок Мао очень естественно дополнил КИМ-овский знак на груди упрямого целинника- коммунара.

Что случилось с моим китаефильством потом?

Маоистом я был недолго - лишь до XXII съезда партии, на котором было объявлено о серьезных разногласиях между КПК и КПСС, причем КПК защищала просталинскую албанскую партию Труда и сдержанно попрекала КПСС в ревизионизме-либерализме.

Я же мог упрекать нашу партию совсем в ином: в несвободе и догматизме. Встать на сторону китайцев в таком споре я не мог. Тем более что к тому времени издержки коммунизации китайских крестьян стали более известными в мире. И, наконец, стало известно ранее скрываемое предложение Мао к Хрущеву «не бояться атомной войны с американским империализмом» или так: «даже если погибнут 300-500 миллионов людей - не страшно, зато капитализм перестанет существовать», что для меня лично сделало какие-либо симпатии к Мао просто невозможными.

Помнится очень короткий разговор с Аликом в бурном для меня 1961 году. Он уже кончил МВТУ и работал, кажется, инструктором ЦК ВЛКСМ. Из разговора я помню только его тревогу от сложности отношений с китайцами, от их территориальных претензий и возможности войны, Это было немислимо, но представлять приходилось, что от маоизма излечило радикально. У меня не было никогда разговоров с Аликом с критикой КПСС, но запомнилась его доверительная и государственная одновременно интонация в таких словах: «Ну, ты представляешь, что дело идет к войне за Дальний Восток? Не исключая атомного оружия?» В нем был уже виден государственный деятель, готовый принять на себя груз озабоченности не по поводу идеологических споров о «коммунизме», а за существование миллионов...

Так быстро росли наши люди, почти мои сверстники, в годы Хрущева. Предшественник Алика на должности

секретаря училищного комитета Борис Пастухов стал секретарем комсомола Москвы, а потом дослужился до заместителя Министра иностранных дел. Другой комсомольский деятель с младшего курса нашего факультета Алексей Древаль нагло заявлял, что он и его друзьями после вуза рано или поздно станут министрами - дорогу молодняку! И конечно, с точки зрения деловых молодых «комсомольцев», я был просто идейным олухом.

Что касается Китая, то я уже никогда не носил значок Мао, хотя никогда и не стыдился своего увлечения китайским строительством народных коммун. Во мне навсегда остался интерес к Китаю, как к своей собственной стране, переживания за проходимые в нем катастрофы типа «великой культурной революции», устроенной Мао в конце своей революционной жизни, которую я, конечно, осуждал, или побоище студентов на площади Тяньамынь в 1990г., устроенное Дэн Сяо Пингом, которое я все же принял, вопреки своим либеральным инстинктам.

И сегодня, несмотря на старость, во мне продолжает жить удивление перед Китаем, которое родилось в 50-е годы расцвета «ста цветов» и массового строительства «народных коммун». Мне, нынешнему крайнему либералу и стороннику возвращения России к европейским корням, до сих пор кажется чудом, что именно на крайнем Востоке Евразии при крайне коммунистическом режиме бурно развивается экономически свободное и в целом «народовластное» сообщество многих сотен миллионов людей (десяток России).

Моё чувство сродни удивлению молодых коммунистов позапрошлого века Маркса и Энгельса, отзывавшихся на рассказы европейских путешественников про коммунистические порядки в повстанческом государстве тайпинов в Среднем Китае в пору безумных опиумных войн, когда Британия с помощью подкупленных имперских чиновников силой навязывала китайцам свое право свободной наркоторговли. Европейцы с удивлением видели, что полудикие, по их мнению, повстанцы на Дальнем Востоке

провозглашают самые рафинированные лозунги Французской революции о свободе, равенстве и братстве, до осуществления которых и Европе еще было очень далеко.

Еще более проницательную догадку о смысле народных революций на Востоке, возглавляемых искренними социалистами, такими как Сунь Ят-сен в Китае или лидеры революции в Турции и Иране, высказал перед первой мировой войной Ленин. По его мнению, их «социализм» позволяет в наиболее радикальной форме выразить и провести насущные буржуазно-демократические и антиимпериалистические преобразования народной жизни. На ленинской догадке была основана последующая политика Коминтерна о союзе коммунистического и антиимпериалистического народного движений. В её свете не только нынешнее развитие Китая, но и развитие иных стран, не исключая Россию, можно объяснить логикой глубинных буржуазно-коммунистических преобразований традиционных обществ на пути к открытому рыночному обществу.

Нет, я не стыжусь своей многолетней приязни к Китаю, который в веках всегда был и оставался с одной стороны антиподом Европы, а с другой стороны - необходимой частью мирового сообщества.

Раздел 7. Обычная студенческая жизнь

Конечно, интерес к коммунизму-будущему, к инакомыслию совсем не был единственным содержанием моих студенческих лет. Слава Богу, они были заполнена до краев не только лекциями и занятиями, но и обычными событиями растущего человека, о которых я просто не умею

интересно рассказывать (хотя бы в сопоставлении со своими однокурсниками).

Лия:

Потребность в положительной работе привела Витю в СНТО

(студенческое научно-техническое общество) сперва на своей кафедре СП, а затем дополнительно ещё и на кафедре организации производства (от последней он ездил в

большую командировку на предприятия Таганрога, Краматорска, Сум). Из него в конце учёбы вышел неплохой инженер, в любом случае, лучший, чем из меня: его чуткие руки и сейчас находят довольно быстро поломки в механизмах (только в швейную машину он зарёкся залезать), его логичный ум чаще всего составлял правильные технологии изготовления или починки. Я до сих пор вспоминаю как чудо, что Витя уже в Италии 2000 года восстановил с помощью простейшего ремнабора свой велосипед, переднее колесо которого оказалось "свёрнутым в бараний рог", когда он налетел с

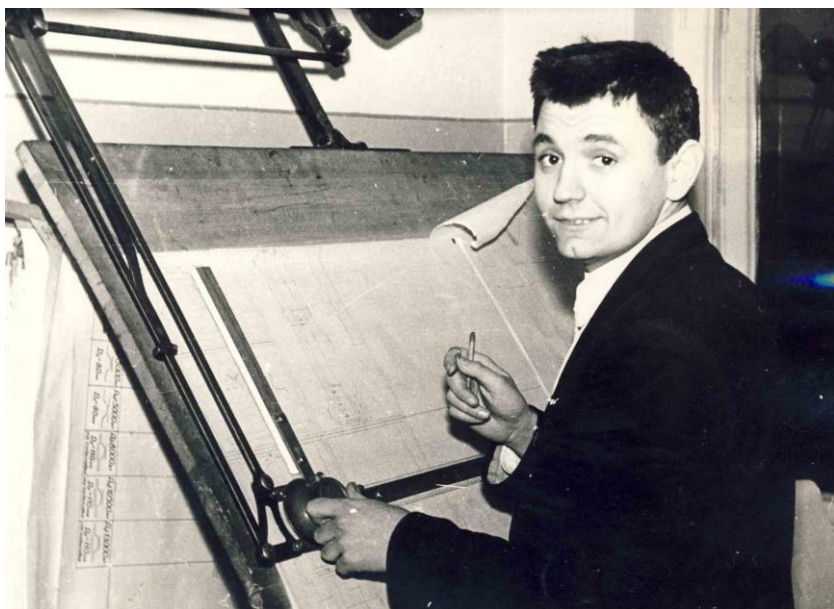
*крутого моста на дорожный бордюр (отказал единственный
ножной тормоз).*

Мы выросли, переходя на старшие курсы. Теперь наши летние каникулы были заполнены заводскими практиками, маскируемые все же каким-то заводским обучением, военными сборами

или даже платными работами по НИРу, где мы начинали полезно работать, готовясь к предстоящей после

вуза инженерной жизни, в которой приобретенные навыки оказались очень полезными.

Мы продолжали вместе радоваться и дружескому застолью и тихому летнему отдыху на практике.

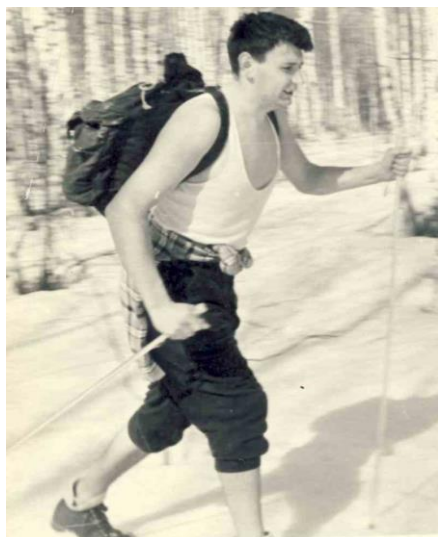

И, конечно, были в нашей жизни молодежные пирушки, «случались» свадьбы ,

были общие поездки и походы

и неожиданные припадки влюбленности, которые теперь-то объяснимы обычным приливом адреналина и игрою амурных сил и стрел, а тогда казались совершенно непонятными бросаниями тебя от признания безусловного

видения человека «твоим всем» - до вдруг неожиданного отторжения от него, непонятно, почему...

В древней восточной поэзии такие состояния молодых людей так и назывались почти медицински «безумствами влюбленных Лейли и Мейджнуна». Наверное, для скоро наступающей семейной жизни эти события привыкания и притирания друг к другу гораздо более важны, чем чтения каких-либо книжек.

Мы с Лилей 5 лет учились на одном факультете и не раз встречались в аудиториях и институтском общежитии, имели много общих знакомых, но не интересовались, не видели друг друга вплоть до последнего драматического для меня года, а вот оказались, так сродственны друг другу. И только в Коломне при начале общей работы и жизни, с создания нашей семьи мы стали немного делиться личными переживаниями из прежних времен, да и то, очень мало, может потому, что переживать настоящее казалось гораздо важнее. А кроме того мы были детьми одного слоя и одного временного поколения...

Звучит неправдоподобно, но советский студент нашего времени, получающий стипендию, не имел острой нужды в собственном заработке, потому что высшее образование и общежитие были для него практически бесплатными, и обычная скудная студенческая стипендия (около четверти размера пенсии по старости) позволяла сводить концы с концами при небольшой родительской помощи в питании, даже иногородним, как, например, Лиле. Студенческие подработки (разгрузка вагонов и т.д.) были редки и даже оплачиваемые работы по СНТО были не столько средством заработка, сколько путем вхождения в тогдашнюю науку кому это было интересно, и даже расширения географического кругозора. Так, мои командировки в Таганрог и Сумы в 1961 году позволили не только увидеть эти южные города, но и оторваться в самостоятельную поездку по Азовскому и Черному морям, от Жданова в Керчь и Анапу, где квартировала моя тетья с семьей, а дальше уже автобусами и

электричками через Новороссийск, Кабардинку, Туапсе, Сочи в Гагры, где в родительском доме моего одноклассника Заура Агрба отдыхали у моря мои родители. Это неожиданное для самого себя путешествие по южным морям и Кавказу (ибо я участвовал с ними в автомобильной экскурсии на бывшую сталинскую дачу на озере Рица и впервые в жизни увидел над собой замечательные горы) до сих пор ощущается мною, как неожиданная сказка, что в реальности такой фантастикой и было. Сейчас я могу добавить, что эта сказка в походах в последующей жизни с нами, с Лилей и детьми, повторялась(д/ф. «Понт эвксинский" ч.1,2). Повторились не раз во взрослой жизни и соединения рабочих командировок (в Саратов, Самару, Уфу, Одессу, Ленинград) с познавательным туризмом.

Примерно тоже самое происходило и с моими сокурсниками, включая Лилю. В лето после первого курса на каникулы в родной Сталинград она отправилась допотопным пассажирским пароходом по Волге - неудобно, долго, но дешево и познавательно, а после целинного лета старалась не пропускать летние альпинистские и зимние горнолыжные смены на Кавказе, так что интерес к горам и лыжным походам (в Карпаты и Карелии), а также свою схоженную туристскую компанию в наш союз принесла Лиля, естественно, найдя во мне верного попутчика. Так что в этом смысле у нас по жизни все получилось хорошо, как было заложено еще в студенческие годы.

Раздел 8. Бунт старосты - против студентов и деканата

Летняя трудовая коммуна на стройке общежития после

3 курса проявила полную профанацию «коммунистического труда», развеяв остатки иллюзий. Правда, много позже, работая в шабашных строительных бригадах, я опять посмел надеяться на рост коммунизма снизу через свободный труд потребность участвовать в выращивании свобод и коммунизма у меня, студента, осталась и была реализована неожиданно в сфере так называемой борьбы с формализмом и за коммунистическое отношение к учебе. Сигнал к очередной для меня кампании

прозвучал со страниц училищной многотиражки «Бауманец», в которой был опубликован крамольный тезис о том, что в целях борьбы за большую содержательность и качество лекций и занятий в некоторых вузах студенты переходят на

свободный график их посещения, тем самым как бы голосуя ногами за их качество и давая деканатам и кафедрам объективный критерий оценки профессионализма и качества преподавательского труда. Обязательные работы, зачеты и экзамены остаются обязательными для всех студентов, нерадивые с ними просто не справляются.

Мысли эти были вполне здравые и осуществимые (например, в западных университетах), но советской системе высшего образования, в основе именно формальной и несвободной, они были противопоказаны. Видимо, в газете «Бауманец» они появились по недосмотру главного редактора и не имели развития, потому и мои предложения развить их в ряде публикаций, тихо игнорировались. Понял это я не сразу, и за время своего непонимания вступил в прямой конфликт с группой, оказавшись целиком и откровенно неправым.

Дело в том, что я добивался от группы коллективного обращения в деканат со ссылкой на газету и с просьбой разрешить нам свободное посещение лекций и части семинаров, ради улучшения качества и содержательности учебы. Поддержки такой от группы не было. И понятно почему - «вопрос не был проработан и согласован с деканатом», а если ставить деканат в неудобное положение своими публичными требованиями, то надо будет ожидать от деканата и преподавателей «адекватных мер»: усиления контроля посещаемости занятий, ужесточения выдачи стипендий и т.п. Группе совсем не хотелось конфронтации, ее вполне устраивало сложившееся положение вещей, когда при официальном строгом контроле примерно половина или треть лекций не посещалась, т.е. когда свобода посещений существовала фактически (теневым образом), а не юридически. Устраивало такое положение и преподавателей. Не устраивало оно только меня, да и то по каким-то «уродским» идеальным мотивам, примерно таким: «Раз мы комсомольцы, то должны бороться за правду и свободу!»

Получив отказ, я заупрямился всерьез: «Тогда снимайте меня с должности старосты» или я стану отмечать в

журнале не фальсифицированные, как обычно, сведения, а все

непосещения!» Группа над моим ультиматумом сначала посмеялась, но когда я стал исполнять свою угрозу всерьез, забеспокоилась. Дело в том, что негласной обязанностью старосты было ведение журнала посещаемости в приличном виде, т.е. в нем должно быть отмечено отсутствие больных студентов, которые после выздоровления могли принести больничные листы и тем самым оправдать свое отсутствие, а остальные студенты должны быть отмечены присутствующими. Деканат прекрасно знал о «выводилке», но реально закрывал на нее глаза, лишь иногда устраивая по своему выбору якобы проверки и разносы, как «виновным» старостам, так и отсутствующим студентам. В общем была обычная фальшивая система социалистической дутой отчетности и приписок, согласно которой легко было манипулировать кем и как угодно... И вот я отказался играть в

принятые игры, ежечасно отмечая, что треть-половина группы на занятиях отсутствует.

Регулярные прогулы должны были привести к строжайшим выводам со стороны деканата: лишению стипендий, отчислению и т.п. Группа не в шутку встревожилась и пыталась снять меня со старост своим решением о недоверии, но назначать старосту полагалось декану, а он такой ситуаций был поставлен в тупик. Снять старосту за то, что он честно сигнализирует о всех студенческих прогулах, означало сдать перед студенческой вольницей - этого деканат сделать не мог. А заводить драконовские меры и кары против обычной нормальной группы он также не мог. Поэтому деканат принял обычное советское «соломоново решение» - не замечать происходящего. Со старост меня так и не сняли, хотя я регулярно подтверждал в журнале, что группа в половине случаев на занятия не является, а деканатские в мой журнал перестали заглядывать принципиально, тем самым де-факто введя для моей группы свободный режим посещений занятий - но без всяких последствий из этого факта и для преподавателей, и для студентов.

Уверен, что известный своей жесткостью декан нашего факультета Зверев «рвал и метал» против бунтовщика, но был вынужден смириться с советами со стороны. Я могу только благодарить судьбу, что мой «провоцирующий честность» шаг был проигнорирован «мудрой властью», а не обернулся реальными репрессиями против слабых членов группы, как это случилось позже в Китае с хунвейбинами. Сейчас я даже не представляю, как бы я отмывал свою совесть, случись реально такое несчастье. Наверное, тогда вся моя жизнь пошла бы по-иному...

Реально для меня это было закрытием очередной комсомольской утопии, наряду с целиной, стройками коммунизма, бригадмилом и т.д.

Я между Витей Митиным и Володей Пищиком. На
верхнем фото Женя Лобусов и Володя Гольцов (2000-
ые годы)

Мне и сверстникам повезло, что наши студенческие годы прошли в послесталинской, полусвободной по-хрущевски стране, в которой уже не расстреливали за инакомыслие и не наказывали за «кухонные» разговоры и ругань в адрес Хрущева или Брежнева. Но открытые оппозиционные выступления были исключены. Мы слышали только глухие упоминание о каких-то негативных антипартийных выступлениях и неверном истолковании исторических решений XX съезда в единичных парторганизациях, которым был дан единодушный отпор... Открытые политические споры в стране были запрещены, их не было даже в частных разговорах - просто потому что еще не забылся страх недавних сталинских лет, не возникла привычка к свободным разговорам. Нам ее только предстояло вырабатывать - естественно, стихийно и прежде всего, на обсуждении новых и смелых литературных произведений. Ведь право на споры относительно не только художественной формы, но и содержания книг, их соответствия действительности (конечно, в рамках партийности) никогда не отрицалось.

.

Раздел 9. Общеучилищный диспут - первый высаженный росток гласности

Новый импульс для моей активности был получен от «Комсомольской правды», где была опубликована статья об инициативе комсомольцев какого-то института, использующих для борьбы с формализмом на собраниях методы прямой демократии, в том числе стихийное «захлопывание неугодных залу ораторов», т.е. лишение их

слова через непрекращающиеся аплодисменты. Думаю, что неслучайно эта статья была наклеена прямо на большом объявлении о проведении в Доме культуры МВТУ диспута под расхожим тогда названием: «Если тебе комсомолец имя, имя свое крепи делами своими».

Я увлекся сразу и легко убедил пойти на диспут компанию сокурсников, живших в общежитии и составивших в то время дружеский кружок на просветительской почве посещения выставок и концертов. С одной из участниц Инной Яскевич мы продлеваем дружбу до сих пор.

Оказалось, что диспут был организован под патронажем кафедры «Истории партии» в лице все того же Ю.М.Климова и по содержанию оказался довольно

бесцветным. Впрочем, обещанные свободы были обеспечены: ведущими были неизвестные мне ни тогда, ни после студенты, подтвердившие возможность захлопывания нудных ораторов, и в зале такие аплодисменты, действительно, возникали.

Но интересных выступлений (разве только несколько анекдотов) практически не было, студенческий народ просто не был к ним готов. В памяти осталось лишь чувство сожаления? что вот была возможность пользоваться свободой слова, а мы даже не попытались это сделать. Из того сожаления и родилась в нашем кружке идея самим подготовить и провести такой диспут (о желательности его продолжения говорилось в конце мероприятия).

До сих пор задаюсь вопросом: зачем органам советской печати, комсомола и партии раз за разом надо было выступать с такими провоцирующими юнцов, вроде меня, «инициативами»? Сперва я решил, что закоперщиками такого свободомыслия были писатели и журналисты, просто по роду своей профессии (как например, главный редактор «Известий» и зять Хрущева - Аджубей), но этот в общем правильный ответ не полон. Были, конечно, еще и внимательные наблюдатели из КГБ - по долгу службы... Но думаю, что закоперщиками молодого идеализма могли быть и матерые партработники, которые в душе оставались верующими коммунистами, несмотря на весь нажитый практицизм. Те же Мао или Хрущев могли делать жуткие вещи, оправдывая себя светлой целью коммунизма, созидать который будут их дети на расчищенной от язв капитализма почве. И потому им вполне могло хотеться услышать голоса поколения «строителей коммунизма», а не карьерных и равнодушных их молодых приемников. Думаю, что тоска по молодежному идеализму питала впоследствии их симпатии к дозированной свободе слетов самодетельной песни, неформальных объединений, а потом и к диссидентству, вплоть до впадения в перестройку... Аналогичные метания были, наверное, и в Китае: Мао Цзэ-дун спровоцировал «культурную революцию» и движение хунвейбинов. Может, и реформы умудренного

Дэн Сяо-пина проистекали из такой же, но более просветленной тоски...

Во всяком случае, мне, к тому времени уже пережившему в школе личный погром, а в студенческие годы подавление «демократической революции в Венгрии», было очень странно видеть организацию «свободного диспута» в МВТУ под патронажем Климова с замшелой кафедры «Истории КПСС» (кстати, он практически ничего не говорил на диспуте), но, видно, демократическая часть партии принуждает к свободе свою консервативную часть, и этим надо пользоваться.

Раздел 10. Организация «нашего диспута»

Довольно скоро стало понятно, что организация, вернее, «пробивание» второго диспута лежит целиком на мне, как на единственном, реально заинтересованном члене нашего кружка. Приступая к осуществлению нашей заявки, я думал, что предстоит большая предварительная работа по выстраиванию концепции диспута, его основных направлений, докладчиков и оппонентов, ожидал споров и согласований. Всё оказалось проще. Зал для диспута практически всегда был свободен, большое объявление согласился написать умеющий рисовать мой одноклассник, а вопрос об организации выступлений сразу был снят с обсуждения ссылкой на особо свободную форму такого диспута без ограничений. В комитете комсомола меня, правда, послали на согласование на кафедру «Истории партии», а там хмурый Климов переправил к заведующему кафедрой, недавно назначенному седовласому, но энергично выглядевшему профессору Патрикееву. Он очень любезно и одобрительно улыбался, но для нужного разговора, после которого только и должно было появиться его «добро на диспут», был вечно занят... И в этом любезном перекладывании своего решения со дня на неделю-две и тратились основное время и нервы. Правда, параллельно в нашей кампании шло вялое обсуждение предполагаемых кандидатов на яркие выступления. Организаторов первого диспута мы так и не нашли. Рвущихся выступать просто не находилось. Скоро я сам потерял к этим поискам (безуспешным в итоге) интерес, сосредоточившись на

содержании собственного выступления (я знал, что оно должно было полностью записано и просто прочитано).

Писалось мне тяжело. Жаль, что подготовленный текст исчез вместе с черновиками. Помню, что в какой-то момент у меня родилась ироничная к себе мысль, что я хлопочу о разрешении и устройстве диспута только ради того, чтобы на нем «каркнуть» собственную «речь», т.е. «возвожу сам для себя трибуну» и возвожу безнадежно, потому что дать разрешение на диспут кафедра испарта не хочет и откровенно тянет время. Однако требуемое согласие все же было получено и связано это в моей памяти с неожиданным визитом в общежитие МВТУ самого первого секретаря МК ВЛКСМ

Беседа в общежитии. Желание Бориса Пастухова поговорить с ни кому неизвестным кружком любителей выставок и концертов в студенческом общежитии было для меня совершенно неожиданным и необъяснимым чудачеством. Тем не менее, оно состоялось и было довольно простецким.

Пастухов, наверное, лишь на год старше Алика. Во второе целинное лето он командовал всем училищным комсомолом и нравился мне много меньше своего более пожилого предшественника, худого Колесникова, ходившего по эшелону не в привычной пиджачной паре с галстуком, а в гимнастерке и сапогах демобилизованного фронтовика (наверное, он имел на то право). В сравнении с этим вымирающим типом Павки Корчагина Борис Пастухов выглядел лощеным бюрократам от комсомола, но именно он сделал на наших глазах молниеносную комсомольскую карьеру и именно он теперь напросился на неформальную встречу с нами.

В комнате на три койки собралось человек семь. Разговор был светским: жизнь, учеба, развлечения... О предстоящем свободном диспуте он и не заикался, а когда мы сами о нем упомянули в числе своих планов, то лишь коротко одобрил: «Молодцы!» Разговор был не очень долгим и довольно быстро свелся к его рассказу о своих встречах со

знаменитыми тогда молодыми поэтами Евтушенко, Вознесенским, Рождественским (они еще не были обруганы Хрущевым). Пастухову нравились «эти талантливые ребята»: «Конечно, они любят пижонить, одевать клетчатые штаны... Ну и что? Зато это поэты. Маяковский в молодости тоже бузил в желтой кофте, зато потом стал главным советским поэтом... И эти наши ребята себя еще покажут... »

Пастухов в студенческом общежитии как будто продолжал спор с кем-то из своих партийных начальников, отстаивая тогдашний демагогический тезис: «Коммунизм - это молодость мира и его возводить молодым». Пройдет совсем немного времени, и после хрущевского скандала в Манеже ему придется крепко забыть свои слова про «наших ребят в пижонских кепках», вспомнив, кто «в лесу хозяин».

В тот день мы расстались довольные друг другом, хотя я, наверное, ничего не понимал и не промолвил и пары слов. Думаю, Пастухов дал за нас кому-то свое поручительство, и дело с диспутом стало крутиться живее. Через членов кружка стали появляться разные интересные люди, согласные принимать участие. Особо помнится одна молодая преподавательница, увлеченная только что победившей кубинской революцией. О Фиделе Кастро говорила она как о романтическом повстанце-«барбудос», но особо восхищалась Че Геварой, министром экономики революционного правительства, который первым из нового руководства приехал в СССР, держался необыкновенно скромно и энергично, разезжая по Москве на чем-то замызганном «Москвиче». До сих пор помнится воодушевление на ее лице, как отблеск чего-то прекрасного, в доказательство того, как нужна всем нам романтика и подлинность в ней... Хотя бы в молодости... Что касается меня, то расставаться с романтикой я стал лишь к 33 годам в Алтайских горах (д/ф "Алтайские бредни")

Второй, уже наш диспут «Если тебе комсомолец имя...» Наконец, произошла и беседа с неуловимым заведующим кафедрой Истпарта Патрикеевым, на которой было дано добро и направление на диспут от кафедры все того же Климова (подозреваю, что его специально посылали на эту экзекуцию, желая подсидеть). Была назначена дата и заказан зал, за неделю вывешены объявления с указующим красноармейским (почти хунвейбиновским) перстом: «А ТЫ ПОЙДЕШЬ НА ДИСПУТ?»

Последние дни я был как в лихорадке, которая кончилась лишь тогда, когда зал стал наполняться. Нельзя сказать, что он был набит, но был полон больше, чем наполовину и более активен, чем в прошлый раз... Всего только второй свободный диспут, и как будто на глазах просыпаются люди, как будто начинается цепная реакция душ - такое в более развернутом виде я увидел лишь в пору перестройки.

Свое выступление я специально поставил не первым. Судя по отзывам, оно и вправду оказалось центральным. Весь текст прочитать не удалось, потому что меня захлестывало и потому что говорил я горячо о своем главном: если ты комсомолец взаправду, то свободный коммунизм надо строить прямо сейчас, как это делали коммунары в гражданку, а китайские коммунары и кубинские повстанцы сейчас. Наверное, это была речь троцкиста, маоиста и парижского левака одновременно. Главное - в ней была искренность и именно это убеждало. Об этом я сужу по редким отзывам слушателей.

Один из отзывов пришел ко мне совсем недавно, спустя сорок с лишним лет, от Наны - туристской подруги со студенческих лет: «Я тебя запомнила еще с того училищного диспута, я тогда подумала: вот парень, который знает, чего хочет». Она имела в виду не карьерную деловитость, а именно симпатичную ей устремленность к идеалу (т.е. что-то обратное), догадываясь, что никакого реализма в моих тезисах

не было, но зато была искренность в отстаивании «чего-то хорошего», что и заслуживало ее внимание. В общем, волна общественного интереса от второго диспута пошла по училищу еще глубже.

После своего выступления я спустился в зал и оставался просто зрителем. Диспут шел своим чередом... После исчерпания выступающих по списку пошли выступления из зала - для меня самое интересное и радостное, потому что от них я слышал, в основном, поддержку. Один парень даже предложил на основе выступлений диспута составить записку с молодежными предложениями и подать ее на самый верх... Градус выступлений накалялся...

Действовала и объявленная вначале демократия «захлопывания». Так вынужден был уйти с трибуны истпартовец Климов. Долго сопротивлялся залу незнакомый мне партиец, но и он ушёл, что, впрочем, стало «пирровой победой», потому что вскоре президиум объявил о прекращении диспута по истечению времени, поблагодарив присутствующих и обещая «продолжать подобные инициативные мероприятия, вызывающие столь живой интерес»...

Нечего и говорить, что никогда больше такие диспуты не повторялись. О них постарались забыть навсегда. Правда, ни из комитета комсомола, ни с кафедры Испарта не раздавалось никакой критики и даже замечаний не только по поводу диспута, но даже по поводу моего «возмутительного» выступления. И это молчание было зловещим, если бы я не был склонен только к оптимистичным оценкам происшедшего.

Ясно, что истпартийцы могли ненавидеть устроителей диспута, но ведь кто-то и разрешил его вопреки их сопротивлению... Борис Пастухов был зримым воплощением этих «светлых сил», Ричард Косолапов в том же году мне подсказал еще более значимую наверху фамилию Ю.Андропова и др., обобщив их термином «прогрессивные силы партии». В те годы «прогрессивность» на

внутрипартийном сленге часто отождествлялось с приверженностью антисталинскому и неоленинскому курсу Хрущева в противовес консервативному курсу бюрократов-сталинистов. Поэтому я вполне мог считать себя не выскочкой, а просто частью великого прогрессивного целого, хотя «история с историками партии» в школе и институте настойчиво остерегала меня от отождествления себя с партийными прогрессистами, которые оказывались на деле частью единой системы партийного и чекистского контроля.

В любом случае диспут был успешно проведен и ответ на вопрос: «Что делать дальше?» для меня был ясен: кончать учебу и продолжать общественную борьбу...

Летом 1961 года я кончил пятый курс института - на осень и зиму остались написание и сдача диплома. Летом же на меня навалилась двойная нагрузка преддипломной практики и командировок. Свои командировки, гостиничный быт, копирование чертежей, замеры процессов и т.д. я совместил не только со своим первым в жизни свободным путешествием по Азовскому и Черному морям, но и с составлением первого машинописного документа под названием «Критика программы партии», который стал причиной главного события моей студенческой жизни.

Раздел 11. 1961 - год обсуждения хрущевской Программы строительства коммунизма

Летом 1961 года газета «Правда» опубликовала проект новой «Программы КПСС» для всенародного обсуждения

перед XXII съездом партии. Необычная постановка на корректировку народом сугубо внутривнутрипартийного документа была связана с его необычайным содержанием. Речь в нем шла не меньше и не больше, как о строительстве в основных чертах коммунизма всего за 19 лет, т.е. к 1980 году.

Надо признать, что время для объявления таких планетарных планов было выбрано удачно. Весной Москва, страна и мир с восторгом встречала вернувшегося из полета Гагарина, как начало космической эры именно нашей страной. Никто из нас, студентов-бауманцев не сомневался тогда в техническом и политическом лидерстве СССР в новом

постколониальном мире. Почему же тогда не поставить на осуществление еще больший, даже максимально амбициозный социальный проект и тем не утереть нос «играющим в самостоятельность» китайцам?

Китайцы строят в своей нищете народные коммуны физическим трудом руководителей и гонениями на воробьев, а мы вот возьмем и за 19 лет построим технически и экономически развитую базу коммунизма по-настоящему: с самой короткой рабочей неделей, с наивысшей производительностью труда, с бесплатным образованием и лечением, бесплатным городским и пригородным транспортом, школьным и частично семейным бесплатным питанием и т.д. и т.п... Начнем прямо сейчас - с «бесплатного» хлеба в столовых и с «бригадмилов» (общественных бригад помощи милиции) на улицах - (смешная претензия к началу «всеобщего вооружения народа»)! И будем двигаться по этому пути столь «космическими темпами», что к 1980 году станем всех сильнее и благополучней, а там и «до всемирного коммунизма рукой подать».

На деле составители хрущевских планов построения «коммунизма при жизни нынешнего поколения» руководствовались логикой отрицаемого ими товарища Сталина, когда он в одном из своих последних трудов «Экономические проблемы социализма» прикидывал, что для введения коммунизма в СССР следовало бы добывать угля в полтора раза больше, стали выплавлять больше раза в два и т.п., и вот, пожалуйста, основа для коммунизма есть - и не абы как, а на новейшей научной и технической базе, как и предвидели великие учителя человечества... У Сталина такой «фокус» уже получился, когда он в 30-х годах принудительно коллективизировал крестьянство и промышленность сделал государственной, т.е. устроил предельный государственно-монополистический капитализм и объявил его «реальным социализмом» только благодаря тому, что эти отрасли хозяйства были несколько модернизированы, а уровень жизни несколько повысился в сравнении с абсолютно голодными

годами начала Великого Перелома. Благодарному народу, конечно, были ближе такие простые слова Вождя, как «жить стало лучше, жить стало веселей», но и мудреный термин «социализм» годился, если он не означал простого вымирания от голода или от повальных чекистских репрессий. Потому я вполне допускаю, что проживи Сталин еще десяток-другой лет, мы бы жили не при «реальном социализме», а при «реальном коммунизме», который был бы хуже реального капитализме о котором все начинают мечтать, как только ослабляется пресс репрессий. Но именно потому, что Хрущев отверг тотальные репрессии (в этом его главная историческая заслуга), его сталинистский план строительства «реального коммунизма» был обречен на неудачу.

В связи с этим мне вспоминается прелестный анекдот тех лет (рассказал нам несколько лет спустя встреченный на Памире и ставший другом Витас К.). Принимают литовца в партию и спрашивают: «Вы вступаете в коммунистическую партию. А знаете ли Вы разницу между социализмом и коммунизмом?» Тот отвечает: «Знаю. При социализме живем хорошо, а при коммунизме будем жить еще лучше». Спрашивающие соглашаются, но настойчиво просят уточнений. Наконец, вступающий теряет терпение и негодует: «Неужели Вы хотите сказать, что при коммунизме будет также хорошо, как при пане Сметоне (буржуазном президенте Литвы)?»

Программа коммунизма Хрущева стала предметом насмешек еще до своего принятия, хотя формально она была выстроена правдоподобно. Все предусмотренные ею социальные проекты были осуществимы и при капитализме (и даже с гораздо большей вероятностью). Главный принцип социализма (и капитализма), т.е. распределение произведенного продукта по труду - не подрывался. Фантастикой же для советских людей (даже столь же коммунистичных, как я) выглядело главное: сама возможность нашего уродского, расточительного, разгильдяйского хозяйства «обогнать» по целесообразности и экономности

западного «хозяина». Вот в это, по-моему, не верил никто, потому что все знали на собственном опыте, что из себя представляет наше хозяйство. И действительно, уже ближайшие годы осуществления этих планов показали их полную провальность вплоть до прямой нехватки хлеба и введения продуктовых карточек. После смещения Хрущева в 1964 году про его обещание устроить коммунизм в 1980 г. все партийцы благополучно забыли.

Моя «Критика Проекта программы КПСС» Но в 1961 году программа построения коммунизма была еще только поставлена на всенародное обсуждение, что дало мне повод и даже обязало системно высказать свои взгляды - структура документа это позволяла. Текст вымучивался в поездах и на пересадках и в сентябре был отпечатан(!) на 18 страницах. Одна копия была отправлена по почте в ЦК КПСС, другая передана зав. кафедрой «Истории КПСС» Патрикееву для критики и замечаний, а одна из оставшихся (в перепечатанном, правда, виде), сохранилась, до времени комплектования нашего архива и лежит теперь на нашем сайте

Сознаюсь, мне самому очень трудно перечитывать эту смесь цитат и залихватских до наглости утверждений. С трудом уверяю себя, что это мой текст, что таким я был почти полвека назад... Но, если начистоту, то с мечтой о коммунизме я не простился.

Основной смысл текста состоит в предложении вернуться к предоктябрьской программе Ленина о немедленном переходе в революционной России к отмирающему государству типа Парижской Коммуны, изложенной им в известной книге «Государство и революция» в знаменитом шалаше в Разливе. Признавая, что после прихода к власти Ленин сам же радикально сменил концепцию «слабого, умирающего пролетарского государства» на концепцию массового террора и железной диктатуры партии и ее союзников, я привычно оправдывал эту перемену необходимостью сохранения советской власти в

условиях гражданской войны, но все-таки признавал отречение от прямой пролетарской демократии главной ленинской ошибкой, приведшей впоследствии к преступлениям культа личности и к перерождению нашего социализма в госкапитализм, при котором власть и собственность может уйти от рабочих к чиновникам и бюрократам. Формулировал я очень путано, предположительно и со ссылками на разрешающую диалектику. Конечный вывод сводился все к тому же: для настоящего построения коммунизма в СССР нужно прежде всего возвращение к первоначальной ленинской концепции прямой демократии отмирающего государства, свободы и равенства, без чего и нынешний социализм оказывается лишь дурной разновидностью монополистического капитализма.

Довольно резко сформулировано в «Критике» несогласие с положением проекта Программы о том, что планируемое в последующем «отмирание государства» (в виде передачи части государственных функций добровольным объединениям) будет соединяться с дальнейшим усилением роли партии и превращением ее в «научную и моральную силу будущего общества». Это положение я нахально обзываю «курам насмех», предваряя его утверждением, что ни один честный человек не станет отрицать, что советские выборы - чистая комедия и декорация единства, что подлинная суть нашего государства - партийное руководство, озабоченное сохранением госкапиталистических отношений. И, наконец, все это завершает заявление о необходимости для прогрессивных сил в партии иметь свободы слова, печати, союзов, чтобы бороться за коммунизм с консервативным государственным и партийным аппаратом. По моему мнению, к 1980 году партия как руководитель государства должна отмереть путем расширения ее состава до членства в ней всего народа, ибо без такого единства будет невозможен свободный, т.е. истинный коммунизм.

А теперь попробую изложить общий взгляд на итоговый документ моего «коммунистического развития» за

студенческие годы. Он заканчивается перечислением основных источников, из которых выкристаллизовалось моё представление о коммунизме: тома Маркса и Энгельса, Ленина, основных утопистов, «Протоколов парижской Коммуны и «Резолюций КПСС». А в 9-м классе свою критику я основывал только на «Кратком курсе ВКП(б)». Очевидно, что в студенческие годы я оставался в кругу официально коммунистических, правоверных книг - и что именно на их основе пришел к «жутко антипартийным» выводам, к так называемой ереси. Оказалось, для этого совсем не обязательно читать чужие книги и слушать чужие голоса, а надо просто верить в партийные догмы и пытаться их осуществлять. Это происходило со мной и, добавлю, со всеми искренне и свободно верующими. Уверен, что таких было немало, а сочувствующих - на порядок больше. И также уверен, что все изменения в вере, которые мы находили и обретали - были в сторону жизни и человечности, ибо сама жизнь толкала нас в эту сторону. Именно учение Маркса - Ленина меня уверило в версии минимального, «умирающего» государства взамен обрядшей всем лживой формулы «диктатуры пролетариата». Наверное, что-то аналогичное происходило и у китайской молодежи, когда она путалась в марксистских формулах, но реально надеялись на «линию масс», на «борьбу с бюрократизмом», т.е. на народоправство, что есть глубинный смысл слова «коммунизм», равнозначный французской триаде: «свобода, равенство, братство».

Прошло потом десять с лишним лет, прежде чем для меня слились воедино понятия свободный рынок и свободный коммунизм, я назвал себя «буржуазным коммунистом», что сделало жизнь ясней и гармоничней... Меня совсем не поражает, что рыночный успех завоевывают прежде всего бесплатные, коммунистические формы отношений. Или что именно нынешний, коммунистический Китай проявляет недюжинную рыночную экспансию, и эксперты мудро объясняют это действием еще существующего там крестьянского коммунизма. И сегодня, спустя почти полвека

мне, в главном, не стыдно за свои смешные поиски правды - даже на фоне преобладающего большинства своих весьма разумных и цивилизованных сокурсников, никогда в жизни не испытывших ни одного коммунистического заблуждения.

Я не ждал быстрого ответа ни из ЦК (это было бы глупо), ни от Патрикеева (его манера тянуть и не вступать в разговор была мне известна еще с поры нашего диспута). Их молчание я расценил как свою свободу «нести правду» дальше. Но перед кем я мог теперь выступить? Новый диспут был исключен... Мои отношения с группой уже давно были расстроены - не в человеческом, а в именно в идеологическом смысле... Оставалась только

возможность выступлений на отчетных собраниях - факультетском и общеучилищном (если там дадут слово - в чем я не был уверен).

Я получил слово только на факультетской отчетно-перевыборной конференции, оно оказалось последним и, пожалуй, самым удачным. Большая аудитория была полупустой (ведь ожидалась обычная тягомотина), говорил я

спокойно и даже уверенно, не ожидая серьезных возражений. Но все получилось иначе.

По сохранившемуся тексту видно, что он уже не цитатная заумь (см.

Приложение1), а

нормальное человеческое обращение к сверстникам с

призывом серьезно отнестись к партийной программе, спорить о коммунизме. Удачей оказалось изложение реального спора на тему коммунизма с Володей Н. (Николаевым, на фото он справа). Он был одним из тех многих умных ребят, которые составляли в моей и его группе ироничное ко мне большинство. Они просто искренне не интересовались всякой идеологической чепухой, а я был для них просто любопытным экземпляром в целом нормального парня, но сильно сдвинутого на идеологической почве. Не знаю, что заставило Н. нарушить обет игнорирования и решиться на откровенный разговор со мной. Видимо, перед съездом по радио и в прессе накат на тему предстоящего коммунизма был настолько плотен, что он стал трогать и вызывать возражения даже со стороны наиболее индифферентных людей. Может, в результате каких-то внутрисемейных споров Володя сформулировал свои доводы против ввода в реальность любого коммунизма. Их он на меня и вывалил в неожиданном и так запомнившемся мне споре. То был серьезный мне вызов. Его ядром стало не привычное сомнение в возможности избыточного снабжения всех людей по потребности, а трезвое сомнение в возможности устранения работы по необходимости. Он считал, что людям всегда будет нужно принуждение через материальный стимул к работе нежеланной, но нужной обществу - без этого общество погибнет. Аналогичные доводы он привел и против моего любимого тезиса об «отмирании государства», потому что нельзя обойтись в обществе без дисциплины и мер принуждения хотя бы к преступникам.

Причины фундаментализма. Внятно пересказав столь существенные аргументы против теории коммунизма, я даже не пытался их опровергать - не знал, как, а только заверил, что сам я как комсомолец в приход коммунизма верю, а описанные сомнения являются лишь свидетельствами того, как много надо еще продумывать, чтобы веру в коммунизм сделать безусловной. Сейчас мне такое состояние

некритичности кажется удивительным: получить от противной стороны аргументы, которые не можешь оспорить и вместо того, чтобы хотя бы на время заткнуться - продолжать настаивать на своем. Так некритически могут ощущать себя только верующие фанатики, фундаменталисты. Значит, в то время я и был таким фанатиком. Пояснить причину такого состояния я могу только привычной погруженностью в марксистско-ленинские догмы и формулы, верой, что в них содержатся должные и истинные ответы на все жизненные вопросы. Все же случающиеся затруднения, столкновения догм с жизнью снимались одним общим объяснением: я еще слишком мало погрузился в Учение, плохо знаю его и потому не могу найти в нем правильный ответ, проявляя постыдное неверие. Из этого фундаменталистского круга почти невозможно выйти, особенно если учение имеет религиозную или диалектическую бесконечную глубину. А марксизм-ленинизм такой глубиной обладал. Я начал отходить от марксизма с пониманием рыночной сути экономики в начале 70-х годов, хотя окончательное прощание с ним произошло десятилетие спустя, когда в Бутырской тюрьме 1980 года я ознакомился не только с перепиской Маркса и Энгельса, но и с «Логикой» Аристотеля, которая меня убедила, что кроме науки логики есть только Неизвестность и софистика, которая в новое время стала называться диалектикой. Именно развенчание диалектики стало для меня окончательным выходом из марксизма (но не коммунизма, конечно).

Справедливости к себе ради скажу, что на один аргумент Володи Н. я все же пытался дать ответ в том же своем выступлении: «Уверен, что наступит такое время, когда действительно отомрет государственная власть и необходимость в руководящей роли партии, когда их заменит полное самоуправление. В нем не будет места руководителям, будет только один руководитель - народ и, как впервые сказал Сен-Симон: «вместо управления людьми будет только управление вещами». Можно себе представить такое

общество, которое одновременно является и руководящим собранием, где голосование по наиболее важным вопросам проводится с помощью референдумов, более детальные решения находят институты общественного мнения, а текущее планирование ведут счетно-решающие машинные станции... ».

В моих словах - чрезмерные надежды на вычислительные машины в экономике и на социологические опросы, но с другой стороны не все из моей фантастики оказалось беспочвенным. Мир становится теснее связанным и более демократичным, более свободным и рыночным.

Моё высказывания были встречены оживленным удивлением, но редкие хлопки прервал один из ведущих собрания секретарей, оценивший мое выступление как политически незрелое, особенно отрицательного отношения к выборам советских органов, как к ширме партийной власти... А потом возник вопрос, о каком-таком неубежденном в коммунизме студенте говорил оратор. Поскольку я стоял еще на трибуне, то пояснил, что ничего плохого о советских органах не думаю, а факт определяющей роли именно партийных органов в руководстве страны и так известен всем. Что касается частного разговора со своим знакомым, то неприлично даже ставить вопрос об оглашении его фамилии... На этом публичная перепалка (спор) с президиумом закончилась.

Раздел 12. Публичная «казнь» на училищной конференции

Интересно, что совершив свою спонтанную, неожиданную для всех вылазку на факультете и, наконец, войдя в прямое столкновение с официальным комсомолом, я совершенно не понимал, что с точки зрения своих «кураторов» явно зарвался, начинаю выходить из-под контроля, становлюсь опасным и потому заслуживаю серьезного наказания.

Через неделю с лишним состоялась общеучилищная годовая комсомольская конференция. Официальное участие в ней принимали делегаты по спискам от факультетских конференций. Меня, естественно, в списках не было, так что и готовиться было не к чему, тем более что и внутреннее мое состояние было довольно смутным.

Тревожил какой-то вакуум вокруг - я открыто высказал свои идеи письменно и публично, т.е. поступил согласно старому правилу: «Делай, как знаешь, а там пусть будет, что будет», и что же произошло в итоге? - А ничего, почти полное молчание - и сверху, и снизу... Ну, был очень важный для меня частный спор с Володей Н., и был начат открытый спор на факультете, но потом - глухое молчание со всех сторон, в котором я должен был бы снова и безнадежно завязнуть, чтобы, в конце концов, придти к взрослой «разумности». Но мои кураторы поступили на этот раз по-иному, избрав публичную порку, хотя сильно мою ситуацию она не изменила.

Неожиданно за день до училищной конференции ко мне и еще нескольким студентам моей группы обратился В.Шадрин, член факультетского бюро и наш сокурсник, с настоятельным предложением придти на училищную конференцию по пригласительным билетам со всеми правами участия, кроме права решающего голоса. Его настойчивость меня удивила и как-то подкупила, как будто судьба неожиданно предоставляла мне возможность еще одного выступления (не

мог же я предположить, на что меня зовут). Остальные этот зов восприняли, как привычную заинтересованность в наполнении большого зала.

После начальных недлинных докладов и сообщений, слово было предоставлено заведующему кафедрой Истпата Патрикееву, который вдруг повел речь обо мне примерно следующим образом: «В то время как весь советский народ, все мировое человечество целиком приветствует и одобряет успехи, планы и решения нашей партии, в наших рядах находятся отщепенцы, которые клеветают на партию и советскую власть - я имею в виду студента Сокирко. В то время как самые рьяные враги советской власти, даже такие как монархист Шульгин, признают заслуги нашей власти перед Россией, Сокирко смеет заявлять, что советская власть это только «ширма», что партийное руководство должно исчезнуть, направляет в партийные органы такие пасквили, как «критику программы партии»... Конференция должна определиться в своем отношении к подобным вражеским вылазкам!»

Патрикеев кончил свою речь под аплодисменты и негодующие против меня крики «Где этот гад?» К микрофону подходит Шадрин: «Должен сообщить, что Сокирко присутствует в зале... Предлагаем конференции потребовать от него удалиться за недостойное и позорящее звание комсомольца поведение и перейти к работе по повестке дня». Председательствующий мгновенно продолжил: «Кто за? Против? Единогласно. Сокирко, покиньте заседание».

Поднявшись с места, я громко, на весь зал, пытался просить возможности объясниться, но тут же был прерван микрофоном: «Нет, вопрос о Вашем пребывании уже решен, а вопрос о Вашем поведении конференция примет позже и без Вашего участия. Переходим к работе по повестке дня»

Остаток заседания я провел в холле под звуки динамиков из зала, не один раз высказывающих свое возмущение и презрение в адрес моего предательского поведения... Кто-то прямо требовал расстрела... Передать, что

я при этом испытывал, трудно. Конечно, не страх, я понимал, что это лишь эмоция и оборот речи. Нет, душило чувство обвала, потери почвы, что, может, даже страшнее. Не один раз в голове мелькало: «Вот так в 1937 году, наверное, было... » Так искренно «отстаивал коммунизм», а, оказывается, тебе не комсомолец имя, а враг народа. И это происходит не в диком сне, а с тобой наяву и вот сейчас...

Объявили перерыв, и в фойе хлынули с облегчением комсомольцы, опасливо обходя круг отверженности вокруг меня. Я понимал, что нарушить его и тем проявить участие к врагу им было нельзя, чтобы не стать столь же заразными. И только один раз нарушил табу. Увидев Шадрина, с усилием встал на затекшие ноги и окликнул его: «Ты знал, что будет? И ты именно для этого звал меня?» Он ответил, почти не смущаясь: «Я был обязан это сделать».

Я досидел в фойе свою публичную казнь до конца, выслушав в решении и свой пункт: «Новому составу комитета ВЛКСМ рассмотреть вопрос о пребывании Сокирко в рядах ВЛКСМ и обратиться к дирекции с предложением рассмотреть вопрос об аннулировании его оценок по общественным дисциплинам и отчислении из МВТУ».

Растерянность. Я плохо помню все последующие разговоры... Взамен вчерашнего одиночества на меня обрушилась волна сочувствия, меня бросилось «спасать» множество людей и в том было главное отличие хрущевского времени от сталинских лет, когда любой звук в защиту осуждаемого тут же ставил произнесшего в тот же смертный ряд. Конечно, не было открытого протеста, а было лишь желание спасти меня от исключения из института и слома жизни. Практически все говорили о том, что, конечно, я виноват и должен быть наказан, но более мягко, с возможностью «исправиться».

И сам я с ними соглашался!.. Куда вдруг от одного публичного разноса делись все мои призывы бороться за правду и коммунизм? Почему не решался заявлять, как герой: «История меня оправдает!». Неужели только от страха? Нет,

конечно. Реальных испытаний и страха от столкновений с системой я еще не знал и бояться её не умел. Как не понимал, что значит «бороться». На уровне действий «борьба за идеалы» сводилась к смелым призывам, а «борьба за людей» - к привычным просьбам об исправлении в духе официальной идеологии. И если я из «героя-целинника» был переставлен в смертельные враги, то борьба за меня и должна была вестись на почве не вражды с системой, а правозерности. Ощущение себя как советского человека и верующего коммуниста сохранилось на долгие годы, даже после того, как я с публичной трибуны говорил о советских органах, как о ширме партийной власти, а коммунизм у меня соединился со свободным рынком. Я никогда не ощущал себя жертвенным борцом с режимом.

Защита группы (см. Приложение 2). В таком духе стали действовать прежде всего мои сокурсники. Для группы моё падение было шоковым событием. Ведь пять лет они слышали мои открытые идеологические споры, остававшиеся без наказаний. Я всегда казался им чокнутым на почве верности коммунизму, но именно за верность меня собрались исключать из комсомола. Да если бы только из комсомола, то черт с ним, но за этим последует невозможность закончить высшее образование, солдатчина, высылка из Москвы с лишение прописки, да мало ли чего еще... Мы были уже дипломниками, общих занятий почти не было, но группа бурлила и «консультировалась», пока не пришла практически к единодушному мнению вынести мне для спасения строгий выговор с занесением за допущенные политические ошибки, но оставить в комсомоле на исправление, и обратиться в училищный комитет с просьбой утвердить именно такое наказание. Что и было сделано групповым собранием почти в полном составе, причем никаких слов о каких-то политических ошибках и «клеветах» никто и не думал произносить. Никто их не принимал всерьез, как не принимались всерьез и мои свободолюбивые коммунистические филиппики все пять студенческих лет.

Жизнь зримо и грубо показала правоту их скепсиса ко всякой идеологии и, следовательно, мое глубокое поражение, но никто и не подумал пенять: «Ну что, Сокира, кто оказался прав?» - Нет, у них было только одно желание: вытащить из беды. Моя группа, которую я так долго упрекал в «некоммунизме» и равнодушии к идеалам и даже пытался силой подвигнуть на борьбу за свободу посещения лекций, в опасный для меня момент повела себя без упреков и как единая семья, т.е. по-коммунистически в истинном смысле этого слова.

Для *Исключение из комсомола - это ещё и начало маминной гипертонии, и начало нашего сближения. Пять лет мы не представляли один для другого никакого интереса. После случайного общего осеннего похода стали здороваться, встречаясь в коридорах. В этот день мне не захотелось поздороваться, и я отвернулась. Вечером девчонки из общежития сказали, что Витю Сокирко сегодня исключили из комсомола. Утром я бросилась искать его, чтоб извиниться за вчерашнее. Слово за слово, и вот мы уже вместе выходим из училища и не спешим расстаться. Оказывается, что мне очень интересно слушать Витю, а мои незрелые "на ходу" мысли им подхватываются и развиваются. (За следующие 40 лет я встретила только двоих людей, способных также радоваться чужой мысли как подарку и развивать её). Где мы ходили, не помню. Помню только сильно счёсанные каблочки моих единственных нарядных голубых туфель.*

Пройдёт потом целый год Витиных ненавязчивых, но и неотступных ухаживаний, внутри которого были моё ворочание носом вроде: "Ямочка на подбородке", "Профиль не греческий"; огромная корзина цветов; лыжный поход в Карелию; распределение, на котором Витя попросится на один завод со мной в Коломну, и многое другое, прежде чем амур запустит в меня стрелу поострей и охнет моё сердце.

Слова и действия знакомых. В эти дни проявили себя знакомые, о сочувствии которых я раньше и не подозревал. Такой оказалась прежде малознакомая сокурсница

Лилия. Ее эмоциональный порыв сочувствия привел к длительной прогулке по Москве и через множество других событий к долгой и счастливой совместной жизни с детьми и внуками... Так устроенная моими кураторами политическая казнь уже на следующий день оказалась первым узелком нашей семьи. Но это, конечно, совершенно особая и бесконечно важная для меня история и судьба.

Типичным же примером участия может служить совет ранее незнакомой мне Гали, близкой подруги Лили по туристской компании - обратиться за помощью к очень авторитетному и человечному преподавателю и всесоюзно известному альпинисту - А.Г.Овчинникову. Такой порыв как обращение к «авторитетному» хорошему человеку, который умеет решать сложные проблемы, был типичен для советских людей. Выслушав рассказ о происшедшем, очередной сочувствующий поражался: «Как исключить? Не может быть... Да, нет, тут надо поговорить и все объяснить... Да. Да. Я обязательно поговорю и Вам сразу сообщу». А после категоричного отказа, долгого и неловкого молчания человек сообщал, что к сожалению, тут все не просто и «надо очень думать».

На тему «надо думать» меня толкало немало разумных людей, причем искренне, а не только в сталинском смысле: «Идейно разоружись, а не то уничтожим». Нет, люди желали разобраться, в чем же именно заключалось мое «преступление» и что реально я предлагал в своей «Критике». Прочитав полученный от меня экземпляр «Критики», они приходили чаще всего к полному несогласию и недоумению, о чем мне и сообщали. Меня это не удивляло, т.к. за долгие годы споров с группой я к несогласию привык, ибо возражения меня не сильно трогали (что видно на примере доводов Володи Н.). Как фундаменталист, я нуждался прежде всего в марксистских доводах, как в критерии истины, но их мне дать не мог никто, даже такие теоретики, как Косолапов... Тем не менее сейчас что-то во мне стало сдвигаться... У меня появилось желание признаться в неловкости и даже

неправильности каких-то фраз отвергать. Впервые я испытал на себе целый шквал искренней критики и переубеждений: как будто открылся шлюз и поток аргументов хлынул на меня и затопил. Парадокс: если раньше никто не хотел спорить со мной по каким-то опасным идеологическим темам, то теперь это стало даже нужным хотя бы во имя моего спасения. В процесс переубеждения включались неожиданные для меня люди, такие, как, например, мой научный руководитель и в недалеком будущем заведующий нашей кафедрой, совершенно не заинтересованный в идеологических спорах (но член партии). Он специально изучил мой текст, раскритиковал, но он же постоянно отстаивал возможность защиты моего диплома, называя его тему чрезвычайно важной.

Многие из мыслей тогдашних оппонентов было справедливыми, и я не мог этого не признать. Таким образом и пошел процесс сомнения и самокритики, что в общем вызывало удовлетворение у моих доброжелателей, как благодетельный процесс начавшегося исправления и выздоровления. И... замаячила проблема возможного «двоемыслия». Само слово вошло в оборот много позже из тамиздатского романа Оруэлла «1984», а в полный рост передо мной самим обвинение в «двоемыслии» встало в 1980 году. В романе речь шла о методах воздействия (через изошренные пытки) на мышление человека со стороны спецслужб тоталитарного государства таким образом, что человек приобретает по команде извне способность к ложному, извращенному, но искреннему мышлению.

Никто, наверное, не оспорит, что мышлению необходима критика и способность отказа от своих же неверных выводов ради истины. Так что начавшийся тогда оживленный процесс обсуждения, критики и корректировки положений моего текста был в принципе полезным и конструктивным, но тот факт, что он начался именно после «осуждения и в ожидании моего исправления» свидетельствовал о начинающемся «мышлении под

давлением», т.е. «двоемыслии», которое сродни не только вранью, но и психическому заболеванию.

Сам я никаких признаков мышления под пытками и последующего двоемыслия в орвелловском смысле не чувствовал ни тогда, ни позже. Думаю, что уже почти прошедшая жизнь мне самому четко показала: несмотря на изменения в убеждениях, в главном, я остался верен самому себе и никаким двоемыслием не страдаю. Хотя конечно, давление обстоятельств на себе в критические годы испытывал и неоднократные колебания в убеждениях тоже. Но все это в пределах психической нормы.

Раздел 13. Комитетское судилище

Недели через две состоялось заседание нового комитета с моим вопросом. Оно было довольно многочисленным - человек двадцать за длинным столом. Хотя судьба моя была уже предreshена, обвинение произнесено и «гражданская казнь» проведена, процесс надо было оформить уставным демократическим образом: «Все аргументы, включая от подсудимого, выслушать, всесторонне их обсудить и вынести справедливое решение с правом на последующее обжалование».

Таким спокойно процедурным, судейским манером то заседание и было проведено. Запомнилось оно мне смутно, включая собственные слова. Припоминаю я только свой самооправдывающий тон, что, мол, не ожидал столь суровых оценок, что, наверное, был во много не прав, в частности, в употреблении неверных оценок (типа «ширмы») и уже сейчас начинаю это сознавать, продумывать все более взвешенно, но всегда был верен коммунистическим идеалам, что прошу дать возможность мне исправляться в рядах комсомола.

Приглашённые, начиная с комсорга группы, просившего отдать меня группе на поруки, выступали с примирительными речами в духе «дать возможность».

Комитетчики их изредка прерывали напоминаниями о том, что речь идет о таких непростительных для комсомольца и уже установленных конференцией преступлениях, как неубежденность в коммунизме и клевета на советскую власть. Вынесенное без колебаний решение практически повторило уже принятое конференцией: «Исключить из рядов ВЛКСМ за неубежденность в марксизме-ленинизме, за клевету на советскую действительность, за непринципиальное поведение. Поставить вопрос перед дирекцией об отчислении на два года из училища. Сокирко имеет право на апелляцию»

Официально голоса защитников на комитете не были учтены. Все обвинения, включая отказ назвать имя студента в споре о коммунизме, названный в решении «непринципиальное поведение» (в последующем комитетчики ГБ такое «обвинение» формулировали более изящно: «Вы с нами не искренни»), остались на месте, но существенно был смягчен пункт о главном наказании: взамен аннулирования оценок по общественным дисциплинам и отчислении стояло лишь «отчисление на два года», что фактически сводилось к двухлетней задержке с защитой диплома («пусть поучится у рабочего класса»).

Такое смягчение было, конечно, заранее спланировано - может, оттого, что процедура аннулирования отметок по общественным дисциплинам была трудно исполнима и делала из этих «наук» просто служанок. А скорее мои кураторы, наблюдая мои метания и раскаяния, решили, что поднимать градус наказания не следует, но саму угрозу исключения из института с одной стороны и пряник восстановления в комсомоле сохранять надо подольше. Для моей же пользы...

Состояние было тяжелым и смутным. Схлынула первая горячка надежд и пересудов, оставалось только ждать решения дирекции училища об отчислении. В неудаче апелляции в райкоме комсомола я был уверен заранее, хотя и не собирался от нее отказываться и не потому, что мне было реально нужно звание комсомольца как таковое, а из желания реабилитации и

возвращения в прежнее состояние. Кстати, я конечно, неоднократно пытался обратиться за советом и помощью к своему покровителю Алику, но он был то в отъезде, то недоступен, так что пришлось понять, что встречи с ним не будет (теперь я уверен, что из вида он меня не терял и, наверное, как-то помогал).

Однако дирекция МВТУ с принятием окончательного решения не спешила, и мне ничего не оставалось, как работать над дипломом, продолжать делать что-то по НИРу, стараясь забывать, что скоро всё окажется бессмысленным... В работу и привычную жизнь ушли и все мои доброжелатели.

Родители. В том же октябре моих родителей пригласили на беседу в деканат. Мама сдержанно рассказала о том, как попрекал их декан Зверев, что они, мол, вырастили такого недостойного сына, обманувшего доверие его факультета, сказала, что отец возмутился его хамскими попреками. Но я не спросил, сдержался ли он от резких ответных слов. Закончилась эта бессмысленная накачка зверевским предупреждением о почти неизбежном исключении и необходимости сыну «думать и исправляться».

На фото, кроме меня с родителями дядя Сеня с дочкой Таней, и моя двоюродная сестра Лида

Сколько ж моим родителям пришлось пережить из-за меня и до этого года, а после него! Но чем дальше, тем глубже я понимаю, что по-иному, более правильно, наверное, я и не сумел бы поступать. Видя мои переживания, они не сделали мне ни единого попрека. Отец вообще ничего не говорил, мать успокаивала, что если исключат из училища, это не страшно - пойдешь на наш завод, рабочие там получают не меньше инженера... Наверное, в глубине души она была бы рада, если б я избавился от своих «метаний от ума» даже ценой лишения диплома и ссылки на завод, Нет, она не считала меня сумасшедшим, но боялась, что давнишняя увлеченность книгами и «идеями», ведёт меня к опасной болезни. Уже не помню когда, в том ли 1961 году или уже в диссидентские годы, она вдруг поделилась со мной своим неожиданным страхом: в вагоне метро перед ней вдруг встала кампания молодых и громких милиционеров. Они были такие накаченные, такие готовые искалечить и разнести любого, что

она просто задрожала: «Ну, а попади Витя к ним, что с ним сделают? - Витенька, зачем ты это делаешь??? - Не надо!!!»

И я начинал принимать чувством ее голос, хотя разумом продолжал отвергать «мещанские глупые страхи», принимая возможность их реализации только в качестве случайного исключения... А ведь еще совсем недавно умер Сталин и не все репрессированные вернулись, а мы, молодые, уже легко смеялись над «анекдотом» той поры, когда бериевское МГБ переименовали в хрущевский КГБ: «Чем отличается МГБ от КГБ? - А тем, что «Место, Где Бьют» назвали «Комнатой, Где Бьют». Меня лично милиция и чекисты ни разу даже не толкнули, но чем дольше живу, тем выше уверенность, что это случайность... А сейчас страх перед «ними» за себя уравнивается только сознанием уже прожитой жизни. Теперь я знаю, что били всегда, бьют до сих пор и неизвестно, сколько будут еще бить впредь, любого и ни за что... И потому страх за детей и внуков неистребим и, наверное, передастся им по наследству.

В начале перестройки мой младший сын Алеша, еще подросток, заслуженно провел ночь в КПЗ. Когда утром мне сообщили об этом, я приехал в милицееское отделение и довольно долго ждал, пока дознаватель оформит на него бумаги. И пока я сидел в тех крашенных, столь пахнущих Бутыркой, стенах, на меня навалилась гнетущая чёрная тоска, что вот с этой ночи покатится мой сын по тюремной бесконечной дорожке и ничего я сделать не смогу. Когда же его отдали, я не мог говорить, и только выйдя на улицу, выдавил из себя: «Скажи, ты и вправду всего этого (камеры, ее стен, жизни в них) хочешь?» И даже не ждал от него ответа. Потому что тут ответить может только сама жизнь. Слава Богу, сын меня услышал... Я свою маму в жизни слышал хуже.

На рабочей свадьбе. На вершину спасительной для меня душевной пустоты пришлось ноябрьские праздники, в тот год совпавшие со свадьбой моей сестры Лиды, старшей из двоюродных. Мои родители и я принимали в ней участие по

полной программе, обеспечивая все три дня сплошной пьянки.

Лидин Валентин, многочисленные его друзья с подругами были потомственные рабочие с филиевского авиазавода. Сама Лидя всю жизнь проработала там же в малярном цеху, а почти вся моя «веточка семейного древа» трудилась на Московском трубном заводе, здесь же в Филях. Гости были очень неплохие ребята и старики, наобщался я с ними выше крыши, но, сколько ни пил, состояния тоски не излечивалось. Вот они - хорошие, нормальные ребята, и как славно они хвалят какого-то Славку, который никогда не спешит и делает всю токарную работу «очень чистенько». Я же - какой-то урод,

взамен работы и друзей у меня какие-то критики и программы, и я уже сам не понимаю, верю ли в них или нет? Вот они - настоящие рабочие и, наверняка, хотя конечно, им ни комсомол, ни программы на дух не нужны. А что нужно мне?

Особенно внимательна была ко мне некая Света, статная и красивая девушка, которая откровенно тормозила меня, заставляя беспрерывно танцевать и ухаживать. Я был необычен для ее окружения, хмуростью вызывая любопытство и интерес. Вначале ею руководил просто азарт красивой девицы, которая не привыкла к отказам, потом она стала серьезней. Конечно, она ничего не знала о моих бедах, но чувствовала что-то, хотела продлить знакомство и чем-то помочь, а мне было стыдно за невозможность ответить взаимностью... Однако до сих пор я вспоминаю Свету с благодарностью за ее естественную попытку обогреть меня, показать, что я не урод и могу быть интересен. Ей удалось это сделать в самом начале ноябрь-декабрьского холода, когда я составлял свое отречение и отправлял его в ЦК КПСС.

Раздел 14. Полное покаяние и последствия

В отличие от моих первых бумаг, моё покаяние, направленное в ЦК КПСС в декабре 1961года (см.Приложение 3), впервые хорошо и толково написано, но читать мне его очень тяжело. По нему проще понять, что именно я критиковал в своей «Критике Программы КПСС», чем по ней самой, Но излагал я свои предложения только для того, чтобы их тут же опровергнуть, даже без ссылок на диалектику, не оставляя себе никакого зазора на возможность дальнейших размышлений и новых выводов. Я оставлял себе только

«единственную партийную позицию». Старался убедить адресат в своем полном единомыслии по всем пунктам прежней критики или даже высказанных мельком сомнений, старался убедить, что теперь «после интенсивных размышлений преодолел все несогласия с партийной линией, какие у меня были, чувствовал себя полностью слитым с партийными взглядами, без всяких вопросов в убеждениях».

Я перечитал это итоговое для моей студенческой жизни письмо только сейчас, спустя сорок с лишним лет и поразился тому, как прочно я забыл сам его дух полного отречения от себя самого, дух «полного разоружения перед партией», говоря словами жертв сталинских репрессий... В этом письме я заговорил униженно партийным языком, которым уже давно не говорили сами партийцы, вроде моего отца, Это письмо - прямое свидетельство, что я был способен к «двоемыслию», и именно потому оно должно быть обязательно сохранено в приложении к этому тексту и осмыслено.

Но почему оно было написано? Ведь пыток или каких-то угроз моей жизни не было, задержка с получением диплома на два года - не ахти какое наказание в советской стране, сам комсомол, как организация мне уже давно был не нужен, партия - тем более... Так зачем мне нужно было так отречься от себя?.. Зачем было нужно самоунижение и позор? И как теперь выясняется - вечный?

Мое сегодняшнее объяснение себя тогдашнего, наверное, прозвучит непонятно и парадоксально: от желания реабилитации и восстановления себя самого прежнего, я должен был публично зачеркнуть все свое инакомыслие, свою личность.

7 лет, начиная с 1955 года, я старался уяснить и отстоять коммунистической истины и идеалы вопреки правившей партократии, а она меня довольно долго благодушно не замечала, надеясь на самоисправление. Потом, когда я осмелел до вызывающей отправки своей критики наверх, решила: «Хватит!» и предала молодого еретика

анафеме, изгнав из своей «коммунистической церкви» как дьявола. И я, никому не нужный со своими идеями и верой, как будто повис на верёвочке в безвоздушном пространстве, что было непереносимо. Конечно, если бы моя собственная вера к тому времени устоялась и была бы тверда, от исключения я должен был бы почувствовать скорее чувство освобождения от скверны, что испытал Лютер после ухода из католической церкви. Но я был в ином положении. Только через десять лет, уже в положении диссидента я мог сказать, что сформулировал в главном свои буржуазно-коммунистические взгляды, которые, конечно, не при каких обстоятельствах мне не надо соединять с партийной идеологией. Тогда я этого не знал, мне еще было нужно время для того, чтобы додумать свои мысли до ясного итога. Наверное, именно тогда у меня возникло желание восстановиться в комсомоле, чтобы потом поступить в философскую аспирантуру и там по-настоящему разобраться, что же есть истинный коммунизм, работая, конечно, на единственно возможных в СССР (с моей тогдашней точки зрения) партийных основаниях. Парадокс и состоит в том, что я решил добиваться реабилитации путем полного покаяния, чтобы продолжить свою идейную работу.

Думаю как раз лживость полного раскаяния в скрываемой надежде на продолжение идейного сопротивления вызвала со стороны адресата в итоге положительную реакцию. (В сталинское время такая раздвоенность критиканов называлась двурушничеством). Внешне на мою просьбу поддержать апелляцию и отменить исключение из ВЛКСМ был дан отрицательный ответ. Мое письмо было переслано в МГК ВЛКСМ, откуда зав.отделом студенческой молодежи Ю.Росляков ответил, что просьба эта подержана быть не может и что «в настоящий момент Вам необходимо на деле доказать убежденность в правильности политики нашей партии и основных вопросах м.-л.теории». Но по жизни то был скорее положительный ответ, что стало понятно, когда через

год с лишним меня специально разыскали, чтобы посоветовать заново вступить в комсомол.

Я до сих пор думаю, что все комсомольские реакции на мое «дело» происходили не без защитного влияния Алика Шатилова. С тех давних пор я встречался с ним всего лишь дважды. Первая из встреч была в 1988г фантастично случайна - в полупустом трамвае перед метро «Шаболовка». Он как будто не удивился встрече, сам напомнил о себе, а на мои обычные слова, что у меня все нормально, даже путешествуем, сказал, что и он много путешествует, объездил уже полтора десятка стран - и тут же мы расстались. Вторая и более содержательная встреча случилась совсем недавно, в путинское время, на юбилейном торжестве ныне покойного Г.А.Николаева, зав. кафедрой и ректора МВТУ. На этом многолюдьи меня с Аликом свел Слава Ховов, мой старый товарищ не только по группе, но и по последующим совместным шабашкам. Оказалось, что Алик уже давно вернулся на кафедру в МВТУ, после того как у него не сложилась работа в ЦК КПСС, куда он перешел из инструкторов в ЦК ВЛКСМ, где он занимался многим, в том числе и курированием туризма. С подачи Славы он даже просмотрел наш фильм про «Памир» 1984 года, был заинтересован им и высказал готовность когда-либо встретиться. В этом коротком разговоре мне открылось, что отношение к нему в отделе ухудшилось и стало подозрительным, после того, как он отказался от новой квартиры в пользу нуждающегося коллеги, т.е. оказался не своим, опасным и потому подлежащим изгнанию. На прощанье он мне подарил свой выношенный вывод: «Не важно, кем мы были в жизни, самое важное, что мы оставались хорошими людьми».

Исключение из МВТУ не состоялось. Перед Новым 1962 годом меня вызвал к себе на беседу ректор МВТУ. Он выслушивал объяснения и... ничего не сказал об отчислении или оставлении, но можно было понять, что шансы мои на благополучное окончание МВТУ выросли. Надежда

укрепилась, когда из комиссии по предстоящему распределению выпускников ко мне обратились с традиционным вопросом о личных пожеланиях (практически все москвичи распределялись по московским организациям и многие уже имели предварительные договоренности). Лиля, как волгоградка, не могла остаться в Москве, хотя и мечтала о московской аспирантуре, и получила распределение на тепловозостроительный завод в подмосковной Коломне. Отношения наши были тогда уже вполне дружескими, с моей стороны даже романтическими, хотя сказать слова «люблю тебя» я просто не мог. Но ситуация московской прописки настоятельно требовала решений. Помню, с каким необыкновенным стеснением, буквально со ступором в горле я предложил Лиле (в вагоне метро) выйти за меня замуж, и «не для того», а чтобы она смогла остаться в Москве (скорее промышчал и тем дал что-то понять), но получил естественный отказ. И тогда столь же естественно я сам запросился в Коломну на тот же завод. Удивительно, но просьбу мою удовлетворили (вопреки крикам декана Зверева, может невзправдашним, желавшего меня обязательно за Урал загнать). И этим показали, что в главном я советской властью прощен, помилован за ошибки, так что будь благодарен... И я был благодарен.

Продолжилась и как бы укрепилась дружба с Лилей после ее отказа от замужества. Я правильно его понял, как: «Подождем, там видно будет». Во всяком случае, на Новый год я был введен в её туристскую кампанию, которая потом стала и моею. Перед самой защитой диплома в феврале мы с Лилей и тремя её друзьями ходили на лыжах по Карелии. Сохранились чернобелые снимки, на которых остались молодыми участники похода - Володя Соколов, Таня Бондарева, Галя Сотникова и мы, сохранились совместные морозные воспоминания - не только о ночных торосах на берегу Белого моря в Кеми, о деревенских ночевках у гостеприимных «химиков», о заброшенном, впервые увиденном деревянном храме в тайге, но и о культурно-

просветительских наших выступлениях (кто как мог: Витя, например, рассказал о походе барбудос на Кубе, мы с Галей спели...- Л.Т.) Уже потом мы узнали, что рядом с нами ходили студенческие агитбригады с песнями Визбора и Окуджавы, под руководством наших будущих друзей Володи Майзеля, Лены, скоро ставшей женой Володи Яковенко. И нас приняли за такую агитбригаду - вот и пришлось... петь и рассказывать.

Вернувшись в Москву, мы узнали, что с одной из туристских групп, состоящей из младшекурсников с Лилиной кафедры и избравшей свой маршрут через Хибины, случилась трагедия - почти все замерзли в горах насмерть, просто по неопытности.

А через четыре года, чуть в другом составе, но из той же компании, мы вновь отправились в лыжный поход на Север. После зимних Кавказа и Карпат Лиле хотелось увидеть зимние приполярные Хибины (См.Приложении 4). Нас вёл опытный лыжник Коля Петропольский, ничего дурного с нами не произошло, тем более что и мы стали более осторожны - стремлений к рискованым спускам поубавилось. Впрочем, друзья во главе с Жилиным еще прошли сложный маршрут по зимнему Северному Уралу. Мы же в дальние зимние походы больше не ходили.

Раздел 15. Мурманск, 1962г. Как я побыл «бомжом»

Другая и уже совсем неудачная попытка податься в матросы случилась спустя 7 лет после первой, когда окончив институт, перед отправкой на Коломенский тепловозостроительный завод по распределению, я захотел извернуться и провести летний рабочий сезон на Северном море. Через месяц после защиты я должен был выйти на работу, но Лиля укатила до сентября в горы, меня же влекло море. В газетах и журналах не раз сообщалось о молодых людях, которые за сезон проходили все моря северного морского пути.

Было начало марта 1962 года, и думал я недолго: собрал рюкзак и отправился в Мурманск предлагать свои матросские, рыбацкие, какие потребуются услуги. Я пробыл там неделю: днями посещал самые разные предприятия, стремясь хотя бы временно в них зацепиться, вечерами шатался по городу, тоскливо заглядывая в освещенные окна теплых уютных квартир, ни в одну из которых я не мог постучаться, а длинные ночи коротал на вокзальном полу в перерывах между наскоками заступающих в наряд уборщиц, паническими всполохами ночующих рядом коллег: "Менты! Облава!" и побегам от облавы в ночной мороз.

И ни разу мне не улыбнулась удача. Все кадровики прекращали разговор, как только видели в моем паспорте волчий штамп об окончании вуза: согласие на прием таких личностей означало для них уголовное преследование со стороны прокуратуры за содействие "побегу", т.е. за "уклонение от распределения" - как бы я ни объяснял, что никуда уклоняться не собираюсь и что речь идет только о сезонной работе до осени на любых условиях.

На своей шкуре я испытал горечь прозябания никому не нужного и бездомного безработного... Правда, перенес эту историю я много легче, потому что за 7 прошедших лет повзрослел и уже понимал всю условность своих «страданий». Нет, я не перестал быть романтиком и идеалистом, т.е. идиотом, который не влезает в рамки так называемого экономического человека, озабоченного высокой зарплатой за малую работу, но хорошо сознавал, что у меня в Москве есть теплый родительский дом, в Коломне ждёт работа по выбранной специальности, а в Мурманске меня держит не реальная проблема выживания, как большинство моих коллег по вокзальному полу, а юношеское упрямство, или говоря языком прошлого столетия «юношеская прихоть».

В марте 1962 года на станции, которая называется Голутвин и является пригородом старинного города Коломны, началась моя постстуденческая взрослая жизнь.

Глава II. Далёкие и молодые наши годы в Коломне (1962-1964гг.)

Раздел 1. Расставание с марксизмом

Коломна была и остается для нас очень значимым местом и временем. В этом городе начались наша семья, дети и путешествия. Здесь мы вступили во взрослую жизнь и работу.

Считалось, что я был направлен в один из старейших коллективов Подмосковья - Коломенский тепловозостроительный завод для исправления, хотя на деле эта формула была только фикцией, известной лишь отделу кадров. Официально меня числили помощником мастера, реально в цеху сварки блоков судовых двигателей я с первого дня работал сменным мастером, т.е. низовым начальником над рабочими, поскольку это была самая первая должность для молодого инженера (как на фронте новоиспеченному лейтенанту давали в подчинение прежде всего взвод солдат).

Кстати, я довольно быстро понял, что реальных полномочий на управление производственным процессом и самими рабочими у меня не было и не могло быть. Рабочие, особенно из «стариков», в чертежах разбирались лучше меня и выполняли операции техпроцесса без моих советов. На мою же долю оставалась роль молодого и внешне уважаемого подсобника. Часто я брал рукавицы стропальщика, чтобы передать с помощью мостового крана сварной блок от одного рабочего места к другому. Кроме того, на мне лежало обеспечение проверки и сдачи уже исполненных сварных швов военпредам, а в целом - тормозить рабочих к исполнению сменных заданий от старшего мастера.

Уже в новом веке со мной связался, а потом и подарил свою замечательную четырехтомную книгу "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" уникальный человек - ученый социолог А.Н.Алексеев, по собственной

инициативе поставивший себя в положение рабочего и исследовавший 8, 5 лет человека "в системе реальных производственных отношений". В ней много историй и портретов квалифицированных мастеров, знакомством с которыми можно гордиться. Читая ее, я вспоминал свои встречи с подобными же настоящими рабочими из времён своей работы на заводах. Правда, близких общений с ними у меня не складывалось - уж слишком глубоко я был поглощен своими собственными книжными поисками.

«Послать на выучку к рабочему классу» - эта формула не раз употреблённая по отношению ко мне, в советских условиях давно потеряла свой первоначальный смысл, вложенный в неё молодыми и верующими в коммунизм и пролетарскую солидарность Марксом и Энгельсом. Ленин тоже делал много попыток опереться на «инициативу и разум масс», но лишь при контроле (учительстве) своей партии, что сразу выхолащивало демократический пафос его внешне верных слов.

В свое время меня поразило правотой высказывание одного белоэмигранта о том, каким счастьем для страны было бы управление ею не политическими доктринами или жуликами от компартии, а, как говорил Ленин, обыкновенной кухаркой, знающей главное - жить надо в семье и стране по совести и по средствам и не залезать в безнадежные долги и авантюры. Пожалуй, только в Китае с их курсом на «линию масс» осталась какая-то серьезность в отношении к мнению народа, да в действительно демократических странах, где не интриги политтехнологов и политиков, а мнения «кухарок и работяг», в конечном счете, определяют вердикты судов присяжных и выборы президентов. В нашей же советской культуре формула «послать на выучку к рабочему классу» означала лишь «идейное разоружение», т.е. полное прекращение инакомыслия и мышления. Ведь никакой сверхъестественной правотой рабочие не обладали. И мне, выросшему практически в рабочей среде, это было хорошо известно.

Но зато оставался для них и для меня суд совести. Хотя для многих знакомых я оставался несправедливо наказанным и чуть ли не героем, но ведь на мне висело моё собственное покаяние, в главном, совершенно искреннее. Как с ним жить дальше? Именно с этим мне надо было разобраться.

Если я отрекся от своей «Критики программы КПСС» как документа незрелого и неверного, то что у меня тогда осталось за душой? Ведь не мог же я верить в Программу КПСС, как в Евангелие, ведь в нее не верил никто, включая самих разработчиков!

В отличие от них я верил в коммунизм, но что это такое, объяснить никому не мог, даже себе. Единственному известному мне способу познания правды - через чтение авторитетных книг, прежде всего классиков марксизма-ленинизма, я перестал доверять после личной катастрофы 1961 года. Если труды Ленина я проштудировал студентом за полтора года, то тома Маркса и Энгельса не одолел и напополам. Мне оставалось только «думать», пытаюсь самостоятельно ответить на вопросы «что такое коммунизм» и «как можно добиться его реализации»... Почти всю жизнь я предпринимал судорожные попытки найти на них ответы и иногда (ненадолго) мне казалось, что нечто мне удалось понять и сформулировать. И лишь постепенно мне становилось легче и светлее, потому что приемлемых ответов накапливалось больше.

В коломенские годы мои искания я называл для себя подготовкой к философской аспирантуре, куда так и не поступил, но теперь вижу, что мои занятия бесплодными назвать нельзя. В это время оформились многие черты моего мировоззрения.

А само прощание с марксизмом, как с «единственно верным» учением и одновременно с любым иным фундаментализмом и ортодоксальностью, произошло, прежде всего, под воздействием сочинений самих Маркса и Энгельса, знакомства с их пристрастными, но недогматическими

мыслями. Разочарование началось, видимо, еще в студенчестве на занятиях политэкономией или так называемого «научного коммунизма». В коломенские же годы от свободного чтения книг этих великих людей у меня, с одной стороны, окрепла человеческая к ним симпатия, а с другой стороны, совсем отпала нужда искать в их словах истину в последней инстанции. Они стали просто одними из авторов 19-го века.

Пожалуй, моему прощанию с марксизмом, как с догматическим учением, в немалой степени поспособствовало чтение в заводской библиотеке разрозненных томов Гегеля, к которому сами классики марксизма-ленинизма относились, как к своему учителю, источнику сокровенного знания, кладезю непостижимой мудрости, хотя вместе с тем и отвергали его объективный идеализм, как поповскую чушь. Как ни странно, большая часть гегелевских томов оказалась моему пониманию вполне доступна (в их основе лежали студенческие записи его университетских лекций), посвящена философии истории и искусства, даже просто интересна. В другие же тома вроде «Науки логики», сплошь заполненные какими-то схоластическими построениями, я не смог себя заставить войти (они даже Ленину казались «архитемными»). Мне они не были интересны, как не интересна математика, раз из нее не сделаешь мировоззренческих выводов. Хотя возможно именно отсюда Маркс и Энгельс вынесли свой пиетет перед гегелевской логикой.

Для меня Гегель оказался обыкновенным большим философом, но никак не гением, т.е. не обладателем абсолютной истины, на что я надеялся. Что же касается усвоенной классиками через Гегеля диалектики, то оказывается, с ней «разобрался» еще Аристотель, когда писал свою замечательную «Логикку», отделяя однозначную правду от многозначных ответов диалектики или даже проще от ложных вывертов софистики древнегреческих демагогов и юристов - и тем рождая науку. Но Аристотеля я прочитал только в Бутырке, спустя 20 лет. И лишь тогда окончательно

расстался с пиететом перед диалектикой, конечно, не забывая при этом ни парадоксов мышления, ни теорем Геделя о неполноте знания, ни фундаментальных противоречий в законах физики на границах с познаваемым, что доказывают лишь то, что мир бесконечен, непознаваем до конца и потому так противоречив.

И ведь как интересно: сами классики «научного коммунизма» и даже «верный ученик» Ленина товарищ Сталина говорили о невозможности познания абсолютной истины, но в их устах это были только философские утверждения, находившиеся в разительном противоречии с их собственными фундаменталистскими привычками. Все советские вожди клялись в верности Ленину и тем творили ленинизм. Сам Ленин, его коллеги и соратники клялись в ортодоксальности и тем из работ Маркса и Энгельса творили марксизм, но и у Маркса с Энгельсом имелась школярская привычка иметь авторитетного учителя, и они нашли его в Гегеле. Их убеждение в научности собственной веры было тоже иллюзией. На деле они были не вечно сомневающимися учеными, а великими вероучителями для множества людей XX века. Потому так долго проходило у меня расставание с их авторитетностью. После них моими учителями стали все известные мыслители человечества в целом, и нужно было успеть прочесть и усвоить их уроки.

Как оказалось впоследствии, усвоение получилось трудным: приходилось вечно сомневаться, пересматривать и утверждаться в основах своей веры. Уехав из Коломны, я длинными летними днями сидел в Ленинской библиотеке и увлечённо конспектировал современную шеститомную «Историю философии», изданную для студентов-философов. Фактически я получил в достаточно системном и детальном виде знания о том, чему и как учили людей мира их учителя. Это позволило мне в последующие годы постоянно с интересом читать «Вопросы философии» и ощущать себя достаточно уверенным в любых мировоззренческих спорах. По крайней мере, меня уже нельзя было смутить обычным

наглым возражением: «Да что ты понимаешь?» - Потому что многое прочитал и понимал.

Простившись с марксизмом, я ещё долго изживал его категории. Одно из привлекательных понятий - «отчуждение труда», из которого Маркс развил впоследствии свой основной антикапиталистический и даже антирыночный пафос. Искусственность такой трактовки труда и якобы наживающегося на нем капитала стала ясной мне в студенческие годы, прежде всего, в споре с Р.Косолаповым, а сейчас я пытался разобраться тщательней, но у меня ничего не получилось. Кроме простых, часто абсурдных банальностей, что наем рабочих при любых условиях есть отчуждение их труда в наемное рабство, я ничего не выудил. Тем не менее, пришлось писать реферат на эту тему (вернее, о социологии труда) по приглашению киевского профессора А.А.Зворыкина. Настроенный на поступление в философскую аспирантуру и не имея других предложений, я соглашался стать социологом, но потом был просто рад, что проект расстроился, ибо ничего хорошего там меня не ждало, лишь разочарование.

В те же коломенские годы я простился и с экономическим марксизмом - и тоже без особых сожалений. Помню, что довольно долго я пытался понять, как из марксовых балансовых уравнений следует неизбежность экономических кризисов, запутался и бросил это занятие, видимо, набрел на чье-то пояснение, что таким путем уяснить механизм действия экономики невозможно.

Еще в студенческие годы я был увлечен вопросами кибернетики, в том числе и начинавшимися тогда в Академии наук СССР темами математического, оптимального планирования (через 8 лет судьбе было угодно отправить меня на работу прямо в тот Центральный экономико-математический институт - ЦЭМИ). Я с интересом читал немногочисленные тогда публикации, предполагая, что уже на моих глазах кибернетика усовершенствует планирование до такой степени, что рынок окажется ненужным. Но довольно скоро (кстати, с помощью первых публикаций ЦЭМИ) я

понял, что такие надежды беспочвенны даже в перспективе. Рынок неисчерпаем подобно океану. Наверное, это и заставило меня окончательно сказать себе: «Я рыночник и, значит, не марксист».

И все же в марксизме есть то, с чем я не расстался до сих пор - представление о коммунизме как о светлом будущем человечества. И думаю, я не один среди сверстников. Более плотное знакомство с историей коммунистических учений, начиная с первобытья, только убедило меня в неискоренимости этого идеала в человеческой природе и привело к решению, что я не имею права от него отказываться. Тогда же я убедился, что в учение о коммунизме Маркс и Энгельс ввели очень важное уточнение, а именно категорическое отрицание уравнилельного, казарменного коммунизма, как явного регресса по отношению даже к современной буржуазной цивилизации. При выборе между рыночным принципом свободы труда и потребления, конечно, в рамках заработанного, и казарменным распределением продуктов поровну Маркс и Энгельс однозначно голосуют за свободу и рынок, ибо лишение всех людей свободы, рыночных стимулов к труду и развитию обрекает все общество на быстрое вымирание. Кроме того, мне стало ясно, что современный капитализм во многом отличается от первоначального жесткого капитализма, при котором общество снимало с себя ответственность за поддержание нормальной жизни членов общества, неспособных к эффективной работе на рынке (детей, больных, стариков и т.п.). Нынешнее рыночное общество справляется с этими задачами, конечно, не идеально, но лучше любых схем принуждения людей к равенству.

Более терпимо, но все же отрицательно следует отнестись к надеждам многих проповедников коммунистических учений на моральное совершенствование людей, которые, мол, в будущем сами будут осуществлять балансирование производства и потребления, стараясь работать как можно больше и полезней, а тратить на себя как

можно меньше и экономней. Такое может реально существовать лишь в рамках естественной семьи или авторитарной идейной организации типа монастырского общежития, члены которого добровольно самоограничивают свою свободу и эффективность на рынке.(вроде израильских кибуцев).

Классики же марксизма-ленинизма момент наступления коммунистического общества связывали принципиально с иными предпосылками - не с моральным ригоризмом и тем более не с принуждением, а с широчайшим развитием производительных сил, которые должны обеспечить полное изобилие производимых товаров. Я принял их предвидение с благодарностью, хотя и звучало оно фантастически. Но ведь в XIX веке производство полезных товаров росло чрезвычайно быстро и продолжается до сих пор, так что подобные надежды вовсе не беспочвенны. Напротив, казалось совершенно естественным, что если, допустим, хлеба и мяса произвести в два раза больше, то на всех хватит с избытком, и работать после этого придется много меньше, и люди станут работать просто так и на любом полезном месте.

Однако время убедительно показало, что хотя в рыночном обществе относительное изобилие и народное богатство растут, но коммунистическое изобилие не наступает, ибо потребности растут еще быстрее. «Виноваты» и рост народонаселения, и изменение самой структуры потребностей. Сейчас видно, что так будет всегда, а поскольку научно-технический прогресс возможен только в условиях рынка, то неизбежен вывод, что и рыночное хозяйство также будет вечно необходимым для человечества.

Так что ж, коммунизм - неосуществимая утопия, надо забыть? Я отказываюсь это подтверждать по двум причинам. Во-первых, даже признав коммунизм неосуществимым идеалом, нельзя отрицать его полезность, раз в результате устремленности к нему общество постоянно совершенствует право на выживание в нормальных условиях и нерыночных

людей, что происходит с социал-демократией на Западе. Ведь примерно к такому выводу в конце жизни классиков пришел их любимый ученик Эдуард Бернштейн, хлестко выразив его немногими гениальными словами - «цель - ничто, движение - все» и тем самым отделив умеренную европейскую социал-демократию от будущего радикального ленинского коммунизма. Такие же выводы сделала немалая часть членов КПСС в пору горбачевской перестройки.

Но основная причина сохранения моей веры в то, что час свободного коммунизма все же реально наступит, заключалась в открывшейся надежде на ЭВМ (теперешние компьютеры), на роботов умнее человека, которые обеспечат полностью автоматизированные, безлюдные производства. Такие заводы тогда рекламировались, как уже осуществляющаяся реальность (хотя на деле их функционирование требовало участия гораздо большего числа квалифицированных работников, чем обычное производство). Кстати, хороший анекдот на тему наших чрезмерных ожиданий был приведен в одной из тогдашних публицистических книжек. Участники конференции по искусственному интеллекту были неприятно встревожены сообщением о том, что в московском метрополитене уже установлены и даже действуют автоматические устройства, способные выявлять и задерживать лиц с порочными нравственными наклонностями, склонных к совершению преступлений. Только узнав, что авторы имели в виду простые турникеты для пропуска пассажиров, участники облегченно вздохнули.

Мне хотелось верить, что человечество будет освобождаться от труда ради выживания, но у него хватит сил быть закваской процесса космического расширения Разума в вечность и бесконечность, при котором люди и машины будут находиться в вечном союзе (симбиозе). Впоследствии я всё больше укреплялся в мысли, что в будущем будет более изобильный и приспособленный к человеку строй, при котором потребление основных продуктов жизнедеятельности

человеком будет происходить наравне с чистым воздухом и чистой питьевой водой, и сотворённые людьми и роботами, ставшими людьми, продукты будут распределяться по правилам традиционного свободного рынка. В этом собственно и заключается мое нынешнее видение будущего свободного (рыночного или буржуазного) коммунизма. Родилось оно более-менее отчетливо в коломенские годы.

Раздел 2. Начало семейной жизни

Первые месяцы в Коломне я был просто одинок, хотя вместе со мной туда были посланы еще пять моих одногруппников. Но три подмосковные девушки быстро договорились о переводе их на

предприятия по месту жительства, а двое ребят оказались в другом цеху. Поселили нас в разных комнатах, и встречаться им и мне не было особого резона. Через несколько месяцев Юра Ладыгин все же уехал, найдя подходящее предприятие в родном городе Ржев, где и остался на всю жизнь, а наш замечательный абхазец-патриот Заур Агрба остался в Коломне на три года всерьез и уехал домой только по окончании срока с серьезного поста старшего

мастера рамно-кузовного цеха (его организаторские способности были группе известны) - это уже была явная заявка на заводскую карьеру начальника цеха или отдела, однако, для всех нас Заур был не представим без работы на свою родную Абхазию. Он вернулся в отчий дом в Гаграх за первым номером на улице Свободы (бывшей улице Сталина), работал зам.директора курорта в Пицунде, секретарем горкома в Гаграх, зам. Председателя Верховного Совета Абхазии... Мы несколько раз заглядывали попутно в его дом, встречали

вежливый радушный привет, но вспоминать одноклассников он не стремился. Со времён перестройки мы уже почти ничего не знали о Зауре, кроме печального сообщения, что в эти годы он потерял своего сына и сейчас нашел прибежище с семьей в Воронеже. К встречам с группой у него интереса нет.

Лидя: Витя начал работать на Коломенском тепловозостроительном заводе почти сразу после защиты дипломного проекта (мы защищали его в феврале), а я появилась в Коломне только в сентябре. Конечно, меня отчитали за полугодовой прогул, но я зато хлебнула гор по максимуму: сперва горнолыжная смена в Алибеке и на хижине, потом у родителей дождалась первой альпинистской смены в Цее, а за ней оказалась и вторая и наконец, в августе поход с друзьями на Алтай. Путёвки на Кавказ были чуть ли не бесплатные - в Училище была мощная альпсекция, а алтайский поход скрытно от меня спонсировал уже работающий Витя. Я ж запомнила только большой букет цветов от невесты откуда взявшегося на перроне Вити.

Кроме радости от знакомства с навсегда полюбившимся Алтаем, я привезла в Коломну растерянность от отчуждения друзей. Окрепшая от хождения по Кавказским горам, я должна была бы брать на себя большую тяжесть бивуачных забот, да и требовать более тяжёлого рюкзака, разгружая других, а я этого не понимала и теперь съедала себя за толстокожесть и ревела от потери друзей, как мне казалось, навсегда.

Витя, привыкший к моей невнимательности, просто тихо мне радовался, развлекал прогулками по Коломне и её окрестностям. Разговоры с участниками похода ничего ему про меня не добавили. Он любил меня со всеми моими недостатками, любил, как сказал позже, земную женщину. Удивительно, но прошло всего две недели, и мои беды отступили перед моим вторым открытием Вити, уже не как независимо мыслящего, стойкого, не отступающего от своей главной линии жизни, а как надёжной опоры, источника добра и радости и вообще симпатичного парня. Куда я

раньше смотрела? Мы сняли комнатку с кухонькой в малюсеньком низеньком доме, типичном доме заводского рабочего начала XX века, рядом с заводом. Регистрироваться мы не решились, иначе Витя не смог бы вернуться к родителям и вернуть себе московскую прописку, а мы оба собирались поступать в очную аспирантуру, да и отрываться от родителей не хотелось.

Витя работал сперва сменным мастером в сварочном цехе, а через год переиёл в Отдел главного сварщика. Я - совсем недолго была поммастера в кузнечно-штамповочном, цеху, а потом до аспирантуры (с перерывом на дородовый и послеродовой отпуска) работала в Отделе главного технолога.

По Витиному сообщению (на другой день после первого поцелуя) каждой здоровой семье нашего общества полагалось 2,3 ребёнка. Я начала торговаться, и с одного Витя огорчённо уступил на 2. Это потрясшее меня понимание молодым человеком, как должна быть правильно устроена семья и его сильное огорчение, когда пришлось согласиться на двоих детей, время от времени выплывало из моего подсознания в сознание, пока не вызрело в готовность выносить ещё одного ребёнка. Бог дал тогда не одного, а двоих - повезло.

Но в Коломне у нас был тогда только Тёмушка, с рождением которого мы переехали уже в обычный частный дом с яблоневым садом и с множеством комнат, одну из которых в 5 кв.м мы снимали. Вода - в колодце на соседней улице, для готовки и кипячения пелёнок - керогаз, установленный в холодных сенях, керосин в определённые дни - в керосиновой лавке. И всё же от тех месяцев осталось ощущение полноты счастья. Возвращаясь с работы, Витя подхватывал ведро с нечистыми пелёнками и возвращался почти к заводской проходной, к общежитию, чтоб в вольной воде выстирать пелёнки, которые я потом кипятила, полоскала, сушила во дворе на верёвках, а Витя гладил.

Чешская книга, по которой мы растили нашего первенца, требовала идеальной чистоты от пелёнок.

Витя купил бадминтонные ракетки, и на своей безмашинной улице, отодвинув подальше от летающего воланчика коляску со спящим Артёмкой, мы радовались общей игре. Витя даже отпускал меня в заводской спортзал, и я играла в любимый баскетбол. А по воскресеньям он предоставлял мне возможность уходить в читальный зал для подготовки к экзаменам в аспирантуру. В библиотечной тишине я быстро засыпала на раскрытом учебнике, а просыпалась с чувством вины и благодарности. Я до сих пор удивляюсь тому, что 24-летний Витя мог так ценить и пестовать мои потребности, хотя его собственные нужды в свободном времени были постоянно неутолёнными.

Своё членство в комсомоле он восстановил ещё до моего приезда, активно откликаясь на комсомольские инициативы. Отказываться от дальнейшего осмысления и участия в общественной жизни он не собирался и нацелился на поступление в аспирантуру на кафедру философии, для чего читает Маркса, открывает для себя его и Энгельса личности, вгрызается в Гегеля, которого Маркс считал своим учителем, читает утопистов, как и он мечтателей о лучшей жизни для народа.

В начале 1963г. Витя заканчивает "Мировоззренческие наброски", которые предварял следующим:

"В "Набросках" сформулировано моё миропонимание, моя модель действительности, кредо, символ веры (символ веры, потому что здесь почти нет доказательств, одни гипотезы, ждущие доказательств), приведён в относительный порядок накопленный ранее материал: перепечатано большое количество ценных для меня цитат. Сейчас у меня одно желание, чтобы "Наброски" были последней работой на полку, для себя, желание делать что-то для всех открытое... Цель - уяснить общие закономерности мира, правильно предвидеть будущее, чтобы правильно действовать"

Продолжая считать коммунистическое общество желанным для себя и людей, он искал пути к нему, через критическое отношение к официальной теории - ибо "она занимается больше оправданием политики руководства, а не установлением научной истины". Коломенские годы - время горячей поддержки "развития кибернетики, которое даёт возможность переосмыслить все результаты общественных наук, поставить в будущем на место качественных законов - количественные" (реферат "Некоторые вопросы философии кибернетики").

На третьем году работы на Коломзаводе Витя пытается поступить в аспирантуру на кафедру философии в наш институт, где был разрешён приём своих выпускников, но не был отпущен с завода (не получил характеристику, а характеристику для моей аспирантуры мы с ним "выходили", поочерёдно напрашиваясь на приём к тем, кто должен был поставить подпись). В следующем, 1965году, когда три обязательные года отработки по распределению закончились, наша кафедра философии аспирантов не набирала.

Тогда он попытался поступить в аспирантуру Института истории философии АН СССР, чтобы заняться социологическими исследованиями по темам философского профиля. У нас сохранился его реферат "Неудовлетворённость трудом как один из факторов технического прогресса", выросший из доклада, сделанного на одном из семинаров в этом институте, которые Витя посещал после возвращения из Коломны. Кажется, основная причина отказа в приёме была - отсутствие диплома историка. Не получилось также поступить в аспирантуру кафедры философии МЭИ.

В те годы я постоянно поражалась тому, как прочитанное шло ему на пользу: выращенный в юности мировоззренческий "ствол" интенсивно обрастал новыми ветвями и веточками, становясь плодоносящим, своим трудом выращенным деревом. Его новые знания не могли рассеиваться, т.к. были предназначены не для

совершенствования себя, своего ума. Сам себе Витя был не интересен. Важно было изучить, понять политические и экономические ситуации, закономерности, чтобы знать наверняка естественный путь страны и на этом пути быть ей полезным. Он уже освободился от мифов и иллюзий реального социализма, изжил их. Доверие же к людям и их вековым идеалам позволило ему не впасть в грех очернительства существующего строя, а направить усилия на поиски выхода.

Например, кибернетику он воспринял как науку, открывающую фантастические возможности для коммунизма, т.к. она обещает сделать производство полностью автоматизированным, а людей, значит, свободными от обязательного труда. Научная фантастика была интересна тем, что она проигрывала варианты будущего.

Честно говоря, только сегодня я способен понимать, что в то коломенское, как бы ссыльное безвременье, в моих мыслях многое начало оформляться и проявлялось. Тогда же оно представлялось поначалу лишь тоскливым и хаотичным чтением после работы в ожидании очередной субботней поездки к друзьям в Москву. Но с приездом Лили тоску быстро вытеснило трудное счастье устройства жизни молодой семьи, служения жене и ребенку.

Совместная жизнь украдкой в разных общежитиях (ДОПре и ДИТРе) сменилась арендой насквозь продуваемой коломенской избушки, в которой мы выдержали только одну, но очень морозную зиму 62-63 года, а осенью вместе с первенцем перебрались в более дорогую пятиметровку теплого частного дома. А как мы радовались позже, когда Лиля, как молодой специалист с ребенком, получила от завода 13-метровую комнату в коммуналке с кухней на четыре семьи. Нам в ней жилось непросто, но становилось все лучше и лучше, тем более что постепенно ширился круг новых знакомых, осваивались достопримечательности и окрестности. И наверное, стало бы совсем хорошо, если бы не манящее

влияние Москвы, где студенческие друзья, ожидаемые аспирантские работы вместо скучного отбывания на работе. Коломна не виновата в том, что именно в ней я ощущал себя в положении ссыльного или эмигранта, но точно не бездомного, как в Мурманске, когда за неделю шатаний по городу и вокзальных ночевок, меня просто проняло, что значит быть бездомным... Переехав 45 лет назад в Москву, мы всё ещё ностальгируем на этом имени, по своему молодому счастью.

Кроме семьи, главным в Коломне была предстоящая аспирантская учеба.

Лилин путь был предельно ясен: у нее уже была договоренность об аспирантуре на родной кафедре. Я же так и не определился до конца даже в намерениях. Чем больше я тонул в своих чтениях и яснее понимал, что мне нечего делать на путях марксизма, тем бессмысленней становился сам план выстраивания своего мировоззрения через философскую аспирантуру.

Осознанию бесперспективности этого плана помог случайный разговор на кафедре философии МГУ с неким дежурным сотрудником (может, аспирантом или даже студентом) в пустынные летние месяцы. Узнав про мои долгие поиски возможности поступления в аспирантуру по интересующим меня темам, он присвистнул и легко заявил, что я глубоко ошибаюсь, что никогда никакие выдающиеся философы из аспирантуры не выходили и выйти не могли, ибо изучение догматических текстов только сушит мозги, а не помогает рождению истины. Я сразу поверил этому голосу, даже устыдился про себя, что так легко забыл про партконтроль и начетничество в МГУ. Да и кого из советских философов можно назвать выдающимся? Конечно, у меня и в мыслях не было стать философом. Мне было важно дойти до упора в споре о коммунизме, но теперь как будто упали шторы с глаз: кто же тут, в МГУ, станет до истины докапываться? Да и кто из идеологов партии такое позволит? Вся моя жертвенная затея с поступлением в философскую аспирантуру (включая стыдное возвращение в комсомол) ради нахождения

истинного мировоззрения вдруг увиделась каким-то идиотизмом. Подобно голому королю в андерсеновской сказке слова «мальчика» меня разом отрезвили и окончательно направили к свободному самообразованию.

Эпизодически я еще посещал семинары на философском факультете и в Институте на Волхонке, а также в Институте истории естествознания и техники Б.Кедрова, но со временем (когда переехал в Москве), такие контакты перестали меня волновать, и я ограничился чтением статей по интересующим меня темам в журнале «Вопросы философии», который долгие годы выписывал.

Однако упрямство мое еще не было сломлено. Теперь мои планы стали более реалистичными и сузились до аспирантуры на кафедре философии нашего МВТУ по теме философии естествознания, в которой иссушающий диктат партийности был скромным. По рекомендации своего прежнего преподавателя философии Гудожника (с которым еще в студенческие годы спорил о машинах умнее человека) я был выслушан заведующим кафедрой П.К.Ионидами, который подтвердил возможность поступления к нему в аспирантуру и одобрил тему, которая меня интересовала. Не откладывая, я написал реферат на тему будущей диссертации. Текст его под очень общим и потому условным названием «Энтропия и информация» сохранился в моем архиве.

Сейчас этот реферат мне интересен лишь потому, что он впервые обрисовал главную мировоззренческую проблему, которая осталась во мне навсегда: «что есть мир и есть ли в нем путь для вечного создания и расширения в бесконечность разумной жизни?» Только теперь он стал вечной, многократной точкой возвращения к основаниям собственной веры, своего кредо.

Так что и эта сторона моего мировоззрения начала формироваться в коломенские годы, кстати, во многом в прямой тени огромной ЭВМ заводского ВЦ, этого тогдашнего воплощения будущего Разума

Дело в том, что с рождением первенца и необходимостью регулярно помогать Лиле, я перешел со сменной работы в цеху на дневную работу в отделе главного сварщика, что позволило нам нормализовать свой быт. Утром я отвозил Темушку бабе Насте, а в третьем часу дня его забирала Лиля, поскольку она, как кормящая мать, имела право укоротить свой рабочий день. Вечером же я имел возможность вести стирку-глажку пелёнок и отпускать иногда молодую маму в библиотеку и на баскетбол.

Вроде бы занятий у меня прибавилось, но свободного для размышления времени стало больше. Во-первых, избавление от ночных смен просто на треть увеличило мою жизнь, потому что после ночной смены я способен был только урывками отсыпаться, а во-вторых, простейшие обязанности сменного мастера по отслеживанию и проталкиванию через рабочих и контролеров своих объектов забирали меня целиком, доставляя, в основном, одни огорчения и неприятности из-за провалов, потому что возможные успехи были основаны, главным образом, на неофициальных отношениях с контролерами и иными начальниками, к чему я был просто не способен. Став же рядовым технологом, я необыкновенно упростил свою жизнь: получая твердое месячное задание по написанию очередного типового техпроцесса и ежедневные разовые поручения начальства в цеху. В остальном же неофициально я получил реальную свободу распоряжаться собой, чем и стал широко пользоваться: увеличивать обеденное и иное время отдыха для чтения и конспектирования книг, уходить «курить» на безлюдные лестничные марши и т.д.. Особенно полюбилось мне «гостевание» в машинном зале вычислительного центра по согласию программистки Любы, познакомившейся с нами на каких-то горкомовских активистских посиделках, куда меня часто зазывали после восстановления в комсомоле. На «активах» то планировалось учредить очередное молодежное кафе (сколько их в России было?), то какой-то очередной популярный лекторий и т.д. С рождением Темы наши

посещения тех активов прекратились, но приятельство с Любой и ее подружками на ВЦ осталось и оно подарило мне много светлых часов.

Обычно я подгадывал очередное порученное мне разбирательство с чертежами в цеху ближе к обеду, чтобы быстро завершив свою миссию и наскоро отобедав комплексом за 30 или 40 копеек, явиться в ВЦ, пройти за машинные шкафы, облюбовать один из пустынных монтажных столов, развернуть свои бумаги и книги и погрузиться совсем в иной, почти фантастический будущий мир бесконечно умных машин и вечного человечества. Давным-давно та ЭВМ превратилась в хлам, нынешние компактные персоналки во много тысяч раз мощнее и совершеннее её. Но именно та машина, тихо гудящая вентиляторами, переливающаяся сотнями работающих диодных или триодных ламп, шуршащая перфокартами и рулонами лент, именно она передала мне ощущение будущего машинного разума - тогда, в Коломне и на всю жизнь...

Раздел 3. Информация и энтропия. Три начала мира

Но почему все же энтропия и информация? Почему в моем реферате были сопоставлены основные категории двух разных направлений технического знания. - старой термодинамики и новой кибернетики? Конечно, эту связь придумал не я, я лишь ее усвоил из тогдашней книги французского ученого Л. Бриллюэна «Наука и теория информации», 1961г. Она стала как бы затравкой моего реферата.

Кстати этот реферат так и не был принят, и я не стал аспирантом кафедры философии. Но сейчас я вновь вернусь к темам того реферата, чтобы описать развившееся в дальнейшей жизни и спорах главное кредо своего атеизма, а правильной сказать, кредо термодинамической веры в

бесконечное человечество, даже переходя на общепринятые религиозные понятия.

Если верующий христианин прежде всего говорит, что он верует в вездесущую Троицу - Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого духа., так и я верую в три основных закона сущего мира, как в аксиомы. Они называются тремя началами термодинамики и изначально были сформулированы в моем сознании необычайно чеканно и красиво:

«Перпетуум мобиле (вечный двигатель) 1-ого рода невозможен.»

«Перпетуум мобиле 2-го рода невозможен.»

«Перпетуум мобиле 3-го рода невозможен.»

Я услышал эти формулы на лекции профессора Н.Н.Прохорова по теоретическим основам сварки, сразу полюбил их и, как оказалось, на всю жизнь. Их глубинный смысл на уровне своего понимания попытаюсь раскрыть ниже.

Совсем не случайно всеобщие законы мира были впервые осознаны и сформулированы именно в термодинамике - первой технической науке, возникшей в начале XIX века. Только с созданием тепловых вездесущих машин реально началась европейская промышленная революция, эра всемирного технического прогресса. Основами термодинамики стали не только догадки ученых, а огромный промышленный опыт функционирования тепловых машин. В переводе же на общепонятный язык в положительном звучании три невозможности вечных двигателей выявляют главные законы существования мира, а именно:

Первое начало термодинамики про невозможность вечных двигателей, если к ним не будет обеспечен подвод материи и энергии (топлива) извне, в положительной формулировке равносильно утверждению о вечном и бесконечном существовании потоков материи и энергии (и любых двигателей на них). Да, материя и энергия не могут быть созданы из ничего, но они все время приходят к нам с помощью Разума для нашей пользы из неизвестного мира и уходят после использования в космическую пустоту

бесконечного Ничто. Весь наблюдаемый нами мир есть вечные потоки материи и связанных с нею энергии и информации из Нечто в Ничто, что как раз и доказывает открытость, незамкнутость, неисчерпаемую бесконечность внешнего мира .

Действительно, если бы в наш мир не поступала откуда-то извне новая материя, энергия, информация, он уже давно смешался, потерял бы всякую структуру, превратился бы в однообразную свалку обломков бывшего разнообразия или еще круче, в единый межгалактический газ. Но этого, слава Богу, нет и не предвидится, что убедительно доказывает полную открытость мира и то, что в нем всегда есть и будет звездная бездна, откуда приходят потоки материи и энергии, позволяющие нам устраиваться в мире. Поэтому правильной закон сохранения материи и энергии формулировать следующим образом: «Материя и энергия не могут произойти из Ничего, но их можно взять из внешнего Нечто и после использовать. Только надо знать, каким образом этими потоками следует управлять». До возникновения термодинамики, мануфактурная Европа, крайне нуждавшаяся в постоянно работающих двигателях (водяных и ветряных мельниц явно не хватало) была заполнена многочисленными изобретателями вечного двигателя, способного, мол, производить энергию из «ничего». Сплошные провалы таких проектов заставили утомленную Французскую Академию наук принять решение о нерассмотрении их в дальнейшем, ввиду невозможности их функционирования.

Наверное, это решение и было первым признанием физического закона о невозможности сотворения материи и энергии из ничего. Изобретение же паровой машины решило проблему вечного двигателя, обеспечив вечный подвод постоянного количества тепла к двигателю сначала из горящего угля, потом из иных внешних источников накопленной внешней энергии.

Мне всегда казалось странным, что естественное представление о бесконечном мире, не принималось многими

замечательными умами. Потом я догадался, что так происходит по их изначальной религиозной вере в начало и конец мира по воле Бога. В течение жизни мне пришлось убедиться в том, что эта вера широко распространена и что скорее мое атеистическое видение бесконечного мира является исключением. Религиозные же люди всю непознаваемую глубину мира обозначают словом Бог, что позволяет им о реальном мире вокруг говорить, как о довольно простом и известном им устройстве, внутренне замкнутом и действующим по инерции. С одной стороны, такая уверенность позволяла верующим людям решительно действовать и добиваться успехов, а с другой стороны, приводила к мировоззренческой безнадежности, вроде вывода о неизбежности «тепловой смерти» нашего мира, как к прямому следствию

2-ое начало термодинамики утверждает невозможность работы двигателя без холодильника (или без выхлопной трубы в окружающую двигатель холодную атмосферу). Для постоянной работы машины в ней самой должен быть организован постоянный и регулируемый поток энергии, что возможно только в виде самопроизвольно происходящих процессов.

Второе начало термодинамики утверждает этим, что в мире самостоятельно (сами по себе) происходят только процессы смешения и рассеяния материи и энергии, но не строительство систем и приведение их в порядок. Двигатель с нагретым паром в комнате может остывать, т.е. терять энергию, производя при этом какую-то полезную работу, но лишь до тех пор, пока его температура не выровняется с температурой комнаты и в связи с этим не прекратятся всякие потоки тепла или иной энергии. Ни при каких обстоятельствах двигатель не может работать, понижая температуру в комнате ниже ее среднего уровня и тем самым самопроизвольно творя различия в уже достигнутом однообразии, ибо это противоречит общему закону усреднения и сглаживания

различий в любой материальной системе, т.е. тому же самому 2-му началу термодинамики.

3-ье начало термодинамики (или правило Нернста) толкует примерно о том же, утверждая лишь, что абсолютный нуль температуры материальной системы недостижим, и потому нельзя построить вечный двигатель на потоке энергии от окружающей «теплой» среды к абсолютному нулю. Все физические эксперименты подтверждают справедливость этого утверждения: даже приближение к абсолютному нулю требует очень высоких энергетических и информационных затрат. Но как в случае с первым и вторым началами термодинамики, применительно ко всему миру 3-е начало термодинамики лишь обозначает часть истины о нем, как о вечном двигателе на практически вечном потоке энергии от горячих Солнц к рассеянию в холодном и бесконечном Космосе, возможно наполненном полным порядком близ абсолютного нуля. Вера в мир как в вечный двигатель вызывает веру и в то, что человечество сможет оседлать все космические потоки и построить свою бесконечную цивилизацию на коммунистических и рыночных началах. А иной картины мира и веры мне не нужно.

Я понимаю, что, глядя на Солнце, очень хочется узнать, откуда у него берутся такие чудовищные, практически неисчерпаемые источники энергии. И вопрос этот законен, если понимать, что ответы на него могут быть только частичными и относительными. Как и любые ответы на иные вопросы о Бесконечности, например, о глубинном устройстве материи. Мы уже сейчас знаем, что вещество состоит из атомов, а те из различных микрочастиц и поэтому законен вопрос о том, из чего состоят сами микрочастицы, особенно в связи с их вероятностной природой. Но незаконно утверждение, что мир состоит из пустоты, поскольку в пределе деления все материальные частицы становятся бесконечно малыми. Приравнивание бесконечно малого к пустоте - есть просто методическая ошибка. Такой же ошибкой является вывод о том, что раз Солнце и иные звезды

источают энергию, то они в конце концов ее обязательно истратят, и мир погаснет. Я же верю, что если одни звезды погаснут, то другие возникнут, а весь мир в своем движении и разнообразии вечен и не исчерпаем.

Выше я сравнил свою веру в три начала термодинамики с верой христианина в Божественную и Единую Троицу. Если это сравнение можно наполнить соответствующим содержанием, то получится объяснение обоснованности этой догадки.

1-е начало термодинамики о потоках энергии, материи и информации из Бесконечного Космоса вполне сопоставимо с понятием Бог-Отец (в солнечно желтом одеянии) - Творцом всего сущего. Ещё Гераклитом ввёл понятие вездесущего Огня (или потоков света Солнца), от которых исходит вся энергия.

3-е начало термодинамики о недостижимости абсолютного холода и порядка в бесконечном Космосе координирует с понятием непостижимости и бесконечной глубины замыслов Бога Духа Святого (в синем одеянии). После того, как появилась очень правдоподобная гипотеза, что только в Космосе возможно возникновение и сохранение сложных органоподобных молекул, способных дать зародышам жизнь и на Земле, и на всех планетах с благоприятными условиями, стало понятно, что бесконечно глубокий и холодный Космос может быть местом пребывания и глубочайшего разума, хотя никакого проявления его влияния на наш мир мы не знаем.

И наконец, наиболее близкий и человечный Бог-Сын (в зеленом одеянии), указующий путь людям к Жизни Вечной, координирует с положительной трактовкой 2-го начала термодинамики, которое определяет путь к овладению знанием и природой в целях построения с их помощью разумного мира. Это же начало термодинамики в своём отрицательной трактовке утверждает стремление косной материи к покою и к смерти всякого внешнего импульса, к хаосу.

Обе стороны второго начала не следует отделять друг от друга, как не следует слова о неизбежности смерти всего живого отделять от твердых надежд на Жизнь Вечную. Напротив, утверждая вечность и бесконечность потоков энергии и материи, нельзя забывать, что сами по себе материя и энергия стремятся к рассеянию в космосе или к равномерному распределению в ограниченном пространстве просто потому, что такие процессы повышают степень вероятности, т.е. устойчивости существования этих систем. Справиться с этим стремлением можно только с помощью информации об этих потоках.

Такое вероятностное толкование 2-го начала было дано в XIX веке замечательным австрийским ученым Л.Больцманом. Он сказал примерно так: «Любые самостоятельные изменения в замкнутой системе могут происходить только с повышением степени ее вероятности или меры ее энтропии - до максимума последней». Его формула удивительно проста и понятна: все, что происходит с миром, ведет в сторону большей вероятности, большей устойчивости его существования. Истина эта почти банальна: существует лишь то, что стремится к своему существованию. И как раз существование нашего разнообразного мира доказывает, что внешние источники этого разнообразия не менее вечны.

В последующие десятилетия физики выявили вероятностную природу материи уже на самом фундаментальном уровне микрочастиц, а теорема Геделя уже математически обосновала неформализуемость, т.е. содержательную незамкнутость мира. Немудрено, что в годы жизни Больцмана под обаяние его вероятностного объяснения второго начала попало множество ученых и мыслителей.

Так, версию неизбежной тепловой смерти мира безоговорочно принял такой замечательный исторический оптимист, не догматик и борец за светлое коммунистическое будущее - Ф. Энгельс. Тем самым он как бы зачеркнул все основные цели своей жизни. Почему это произошло? - Думаю,

потому что он не принял мысль о бесконечности мира. В глубине его души таилось убеждения о сотворении мира и полученном им при этом творческом импульсе. Но если у религиозных людей такое убеждение совсем не равно мысли о всеобщей смерти, ибо дополняется верой в загробную жизнь, то для атеиста Энгельса оно равносильно признанию бессмысленности любого существования. В этом смысле я должен принять высказывание отца Сергея Желудкова в переписке с ученым Кронидом Любарским, что материалистический атеизм кошмарен и способен только отчаивать людей бессмысленностью существования (конечно, если мир конечен - В.С).

В отличие от людей XIX века я не получал в детстве религиозного воспитания и, наверное, потому, мысль о вечном и бесконечно разнообразном существовании мира вошла в меня очень естественно, как будто была в нем всегда. А вот версия тепловой смерти мира до сих пор представляется какой-то чудовищной нелепостью. И действительно, если мир уравнивается и распадется, то почему он не распался раньше? И вообще, с какой стати вдруг наш многокрасочный мир возник? Без ссылки на совсем непонятного вездесущего Творца тогда не обойтись, что для меня равнозначно тому, чтобы перестать думать.

Трактовка Больцмана второго начала термодинамики не для оптимистов, она не выявляет причин развития жизни, начиная хотя бы от ее зарождения на Земле до современных планов освоения и переустройства Космоса, коим не будет конца. Именно в разрыве между 2-м началом о неизбежном всеобщем угасании и смерти-покое и нашим историческим оптимизмом и верой во всеислие человеческого знания бьется мировоззренческая мысль.

Ниже я упомяну лишь две неравноценные попытки преодолеть этот разрыв. Уже в XIX веке английский физик Д.К.Максвелл предложил теоретический эксперимент по преодолению второго начала термодинамики с помощью придуманного им существа - «демона». Суть его заключается

в следующем. Изолированный объем воздуха (модель нашего мира) перегораживается стенкой с отверстиями и заслонками на них. Если открывать и закрывать эти заслонки будут придуманные демоны, пропуская в одну сторону быстрые частицы воздуха, в обратную сторону - медленные, то со временем будет создана существенная разность температур в разных частях перегороженного объема, что позволит начать работу обычной тепловой машины и докажет этим возможность преодоления второго начала термодинамики. Однако обсуждение этого эксперимента привело ученых к выводу, что управление заслонками связано с получением информации о скоростях и координатах частиц, а это невозможно без энергетических затрат, превышающих возможную выгоду от создания температурного перепада в системе. И всё же рассуждения Максвелла показали, что рост беспорядка может ограничиваться при условии привлечения энергии и информации извне.

Тема возможного понижения энтропии любой системы с помощью работы информационных устройств осталась в списке популярных ученых дискуссий, примером которых стала упомянутая книга Л.Бриллюэна, в которой рост информации выступает как противовес росту энтропии и созданию средств упорядочения. Но впрочем, все рассуждения автора оказались лишь утешительными утверждениями и ничего не могут поделать с фактом, что рост энтропии в любой замкнутой системе остается неуклонным законом и что любая система без постоянной работы поддержания порядка сама по себе способна лишь портиться. Уместно вспомнить знаменитые «законы Чизхолма», среди которых есть такое утверждение, что «любая система портится, а что не может портиться - портится тоже». Это - очень удачное литературное выражение все того второго начала термодинамики в формулировке Больцмана.

Принять полностью вывод Больцмана о том, что весь действующий мир придет к состоянию тепловой смерти, очень непросто, потому что он не согласовывается зримым образом

с существованием физического высокоорганизованного мира. Наверное, потому в начале XX века термодинамика обогатилась разделом «неравновесные процессы», обратившись к более широкому классу незамкнутых явлений. Да, мир ограниченных замкнутых систем сам по себе может только продвигаться к хаосу и беспорядку, и тем самым идти к смерти, но, находясь в составе великого, незамкнутого, открытого мира, он может воспринять извне и стремление к порядку, например, к жизни.

Разрабатывая в сороковых годах химическую термодинамику неравновесных процессов, бельгийский учёный И.Р.Пригожиным выявил, что в сложных химических системах на границах фазовых превращений могут стихийно развиваться процессы с накоплением и удержанием информации о способах выживания материальных (зримых) объектов, конечно, без нарушения начал термодинамики. Основная теорема Пригожина звучит так: «При внешних условиях, препятствующих достижению системой равновесного состояния, стационарное состояние системы соответствует минимальному производству энтропии». Следовательно, если система находится под постоянным внешним воздействием, она будет стремиться не к максимуму, а к минимуму своей энтропии, (т.е. к сохранению живучести своей внутренней структуры), пользуясь внешними воздействиями и информацией о них. Именно это свойство неравновесных систем дает базу существования живой материи, способной копить информацию о способах самозащиты своего состояния. Как если бы переохлажденная вода начинала сама вырабатывать структуру для сохранения своего жидкого состояния.

Или говоря христианским языком, эта теорема указывает материи ее Путь к Жизни вечной. Можно сказать, что Пригожин наконец-то вскрыл физическую суть слов Христа: «Я есть Истина и Путь».

Тут уместно вспомнить вывод знаменитого физика Э. Шредингера о том, что живой организм есть вид

апериодического кристалла, а жизнь есть особая разновидность кристаллизации органического вещества (тема песчаных дюн, волн, ледников, гор, облаков, пламени и иных форм существования как форм неорганической жизни звучит в наших диафильмах достаточно часто). И не случайно кристаллы льда в воде или на окне так схожи с веточками цветов или иглами елей. Но только если существование ледяных или каменных кристаллов практически во всем зависит от температурных и иных условий на границах фазовых превращений жидкость-кристалл, то органические образования наращивают свою возможность использовать информацию о мире для начала естественного отбора, в процессе которого в мире остаются не только саморазрушающиеся системы, но и те, кто могут жить, т.е. себя организационно поддерживать и развивать.

И еще одно пояснение о природе информации, позволяющей предугадывать будущее и на этом строить жизнь. Классик кибернетики, У.Эшби определял информацию, как сведения о разнообразии мира. Только на основе информации можно принимать решения о поддержании или даже о развитии этого разнообразия. Но сведения о разнообразии в мире есть совокупность каких-то отпечатков, отражений этих событий на ином материале, поставляемом к приемнику и анализатору этой информации, например, буквами на бумаге или цветовыми пятнами на слайде. Реальный мир состоит не только из бесчисленных физических и иных систем, но бесконечного числа их информационных отражений или отпечатков, что создает возможность познания мира в пространстве и времени. Вся трудность только в систематизации всех этих отражений и нахождения путей их использования.

Конечно, от процессов поддержания устойчивости своего состояния еще очень далеко до возникновения генного механизма живой материи, но путь к пониманию возникновения живого на Земле под сиянием Солнца и падающих из Космоса с метеоритами остатков аминокислот и

иных осколков прародителей живого вещества становится в свете термодинамики Пригожина все яснее. Это опровергает не только версию невозможности саморазвития мира в условиях непреложности второго начала термодинамики, но также укрепляет нашу веру в бесконечность незамкнутого по Геделю мира, а главное,- обосновывает твердость веры в то, что у человечества есть шанс стать вечным и бесконечным, конечно, если оно будет слушать божественный глас внешнего мира., если будет опасаться нарушать законы природы и спешить в умничании, не боясь общей гибели. Библия и иные предсказания уже не раз предупреждали человечество о ждущих его опасностях. Уже не раз человечество оказывалось на грани ядерных взрывов или иных катастроф, а феномен космического молчания зловеще предупреждает нас о возможной катастрофе взрывов, если мы необдуманно решимся на какой-либо опасный эксперимент, типа ремонта черновыльской АЭС. Спасти от такой глобальной катастрофы нас может только глобальное расселение в космосе и в роботах. Сейчас это кажется дикой фантастикой, но развитие человечества идет почти лавинообразно и, не дай Бог, может уподобиться взрыву.

Раздел 4. Первая голодовка протеста

Вернусь к событиям весны 1963г. Беременность Лили развивалась нормально, и было ясно, что в августе нас будет трое. Сам будущий быт нас не пугал - выживем. Но как быть со свидетельством о рождении ребенка? По правилам он должен родиться и быть прописанным в Коломне, т.е. сразу должен стать и немосквичем, и... с прочерком в графе «отец». Мы жили в гражданском браке, чтобы я имел возможность по окончании трёх лет обязательной работы вернуться в Москву и вновь прописаться к родителям, как их единственный и не имеющий другой семьи сын.

К тому же шли упорные слухи о еще большем ужесточении режима московской прописки, когда даже неженатых детей не будут прописывать к родителям. В общем, все складывалось так, что я обязан просить об увольнении до рождения ребенка, хотя шансов на отклик со стороны кадровиков (помня мурманский опыт) не было практически никаких. Так и произошло.

Мой визит к кадровому генералу, заместителю директора по кадрам К.Н.Слонову с изложением всех обстоятельств и просьбой кончился твердым отказом. Этот вальяжный старик, любящий угощать посетителя горячим сладким чаем с печеньем, хорошо меня помнил. Еще года не прошло, как он долго беседовал со мной в своём кабинете при приеме на завод. Было видно, что ему интересно понять, что за типы появляются в среде молодежи и лестно, что именно ему дали на исправление этакий экземпляр... А тут вдруг такая «несерьезная просьба». «Кадровика брать на жалость - дурость». И потому, он был только удивлен.

Тем не менее у меня был в запасе еще один ход, на который я главным образом и рассчитывал. По совету одного из своих бывших сокурсников я обратился за помощью к главному инженеру московского облсовнархоза, отзывчивому и хорошему человеку. Мне дали его прямой телефон и, наплевав на производственную дисциплину, я прямо в рабочее

время отправился к нему на прием. Вопрос был для него совершенно ясен и не стоил выеденного яйца, ибо что значит для такого гиганта, как КТМЗ, такой малец, как я, один из многих сотен, тем более если об этом «просит» начальник, пусть как о прихоти... В общем, он меня почти не слушал, и я легко получил на своем заявлении резолюцию: «Прошу удовлетворить просьбу такого-то по семейным обстоятельствам». С такой бумагой, втихую почти торжествуя, я явился вновь перед слоновскими очами... Но прочтя, он побагровел и тихо сказал: «Моего согласия не будет».

И его согласия не было. Мои попытки телефонных переговоров, а потом и новая встреча с московским покровителем кончились откровенным признанием: «Поймите, я не имею права настаивать». Так Слонов высек «непокорного щенка» и показал, кто на советской земле хозяин. Если их разговор и состоялся, то Слонову вполне достаточно было сказать, что речь идет не об обычном выпускнике, а о направленном к нему под надзор и воспитание, так что дать свое согласие он просто не имеет права. Конечно, никаких таких поручений Слонову никто не давал, а лишь извещал прилагаемой характеристикой, но задетый моей попыткой выскользнуть из-под его отеческой опеки, он вполне мог такое придумать,

Мне следовало трезво смириться с неудачей. Но в тот момент я только клял во всю Слонова, который ломал не только нас, но и судьбу еще не родившегося моего первенца, и лихорадочно искал способ, как принудить его к отказу от своего «ужасного решения». Я не нашел ничего лучшего, чем объявить о сухой голодовке прямо в его приемной, передав заявление об этом секретарше. Предварительно зашел к Лиле в отдел, сказав, что домой не пойду, буду сидеть у Слонова, пока он не «одумается», а своим коллегам по работе просто сообщил, что буду находиться на приеме у Слонова.

В его огромной приемной я провел практически целый день в полном молчании. Посетителей было мало, Слонов проходил мимо, на меня не глядя, также поступил и мой

начальник отдела. Кончился рабочий день, пришла уборщица, попросила выйти в коридор, после уборки приемную закрыла. Дальше никто меня не выгонял, я остался на пустом этаже один, где и провел на каких-то стульях лестничной площадки всю ночь,

Конечно, я сейчас не помню, что думал, приняв такое дикое решение. Знаю, что только не о прощании с жизнью. Его у меня не было и во всех последующих голодовках. Голодовки были всегда лишь крайним личным протестом и знаком того, что я не могу мириться с происходящим решением вплоть до угрозы своей жизни. Из литературы я знал, что обычная голодовка здоровому человеку становится опасной после 30 дней, а сухая - гораздо раньше, после 6 дней без жидкости и еды в организме могут наступить необратимые смертные изменения. И в жизни ни разу я не превышал опасных сроков, так что всегда моя голодовка была только протестом.

Конечно, я понимал, что чуда не случится и что, если такой мастодонт как Слонов «закусил удила», никто пересиливать его не будет. Полтора годами раньше я уже испытал, как желающие добра люди со стыдом отступали, наткнувшись на непреодолимую стену. Но и сожаления о своем неразумии у меня тогда и потом не было. Напротив, перед еще не родившимся ребенком и его будущими страданиями мне хотелось сознавать, что со своей стороны я сделал все что мог, дошел, не боясь быть смешным, до упора. Ну, и конечно, мне было интересно узнать, смогу ли я выдержать физически жажду и голод. Так что к утру я примерно уже знал, как буду себя вести дальше.

Следующий рабочий день я провел на слоновском этаже заводууправления, но в коридоре, а не в его приемной, лелея практически утраченные капли надежды, что меня позовут с добрыми словами: «Ну, ладно, так и быть... » С этого этажа я отлучался только два раза: утром повидаться с Лилей и под вечер оставить на столе у начальника заявление с просьбой оформить на последующие дни все отгулы, которые

у меня были. После окончания рабочего дня, так и не дождавшись чуда, я отправился домой, чтобы утром уехать в Москву на незапланированный прием к своему совнархозовскому покровителю. Совершенно не помню, как я пробивался на этот прием. Только помню, что, услышав от покровителя сожалеющие слова и выйдя от него, сразу уехал электричкой в Коломну и по дороге как-то быстро успокоился: «Чему быть, того не миновать... » Моя голодовка кончалась безрезультатно.

В Коломне дышала оттепель, и лишь по дороге от станции домой я вдруг стал чувствовать капель и журчанье запретной воды - но никакой жажды и никакого голода не было. А ведь шли уже третьи сутки сухой голодовки. Может, как раз холодная погода и низкая степень «высыхания тела» помогли переносить жажду столь безболезненно. Мешала только сухость во рту и необходимость вызывать слюну, чтобы смочить сухой язык и получить возможность разговаривать. Подходя к дому, я понял, что продолжить свое испытание до планируемых 6 суток не буду, хватит четырёх. Почему-то я уверился, что смогу без воды и еды пробыть еще больше времени. Следующий день я провел дома, отмечая про себя, что пить вроде бы по-прежнему не тянет, но стало неотрывно думаться. Но вот когда мне вконец надоело это ожидание, и я выпил первый стакан воды, то ощутил невероятную вкусноту. Так и осталось в памяти, что ничего более вкусного я не пил ни до, ни после этого вечера... Продолжение его после прихода Лили был просто продолжением нашего счастья. Моё помешательство прошло, а там пусть что будет. И все наши тревоги о судьбе сына, слава Богу, в будущем оказались преувеличенными.

Ни родители, ни мои сотрудники о состоявшейся голодовке так ничего и не узнали. Для меня эта история стала не только смешным, но и полезным уроком и почему-то придала чуть больше свободы. Может потому, что теперь я осознал, что меня ссылать некуда. И когда летом 1963 года мне не оформили увеличенный летний отпуск, необходимый

для участия в саянском походе нашей группы (видимо, с подачи Слонова, потому что я имел на это право), я спокойно проигнорировал этот запрет, зная что ничего мне не будет за этот якобы прогул (в действительности, у меня было много переработок).

Но зато Лиле пришлось в мое отсутствие понервничать. Подходили ее сроки и было решено, что дожидаться первенца она будет в Москве под присмотром моих родителей. Однако в мое отсутствие в родительскую квартиру по соседскому доносу заявила милиция и потребовала ее выселения. Пришлось уезжать к маме в Волгоград. Однако через месяц соседка уехала, и Лиля «скрытно» вернулась в Москву, так что, подходя к родительскому многоквартирному дому, я увидел в окне ее ожидающее и любящее лицо, хотя никаких сообщений о своем приезде от меня не было. Просто она была рада, что мой поход состоялся (см. Приложения 5 и 6), что милиция ее больше не трогает и что впереди только страхи первых родов. Через две недели и они тяжело, но благополучно завершились, и мы почти сразу уехали в Коломну уже втроем.

Раздел 5. 1964 год - последний коломенский год

У нас так много всего тогда было: мы друг у друга, быстро растущий сынок (см. Приложение7), ухаживающая за ним за небольшие деньги нянечка баба Настя, родители, живущие за 117км от нас в Москве, куда мы чуть ли не

еженедельно ездили с Тёмой в коляске, тёплая комната в заводском доме, неплохая работа, библиотека и растущий круг коломенских знакомых, в основном, из Лилей приобретенных подруг. Мои же знакомые не заходили на наш семейный круг, видимо из-за моей природной нелюдимости. Долгую дружбу мне подарил только Лёня Файнберг - выпускник Киевского политехнического. А когда мы с ним

разъехались по своим городам, то завязалась переписка, в частности, имел место многограничный спор по еврейскому вопросу (см. Приложение 8)

С наступлением весны и лета начались прогулки в лес, на песчаный карьер за Окой для купания и по ягоды-грибы. Это делало для нас Коломну все более теплой, Как жаль, что мы не нашли времени съездить с большим Темой в город его детства и пусть опосля, но и его одарить памятью малой родины. Но было и такое, о чём стыдно вспоминать, и сейчас я принуждаю себя это рассказать просто для честности.

Уезжая в прошлом году в Саяны, я знал, что летом 64г. будет Лилина очередь отправляться в горы - на привычный Кавказ, в альплагерь, чтобы продолжить свою альпинистскую «карьеру». Но ведь нельзя в жару, летом лишать ребёнка материнского молока! Я предлагал ехать в горы нам всем троим, причем ночевать в палатке рядом с лагерем. С утра Лиля уходила бы на занятия и на восхождения, а я занимался Артёмкой, кормя его маминым сцеженным молоком и иным детским питанием. Конечно, могли быть недовольства руководства лагеря... Но по-настоящему готовиться к такой поездке мы даже не начали, потому что Лилия решила оставить Артемку на бабу Настю, а в альплагерь нам ехать вдвоем. Думаю, на это решение ее подвигло не только желание показать мне высокие горы, но и уверенность, что у бабы Насти Артемке будет лучше. Просто она еще ни разу не ездила с ребенком в горы и не понимала, что для маленького человека единство с мамой во много раз полезней любого питания или удобств. Не понимал этого и я.

Конечно, уезжали мы на альпинистскую смену с очень тревожным сердцем, родителей не извещая и абсолютно веря в бабу Настю, оставив ей многодневный запас питания, сколько-то сцеженного молока, адреса и телефоны подруг и врачей и, конечно, на всякий случай, адрес и телефон лагеря, хотя очень надеялись, они не понадобятся, и может, Артёмка даже не сильно заметит отсутствие мамы. Однако эти надежды не оправдались. Мы были в одном альплагере «Алибек», но в

разных отрядах. Вернувшись из своего перевального похода, я получил Лилину записку об её отъезде, а потом телеграмму, что с Темой все в порядке, и мне надо добыть смену. После восхождения на зачётную вершину и получения альпинистского значка, я тут же уехал через Москву в Коломну. Оказалось, что первую неделю Артёмка у бабы Настю чувствовал себя хорошо, а потом стал почему-то температурить. Причин этого она не понимала и решила, от греха подальше, вызвать Лилю, и абсолютно правильно сделала. Тема обрадовался и появившейся маме, и ее новому молоку, а к моему приезду совсем выздоровел. Конечно, от всей этой авантюры в наибольшей степени выиграл именно я, проведя свою первую альпинистскую смену в ущелье Домбая (и как теперь оказалось, в Домбае - единственный раз в жизни). Лиля побывала все же в горах... Но как Лилино отсутствие аукнулось на Теминой психике, мы так и не знаем. Больше мы так рискованно своих детей не оставляли - только на родную бабушку и после окончания молочного кормления.

Осенью 1964 года Лиля осуществила свою мечту и поступила в аспирантуру, что дало ей право раньше покинуть Коломну. Она переехала с Артёмкой в Москву, и стала жить то в родительской комнате, то у моей бабушки Поли, где ее еще не заметили соседи и милиция. Я же вновь поселился в Доме приезжих у станции Голутвин, откуда каждую субботу в 2 часа дня (чуть раньше окончания рабочего дня) электричка увозила меня к своим в Москву, а поздним воскресным вечером доставляла обратно. Наша теплая Коломна с отъездом

Лили и Темы разом похолодала и опостылела. Мне оставалось только отбывать срок до марта 1965 года. В октябрьской или новогодней стенгазете отдела был помещен дружеский шарж

на меня: парень в шляпе отщелкивает на счетах число оставшихся от обязательного срока дней.

И вот как-то раз в декабре на выходе из заводууправления меня окликнул хозяйский голос Слонова: «Как дела?». Тускло ответил: «Обычно... Жена и сын здоровы,.. сейчас в Москве... Она в аспирантуре, я дорабатываю... » Ничего больше он не спросил, чуть помолчал, повернулся и пошагал дальше. А на следующий день меня вызвала его секретарша: «К.Н. велел вам написать заявление на увольнение по собственному желанию. А теперь подождите здесь... »

На передачу дел, бегунок и расчет у меня ушел только день с небольшим. Прямо в декабре меня приняли ст. инженер-технологом на Московский трубный завод, и после Нового года я вышел на работу. Еще не веря самому себе, окончательно распростился с Коломенским заводом.

Так Слонов подарил мне три месяца свободной жизни. Без моей просьбы, по собственной воле. Поистине «не бойся, не надейся, не проси». Конечно, не было бы той случайной встречи и оклика, не возникло бы у него поворота в настроении и желания как-то подправить прежнее жесткое, даже крепостническое решение. Но в итоге про себя я говорил и говорю ему даже сейчас, наверное, посмертно - спасибо. И еще: уверен, что хотя Слонов по должности был связан с органами, но со мной он был прям, понятен и потому все же вменяем. Под ним жить было трудно, но все же возможно.

Заключение. Осуществилась мамина мечта, чтобы единственный сын как-то «образумился», женился, завёл ей внука, вернулся домой и стал нормально работать на «родном» заводе... Тесновато, конечно, впятером в одной комнате, но можно ведь и разгородиться ширмой. Невестка покладиста, занята своей аспирантурой, а со временем завод, конечно, присоединит к ним еще и соседнюю небольшую комнату, что сделает всех нас, наконец-то, хозяевами отдельной квартиры. О чём ещё мечтать?..

И мы с Лилей радовались. Правда, счастливыми мы были и в Коломне, но там мешало сознание временности пребывания. Сейчас же все становилось и лучше и прочнее... Меня практически сразу прописали - дополнительные «гири» - мамины справки о болезнях- перевесили сомнения начальника

паспортного стола (мы не слышали, что б родителей вынуждали к взятке). После чего практически сразу мы отправились во Дворец бракосочетания и «сыграли» официальную свадьбу, на которой полуторалетний Тема сидел между «молодыми» и это было здорово, хотя он еще не понимал, что с этим событием получал не только отцовскую фамилию, но и московскую родину. Зато все это хорошо чувствовала его мама - она больше не считалась незаконным жителем столицы и ей не надо бояться участкового милиционера. А одна комната на пятерых - это такая ерунда!

Конечно, счастлив был и я. Досрочно кончилась
149

фактическая ссылка. Я вновь живу в родительском доме, теперь со своей семьей. Правда, уже немного растерял надежды на учебу в аспирантуре и любимую работу, но перспектива даже вынужденной работы ради заработка совсем не пугала меня, тем более, что предложенное место старшего технолога было и денежней (180 руб. в месяц) и приятней, чем в коломенском муравейнике. Кстати, через тридцать лет, в конце своей инженерной службы, уже перед перестройкой, в отраслевом институте я получал всего на пятьдесят рублей больше. Конечно, я был тогда лишь поднадзорным клерком, но письменная нагрузка не была очень напряженной, и у меня всегда находилось время для свободных размышлений. Жизнь предложила мне: инженерной службой зарабатывать «на хлеб» и постоянно выкраивать свободное время для «своих увлечений». Так чего мне ещё желать?

Тёма среди родных в Волгограде: дедушка Коля, бабушка Фаина и мама

Новым для нас увлечением в Москве стал семейный туризм и создание собственных диафильмов, что практически

на всю оставшуюся жизнь стало нашей особенностью, способом осознания мира и строительства своей собственной, имеющей шанс на бессмертие души.

Позже, в Бутырской тюрьме у меня было довольно много свободного времени. Одной из интересных тем для обдумывания было составление плана отчета о собственной жизни. Я заранее оставляя за бортом надежду на то, что это будет кому-то интересно. Но если мой отчет уцелеет в течение предстоящей сотни лет, то он найдет своего читателя в любом случае, несмотря на авторскую бесталанность. Но что будет интересно будущему читателю? Ведь в каждом из нас действует много увлечений, как и множество разных людей в разные периоды времени. Невозможно описать все подробно, поэтому следовало бы выделить в себе условно до 10 возрастов (например, детство, начальная школа, старшие классы, вуз, молодость, начало семьи, профессиональная зрелость, успехи и поражения, старость и завершение) и до 10 основных занятий (например, основные параллельно идущие профессии и жизненные увлечения), а потом последовательно описывать каждую клетку. Но замысел этой стоклетки я так и не воплотил. Остались лишь некоторые намерения и ограничения. Например, одним из них было табу на изложение своих любовных переживаний просто потому, что нет таланта и невозможна для меня полная открытость, т.е. правда, так что и стремиться к ней не надо. И еще один принцип: нужна полная открытость в описании своих отношений с людьми из КГБ и им подобных, но следует сторониться предположений о причастности к ним других людей, надо держаться презумпции невиновности, чтобы не ошибиться и не множить зло. В моем случае это особенно важно, потому что во внимании к себе людей из органов и пусть даже добрых, я, к сожалению, был уверен.

Я и сейчас не знаю, на каком списке занятий я бы остановился. Так получилось, что профессионально (получая за это небольшие деньги) я занимался довольно бессмысленно сначала технологией сварки, потом экономическими

отраслевыми прогнозами и, лишь перед пенсией и с некоторой пользой - правозащитной работой. Сюда надо добавить строительную шабашную работу для оплаты нашей кооперативной квартиры и возведение дачного дома, в ходе которой мне больше всего удавались действия с лопатой. Всегда вспоминаю чеховское сожаление: «Ему бы сапожником быть, а он профессором мучается». Мне повезло больше: от стремления к профессорству Бог уберег, а лопатой толково я поработал немало. Но все это не идет в сравнение с главным увлечением жизни - философией и историей коммунизма и экономических свобод, рядом термодинамическое обоснование своей веры и вечный интерес к Федерации как к смыслу российской истории.

Глава III. Начало слайд-фильмов

Предисловие В. Сокирко, 2012 г.

Восьмичасовая работа на «семейном» трубном заводе (на нём трудились сперва дед и бабушка, потом отец и мама) оставляла время и силы для других интересов.

Возобновились наши путешествия – они делали нас свободными, и хотелось делиться рассказами о них. Конечно, наши свободные путешествия, как и у множества моих сверстников, были самой значительной и лучшей частью души – начиная с поездок с мамой в сибирскую эвакуацию и с родителями в восточную Германию-Польшу и Украину. В студенческие годы меня знакомили с миром поездки на целину, в «производственные практики» на юг, первые ближние походы по Подмоскovie. У Лили привязанность к путешествиям была еще крепче. Именно она ввела меня в альпинизм и в свою туристскую кампанию, которая многие годы даже после окончания института держалась вместе в воскресных маршрутах по Подмоскovie и иногда в летних походах по огромной стране

Одним из первых наших приобретений в Москве была трехместная байдарка вдобавок к подаренной на свадьбу палатке, что дало возможность в летние выходные с прибавлением отгулов уезжать на природу уже с сыном втроем, сбегая на время из родительской комнаты в большой привольный мир.

В 1965 году в восхождении на Ушбу погиб один из наших туристских лидеров Слава Цепелев. Лилю это страшное известие застало прямо перед собственным восхождением на пик Ине и страхом едва не придавило. Она себя преодолела с трудом, но вернулась домой с твердым решением отказаться от альпинистской карьеры. А поскольку у меня такой карьеры и не намечалось, то это решение привело нас к тому, что большую часть своей жизни мы ходили в красивые горы

самостоятельно, но лишь в посильные нам самим горные походы, без риска сложных перевалов. И это горное мешанское счастье продолжилось у нас почти сорок лет. Последний раз на алтайском категорийном перевале, с внуком, сыновьями и их друзьями, с рюкзаками, мы побывали уже на 65-ом году жизни, в 2003 году.

Подобное чувство красоты и опасности я испытывал и в нашей городской жизни, когда с 1968 года открылась возможность относительно свободной, хотя и опасной срывом в лагерь, диссидентской жизни. Это сравнение диссидентства с опасными горами или горными потоками преследовало меня, начиная от моей последней альпинистской смены 1968 года вплоть до выхода из Бутырской тюрьмы в 1980 году. Оно стало одной из главных линий нашей жизни.

Еще более грандиозной частью нашей жизненной удачи, стала начавшаяся в середине шестидесятых фиксация своих путешествий в собственных диафильмах. Понимать их значимость я стал не сразу. Именно диафильмы подарили нам главное средство передачи своих мыслей и чувств людям. По своей малой способности складно говорить, петь, рисовать, писать мы были почти немыми и дурными утятами. А вот с диафильмами – тоже, конечно, не лебеди, но все же люди их смотрели-слушали. Работая над текстами, подбирая к ним музыку, мы как будто выражали лучшую часть своей души и тем становились интересными для других людей. Мы сами с диафильмами менялись, становились более общительными и открытыми, а наша комната становилась подобием домашнего кинотеатра, в котором можно было включить аппаратуру и поделиться с гостями самым интересным, дословно – «раскрыть свою душу».

Вместе с тем стала приходиться тревога о большой хрупкости диафильмов, особенно в виду их инакомыслия: одним обыском можно было изъять и уничтожить все слайды и аудиопленки – и уже накопленная часть нашей души превратится лишь в зыбкое о том воспоминание. Как утверждал классик теории информации Шеннон, бороться за

сохранение информации можно только ее избыточностью, т.е. излишним копированием. Копировать слайды стало реальным только в компьютерное время. Прежде приходилось ограничиваться лишь копированием аудиопленок, текстовых сценариев и дневников. Мы этим, конечно, занимались, но очень хаотично. Хранение копий дома или у добрых знакомых за некоторыми исключениями было хлопотно и опасно. И вот в конце 70-х годов, после рождения двойняшек мы созрели до систематизации своих семейных диа-архивов в 5 машинописных копиях с прицелом на хранение их в будущих семьях наших четверых детей. Все эти материалы были собраны в три тома по три книги в каждом – общепроблемный том (начало диафильмов, диссидентство и горы, дети и шабашки), про Россию (Москва, Север, Запад и Поволжье), про российские окраины (Средняя Азия, Кавказ, Украина)... План этот в основном был завершён уже Лилей в 1980 году с помощью друзей на волне сочувствия к моему тогдашнему положению бутырского заключенного, а в последующем наш архив пополнялся ежегодными томами в связи с очередными туристскими поездками или письмами, вплоть до перестройки, когда на диафильмы времени не стало.

А тогда, в 60-ых годах, на наше счастье на МТЗ работал по распределению и остался после наш однокурсник (одной буквой отличались его и Лилины специальности: у Славы была «Т»- трубник, у Лили «К»-кузнец).В 1965году Слава согласился стать заводским секретарём комсомола и начал разжигать разнее интересные общественные дела при активной общественной поддержке. Я – участник двух его начинаний: пресечённой попытки издания самодельного машинописного журнала «Разбег» и зарождённого им и несколько лет прожившего «диадвижения».

Но прежде чем об этом рассказывать, я приведу историю создания и гибели моего первого, еще немного, резко оппозиционного диафильма «Обыкновенный культ».

Раздел 1. "Обыкновенный культ" - нулевой диафильм

Первый наш диафильм «Весна света» (см. Приложение 9) мы сделали, зараженные примером Славы Коренкова в 1967г., и поэтому следовало бы начать нашу диахронику с него.

Однако в самом дальнем углу нашего архива спрятаны слайды, которые лишь условно можно назвать диафильмом. Работа над ними началась у меня задолго до Славиного примера, но лишь в 1968 году он был озвучен и один (всего один раз) показан. А потом - далеко спрятан, почти уничтожен, настолько казался и кажется опасным. И если сейчас я решаюсь рассказать об этом странном и почти умершем "творении", то только ради хронологичности, чтобы стали понятны истоки самиздатской линии. Расшифровывая здесь этот текст, я хочу сам понять, как тайное существование этого "предшественника" влияло на выбор тем и размышлений в наших открытых диафильмах.

В 1965-м году вышел кинофильм М.Ромма "Обыкновенный фашизм". Этот полнометражный документальный кинофильм был смонтирован в основном из

кадров нацистских кинолент и иных документов и обладал удивительной обличительной силой. Механизм действия тоталитарной власти, демагогии, псевдосоциализма и пр. раскрывался так ясно, что хотелось крикнуть: "Постойте, так и у нас это творится!" Об этом, кстати, пропечатал еще В. Кочетов в своем знаменитом романе "Чего же ты хочешь?":

"Недавно я смотрел одну художественную картину о фашизме. Так там так дело представлено! Хитро представлено, я тебе скажу. Вроде бы оно у Гитлера, а намек на нас. И такой эпизодик и другой. В зале, понятно, смех, - народ-то, понятно, не дурак, понимает эти фокусы. Так что же ты думаешь? - Этому-то, кто такую картину склеил, - премию отвесили!"

Здесь особенно интересна общая оценка: "народ - не дурак", и "в зале общий смех стоит". Тогда и подумалось: как было бы здорово, если б появился аналогичный диафильм, но про нас, про наши беды, называемые стыдливо - "культ личности".

Старинное слово "культ" для моего поколения ассоциируется больше не с религиозным почитанием божества, а с чувством страха от сталинщины. Фильм не про немцев, а про нас так и следовало бы назвать - "Обыкновенный культ" в развитие и в спор с официальным Роммом. Ибо нельзя же показывать чужие беды, не замечая у себя еще большие, нельзя же клеймить чужое обыкновенное равнодушие к уже растоптанному фашизму и тут же проходить мимо своего, еще живого и опасного сталинизма. Материалов для такого фильма - пруд пруди.

И нестерпимо захотелось такой фильм сделать, хотя бы самому и для себя. Ну, может для самых близких друзей. Ведь после исключения из комсомола за критику программы КПСС в 1961 году, я был уже пуганой вороной и не хотел испытывать вновь такое же или еще более худшее. И все же - хоть для себя и самых близких!

Тот самый мучительный вопрос: "Кто если не ты и когда если не теперь?", который когда-то заставил меня послать в ЦК КПСС критику их программы, снова стал мучить

неуспокоенную совесть. Фильм Ромма разбередил старую рану: если немцы были виновны в фашизме и злодеяниях против человечности, то разве мы сами, тогда и теперь - не виноваты в преступлениях "культы личности"? И если народы мира во второй мировой войне были правы, подняв в сражениях лозунг: "Немца - убей!", и правы, преследуя фашистов даже спустя десятилетия после войны, то и мы в будущем не уйдем от суда мира и потомков.

Эти вопросы постоянно присутствовали в моей голове и даже отливались в какие-то тяжелые ритмические строки, обращенные к равнодушным и прежде всего - к себе:

На фронте был закон один: "Немца - убей!"

Он Гитлеру верил?

Евреев давил, поляков душил,

На мир войной шел?

- Немца убей!

Свободу уничтожал,

Приказы выполнял,

Демократов бил,

Законы отменял,

- Немца убей!

В партии состоял,

Армии помогал,

С "врагами сражался"

- Немца убей!

Он жрал апельсины,

Семьянином был прилежным,

Музыку любил, философов почитывал,

Карьерой дорожил, о себе лишь думал,

- Немца убей!

Концлагерей опасался,

Пыток боялся,

Расстрела страшился,

- А теперь ты немца убей!

Таких разных и таких одинаковых,

В мундир и веру одетых
-Немца убей! Убей!
Сейчас фронта нет,
Но ты Сталину веришь,
Евреев ненавидишь,
"В ногу шагаешь",
"Врагов разоблачаешь",
"Суд" оправдываешь,
Притеснений боишься,
Ешь апельсины, о себе лишь думаешь:
Все снова повторяется
и выход здесь один:
лучше сейчас "немца убей".
в самом себе убей!

Эти строки я никому не показывал, как будто догадывался, что эмоции такой захлестывающей силы мне не дано довести до друзей в столь сжатом и непонятном виде. Мне было необходимо более развернутое изложение. И сейчас кажется странным: почему у меня и моих сверстников возникла вера в силу открытого слова? Откуда взялась уверенность, что стоит только откровенно и обоснованно сказать о бедах - и все вокруг переменится!? А ведь был отрицательный опыт других, и сам уже раз сильно обжегся со своим открытым словом в 1961-году. А вот поди ты! Все кажется - будь я убедительнее, не погибла бы мысль, упала бы зерном и проросла бы преобразовательницей. Ну, а если разум запрещает открытые выступления, то надо хотя бы в кругу друзей не молчать, хотя бы скрыто, частным образом (я не хочу употреблять слово "нелегально" с его специфическими оттенками подрывной деятельности, ведь сознание и преобразование совсем не равнозначны в подрывной работе).

"Обыкновенный культ" и стал таким моим скрытым выступлением. В нем нет пропаганды и призывов, а лишь раздумья, развернутый вопрос к М. Ромму. И, однако в нем содержатся такие опасные сравнения и параллели (например, сравнения культов личности Сталина и Ленина, сравнения

фашизма и сталинизма), что я до сих пор не решаюсь говорить о них спокойно. До сих пор эти сравнения мне кажутся невыносимыми богохульствами. А ведь я не хочу никого оскорблять, даже Сталина и Вышинского, но для создания своего мировоззрения мне было необходимо пройти и через эти сравнения.

Я очень долго делал этот фильм, а когда сделал, то каким-то чутьем понял: моим друзьям он не нужен, он не разбудит их мысль, а только отпугнет и оттолкнет их от меня в поисках самозащиты. Практика любительских диафильмов показалась мне более действенной и надежной. А сейчас я, страшась и тревожась, вытаскиваю его для открытого взгляда уже в качестве воспоминания. И не могу поступить иначе. Ведь хотя "Обыкновенный культ" не был действующим диафильмом, но все 10 лет он жил в моей памяти и тем или иным способом, но сказывался, прорывался в содержание наших открытых диафильмов широкой самиздатской струей. В нем - начало и ключ многого из этой линии.

Начинал я с идеи немого диафильма, похожего на те детские развлекательные и учебные пленки, что продаются в киосках "Союзпечати" по 30 коп. Мне было необходимо написать текст, подобрать иллюстрации и перефотографировать их, что и было сделано. И лишь два года спустя, я часть текста перевел в звук, а все кадры сопроводил музыкой. "Обыкновенный культ" приобрел нормальный вид (коробочка со слайдами и магнитофонная кассета с записью), правда, с преобладанием ненормальных, текстовый слайдов. Но тем легче их сейчас перепечатывать.

1 "Обыкновенный культ" по мотивам кинофильма "Обыкновенный фашизм"(музыка Вагнера)

2 Обыватель позволил Гитлеру придти к власти. Слепая вера и энтузиазм одних, равнодушие других, страх третьих позволили Гитлеру 12 лет делать все, что угодно, и развязать войну, в которой погибло 50 миллионов человек.

3 Ромм призывает: "Долой страх!

Долой равнодушие к политике!

Долой слепую веру!"

Иначе ты можешь получить нового "фюрера" и новую войну!

Если же все избавятся от этих свойств, не будет фашизма, войны или культа.

4 Сталин с детьми Когда смотришь фильм Ромма, то поражаешься сходству многих наших лозунгов и фашистских, сходству их "фюреров" и наших "вождей". Задаешься вопросом: откуда взялось это сходство? Но вспомним: фашизм совсем не был оригинален в своей сути. Очень многое он взял из нашего опыта: первое - лозунг несокрушимого единства партии и народа, партии и вождей, единства, которое обеспечивалось всей мощью величайшей в мире пропагандистской машины.

5 Вот заключительное слово Сталина на 17-м съезде партии. Известно, что большинство делегатов этого "съезда потребителей" в душе желали сместить Сталина, но привычка к бараньему единству взяла свое и Сталин получил возможность загнать большинство "победителей" в концлагеря. Это было потом, а на самом съезде: "Товарищи! Прения на съезде выявили полное единство во взглядах наших руководителей!.. Возражений против отчетного доклада не было никаких:" Съезд встает: Громовое "Ура!" Возгласы "Да здравствует Сталин!!!"(музыкальное сопровождение песней на слова Б. Брехта со следующим припевом: "

Шагают барабаны в ряд,

Бьют барабаны!

Кожу для них дают
Те же бараны!")

6 Второй урок, извлеченный ими из русского опыта: в стране должна быть одна партия, одна идеология, т.е. ничего кроме мыслей и идей вождя. До сих пор это абсурдное положение записано в Сталинской Конституции на основе разъясняющего абзаца из речи вождя: "В СССР может быть только одна партия - партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян. А что она неплохо защищает эти интересы, в этом едва ли можно сомневаться".(Бурные аплодисменты).

7 Сталин с простыми моряками Третий важнейший урок, который использовали нацисты в полном объеме, это лозунги опоры на рабочих и крестьян, методы разжигания классовой ненависти и захватнических инстинктов, натравливания одних слоев населения на другие. Только немцы вместо раскулачивания крестьян, раскулачивали евреев. Массовые репрессии к буржуазным элементам и части особого назначения они довели до совершенства штурмовых и охранных отрядов СА и СС.(Снова припев: "Шагают барабаны в ряд, Бьют барабаны...")

8 Переplet "Краткой биографии Сталина" И, наконец, последнее: честь создания культа вождя, этого живого бога государственной современной религии, также бесспорно принадлежит нам.

9 страница обращения к Сталину комсомольцев и молодежи

"Товарищ Сталин, дорогой учитель,
Наш лучший друг, наставник и отец,
Слова любви и верности примите
От миллионов молодых сердец!"

10 [Огонь в кресте](#) Конечно, фашисты тоже научили кое-чему наших сталинистов. Например, крупным провокациям. Поджог рейхстага в 1933 году был использован фашистами для разгона всех оппозиционных партий. Убийство Кирова в 1934 году явилось поводом для расстрела всех противников Сталина.

11 [Обложка книги Солженицына "Один день Ивана Денисовича"](#) Опыт фашистских концлагерей помог нашим бериевцам усовершенствовать такие же заведения у нас, особенно когда пришло время 37-го года. Что это так, знает любой прочитавший книгу Солженицына.

12 Разве не напоминает вам ээсовца портрет начальника режима лейтенанта Волкового: "Поперву он еще плетку таскал, как рука до локтя, кожаную, крученую, в БУРе ею сек, говорят. Или на проверке столпялся зэки у барака, а он подкрадется сзади да хлесть плетью по шее: "Почему в строй не стал, падла?" - Как волной от него толпу шарахнет. Обожженный за шею схватится, вытрет кровь, молчит, кабы еще БУРа не дал:"

13 [Карта территориальных приобретений СССР в 1939-1945 г.г.: Печенга, Выборг, Эстония, Латвия, Литва, Вост. Пруссия, Зап. Белоруссия, Зап. Украина, Закарпатье, Буковина, Молдавия, Измаил, Тува, Юж. Сахалин, Курилы\)](#) И, наконец, политика территориальных захватов была слабым

подобием гигантских завоеваний нацистов в пору их могущества, немецких планов германизации Европы и мира. И все же поголовное выселение народов: чеченов, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья и др. - не пустяки, а присоединение к державе 15 новых территорий - совсем не мелочь!

14 Но хватит сравнивать обе системы. Мы и так знаем, что был культ личности! Но что это такое? Почему он возник? Почему не сопротивлялись? Ответ аналогичен: слепая вера одних, равнодушие других, страх третьих!

15 [Вереница машин с портретом Сталина](#) А может, культ это лишь трагическая случайность? Сталин и Мао, Хрущев и Тито, Червенков и Ракоши - слишком длинен этот список культов и культиков, чтобы поверить в случайность "нарушений социалистической законности" и "извращений сути социалистического строя". Это - не случайность, а закон!

16 Сталин - он правил нами 30 лет. Когда на вопрос учителя политграмоты "Кто есть Сталин?" крестьянская девушка простодушно отвечала: "Царь!", она была не далека от истины. В 20-х годах его власти сопротивлялись многие. Многие предвидели последствия его тирании, но все усилия оказались тщетными! Культ надвигался неотвратимо, с необходимостью исторического закона. Так утверждает история. Любая из успешных революций кончается диктатурой и культом нового вождя. Английская буржуазная революция - диктатура Кромвеля. Великая французская революция - диктатура Робеспьера, а потом Наполеона. Негритянская революция на Гаити - власть Туссена Лувертюра сменилась тиранией черного императора

Дессалина. Великая Октябрьская революция 1917 г. - руководство Ленина сменилось культом Сталина. И так далее.

17 [Цитата из Краткой биографии](#) Сталин был настоящим вождем, готовым, по его собственным словам отдать "за народ всю свою кровь каплю за каплей". "Сталин - это Ленин сегодня" - писала его биография.

18 [Обложка книги Сталина "О Ленине"](#) Как ни кощунственно это звучит, но Сталин и вправду считал себя самым последовательным учеником Ленина, лучшим исполнителем его заветов. Если Сталин и отходил когда-либо от Ленина, то не потому что, как Бухарин или Троцкий, имел собственное мнение, а просто не всегда во время мог угадать мнение учителя, как это было в начале 17-го.

19 [Факсимиле сталинских строк](#) Ради Ленина Сталин даже стал поэтом. Помните его белые стихи: "Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя!"

20 [Портрет Ленина](#) Можно ли в этой связи говорить и о культе личности Ленина? - Конечно, да! Масса документов свидетельствуют о том, что еще при его жизни вся мощь пропагандистской государственной машины работала на его прославление.

21 [Разворот книги с 7-ю портретами Ленина](#) О, конечно, сам Ленин прославления не требовал, так ведь и Сталин вел себя всегда подчеркнуто скромно. Конечно, народные подарки Ленину не могут идти в сравнение с мировой вакханалией подарков на 70-летие Сталина. Но ведь Сталин не принял ничего себе лично не присланного.

Бессмысленно упрекать Ленина в некоторой недальновидности благодушном отношении к восхвалителям. Нет, главный упрек следовало бы сделать Ленину - в создании самой системы, которая с необходимостью естественного закона тянулась к созданию культа личности, несмотря на "скромность вождя".

22 [Статуя Ленина](#) Да и кому не видно существование культа Ленина? Стоит только оглянуться на бесчисленное число его скульптур и картин, на миллиарды его портретов в любом уголке, наверное, обогнавшие число изображений Христа за 2 тысячи лет. Книги Ленина давно уже стали собранием истин на все случаи жизни, кладезем мудрости для любой науки - гораздо больше, чем Библия для любого христианина. Как тут не вспомнить предупреждение Ленину от Каутского, что тот превратил марксизм в России в разновидность государственной религии.

23 [Ленин записывает свой голос](#) Да, Ленин был велик! Он умел властвовать, опираясь не только на меры подавления, но и на силу убеждения. И все же различие Сталина и Ленина - лишь в форме. Суть же одна - одновластие!

24 [Ленин за председательским столом](#) Было бы наивно думать, что Ленин действовал только убеждением. Отнюдь не уговорами были распущены партии русских монархистов и октябристов, партия русской интеллигенции - кадеты, партии рабочих, крестьян, левой интеллигенции - меньшевики и эсеры. Их "переубедили" силой, установив однопартийность. А когда Ленин понял, что даже в своей партии он не может господствовать лишь своим убеждением и авторитетом, то на X-ом съезде провел запрещение деятельности любых

партийных фракций. И этим закрыл последнюю отдушину для свободного выражения и отстаивания разных мнений, идей и мыслей, для свободных дискуссий, так необходимых для эффективного управления. X съезд был важнейшим шагом на пути к культуре личности.

25 [Портрет Ленина](#) Ленин запретил все партии, кроме своей. Ленин запретил все фракции и идеи, кроме своих. Ленин запретил всю печать, кроме своей. Ленин - фактически духовный основатель культа личности, а Сталин - лишь исполнитель его воли, лишь верный ученик!

26 [Текст "Завещания" Ленина](#) В "Завещании съезду" Ленин, выбирая своего преемника, отвергает кандидатуры Троцкого, Бухарина, Зиновьева и др., мотивируя свое решение их теоретическими и практическими ошибками (т.е. наличием в прошлом собственного мнения, не согласованного с линией самого Ленина). "Сталин же, как преемник всем хорош, если не считать одного недостатка, который может показаться "ничтожной мелочью": чрезмерно груб и нелоялен в отношениях с товарищами".

27 [Текст статьи журнала "Юность"](#) Интересно, какие события привели Ленина к этой последней оговорке. Вот изложение этого эпизода: "Уже тяжело больной, 5 марта Ленин диктует секретное письмо Сталину: "Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила свое согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт через нее же стал известен Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что сделано против меня, а нечего и говорить, что сделанное против жены, я считаю сделанным против меня. Поэтому прошу Вас

известить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения".

28 [Фото Ленина и Сталина на отдыхе](#) А между тем инцидент возник из-за чрезмерного усердия и любви Сталина к учителю. Сталин, лично ответственный за соблюдение медицинского режима Ленина, сделал выговор Крупской, когда та позволила Ленину написать статью о внешней торговле. Командирский выговор будущего "вождя" возмутил сначала Крупскую, а потом и Ленина. Конечно, Сталин тогда извинился, но извинился, наверное, в последний раз, ибо через несколько дней, после нового приступа болезни, Ленин окончательно потерял способность говорить, хотя и все понимал. Перед Сталиным освободился путь - в "непогрешимые и великие вожди народов".

29 [Ленин, Сталин, Калинин](#) Уже сложилась репутация Сталина, как жестокого садиста. Но существует и иные свидетельства. Западные писатели Барбюс и Фейхтвангер говорят о Сталине, как необычайно скромном и даже мягком, терпимом к противникам человеку. И нам остается лишь один вывод: "дело не в личных качествах вождя. Дело в системе". Но почему же именно Сталин, а не Ленин, стал олицетворением культа личности? Ответ прост: в истории Ленин был первым и потому именно он стал олицетворением революции, стал больше символом гнева масс против старых правителей, чем новым правителем. Сталину же досталась роль правителя. Ленину всю жизнь приходилось действовать оружием слова и письма, Сталин же сразу стал действовать "испытанным оружием изоляции вождей оппозиции" и их физического уничтожения.

30 [Краткая биография Сталина](#) 1924-1927 годы - время партийных дискуссий и открытой борьбы. Официально запрещенные решением X съезда, позорно третируемые как изменники, без права на собственную организацию и печать - против самой мощной в мире пропагандистской машины партии, воспитанной в духе беспрекословного подчинения и железной дисциплины - в таких условиях оппозиция Сталину оказалась в неизбежном меньшинстве (не более 1% всех голосов в партии). Казалось бы, чего бояться Сталину? Но нет! Ведь Сталин - только ученик Ленина, а Ленин в свои последние годы вовсе не считал, что открытая борьба мнений, идей - необходима для страны, партии, марксизма. Даже внутрипартийные дискуссии он посчитал "непозволительной роскошью". Сталин выполнял еще до него принятую линию, когда травил всех инакомыслящих всеми возможными методами: проработки, исключения, увольнения, ссылки, тюрьмы. Оппозиционеров могло спасти только публичное покаяние. Но их тут же легко уличали в неискренности и "двурушничестве". Один высланный из страны Троцкий призывал к террору, а оставшаяся оппозиция и не помышляла о решительном сопротивлении, не дала ни одного стоящего повода для обвинения.

31 [Фото Сталина и Кирова](#) Что ж, сталинские подручные исправили этот "пробел" своих противников, свалив на них убийство Кирова, одного из ближайших партийных сподвижников Сталина.

32 [Цитата из речи Кирова](#) Киров не раз прославлял Сталина: "Сталин - это гигант, которого трудно себе представить. Сталину принадлежат все наши работы, направления, начинания." И вот такого верного, но

талантливого соратника охранка убрала, добившись этим не только устранения будущего конкурента, но и создав предлог для многолетней вакханалии миллионов политических убийств.

33 [Титул книги Вышинского "Судебные речи" и портрет его](#)

Один за одним следуют три позорных процесса над вождями оппозиции, ставшие прелюдией к разгулу 1937 года. Они нанесли страшный урон престижу Союза и коммунизма в мире. Лион Фейхтвангер писал: "Некоторые из моих друзей называют эти процессы от начала и до конца трагикомическими, варварскими, не заслуживающими доверия, чудовищными как по форме, так и по содержанию. Целый ряд людей, принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. Многих, видевших в общественном строе Союза идеал социалистической гуманности, эти процессы просто поставили в тупик. Им казалось, что пули, поразившие Каменева и Зиновьева убили вместе с ними и новый мир. И мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством". Моральный урон, нанесенный Советскому Союзу в процесс суда над Синявским и Даниэлем, представляет лишь слабую копию того удара, который испытали друзья Союза после процессов 30-х годов. По силе позора их превзошел лишь германо-советский пакт 1939 года. Без свидетелей, полутайные, построенные лишь на самообвинениях подсудимых - они были простой расправой под юридической ширмой. На вопрос Фейхтвангера: "Если есть свидетели и документы, то почему же держат их за

кулисами и довольствуются не заслуживающими доверия признаниями?" он получил бесстыдный ответ: "Советскому народу не нужны эти подробности".

34 Сталин теоретически обосновал необходимость этих процессов и последующих репрессивных кампаний своей теорией обострения классовой борьбы. Это он первым призвал: "покончить с этими элементами быстро и без особых жертв". История еще подсчитает количество "не особых" жертв. Не менее 15 миллионов умерших в лагерях на счету у Сталина.

35 Конечно, Сталин сам не расстреливал. Для убийства миллионов от него требовались только лишь два слова: "Теперь два слова о вредителях, диверсантах, шпионах. Они перестали быть политическими противниками. Это понятно и не требует дальнейших разъяснений. Этим господ мы будем громить и корчевать беспощадно".

36 [Портрет Генерального прокурора Вышинского](#) Если Сталин был идейным вдохновителем расправ, то непосредственным исполнителем, официальным палачом оппозиции стал генеральный прокурор Вышинский. Читая его обвинительные речи, можно лишь догадываться об истинном ходе знаменитых процессов. И основной способ доказательства вины - самообвинения подсудимых. Какими пытками, нравственными муками могли быть вырваны такие признания, как эти???

37 Каменев: "Мы выбрали второй путь, руководствуясь бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жадной власти, к которой мы некогда были близки и

от которой были отброшены ходом исторического развития".
Зиновьев: "Здесь сказалась полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть: "Что это? Простое и грубое вранье под давлением следователей и обещанием сохранения жизни? Или спекуляция на чувствах и долге обвиняемых, на их нежелании порочить партию и страну? Это было и тем, и другим, и третьим.

38 Только в ненормальном, преступном суде возможна такая наглая уверенность у прокурора: "Я спрашиваю: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю уголовную ответственность за убийство Сергея Мироновича Кирова? Конечно, Зиновьев скажет "да". Иначе он не может сказать: "Или такое самодовольство, позволяющее иронию Каменева толковать как признак вины: "Я ослеп - дожил до 50 лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал".

39 Тех же, кто не был до конца сломлен шантажом, Вышинский бессовестно шельмует: "Я не сомневаюсь, что Бухарин использует свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинительно, но иной смысл придать этому никак нельзя".

40 В чем только Вышинский не обвинял этих затравленных людей: измена родине, шпионаж, террор, диверсии, тайные преступные организации. Обвинение в службе гестапо

41 сменялось обвинением в намерениях убивать исполнителей своих приказов, т.е. в том, в чем повинна сама сталинская охранка в деле Кирова.

42 Чудовищные и нелепые обвинения в убийстве Горького, Менжинского, Куйбышева на основе показаний запуганных личных врачей сменялись

43 не менее безобразными обвинениями в сознательной порче продуктов: "В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть положения, когда какой-нибудь продукт оказался бы в недостатке. И задачей этой банды стало сделать дефицитным то, что у нас в избытке. Напомним хотя бы историю Зеленского, уничтожившего сознательно 50 вагонов яиц. Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему у нас вдруг, при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет десятого. Именно потому, что виноваты эти изменники!» До чего же просто и понятно для любого обывателя говорил Вышинский!

44 Виднейшие деятели революции для него лишь - многократные шпионы: "Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников: Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которые они систематически обслуживали; Ягода, как мухам, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами."

45 И все эти обвинения, без исключения, - лживы, построены на песке. С бесстыдной откровенностью генеральный прокурор толкует юридические нормы: "Нельзя требовать,

чтобы к делам о заговорах, государственном перевороте мы подходили с требованиями: дайте нам протоколы, постановления, документы. Да, у нас имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявить обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей, т.е. косвенных улик".

46 А вот доказательство вины Бухарина и Рыкова: "Они знали об этом крупнейшем террористическом акте, не могли не знать такие крупные главари правотроцкистского блока, какими являлись Рыков и Бухарин. Если б они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики".

47 И вот на основе такой "логики", таких "доказательств" Вышинский требует: "Взбесившихся псов расстреливать всех до одного !"

48 Однако за градом оскорблений и крика проскальзывает истинная причина бешенства его Хозяина, чувство страха от подсудимых: "Они умеют пользоваться оружием слова, и это опасно для общества. Посадить их на цепь недостаточно. Против них надо принять более решительные и радикальные меры, т.е. расстрелять".

49 За крикливыми обвинениями в уголовщине скрывается политическая месть инакомыслящим. Как свидетеля обвинения привлекает Вышинский цитаты из "Бюллетеня" оппозиции: прекратить сплошную коллективизацию, прекратить скачки индустриализации за счет народного голода, вести хозяйство страны в широком взаимодействии с мировым рынком, т.е. то, что мы уже видим сегодня в

восточноевропейских странах, то к чему объективно идем сами.

50 Их судили как уголовных преступников, а на деле - за инакомыслие. Им припомнили все случаи несогласия с Лениным и участия в разрешенных в прежние годы оппозициях.

51 Но самая главная вина состояла, конечно, в духовном сопротивлении Сталину: "Железной, несокрушимой стеной встала страна Советов на защиту своих вождей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами! Страна требует: расстрелять всех как презренных псов! Народ требует: раздавите проклятую гадину! Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут чертополохом, покрытые вечным презрением честных людей. А мы будем шагать по очищенной земле во главе с великим Сталиным!"

53 [Чертополох](#) Прошло время. Теперь советский народ может открыто сказать о своей ненависти к великому вождю. Но на могилах расстрелянных оппозиционеров, первых борцов с культом личности и его первых жертв до сих пор растет чертополох осуждения и забвения!

54 [Розы](#) Но это время, когда всем воздастся по заслугам, еще придет: и палачу-вождю, и прокурору-подхалиму, и покорству народного стада. На тех процессах были уничтожены не только десятки оппозиционеров - была уничтожена всякая возможность возражения, свободной мысли, законности и создана база для репрессирования миллионов простых людей. Эти процессы изменили народ,

утвердили в нем подозрительность, осторожность и угодливость, азарт доносов на вредителей и "врагов народа".

55 [Обложка книги Кетлинской "Мужество"](#) Во имя верности к вождю друг доносил на друга, сын отрекался от отца, жена от мужа. Удручающую атмосферу подлой "принципиальности" сейчас можно ощутить лишь по романам 30-х годов, вроде этого.

56 Вот эпизод, в котором коммунистка Клара объявляет своему любимому о доносе на его друзей: "Я была сегодня в контрольной комиссии и просила их заинтересоваться оригинальным умом Лебедева и твоей дружбой с ним и его друзьями. - Ты шутишь или ты сумасшедшая? - Я говорю правду.- Ну что ж, Клара, таков веселый финал любви. Теперь кончай - уходи. Не марай свое ортодоксальное имя близостью со мной». Она еще пыталась объясниться: "Я пошла, чтобы спасти тебя как коммуниста, пока не поздно. Ты не хотел слушать меня, ты не верил. Я не сумела удержать тебя сама. Партия это сделает" Он выкрикнул зло: "Партия! Партия? Какой-нибудь середнячок со стажем послушал тебя и ахнул: раз уж любящая жена прибежала с доносом, значит, дело дрянь! И раз! К ногтю! Нет коммуниста Левицкого. Зато Клара – отгородилась. И как я не разглядел тебя сразу, как не прогнал тебя давно с твоим глупым ханжеством? Да-да, из-за таких, как ты, я и задыхался в партии. Святоша с партбилетом, узколобая сектантка".

57 Она стояла, не дыша. Ком в груди шевелился, давил, давил. Уже на вокзале она узнала: Левицкий арестован. Она вздохнула с облегчением. Кома в груди больше не было. Она не ошиблась. Она не принесла своей любви в жертву ошибке -

она уничтожила то, что ложно, ради того, что истинно и прекрасно". И наконец, уже на Дальнем Востоке (Комсомольск -на-Амуре), встретив в группе эков доцента Левицкого, коммунистка Клара воспринимает это как должное. Еще бы - ведь по всей стране донос стал делом чести, доблести и геройства!

58 После расстрела вождей оппозиции начался черный 37-й год - расплатой для многих равнодушных и трусливых. В отличие от гитлеровского террора, имевшего четкие цели и задачи, сталинский террор 37-го года кажется совершенно бессмысленным. Он проводился после революционного террора в годы гражданской войны и после расстрела оппозиции. Теперь избивали своих собственных и достаточно запуганных сторонников в погоне за абсолютной чистотой партийных рядов от людей, имеющих хоть проблеск собственной, мысли. И добились своего: на свободе остались внешне лишь люди-автоматы, абсолютно преданные Сталину и колеблющиеся в унисон с генеральной линией его воззрений. Остались - фанатизм, слепая вера, забитость - внизу, угодничество и беспринципность - наверху.

59 [Обложка 3 тома "КПСС в резолюциях"](#) Об этом времени лучше всего прочитать резолюцию пленума ЦК в 1938 году, который был вынужден несколько остудить хунвейбиновский накал страстей в стране, мешавший экономике и подготовке к войне. Естественно, что всю вину за "перегибы" пленум свалил на местных "карьеристов" и опять же - на двурушников-вредителей.

60 [Текст резолюции](#) Вот выдержки: "Бывший секретарь киевского обкома, враг народа, Кудрявцев на партийных

собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с вопросом: "А Вы сами написали хоть на кого-нибудь заявление?" В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации. Больше - Черниговский райком исключил из 210 своих коммунистов 50 человек, как врагов народа, из них 43 человека НКВД не имело повода арестовать. В Куйбышевскую КПК являются многие исключенные райкомами, как враги народа, с требованием либо их арестовать, либо снять с них позорное клеймо".

61 [Текст резолюции](#) "Исключенных из партии за сокрытие социального происхождения и за пассивность, а не по мотивам их враждебной деятельности, автоматически снимали с работы, лишали квартир и т.д. В местной газете появилась заметка о брате учительницы Жирко, как о националисте. Этого оказалось достаточно для увольнения Жирко с работы и выражения политического недоверия ее мужу. Там же был поднят вопрос и об его увольнении. Но заметка о брате оказалась клеветнической".

62 [Текст резолюции](#) "Курский обком партии исключил председателя завкома сахарного завода "за контрреволюционную подготовку выступления рабочего Куличенко на предвыборном собрании", вся вина которого состояла в том, что он запнулся на имени кандидата в Совет".

63 [Улыбающаяся крестьянка на фоне горы с огромным именем Сталина](#) Но как бы ни были страшны концлагеря и черные воронки сами по себе, как бы нас не ужасала судьба миллионов осужденных и погибших, главная

вина обыкновенного для нашего века "культы" - в его влиянии на жизнь народа, на его быт и культуру. Мы до сих пор еще не оценили всю тяжесть народной жизни при Сталине. Кого только в этом не винили: вредителей, войну, трудности роста, умалчивая о главном. И мало того - благословляя свое "счастливое життя" при отце-Сталине и ужасаясь нищете капитализма. Таково всемогущество партийной пропаганды: пахали на себе и проклинали "гниль капитала". Что же тут удивляться современным мировым нищим - китайцам, славящим свое "красное солнце" и клянущих мерзости "советского ревизионизма"?

64 [Фото из "Огонька" на току](#) Если судить по печати того времени, кругом царил сплошной зажиточность и довольство, как фон к великим, сталинским стройкам коммунизма.

65 [Фото "Опера в колхозе"](#) А за сусальными картинами колхозной культуры скрывалась нищета и отсталость.

66 [Фото колхозницы в гамаке с книжкой](#) Только как насмешку над подвигом русских женщин в тяжелые послевоенные годы можно воспринять, эту "документальную фотографию" типичного отдыха колхозницы в 1950-м году.

67 [Вереница комбайнов](#) "Знатные рекорды" при дедовской технологии рядовых колхозников. Краснофлагие комбайны на могучих колхозных полях - потемкинские деревни!

68 [Крестьяне на стадионе им. Сталина](#) И тем не менее люди жили и сколько еще могли бы жить в нищете и глубокой

уверенности в своем счастье, если бы не умер великий вождь?
Ведь казалось, что установленный им порядок будет вечным.

69 [Самодетельность "Кантеле" поют о счастье](#)

Пропаганда заменила все блага на свете. Как будто везде оглупели и блаженно кричали: "Сталину слава!" - со сцен театров и концертных залов,

70 [Альпинисты кричат "Ура" при установке бюста Сталина](#)

и с высочайших вершин страны,

71 [Встреча шахматистов на фоне портретов Сталина, Берии, Молотова](#)

и в шахматных клубах,

72 [Сцена под портретом Сталина](#)

в домах творчества и художественной самодеятельности;

73 [Самолеты в небе составили слово "СТАЛИН"](#)

эскадрильями самолетов в небе,

74 [Моряки в воде держат портрет Сталина](#)

и морскими заплывами тысяч участников.

75 Портрет генералиссимуса Сталина

Вождя прославляли художники

76 [Обложка книги "Незабываемый поход"](#)

и писатели. Вот один из писательских шедевров про встречи Сталина с моряками:

77 [Текст](#)

"Да, он нашу морскую жизнь понимает - задумчиво сказал старшина II статьи Захарьин. -

Он не только нашу жизнь понимает! Он с конструкторами новые самолеты обдумывает, с инженерами заводы проектирует, каналы намечает: Он и флот наш организовал, и первые корабли осматривал, и места для баз указал":

78 [Обложка запрещенной книги Л. Квитко "К солнцу"](#) И в то же время чудесные книги за ничтожные подозрения в адрес их авторов безжалостно перерабатывали на толь или сжигали. Такова была участь детского писателя Квитко,

79 [Страница книги](#) его стихов:

"Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят.
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем".
И эти стихи были отняты у детей.

80 [Похороны Сталина у Мавзолея](#) Но никто не вечен! Умер Сталин - и воскресла надежда: "Может, культ - от человека, может он случайность, и теперь исчезнет?"

81 [Фото "За гробом Сталина"](#) Тяжело шагают за гробом Сталина его преемники и не знают, что с ними будет дальше. Булганин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Чжоу Энь-лай, Берия, Хрущев. История со всеми из них уже расплатилась, правда, слишком мягко.

82 [Берия на трибуне Мавзолея](#) Разве для неудобозабываемого Лаврентия Павловича расстрел - не слишком мягкое наказание? А для бывшего сталинского

волкодава Маленкова - исключение из партии и пенсия - не исключительная милость?

83 [Хрущев в Шолоховым и Ниной Петровной](#) Но можно ли утверждать, что с "культом" уже покончено? - Ни в коем случае! Это можно понять по урокам десятилетнего правления Хрущева, одного из самых порядочных и человечных сталинских соратников. Несмотря на разоблачение самого Сталина, Хрущев не затронул ни одной из причин "культы": однопартийности, отсутствия свободы слова, печати, союзов. Да и как может власть сама отказаться от покорности самой себе, как она может разрешить оппозицию самой себе? Но раз причины остались - возникновение культа неизбежно.

84 [Текст предложения Ворошилова](#) И вот Ворошилов в Верховном Совете предлагает "борцу с культом" - Никите Сергеевичу - второй пост в государстве - пост Председателя Совета Министров.

85 [Текст](#) И вот в печати появляются подобострастные стихи: "Глава великой державы,/Шагающей в коммунизм,/ В строках, что на вид шершавы, / Пред Вами падаю ниц".

86 [Текст резолюции пленума ЦК в октябре 64 г.](#) Теперь даже октябрьский переворот 1964 года вряд ли может кого убедить, что с "культом" покончено. Да сейчас, не славят вождей персонально - только ЦК и Политбюро в целом. Но кто может забыть, что Сталин так и не осужден открыто как преступник, что его кровавые помощники не осуждены - на пенсии и даже в аппарате,

87 [Трибуна на летном поле Тушино](#) что даже нынешние руководители - такие же сталинские "орлы", как Маленков и Хрущев. Всмотритесь в это фото авиационного праздника.

88 Рядом со Сталиным и Берия стоят

89 Косыгин и Сулов, те, кто заменяет сегодня культ личности культом ЦК! Нет, все кажется безнадежным!

90 [Надпись](#) "Так что же делать, товарищ Ромм? Вы говорили о борьбе европейцев с обыкновенным фашизмом. А что же делать нам с обыкновенным культом? Ведь он сможет снова установить режим террора, как в Германии 33 года, России 37 года, современном Китае. Культ может развязать войну, как развязал ее Гитлер в 39 году, как развязал Сталин против Финляндии, как сегодня готовит ее Китай. В любое время культ снова может встать на пути свободной мысли, науки и прогресса. Что же делать?"

91 [Фото повешенного в 1956 г. венгерского коммуниста](#) В Венгрии пытались силой уничтожить культ личности и его причины, но что из этого вышло? - Белый террор, жертвы и разруха.

92 [И еще более страшное фото 1956 г.](#) Нужно ли нам это?

93 [И еще один труп](#) Нет, нет и нет! Тысячу раз нет!

94-95 [Красные флаги на Красной площади](#) Так что же делать, товарищи?

Даже сейчас мне трудно смотреть на заключительные кадры повешенных и убитых в Венгрии 56 года. Отвращение к насилию даже во имя уничтожения культа личности во мне не потускнело за прошедшие годы. Конечно, со многим в этом фильме я сейчас не согласен, во многом он кажется мне наивным и неправильным. Это и не удивительно: ведь он плод самостоятельных размышлений человека, полностью оторванного от внепартийной информации. (Самиздат тогда я еще не встречал, а привычки к слушанию заглушаемого зарубежного радио не было).

В переработанном виде "Обыкновенным культи" был показан только один раз в сентябре 1968 года и практически пролетел мимо ушей моих гостей. И дело не только в слабости текста, а в нервном настрое собравшихся, взбудораженных чехословацкими событиями. В тот вечер мои знакомые ожидали прихода П.Якира и Ю.Кима. Сын знаменитого командарма и его зять, популярный автор самодетельных песен, вместе с учителем И. Габаем написали очень известное тогда письмо к властям с предупреждением против возрождения в стране сталинизма. Увидеть этих людей, открыто стоящих в оппозиции, послушать их мнение о последних событиях - было, наверное, главным для собравшихся. Показ же диафильма оказался лишь предлогом для встречи.

Якир и Ким пришли лишь к концу просмотра, и были далеко не в форме, (ничего не увидели, конечно). А потом начались бурные дискуссии о вводе наших войск в Чехословакию: среди моих знакомых были и защитники официальной точки зрения.

Так я и не уловил реакцию людей на "Обыкновенный культ". "Премьера" как будто не состоялась. И лишь впоследствии, по брошенным вскользь замечаниям я понял, что им запомнилась лишь параллель между фашизмом и сталинизмом. Но я не мог поставить себе в заслугу эту мысль: ведь она была введена в общество фильмом самого Ромма, а у меня были лишь обнажено углублена. Основная же моя боль

от невозможности ясного ответа на вопрос "Что делать обыкновенным людям при обыкновенном культе?" - воспринята не была. Венгерские кадры прошли мимо сознания, в то время как для меня они были ключевыми и самыми острыми, по силе воздействия равными всему предыдущему тексту. Сам фильм упрекал людей за пассивность в борьбе с фашизмом и культом, а заключительные кадры показывали весь ужас чрезмерной "активности". Противодействие фильма и венгерских кадров показывало, что дело не столько в личной смелости и трусости (по схеме: против неправды и зла надо бороться всеми возможными средствами без оглядки, в манере революционной жертвенности), сколько в бесперспективности и ужасности протеста "венгерского типа", тотального отрицания всего, что связано с культом. Этот спор кадров заставлял меня самого разбираться в нашей ситуации глубже, искать действительно верные, оптимальные линии поведения.

Но передать эту задачу зрителям диафильм я не смог. Мучительных вопросов они не увидели. На что были две причины. Первая состояла в характере большинства моих зрителей - твердых, не ищущих или уже нашедших свои убеждения. Одни заранее знали, что все сведения о культе - "преувеличены" и, конечно, любой протест, логично приходящий к "венгерскому варианту" - преступен (в том числе и "происки правых" в Чехословакии). Другие же считали, что преступления сталинизма - ужасны и потому протест и борьба против культа оправдана в любом случае, что возможность "перегибов" типа венгерских - сильно преувеличена, несущественна. Таких, запрограммированных людей очень много, и обращение к ним с недоумениями - не вызывает у них работы мысли, не дает результата.

Другая важная причина лежит в самом диафильме, заключается в моей личной субъективности, как автора. Какие-то стороны противоречия мне были ясны заранее, и я их не обсуждал, упоминал скороговоркой, а другие обсасывал с надоедливой подробностью, забывая о людях, которым все это

уже понятно. Впрочем, неумение посмотреть на свою систему аргументов со стороны - влияло и на последующие мои диафильмы.

Что же касается вопроса "Что делать?", то ответ на него для меня только сейчас стал проявляться в однозначных словах. Заданный диафильмом в 1966 году, он неявным образом прошел через другие диафильмы, дневники, раздумья, жизнь. Жизнь не раз давала мне возможность стать "смелым протестантом", и я вступал на этот путь, но каждый раз отступал к обыкновенной жизни, к любительским фильмам. В этой двойственности, наверное, и состоит линия моей жизни. Как ни странно, но мой личный ответ оказался противоположным ответу Ромма. Он советовал: "Не будь обывателем!", а я говорю себе: "Будь обывателем - честным и упрямым! Живи!"

Что же касается объективного содержания "Обыкновенного культа", то после чтения книг Авторханова и Солженицына, я могу со спокойной совестью сдать его в архив в качестве дневника, фиксирующего ход мыслей человека в 1966 году, как сдают туда старую фотографию.

И все же меня до сих пор тяготит чувство неудачи: документальный фильм Ромма завоевал 40 миллионов зрителей, а мой диафильм - ни одного!

Конечно, огромная сеть кинотеатров. Конечно, уровень мастерства Ромма и его помощников несравним с уровнем дилетанта, не знакомого с самыми элементарными приемами даже любительского кино. И все же - не это главное. Даже на дилетантском уровне, только слайдами и в кругу знакомых фильм Ромма был бы интереснее и завоевал бы соответствующую аудиторию. В чем же тут дело?

- В соучастии аудитории!

У Ромма на экране идет последовательное исследование быта и корней фашизма. Материал германской жизни того периода публике в общем малоизвестен и поэтому интересен сам по себе. И зритель втягивается в исследование жизненных ситуаций, документов. Это интересно. А главное, параллельно

с открытым, явным анализом фашизма у зрителя идет свой внутренний сравнительный анализ отечественных ситуаций, открытие сходства с немецкими. В этом главная причина успеха фильма Ромма - что зритель получил возможность делать самостоятельно столь важное открытие, а потом даже задаваться вопросом: "А что же делать, т. Ромм?" (как это произошло со мной).

"Обыкновенный культ" стал только повторением "Обыкновенного фашизма". Если бы я занялся своим главным вопросом-недоумением (даже опираясь на те же материалы), формулируя ответы по ходу исследования, советуясь со зрителями, возбуждая мысль, лишь тогда у диафильма был бы шанс на успех.

До сих пор удивляюсь себе: решиться почти на "подпольный" диафильм, преодолевая собственную робость, быть резким и смелым в суждениях, и в то же время оказаться в такой рабской зависимости от формы и содержания официально демонстрируемого фильма Ромма. Не только формы, но и содержания - вот что обидно! Мучиться, бояться, преодолевать свой страх, едва ли не "выходить на подвиг" - а в результате не сказать ничего нового, а лишь повторить сказанное Мосфильмом в утвержденном порядке: Каков самообман!

Если судить о наших истинных мыслях лишь по нашим открытым словам, по букве того, что разрешено нам читать, смотреть и слушать, то мы выйдем страшными невеждами и простаками, почти чистым листом бумаги. И, кажется, стоит только набраться мужества, выйти в самиздат, как вокруг засияет свет истины, от которой все придут в восторг и решатся на что-то великое: Ан - нет!

Для меня Самиздат существует с 1968 года. За эти годы я прочитал много смелых и откровенных его вещей, но "открытый" увидел в нем мало, гораздо меньше, чем в разрешенной литературе. Наверное, "самиздатская смелость" требует так много душевных сил у автора, что на богатство

содержания его уже не хватает: Как будто самиздатскому автору так сильно хочется выкрикнуть "неразрешенное", что он забывает, кому кричит. А ведь остальные его соотечественники - тоже "умные", тоже читают между строк и размышляют и потому все, что им кричит Самиздат, - уже известно и неинтересно: Интересен сам факт громкого крика. А разве крик требует размышления? Нет, он требует лишь содействия, активности. Но люди, как правило, не действуют, рискуя жизнью, по чужому крику - а лишь по внутреннему убеждению. Вот причины, по которым многие самиздатские выступления наталкиваются на равнодушие.

Энергия и жертвенность пропадают впустую от спешки и нетерпения. Для меня эти слова звучат не обвинением, а горьким сожалением, обращенным к самому себе, как автору "Обыкновенного культа" и других самиздатских фильмов. Ведь горько осознавать ошибки не в начале, а в конце пути, когда думаешь уже не о новых диафильмах, а об их завершении.

Раздел 2. "Разбег" 1966 г. - самодеятельный журнал Московского трубного завода

Все началось с того, что моего сокурсника по Бауманскому училищу Славу Коренкова - конструктора московского трубного завода (где я работал инженер-технологом), выбрали секретарем заводского комитета комсомола.

Помню, его согласию на этот "пост" я очень удивлялся. Ведь не мальчик и вполне мог отвертеться (к нам, 26-27-летним "старикам", доживающим последние годы комсомольских взносов, партийные власти относились снисходительно и не очень наседали с уговорами).

" Может, Слава, ты надумал поступать в партию?" - " За кого ты меня принимаешь! Но ведь в конце концов, надо как-то бороться с безобразиями, а если в комитете комсомола подберутся хорошие ребята (а они есть), то вместе можно много сделать..."

Я прямо обомлел от такой наивности: "Да ты что!? Что же можно изменить на одном заводе, когда кругом творится тоже самое, когда система... И партком и комсомол - одно целое, и ничего ты не добьешься..."

Но Слава смотрел на меня спокойно и снисходительно: "Ты ничего не понимаешь... Когда вместе - это сила, да и в райкоме хорошие люди, помогут..."

Удивительный человек Слава, откуда он только взялся! Я пробовал рассказать ему свой опыт столкновения с единой партийной волей - не институтское исключение из комсомола, а пример парткома Коломенского завода, где мы с Лилей обрабатывали молодыми специалистами. Спустя два года мы имели право поступать в очную аспирантуру, но с обязательным предъявлением положительной характеристики с завода. Лиле такую характеристику выдали, а мне отказали

по совершенно смехотворной причине: "моральной неустойчивости", выразившейся в том, что мы с Лилей не были расписаны при почти годовалом сыне (регистрироваться мы не спешили, чтобы не потерять право московской прописки к моим родителям). Получалось, что из-за морального ригоризма парткома, мы должны были на год расстаться, а Лиля жить одна с ребенком в Москве. Конечно, принимая такое решение, партком не входил в такие детали, а голосовал по рекомендации своего секретаря, а тот - принял к сведению советы неравнодушного ко мне заместителя директора по кадрам. Смириться с этим решением нам было трудно и потому за неделю до следующего заседания парткома, мы обошли всех его членов, объяснились с каждым и за исключением двух заручились твердой поддержкой каждого. Поскольку повестка дня заседания была прерогативой секретаря, то на заседание мы прорвались своей волей и воочию убедились, что за исключением одной литейщицы, все остальные члены парткома не осмелились противоречить твердому секретарскому "нет", хотя мы тут же повторили, все свои доводы. Смехотворность обвинения меня в "аморальности" была очевидной, иных причин секретарь не выдвигал. Сама идея "партийного единства и дисциплины" заставила всех членов парткома подчиниться воле секретаря против собственных убеждений, что же говорить об остальных организациях, обязанных подчиняться партийному руководству даже формально! Железная система непробиваема, а биться головой о стену очень больно, в Коломне я нахлебался этого вдоволь...

Конечно, мой рассказ не произвел на Славу должного впечатления. Такой опыт человек должен приобретать сам, на собственной шкуре, Слава стал секретарем и, как говорится, развратил бурную деятельность.

Уже осенью он показал нам первый диафильм, чем заразил многих. Тогда же мы начали готовить заводской журнал. О других "делах" я не помню, но его "ребятки" из

комитета лучились энергией. Однако той же осенью он вошел в конфликт с заводским партсекретарем.

Раньше Слава никогда не интересовался комсомольской или иной общественной работой - он был увлечен искусством - мастерством великих певцов, композиторов, художников, артистов. С этим хобби удивительно гармонировала его романтическая внешность: худощавое лицо, длинные волосы, очки в тонкой оправе, изящество в жестах, аккуратность в одежде и благородство в общении. К нему всегда тянулись люди, как к чему-то прекрасному, что лучше их. Но он поздно осознал всю влияние своего обаяния и почти никогда не пользовался им. В первые годы своей работы на заводе, в обстановке затягивающей рутины и скуки он организовал для своих коллег из заводууправления нечто вроде кружка самодеятельности - спасения от скуки. Его члены регулярно собирались "за чашкой кофе" (добавляя иногда сухое вино и бутерброды) и обсуждали доклады об импрессионизме и иных школах, слушали старые пластинки и т.д. К этим вечерам Слава готовил стенгазету под названием "В мире искусства". Постепенно сложился устойчивый кружок собеседников, симпатизирующих друг к другу и особенно Славе, как лидеру и организатору. Как всегда в таких делах, на вечерах присутствовали представители партбюро. Однако, удостоверившись, что в этой "полезной инициативе" каких-либо "идейных вывертов" нет, партбюро потеряло интерес и "пустило все на самотек". Так зародилась аудитория будущего диатеатра.

Для Славы диафильмы и будущий заводской малотиражный (светокопией) журнал были лишь расширением вечерней аудитории, продолжением уже начатого - на новом этапе, используя возможности своего секретарства. Но при этом трансформировались и его цели. От художнического просветительства Слава пришел ко всему комплексу молодежных проблем...

Вот какие бывают неожиданные перемены в человеческих судьбах: всегдашний "эстет" вдруг становится "комиссаром", борцом. Почему?

- Разочарование в искусстве? - Нет!

- Осознание своих организаторских способностей? - Этого мало!

- Проснувшаяся жажда действия во имя совести и справедливости? - Наверное!

Но я должен тут же помянуть еще один вероятный источник Славиной активности: Анатолий Афанасьевич Яковлев

Уже немолодой журналист издательства "Молодая Гвардия" пришел на завод, одержимый теорией малых дел. Ему хотелось организовать ребят во дворе одного из основных заводских жилых домов (Баркляя, 12), создать там детскую хоккейную команду, клуб и кружки в красном уголке дома, увлечь мальчишек и девчонок полезной и яркой игрой... "Трудно? Равнодушных много? - Чепуха! Надо только пойти в партийные и общественные организации завода, обратиться к комсомольцам, обрисовать им эту великолепную задачу - и помощь будет оказана. Люди у нас везде хорошие - обязательно откликнутся!" Приветливое, улыбчивое, почти радостное лицо Анатолия Афанасьевича внушало, почти вливало в собеседника уверенность и энтузиазм.

На заводское же начальство гораздо больше действовало удостоверение журналиста, открывавшее, по их мнению, доступ в самые высшие сферы (РК КПСС и выше). Анатолию Афанасьевичу удалось добиться многого: во дворе дома №12 силами завода была оборудована хоккейная площадка за высокой проволочной сеткой, в котельной дома оборудовали клуб для занятий кружков, а в качестве их руководителя был принят демобилизованный парнишка (баянист и художник-оформитель)...

Энтузиазмом от побед Анатолия Афанасьевича, его покоряющей уверенностью, что "добро победит", если не

пугаясь трудностей, настойчиво обращаться за помощью к партийным и иным людям, и был захвачен Слава Коренков.

И пошел!.. И понес!.. Двор дома № 12... Другие дома... Диафильмы и киностудия... Вечера туристических песен... Подшефная школа... Оживление чисто комсомольской работы в цехах: активизация "Прожектора", укрепление голоса комсомольских организаций, уверенности молодежи в своих силах.

Известное дело: самые захудалые комсомольские организации - именно на заводах. В школах звание комсомольца полно взрослости и ответственности для людей, только что выросших из пионеров. В вузах - комсомольское состояние для людей привычно, как старая, притерпевшаяся одежда. На заводах же и в учреждениях "старая одежда" тяготит людей, давно ставших взрослыми и даже семейными: уже свои дети ползают, а все приходится играть в комсомольский энтузиазм. Но сбросить самостоятельно эту одежду нельзя. По недоброй памяти довоенных лет у нас вполне даже можно не вступать в партию или комсомол и сделать даже карьеру, но не дай бог выйти самостоятельно из этих организаций! Такой выход будет расценен почти как вражеский выпад, как преступление. И потому люди тянут скучную лямку до 28 лет, когда можно будет выйти из комсомола "по старости", заражая скепсисом и молодежь, пришедшую на завод прямо из школы...И все же Славино обаяние покорило всех!

Однако уже летом 1966 года возник конфликт с партбюро завода. На очередное заседание комитета комсомола были вызваны злостные неплательщики членских взносов - таких было особенно много среди "старичков"-рабочих. Так вот, один из них, горячий и нагловатый парень - трубосварщик Юра К. сказал на комитете: "Надоело, потому и не плачу..." и бросил на стол комсомольский билет.

Что оставалось "ребяткам" - только проглотить оскорбление, проголосовать за исключение... И отомстить при случае...

Вот, кстати, одна из трудных для меня, морально неопределенных ситуаций. Кому здесь сочувствовать: рабочему, смело и свободно швырнувшему опостылевший билет до предела загнившей и ставшей для него ложной организации, или сочувствовать членам комитета, которые стараются повернуть организацию на живое, хорошее дело, и с самого начала встречаются не только с сопротивлением сверху, но и с равнодушием и саботажем снизу. Между этими хорошими людьми - пропасть непонимания и не дай бог, чтобы это непонимание стало когда-нибудь трагедией.

Мне были понятны обе стороны, но по привычной своей симпатии к положительным людям, к конструктивным действиям я сочувствовал, конечно, "ребяткам" Славы Коренкова. За Юрой К. не было ничего, кроме злобы и голосового протеста, мне пришлось через два года работать с ним вместе: в цеху не хватало людей, и потому целый месяц я работал на его стане подручным сварщика. Сблизиться с ним я так и не сумел, хотя помнил о той истории. Мои силы были сосредоточены полностью на тяжелой и ответственной, почти конвейерной работе. Временно снятый с бумажной работы, я был плохим помощником для Юры К., и потому особых симпатий у него ко мне не возникло, хотя сильного озлобления за мои ошибки - тоже не было. Каких-либо общих интересов (по книгам или по туризму) у нас не нашлось. Так и осталось у меня память о нем, как о внешне красивом, но странном (а может, недалеко) парне...

Спустя еще один год завод был потрясен историей гибели Юры К.: он поссорился с женой, выпроводил в воскресенье ее и дочку гулять на лыжах, а сам повесился на люстре. Я расценил это как последний протест Юры - против жены и против всего света.

Вот так - билетом об стол, рылом об кассу! Нет, я не сочувствую Юриному протесту...

...Ну, а тогда, в 66-ом году Славе скоро представился случай мщения при утверждении окончательного списка очередников на получение квартир в новом заводском доме.

Претендентов было много, а список - много короче. Пользуясь своим положением четвертого угла в заводском "треугольнике" Слава подписал этот список, вычеркнув фамилию Юры К. Казалось, остальные заводские "углы" могли только похвалить молодежного секретаря за рвение и принципиальность. Но дьявол как будто специально запутывает самые простые и понятные ситуации.

Оказалось, что Юра К. живет в одной двухкомнатной квартире с очень влиятельным членом партбюро завода, его бывшим партсекретарем В.И. Манохиным. И оказывается, что отказать Юре К. в новой квартире, значит, отказать Манохину в желаемом расширении на старом и очень удобном для него месте.

Вот так столкнулись в чистом виде личные мотивы члена партбюро, одного из "людей заводской верхушки", и общественные интересы укрепления комсомольской дисциплины. Но на таких "недоразумениях" и проверяется истинность привычных фраз и лозунгов.

Казалось, можно было бы найти компромисс: уйти в новую квартиру уважаемому члену парткома т. Манохину или еще как... Но нет, совсем не хотелось отказываться Владимиру Ивановичу от уже выбранной раньше комбинации - из-за ерунды, из-за "взбрыка" этого Юры и "глупости" комсомольского секретаря. Начали давить на последнего, объясняя щекотливость создавшегося положения. Начались доверительные разговоры в партбюро: Юра, конечно, извинится, возьмет билет обратно, но и ты, Вячеслав, подпиши список на жилье с его фамилией ...ради Владимира Ивановича."

Повторяю, это чистый случай, на котором проверяются люди: если они не идут ни на какие компромиссы, они рано или поздно выбывают из партийной игры. А если они способны прислушаться к "советам старших", подчиниться "партийной дисциплине" и т.п., то у них есть шансы сделать партийную или профсоюзную карьеру.

В общем, Слава "не прислушался". Его отказ от подписи был уже одобрен комсомольским комитетом, как вполне принципиальное решение, а противостояние Владимиру Ивановичу, одному из давних членов заводской камарильи, только оживляло азарт борьбы и совсем не казалось "не партийным" (хотя за Манохина вступился сам секретарь партбюро). "Ребятки" рассуждали также, как и мы с Лилей в Коломне: секретарь - еще не партбюро, не коммунисты завода и не коммунисты страны. Найдем управу! Ходу назад им уже не было!

Впрочем, в партбюро этого настроения "сопляков", наверное, даже не понимали. После серии разговоров наедине и совместно, в партбюро плюнули на строптивного секретаря и дали ход старому списку без визы Коренкова. Юра К. въехал в новый дом, а Владимир Иванович, наконец-то округлил свои владения в полюбившемся доме, сделал квартиру отдельной собственностью.

Однако против ожидания, эпизод на этом не кончился. Слава, все же не был мальчишкой и не стал покорно ждать, когда при новых выборах его сместят по рекомендации партбюро. Уж не знаю, помогал ли ему тут Анатолий Афанасьевич, но на завод приехали два корреспондента из "Московского комсомольца" (один из них, Саша Апресян, стал впоследствии близким Славиним другом). Их заметка в газете с большой похвалой отзывалась о "делах заводских комсомольцев" под руководством В. Коренкова и в очень невнятной форме выражала недоумение малым вниманием и помощью со стороны партсекретаря завода. По-иному "Московский комсомолец" не мог выразиться по поводу конфликта двух секретарей.

Кроме того, на сторону Славы стал секретарь РК ВЛКСМ и обещал свое содействие у самого "хозяина района". Секретарь партбюро завода ушел в длительную болезнь...

И хотя список на получение жилья давно уже был в работе, для Коренкова борьба не кончилась. "Ребяткам" из

комитета комсомола тогда еще казалось, что "правда обязательно восторжествует".

Ну, а представим на минуту, что они и вправду добились своего - что бы из этого вышло? - Да, ровно ничего... В следующей стычке по поводу очередной (но не столь очевидной) несправедливости с партбюро они обязательно потерпели бы поражение и были бы наказаны с удвоенной строгостью. Ибо дело уже не в личных интересах члена партбюро и амбициях секретаря. Встал бы принципиальный вопрос: "Кто кого?" - "Комитет комсомола или партбюро?".

Даже краткий миг успеха "ребятков" - как изменил их, сколько прибавил им сил и гордости, сколько звонкости в голоса, сколько "гонору" в обращении со "старшими товарищами"! Нет, допустить подрыв принципа "партийного руководства" никак невозможно. Сама перспектива этого кажется столь страшной, что даже намек на сопротивление подавляется с ходу. А раз так, то любому "Владимиру Ивановичу" не составляет труда изобразить сопротивление своим прихотям, как "подрыв принципа" и ...добиваться своего.

Так и получилось. Первый секретарь райкома партии встал на защиту "принципа", понятное дело, комсомольскому секретарю райкома тут же пришлось признать свою "принципиальную ошибку", но пока дело окончилось без оргвыводов. Список на получение жилья без подписи Коренкова реализовался своим чередом, но и Славу никто не трогал за трения с партбюро. Да и зачем? - Время пройдет, молодой комсекретарь опомнится, признает правоту "старших товарищей", все войдет в наезженную колею...

Умудренные временем "старшие товарищи" не знали Славы Коренкова. Не для того пошел он на презируемый прежде комсомольский пост, чтобы сделать личную карьеру. Его интересовали высшие цели, достижение правды и справедливости, как минимум. И если подсказанный Анатолием Афанасьевичем метод борьбы в рамках общепринятых правил, с опорой на добрую волю высшего

начальства, оказался непригодным, то он не остановится и перед иными методами.

...Я сейчас перескочу хронологические рамки своего рассказа, минуя создание первого номера "Разбега" и начала диафильмовского движения, чтобы дорассказать судьбу "Славиной революции" и судьбу "реформы" Анатолия Афанасьевича на Московском трубном заводе.

...Поздней осенью 1966 года на отчетно-перевыборочном заводском партийном собрании с традиционным приветствием от заводского комитета ВЛКСМ выступил Слава Коренков. Я читал это обращение, но помню только, что там были критические упоминания в адрес бывшего секретаря партбюро Глебова и члена партбюро Манохина и выражалась надежда, что заводские коммунисты выберут себе более достойных руководителей, а комсомольская организация со своей стороны будет и впредь работать в помощь коммунистам завода и в контакте с партийной организацией (подчеркиваю слово "контакт", т.к. оно и стало главным пунктом будущего обвинения Коренкова). Обращение это тщательно готовилось и обсуждалось на заседании комитета комсомола. Ведь каждому из "ребят" пришлось решаться на него прежде, чем поставить свою подпись.

Большинство собравшихся на перевыборы, конечно, хорошо знало предысторию и причины трений молодого комсекретаря со своей партийной верхушкой и, конечно, сочувствовал первому. Но если Вы подумаете, что откровенное сочувствие и поддержка со стороны большинства коммунистов "мятежному секретарю" смущали руководство, то сильно ошибетесь.

В своем выступлении присутствовавший здесь же секретарь райкома партии "выразил удивление" по поводу неправильного поведения зала (а может и намекнул на "нездоровые настроения") и обратил внимание заводских коммунистов на "недостаточность партийного руководства

заводскими комсомольцами" ("Что значит "контакт"? -Речь может идти только о руководстве?").

Партийцы - это не комсомольцы. Они тут же посерьезнели и "встали на правильный путь". Так этим почти политическим обвинением была в корне задавлена любая возможность открыто выступить в защиту ошельмованных комсомольцев. Но о том, что сторонников у Коренкова в зале было много, красноречиво показали итоги тайного голосования: из предложенного списка кандидатов в члены партбюро наименьшее число голосов (если даже не меньшинство) было подано за Глебова и Манохина. Но - нехитрая механика демократических выборов: число кандидатов было равно числу избираемых, поэтому обе одиозные фигуры снова оказались в партбюро, а последнее, снова под нажимом райкома, выбирает Глебова.

Все! На ближайшем заседании райкома ВЛКСМ был поставлен вопрос о неблагополучном положении в комсомольской организации МТЗ и за "грубые ошибки" заводскому секретарю Коренкову был вынесен строгий выговор с занесением в личное дело, а всем членам комитета - поставлено на вид. Так Слава получил свой собственный опыт "контакта" с партийной дисциплиной и волей. Теперь история моего "контакта" в Коломне, наверное, и у него нашла бы понимание.

Славу осудили "единодушно" те самые парни, что еще летом так хорошо его понимали и поддерживали. Я не знаю, как чувствовал он себя на той райкомовской казни осужденный Коренков и называл ли он про себя "друзей-судей" лицемерами, но если он так думал, то был, конечно, не прав. Райкомовцы совсем не лицемерили. Они просто были выучены искреннему подчинению партийной дисциплине. Их собственные мнения и суждения действовали только до вынесения партийной оценки, а дальше действовала магия партийной дисциплины. Им надо было приложить все душевные силы, чтобы понять верность этой оценки, вжиться в нее и сделать своею. И только так и можно принимать

"партийное руководство". Можно сказать, что именно члены райкома вполне искренне и полностью принимали принцип партийного руководства, а вот люди Коренкова соглашались с ним только на словах, т.е. лицемерно. Так что здесь дело не в "искренности" или "лицемерии", дело в различии самих жизненных позиций: райкомовцы были, прежде всего, верными слугами партии, а уж потом - людьми, а Коренков был верен, прежде всего, своим убеждениям, и в их рамках лоялен к партии.

История Коренковского возмущения на заводе на этом кончается. Правда, потом еще шли вторичные волны. Райкомовское наказание лишь увеличило популярность Коренкова на заводе. Он оставался секретарем, с ним были внимательны в партбюро, не чинили особых препятствий его начинаниям, но это было лишь инерцией того первого движения. В нем самом была убита внушенная Яковлевым вера в возможность самостоятельности и противостояния любому злу в существующих рамках. Слава теперь уныло тянул свою комсомольскую лямку, пока не вышел из комсомола по возрасту, а через несколько лет и вообще ушел с завода - разочарованным и неверующим.

В этом затухающем движении погибло и начинание Анатолия Афанасьевича - реформа дворового воспитания дома № 12. Яковлев часто болел и не мог уделять постоянного внимания своему детищу. И вот дворовая хоккейная команда развалилась, площадка без ухода стала приходить в негодность, домовый клуб стал походить на обычный агитпункт для чтения редких "бесед с жителями дома". Выделенный от завода воспитателем демобилизованный гармонист долго мучился от безделья, затем как-то невольно был затянут на завод производством стендов наглядной агитации, и наконец, куда-то исчез.

Никаких усилий по спасению своего начинания Анатолий Афанасьевич не предпринимал. Официальная причина - болезнь и недостаток времени, конечно, не была основной. Думаю, и к нему пришло разочарование. Притом

для него, на склоне лет и сил, оно была еще более глубоким, чем у Коренкова. Как я теперь понимаю, теория "малых дел" была для Анатолия Афанасьевича полна глубокого смысла. Двор дома №12 был ему важен не сам по себе, а как начало широкого самостоятельного преобразовательного движения. Я убежден, что сил, способностей, опыта и влияния у А.А. хватило бы, чтобы вести этот двор на радость его ребятишкам долго и успешно. Но для этого надо быть прирожденным покровителем не всех детей, а лишь их небольшой части, а именно, детей дома № 12 и вкладывать в них бескорыстно и невидимо миру всю свою жизнь. А для А.А., наверное, важно было иное: чтобы подобным движением была захвачены все дворы Советского Союза... Конечно, начиная, он понимал, что нельзя рассчитывать лишь на самоуправление ребят, что само собой, без постоянных усилий взрослых дворовой интересной жизни у ребят не получится. Поэтому и искал опоры в заводских комсомольцах. И вроде бы нашел... Коренкова и его "ребятюк". Но вот...

Внешне А.А. стоял в стороне от конфликта Коренкова с партбюро. На деле, конечно, Славино поражение было поражением идей и планов А.А., ибо некому стало их выполнять. Иных исполнителей у него не могло быть, и потому безысходность борьбы за дворовую реформу стала ему очевидной.

Горечь совместного поражения сохранила в А.А. и Славе на долгие годы чувства обоюдной симпатии и дружбы - несмотря на различность занятий и редкость встреч. Наверное, их объединяет теперь разочарование.

Как я сам смотрю теперь на всю эту историю? В те годы я был их попутчиком и естественным союзником. Правда, немалый к тому времени опыт по части "контактов с партией" лишал меня иллюзий, но уважение к честной и бескорыстной общественной деятельности и собственные цели заставляли меня им содействовать. Выражаясь высокопарно, в этой компании я был как бы крайним

демократическим элементом, но, конечно, не афишировал этого.

Даже после понесенного ими поражения и утраты иллюзий, мне казалось, можно было бы надеяться на большую близость со Славой и А.А. Но нет, путь общественной деятельности вне официальных рамок ими не принимался. Помню реакцию Анатолия Афанасьевича, когда я передал ему для обсуждения свои "тезисы". Это не был, конечно, документ, равный по откровенности "Обыкновенному культу", но главный вопрос "Что делать?" в нем все же был задан.

Прочтя, А.А. не стал вдаваться в дискуссию, спорить или убеждать. Он только спросил кратко: "Чего Вы добиваетесь?" Для себя я расшифровал этот вопрос так: "Зачем Вы копаете, зачем подрываете нашу веру и иллюзии?" Человек не хотел копаться, не хотел дискуссий на такие темы, и понятно, - я не настаивал. А еще в его вопросе мне чудится кочетковское заклинание: "Чего же ты хочешь?", обращенное к молодежи, не столько вопросом, сколько предостережением. Думаю, что я прав в своем предположении: ведь хотя А.А. был журналистом не "Октября", а "Молодой гвардии", но в целом эти два литературных журнала в те годы обозначили два направления единого сопротивления либерально-демократической настроенности: одно звало к возврату сталинизма, другое - к возврату русской патриархальности, а общим у них было неприятие действительности и... либерализма. Наверное, с А.А. мы были скорее идейными противниками, но его величайшая тактичность и нежелание ссориться удержали нас от резких споров. Только один раз возник спор и исключительно по моей вине.

В первый номер заводского литературного журнала, о котором речь пойдет дальше, А.А. отдал свою разгромную рецензию на роман Тендрякова "Свидание с Нефертити", вызвавшую мое сильное раздражение. Рецензию мы, конечно, приняли, но на правах основного составителя я тут же включил свою контррецензию. К сожалению, у меня остался

лишь ее черновик, в котором можно прочесть только концовку.

"Почему же Вы ополчились против героя Тендрякова? Последние страницы Вашей статьи дают на это ответ. Видимо, Вы много сталкивались с людьми, равнодушными к общественным делам, к созданию коллективов коммунистического труда и быта, и хотели бы, чтоб они были осуждены в литературе.

Но ведь Тендряков занят здесь совсем иной темой - ростом молодого художника в трудное для искусства время культа личности. И один только господь бог ведает, почему в этом художнике (Федоре Материне) Вы увидели своего врага, т.е. человека, равнодушного к коллективам и коммуна. С таким же успехом Вы и Пришвина можете упрекнуть: почему он писал о природе, а не о человеческих взаимоотношениях в коммунах? Но справедлив ли такой упрек? По-моему, нет.

Остается разобрать последнее и главное Ваше предложение. Так ли нужно навязываемое Тендрякову разоблачение Материных: "формально честных, даже самоотверженных людей, но не имеющих и тени тех понятий, инстинктов и привычек, которые составляют суть Фурмановых и Макаренко", Материных, "не менее опасных, чем трусы, карьеристы, предатели и бюрократы"? Выше я утверждал, что Вы совершенно напрасно оговорили героя романа Тендрякова. И что значит: "у него нет инстинктов и привычек Фурмановых и Макаренко"? Может, что сильны привычки корыстолюбия, эгоизма и т.д.? Однако Вы сами определяете Материна как честного, самоотверженного человека. Нет, скорее это обвинение означает отсутствие тех черт, которые позволили Фурманову и Макаренко стать профессиональными организаторами коммунистических коллективов (первый был комиссаром дивизии, второй - руководителем детской коммуны). Но тогда давайте осудим всех, кто не является профессиональными организаторами коммунистических коллективов. Давайте осудим всех, для

кого главное - это его личный труд: инженера, художника, рабочего, колхозника, всех, кроме организаторов коллективов.

А не думаете ли Вы, Анатолий Афанасьевич, что Вам придется разоблачить и осудить как "предателей, трусов, карьеристов и бюрократов" слишком много людей? И все же одним осуждением, даже литературным, в желаемый коллектив не затащишь. Дело нынешних "Фурмановых и Макаренко" не кричать об опасности нормальных людей типа Материна, не разоблачать их и не возводить напраслин, а ценить, уметь разбираться в их психологии, заинтересовывать в коллективах и т.д. Без этого коммунизма не построишь".

Анатолий Афанасьевич не ответил на мой вызов. При встрече я видел его обиженное лицо, однако продолжить спор он отказался наотрез. Он был "выше этого". Сейчас я вижу - он был прав! А для меня главным остался сам факт, что некоторое время Яковлев и Сокирко - люди разных, и может, противоположных убеждений, работали вместе. И оказывается, что не так уж важно, каких убеждений придерживается человек, решающийся на самостоятельное, не запланированное сверху действие. Раз он действует свободно, ради людской пользы, он - мой естественный союзник. Даже Кочетов и Солоухин. Они лучше тоскующих и ничего не делающих моих единомышленников на словах, рабов на деле...

Слава Коренков тоже не ввязывался в споры со мной. Тогда я самонадеянно объяснял это неотразимостью своих доводов, в действительности, действовал закон молчаливого отмещения человеком всего, что неугодно его душе.

С весны 1968 года началось мое знакомство с Самиздатом и Движением в защиту прав человека. Своими впечатлениями я делился тогда со Славой. Один раз он даже пошел со мной на квартиру Павла Литвинова (на ул. А. Толстого), тогда основной центр сборищ "подписантов". Видимо, для Славы это посещение было большим внутренним испытанием, преодолением своего страха (я сам на первых порах сильно боялся). Обстановка в квартире Литвинова (писк

зарубежного радио, чтение бумаг, шум, беспорядочность разговоров и новостей) ему не понравилась. Наверное, ему не понравилась бы и любая иная обстановка: он шел со мной только ради преодоления собственного страха и любопытства. А выдержав это испытание, он больше не ходил. Остался равнодушным и к Самиздату... Подписанство казалось ему бессмысленным, раз нет надежд на успех обращений. С этих пор Славу неудержимо потянуло к религиозным поискам смысла бытия вообще и художественного творчества, в частности. Его общественный кипучий темперамент снова спрятался внутрь...

Вот вкратце та заводская обстановка, в которой возникло и развивалось наше диафильмовское движение, и была сделана попытка издания своего журнала. Пришла теперь очередь рассказать и о нем.

Откуда взялась конкретно мысль о журнале?

Как раз в разгар тренировок Коренкова с партбюро и комсомольской активности, в сентябре 1966 года, сразу после возвращения из среднеазиатского путешествия, я попал на месяц в инфекционную больницу (заболел желтухой), где перечитал массу литературы и записал о прочитанном. Так вот за №36, между № 35 "А. Кузнецов" "Бабий Яр" и № 37 "А. Кабэ "Женщина в песках", сохранилась конспективная запись статьи Долининой "Никакого подвига он не совершил» из ж-ла "Юность", продолженная заметкой для себя, в которой изложена целая программа для меня и Лили на десять лет вперед. Разве мог я тогда знать, во что выльется ее осуществление? Вот эта заметка:

"Хулиганы убили интересного парня, жизнелюбивого, чуткого на чужие беды и помощь людям. Идея автора: надо работать и жить интересно, как жил этот парень Фарит, чтобы было самоуправление молодежи, самоборьба ее с хулиганством. Замечательной я считаю мысль, что надо самим пробовать воздействовать на людей, и не "перевоспитывать хулиганов", а просто самим хорошо и правильно жить и увлекать такой жизнью других людей, соприкасающихся с

нами. Видеть сложность жизни, ее красоту. Я уверен, что такой образ жизни непонятным путем, но будет доходить и до "плохих людей" (может быть, через посредство средних).

Конкретно - я агитирую за туризм, за внимание к природе, к жизни во всех ее проявлениях. Элементарная мысль, что надо не только жить интересно, но и стараться, чтобы и окружающие жили интересно, тогда интерес удваивается. Отсюда у человека чуть ли не инстинктивное желание поделиться узанным. Аморально - молчать, таить про себя узанное, морально раскрывать имеющееся богатство и в меру яркости своих впечатлений заинтересовывать других.

Туризм надо пропагандировать не плакатами и призывами, а самим ходить в походы и потом рассказывать о них возможно большему количеству людей. В походы ходить не для того, чтобы о них рассказывать, а рассказывать, потому что в них ходил.

Книгу прочесть или спектакль смотреть не для того, чтобы потом написать о них заметку, а писать, чтобы удовлетворить естественное желание высказаться после прочувствованного!

Вот как следует! Чтобы эта пропаганда была не самоцелью, а естественным продолжением нашей жизни, передачей взаправдашних наших мыслей и чувств. Только когда хорошие и умные люди не будут скрывать, как хорошо быть умным и хорошим, только тогда за ними потянутся "средние", а за теми - и "плохие".

Это, конечно, еще не все в борьбе за людей, но много, очень много.

Теперь конкретно: первым шагом была бы демонстрация своих слайдов об отпусках и воскресных вылазках; вторым шагом можно было бы добиться установки на 2 этаже заводууправления доски агитатора, для вывешивания интересных вырезок из газет и тем самым проводить нужную тенденцию! (я уже делал это в ЦСБ Коломзавода). Раз читаешь периодику, то это, лучший и короткий способ пересказать людям, что в этих газетах есть

самое интересное; наконец, третьим, пусть наиболее трудным и далеким шагом могло явиться устройство "Комсомольского литературного альманаха МТЗ" с непериодическим выпуском. Печатать материалы можно на кальке, а потом снимать светокопии в проектном отделе, и размножать по мере надобности. Вот эти записи о прочитанных книгах - почему они не могут быть распространены хоть немного, пусть только среди своих на заводе? Они ведь могут принести пользу, показав, что я узнал и прочувствовал. Почему я не могу вылить свои впечатления. от кино, или спектакля, или похода и т.д. на бумагу?

Конечно, издание, такого альманаха - дело хлопотливое, поэтому придется публиковать немного - ну что ж, хоть немного в меру своих сил и времени. Все же лучше, чем ничего!

Пусть вначале нас будет только трое: Коренков, Лиля и я. Наверняка, этот круг потом расширится за счет местных стихов и рассказов. Пусть, лишь бы не было пошлости. Только не надо делать альманах периодическим, пусть он будет свободным выражением мыслей и чувств, а не обязательным мероприятием.

Вот с такими словами я и пришел к Коренкову после своего выздоровления. Идея журнала понравилась Славе, хотя лично писать он отказался наотрез. Но с чего начать?

Решил написать про нашу с Лилей поездку в Среднюю Азию, про Суздаль, а Слава пообещал поговорить с Анатолием Афанасьевичем и ребятами из "Московского Комсомольца", поддержавшими его летом своей корреспонденцией, может, и они примут участие, как литературные силы... Только мне надо было написать сперва передовую для выяснения наших намерений. Передовая для первого номера должна быть подписана Комитетом ВЛКСМ, как издателем, быть официальной и в то же время понятной. Вот что у меня приучилось:

"Мы приступаем к изданию литературного неперидического журнала, говоря высокими словами, - по велению времени.

Сегодня общим местом стали слова: "Наше время - время больших надежд, время творческой инициативы и самостоятельности". Но ведь это истинная правда! Оздоровление жизни после XX съезда партии сегодня дополнено оздоровлением экономики после сентябрьского пленума. И в экономике - этой базе всей общественной жизни - во главу угла ставится инициатива и творческая активность каждого. Не винтики, не только исполнители указаний сверху, но, главным образом, - хозяева, устроители собственной жизни - таков курс партии, поддержанной подавляющим большинством компартий всего мира. К сожалению, есть немало людей, не привыкших к общественной активности, видящих в ней лишь формальную обузу. Конечно, с ними можно согласиться, но только отчасти. Формализм губит интерес и самодеятельность людей, их желание улучшить свою и чужую жизнь. Но существование бюрократов и равнодушных в общественных организациях вовсе не означает, что и тебе надо быть равнодушным, жить только своими интересами, наплевать на заботы и невзгоды других. Равнодушие к окружающим развивает худшее: чистый эгоизм, разобщенность, падение нравов и гибель лучших людей общества!

В журнале "Юность" №9 за 1966г. была помещена статья Н. Долининой "Никакого подвига он не совершил..." Там рассказано, как погиб замечательный парень Фарит Хакимулин от ножа хулигана. Парень вынес в своей жизни очень многое, он три года лежал с туберкулезом позвоночника и, тем не менее, осуществил свою мечту - стал геологом. Он испытал много боли и потому не мог быть равнодушным к боли других. Он сам завоевал свою жизнь и потому был активен - старался, чтобы и другие сделали свою жизнь такой же полной и радостной, как его собственная, чтобы не заполнялись эти жизни только картами и драками. И автор

спрашивает: "Почему он погиб?" Конечно, потому что в этом городке распоясались хулиганы. Но почему они распоясались, почему они вообще могут влиять на нашу жизнь, на наших ребят? И отвечает: потому что молодежь не борется сама за себя, не противопоставляет "общественной" активности отребья свою активность. "Почему все мы с таким упорством перекладываем ответственность на старшее поколение: требовать с суда, требовать с родителей, организовать досуг молодежи?.. Может, потому что сама молодежь помалкивает и играет в карты? Все ли могут взрослые и не больше ли смогут молодые, если дать молодым право на самом деле решать судьбу своего поколения?"

Так что же это означает - "быть активным"? Мы далеки от убеждения, что активным можно считать лишь того, кто записан во все общества и выполняет все поручения. Активность - это просто жить не только для себя, но немножко и для других, быть равнодушным к другим. Тебе хорошо - постарайся, чтобы и другому стало также. Ты прочитал хорошую книгу, посмотрел хороший фильм или пьесу расскажи товарищу, убеди его испытать это удовольствие. Ведь это так естественно! Ты любишь природу, грибы, охоту, рыбалку, походы - увлеку этим других: ведь общение с природой такое благо! Расскажи обо всем, что есть в тебе хорошего и интересного, будь пропагандистом хорошего и открытым противником плохого - вот и все!

Да ведь так мы и делаем в своей повседневной жизни! Разве, испытав что-либо хорошее, мы не делимся этим с друзьями? И разве это не приносит им пользы? Конечно, так, в этом и проявляется наша активность. Но зачем тогда еще журнал? - Да он просто усилит Вашу активность, распространит ее не только на Ваших друзей, но и на многих работников нашего завода. Этим можно в несколько раз усилить активность хорошего.

Но это еще не все! Мы думаем, что процесс литературного творчества еще более важен для самого автора. Описав пережитое, ты переживешь его еще более ярко и

глубоко, ты углубишь свою душу и разум, лучше уяснишь жизнь свою и чужую, станешь духовно богаче и ярче. Наш журнал - не только для читателей, но во многом - для авторов!

Кому есть что сказать, чем поделиться - тот будет помещать у нас свои вещи! Вот почему мы делаем свой журнал неперiodическим: он будет выходить только тогда, когда наберется достаточно материала для издания. Никто не будет бегать с криком: "Напиши заметку в стенгазету!" Зачем и кому нужны подобные заметки? Кого может взволновать статья, написанная формально, не от души? Нет, нужен материал, написанный по собственному побуждению и воле, по собственному желанию. А мы поможем донести этот материал до заводского читателя. Только одна просьба к авторам: приносить свои вещи, отпечатанные на папиросной бумаге в половину обычного листа и с подложенной копиркой для усиления шрифта.

Кто сам захочет углубить свою духовную жизнь, кто захочет быть активнее в борьбе за хорошее и против плохого, того милости просим! Комитет ВЛКСМ"

Эту передовую Слава принял без изменений. Потом я писал 1 часть "Встречи со Средней Азией", Лиля - про Суздаль, а Слава довольно скоро собрал первое редакционное совещание в комитете комсомола. Кроме Славы и меня был Анатолий Афанасьевич, оба парня из "Московского комсомольца" и, кажется, Нина Зайцева из проектного отдела. Настроение у всех было приподнятое. Написанная мною передовая всеми была одобрена. И хотя Слава отказался участвовать в журнале и быть его редактором, но зато обещали дать рассказ и стихи оба молодых корреспондента, а Анатолий Афанасьевич - статью. Вместе с нашими материалами уже получался готовый первый номер. Нина бралась проводить материалы через светокопировку, т.е. размножать журнал в нужном количестве. Решили, что пока будем печатать немного - только для себя.

Однако надо было решить главный вопрос: кто будет разрешать печать, и кто будет проверять его содержание? О

неизбежности цензуры все мы знали, но рассчитывали, что наш журнал пройдет по рангу заводской стенгазеты, и потому мы сможем ограничиться лишь общим контролем партбюро. Слава рассказал, что он уже получил на то принципиальное согласие зам. секретаря партбюро Шведова (сам секретарь Глебов в это время болел). Когда весь материал будет собран, надо его будет отнести в партбюро Шведову на подпись и все. Конечно, мы будем стараться пропихнуть все возможное. Это было особенно важно для корреспондентов с их "абстрактными" вещами.

Следующим вопросом был организационный: "Кто будет вести работу? (Слава любил высокие слова и потому задал этот вопрос так: "Кто будет главным редактором?")". Общее мнение - кто-то из заводских работников. Значит, выходило - мне. Я большой нелюбитель организационных дел и представлял, в какую трату времени может вылиться такая нагрузка. Но сознание, что только заинтересованный человек, вроде меня, может повернуть это дело, особенно в начале, а также внутренняя уверенность, что долго журнал этот не протянет, даже если его разрешат выпускать (тем более надо спешить и стараться), - заставили меня согласиться на это сразу и без уговоров. Шесть лет тому назад, мне пришлось взять на себя организацию институтского диспута - и во многом ради того, чтобы можно было высказаться самому. Тогда я неделями жил с ощущением, что упорно и настойчиво ворочаю огромные камни разных организационных дел на кучу будущего диспута, как будто сооружаю себе трибуну - чтобы всего один раз с нее сказать, крикнуть. И мучительное ощущение опасности, что в любой момент все это сооружение может лопнуть, диспут сорваться. Сорвется ли на этот раз?...

Наконец, название. Мое скромное "МТЗ" - не прошло. Мнения разошлись. Обещали думать... Стали прибывать и материалы: от А.А. и от "корреспондентов". И сразу у нас возникли редакционные сложности. Оба корреспондента кончали журналистский факультет и, естественно, писали современно и усложнено. Впрочем, рассказ Саши Апресяна не

вызвал особых пререканий: вагонная бытовая зарисовка (в духе "потока жизни"), нарочито бессвязная и потому многосмысловая, а вот стихи его друга Володи вызвали у нас бурные споры. Одно из них у меня случайно сохранилось:

Все пропало, пропало, пропало.
Что мне делать, не знаю, не знаю.
Что же делать мне в ветреный вечер,
Когда легкие звуки и снег.

Разве трудно подать вам мне руку,
Повинуясь летящему звуку.
Нет, я знаю, в печали и злобе
Вы пристрастны к чужой особе.

Остановите трамвай, человека,
Улицу, дом, тротуар,
Черное дернулось веко
Бешеных фар.

Семеро в сером, угрюмы
Вас подождут на бульваре,
Только в любовном угаре
Вас не страшат эти трюмы.

Руки отдать? До свиданья:
Вас я не знаю, вас тоже;
Только ничтожный прохожий,
Только глухое рыданье.

Мне не в полуночной клетки,
Не за решеткой дубовой,
Ласковы птицы и дети
Лаской простой и суровой.

Другое стихотворение было еще более странным. Основную роль там играли какие-то огромные белые хищные

птицы, готовые терзать авторскую грудь, убивать и т.д. Почему, зачем? Не ясно. Но ведь мы обещали помещать у себя все, что удастся пропустить через партбюро. Потому смирились. Я только написал к ним предисловие к разделу "Литературные опыты"

Мы предоставляем страницы молодому поэту...

Есть много разных точек зрения: одни считают, что такие литературные вещи никому и никогда не нужны; другие, не менее категорично заявляют, что только это и есть настоящая литература; третьи, считая, что в литературе должно быть место различным манерам письма, сравнивают эти "абстрактные" зарисовки с декоративной живописью, способной через систему цветowych пятен и сложных узоров создавать у человека определенное настроение.

Помня слова Ленина о том, что "литературное дело менее всего поддается механическому равнению, нивелировке, господству большинства над меньшинством. Споры нет, в этом деле, безусловно, необходимо обеспечить больше простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фактам, форме и содержанию" ("Партийная организация и партийная литература"), присоединяясь к этим словам, мы и выносим стихи... на суд заводского читателя. Редакция".

О статье А.А. "Коварная Нефертити" я уже рассказывал. Свою контррецензию я пообещал дать в следующем выпуске. О наших с Лилей "Путевых впечатлениях" рассказывать сейчас не имеет смысла. В этот же номер были включены тексты самодеятельных песен заводского автора и, наконец, описание дома отдыха, полученного от активного пенсионера-партийца Н. Саксонова "Подмосковная здравница "Отрадное".

Разношерстность собранного нас не смущала. Лишь бы удалось выпустить. Когда все было собрано, то с благословения Коренкова мы начали перепечатывать материалы - для светоконии и для показа в партбюро. Печатало заводское машбюро в привычном порядке

подготовки стенгазеты, хоть и по необычной технологии (первый экземпляр выполнялся на папиросной бумаге усиленным шрифтом, чтобы потом его можно было пропустить через светокопию). Для удобства эти листочки мы склеивали в простыни размером с ватманский лист.

Наконец, вся сверка позади. Я расписался за главного редактора. Свернули шуршащие листы папироски в трубку и отнесли их в партбюро для получения подписи "Ответственного редактора".

Только бы пронесло в партбюро! Тогда можно начинать печать. Мы были готовы к замечаниям и придиркам, были готовы исправлять и менять напечатанное или даже жертвовать целыми разделами. Я сам, спохватившись, как главный редактор, зачеркнул в своей "Средней Азии" несколько рискованных мест... В общем, ожидалась упорная борьба за текст. Но... для Шведова оказалось все очень просто. Он был сам заядлым туристом-автомобилистом и к нашей затее отнесся очень сочувственно, а рискованных мест просто не чувствовал (поскольку они-то были правдой). Насчет абсурдных стихов Коренков ему авторитетно заявил, что это - эксперимент начинающих писателей-журналистов и потому здесь нет ничего страшного. Остальные материалы вообще не вызвали у него сомнений. Незнакомый с высокой "политикой", случайный на секретарском месте, Шведов руководствовался лишь собственным коммунистическим правосознанием и потому он с легкой душой подписал наш журнал. Победа!

Первый номер "Разбега" получил право на жизнь. Почему "Разбег"? Таково было очень настойчивое предложение и желание Саши Апресяна. Пришлось пойти ему навстречу, хотя это мальчишеское и претенциозное название нам с Ниной очень не нравилось. "Вот разбежимся, да в яму!" - шутили мы с нею.

Однако пока все идет прекрасно. Сдаем номер в печать. Час работы и мы будем иметь первый десяток экземпляров... Но... Маленькая заминка: хозяйка

светокопировки не может распоряжаться сама таким большим количеством светобумаги без начальника проектного отдела. Но тот впервые слышит о таком мероприятии и просит у нас объяснения. Мы ссылаемся на комсомол и партбюро. Разговор переключивается к Коренкову и Шведову. Начальник раздражен: у него всегда не хватало бумаги, а тут сколько ее потребуется на новую комсомольскую выдумку. Ему напоминают о важности поддержки инициативы молодежи и т.п. Тогда он кроет главным доводом: как лицо, ответственное за множительный аппарат, он не может предоставлять его для размножения нетехнической документации. Да, этого мы не знали, но возражаем, что машбюро тоже создано лишь для технической документации, а вот печатает постоянно материалы стенгазет. Но начальник отдела уперся и требует разрешения на такую печать от высших инстанций. От Главлита что ли? - Ну, хотя бы от райкома партии.

"Хорошо, - благодушно соглашается Шведов, - буду в райкоме, поговорю". Наивный человек, он ожидал, что этот разговор ограничится несколькими незначительными фразами. Но мы уже почувствовали иное: "Сорвалось! На каком-то начальнике отдела сорвалось! Будь он покладистой, не жадный на бумагу, может и вышел бы наш первый номер..."

К удивлению Шведова, в райкоме с ним не только не говорили благожелательно, но потребовали тут же, срочно, привезти сам журнал, а когда он привез, то сказали (на парязыке - "всыпали") такое, что по рассказу Коренкова, даже вернувшись на завод, Шведов не мог рта закрыть от удивления и обиды.

Нельзя! Ни в коем случае! Категорически! Политическая ошибка! Бесконтрольность и близорукость! Только через Главлит! Самодеятельным журналом на МТЗ занялась сама секретарь райкома партии по идеологии Т.В. Голубцова. Будучи школьным комсомольским секретарем, я хорошо знал эту полную, медлительную, вальяжную девушку - зав. школьным отделом РК ВЛКСМ. Теперь она доросла до кабинета секретаря района по идеологии, а я - до главного

редактора "Разбега". Черт его знает, что случается в жизни... Потом оказалось, что и она меня помнит. Впрочем, для меня лично на этот раз большой опасности в этой истории не было, раз рядом с моей красовалась подпись зам. секретаря партбюро Шведова.

Я тогда еще ни не знал, что в конце 1966 года как раз появлялся самиздат: работы Гинзбурга, Галанскова и других. Власти еще только привыкали к этому неприятному явлению и понятна резкая реакция райкома, когда у него самого, на подчиненном заводе, задумали выпускать журнал, по виду легальный, а по содержанию - недопустимый, неразрешенный, и главным редактором там - Сокирко, хоть раскаявшийся и прощенный, но разве можно забыть, что пять лет назад его за критику Программы КПСС исключали из комсомола?

Правда, мне самому об этом ни разу не напомнили. Были только намеки, когда меня и Коренкова вызывали в РК ВЛКСМ для объяснительной беседы. Там-то я и увидел в последний раз склеенные листки нашего журнала, как всегда не веря, что в последний раз. Они лежали на зеленом сукне и секретарь лично отгадывал, что же было забито в вычеркнутых мною местах о среднеазиатских наших инцидентах с узбеками и укоризненно качал головой: - Разве можно так писать и думать? - Но ведь мы сами забили эти строки... - Мало ли, что сами. Ведь думали так... - Но ведь мы передумали...- Мало ли...

Пробуем объяснить с другого бока: -Ведь наша журнальная затея - хорошее дело. Вы согласны с передовой? - Да, передовая правильна, но метод журнала абсолютно неприемлем. Напечатанное слово - уже не ваше слово, оно живет своею и, может, неправильной жизнью или даже может попасть в руки врага. Что тогда? (Явное влияние разговоров с Голубцовой и выше)... -Почему совсем нельзя? - Есть стенгазеты. Помещайте туда свои материалы после соответствующей проверки и в установленном порядке...

Журнал гибнет. Нам жаль эту форму. Да разве хватит стен, чтобы на них разместить такое содержание? Очень

неудобно... Да и совсем это другое... Но мы вынуждены соглашаться. Ладно, будем выпускать его в виде приложения к уже существующей стенгазете "В мире искусства". Просим вернуть сам выпуск. Но нам его не отдают. Говорят, что надо его еще внимательнее посмотреть: много есть неправильного...

Так мы и уехали с договоренностью о стенгазете и в ожидании возвращения своего детища. Долго ждали, за это время я успел дописать до конца среднеазиатский дневник, мы сделали свои первые диафильмы, пока не стало окончательно ясно, что тех листочков нам не вернут. На всякий случай.

Так погиб заводской "Разбег", даже не родившись.

Нельзя сказать, что мы сильно огорчились его смертью. Ведь с самого начала не очень надеялись на успех и потому столь спокойно и с юмором отнеслись к неудаче. Шутили: "Вот и разбежались... А Шведов-то как глаза в райкоме вытарачил, так и закрыть не мог. Только жалуется: мол, что они там мне сказали..."

Пожалуй, больше всех в этой истории пострадал и перенервничал Шведов. На его примере я имел возможность еще раз убедиться: наивные и неискушенные люди часто могут сделать больше добра и более смело, чем многознающие твои единомышленники. Другое дело, что их хватает, обычно, ненадолго.

Каждый из участников журнальной затеи имел массу иных задач, горевать было некогда. Я даже почувствовал некоторое чувство облегчения от того, что с меня невольной была снята угроза непосильной нагрузки "главного редактора". Хотя журнал так и не родился, но его материалы в узком кругу читались и обсуждались. Теперь же, отпечатав и оформив свой путевой дневник в виде отдельной книжки, я начал давать его всем знакомым и желающим на заводе - без всякого разрешения, просто так. Читали многие и с интересом. И это было для меня очень важно. Оказалось, что поставленная перед самим собой личная задача - делиться с людьми своими впечатлениями - гораздо проще и эффективнее достигается не в заводском журнале, а вот таким

частным образом. Можно сказать, что таким способом я открыл для себя форму Самиздата. Так, убитый еще до рождения "Разбег", породил традицию наших путевых дневников. Наряду с диафильмами они стали основной формой нашего самовыражения.

Первые диафильмы. Все та же осень 1966 года. Общее комсомольское собрание Московского трубного завода. После официальной части секретарь Слава Коренков предлагает посмотреть первую пробную работу будущей комсомольской киностудии - звуковой диафильм, отснятый летом.

Незатейливый сюжет: летний отдых работников завода (Славы и его коллег по "Миру искусства") вместе с А.А. Яковлевым в какой-то владимирской деревне, близ Суздаля. Не помню подробностей, но там были купания, грибы, ягоды, деревенские избы, экскурсия в Суздаль, прогулки, рыбалка и т.д. Ничего особенного. И, тем не менее, у меня возникло чувство открытия - открытия нового средства общения, разговора, передачи.

В то время у нас с Лилей уже были цветные слайды, отснятые в байдарочных подмосковных походах и в Средней Азии. Однако в нашей туристской компании цветные слайды уже приелись и мало кого интересовали. Отснятые нами они лежали дома без движения, немые и беспомощные: интересно рассказывать мы не умели, а сами слайды говорят все же явно недостаточно.

Продемонстрированное Коренковым сочетание цвета и звука, красок и музыки, зрительной и текстовой информации вызвало мое восхищение: "Здорово! Это то, что и нам надо!" Это великолепная возможность заставить действовать наши немые слайды, оживить зафиксированные впечатления.

Лиля тоже сказала: "Здорово! И нам надо так же!" Пришлось копить деньги на аппаратуру: магнитофон (а потом второй), проектор, экран, проигрыватель и пр. В начале 1967 года мы записали свой первый диафильм.

Его тему подсказали кадры: гуляние с сыном в парке, прогулки по весеннему лесу, виды зимнего леса... В тот год нам удалось прочесть многое из М.М. Пришвина и мы очень полюбили этого удивительно простого и мудрого писателя за его особую зоркость к самым казалось бы привычным и заурядным вещам в природе. Наш сценарий состоял из стихов русских поэтов прошлого века о природе, отрывков из Пришвина, музыки и своих текстовых связок-пояснений к прогулочным кадрам.

Нам хотелось выразить свой восторг перед вечной природой, перед наступлением весны, а разве об этом можно сказать лучше музыки Чайковского и Грига, лучше Пришвина и старых стихов?

Скромность в оценке своих слабых сил и экономия времени на собственном тексте и обусловила успех "Весны света"(см Приложение 9) у заводского зрителя. В опровержение известной поговорки "Первый блин - комом", наш первый "блин" был один из самых удачных. Может, потому, что очень боялись и потому старались. Записывали текст на магнитофон в жутких условиях: на кухне коммунальной квартиры, ошибаясь и перезаписывая по много раз. Столько труда в запись мы больше никогда не вкладывали. Стихи и иные тексты читали с Лилей поочередно, стараясь этим или сменой музыки разделить разных авторов.

Раздел 3. Движение на Московском трубном заводе (1966 - 1970 гг.)

И всё же, ни наши первые, ни последующие диафильмы не появились бы, не существуй тогда на заводе благожелательной аудитории, не будь у нас столь же увлечённых коллег. Откуда же они взялись?

А дело в том, что не одни мы смотрели самый первый Славин диафильм. И не у нас одних лежали дома слайды без показа и употребления. Счастливая мысль: "И мне так надо!" - мелькнула у многих. У цехового механика Вирсиса, у заводского фотографа Шостака, диспетчера Лисовского, даже у зам. начальника ЦЗЛ к. т. н. Кричевского. Вместе с Коренковым и нами эти люди и составили заводскую обойму авторов самодеятельных фильмов. А расширенный состав посетителей коренковских вечеров "За чашкой кофе" стал нашей благодарной аудиторией.

В конце всё того же 1966 года Коренков попытался реализовать первоначальную идею организованной киностудии МТЗ, предложив для начала создать коллективный диафильм о лучших памятниках московской древней архитектуры: вместе или по кускам написать сценарий, вместе фотографировать и записывать. В будущем предполагалось:

- перейти с диа- на кинофильмы
- создавать сюжетные, игровые фильмы
- за счет завода закупить всю необходимую аппаратуру (как раз в этом пункте было выполнено много)
- создать заводскую фильмотеку и для неё отбирать самое лучшее
- перешагнуть рамки заводской аудитории и выйти на форумы городских смотров и даже экраны кинотеатров

В общем, открывались головокружительные перспективы. ("И Васюки превращаются в Нью - Москву"...)

Что же получилось? Раз или два съездили на съемки московских церквей - дальше не хватало ни времени, ни желания. Каждый был занят собственным фильмом, а трата времени на "ничейные творения" никого не волновала - только Славу. Диалюбители, как и всякие "творцы", оказались закоренелыми индивидуалистами, почище дремучих собственников. В конце - концов, Слава использовал часть снятых кадров для небольшого диафильма "Московский кремль", прекратив безнадежные попытки устроить диаколхоз.

Сама же идея создать диафильм по московским древностям запала в душу Лиле, и была осуществлена нами в личном порядке за зиму - весну 1966 - 67гг.

25 мая 1967 г. (день рождения Лили) был показан этот, самый длинный наш диафильм, под названием "Московские церкви" (см. Приложение 10). Вскорости он был показан на заводе. После лета 1967 г., когда из длинного путешествия по северным городам и рекам мы привезли почти тысячу слайдов на 9 диафильмов и уже осенью показали фильмы про Новгород и Псков, за нами закрепилась слава самых плодovitых авторов.

В конце зимы 1967 г. мы увидели и первые диафильмы своих коллег - "первый урожай" коренковского посева.

Я.И. Лисовский в хорошем темпе заправского рассказчика и под лёгкую музыку записал диафильм о туристской поездке в Болгарию: София. Тырново, черноморский курорт "Золотые пески", рестораны, гостиницы. Юмористическая манера описания и ирония к самому себе спасла этот, в общем обычный, туристский фильм. Яков Ильич вложил в него душу, и вызвал всеобщее одобрительное ликование у зрителей, собравшихся в зале заводууправления.

Чуть позже выступил **О.Я.Вирсис** с диафильмом "Селигер". Честное слово, этот спокойный видовой фильм, полный подробностей байдарочной семейной жизни (Олег (Альфред) Янович был с женой и двумя сыновьями) и неподдельного восторга перед среднерусской природой, тогда понравился мне больше остальных. В нем был виден сам

человек: добрый, спокойный, отзывчивый, даже сентиментальный, и в то же время трудолюбивый и аккуратный. Сам фильм казался, правда, затянутым, даже нудным местами - но для первого раза это было незначительной мелочью - в будущем научится. Однако нет, с Олегом повторилась история Лисовского. Года через два он сделал аналогичный фильм "Карелия", с прекрасными слайдами, отличной звукозаписью и текстом - на уровне "Селигера", а фильм был воспринят уже холодно... Час пробил, поезд - аудитория уже ушла вперед. Для Вирсиса все это было, наверно, большим ударом, от которого он так и не оправился.

Третий заводской диалюбитель - **А.Б.Шостакович** оказался более стойким, хотя, по общему признанию, его фильмы были самыми слабыми и нудными. Сначала Александр Борисович озвучил свои слайды о летнем пребывании в доме отдыха, потом сделал диарепортаж о выставке цветов, затем о поездке в Михайловское, потом снова о доме отдыха, потом еще о чем-то... Он действовал почти по моей первоначальной программе - рассказывать всем о хорошем у себя. Каждый раз Шостакович просил помощи у Коренкова - просмотреть сценарий, прочитать его перед микрофоном. И Слава никогда не отказывал старику, даже когда ушел с завода. Правда, постепенно и у Александра Борисовича стал гаснуть энтузиазм от растущего зрительского равнодушия. Зрителей можно понять: по нудности и обстоятельности эти лекции превышали даже средний любительский уровень, приближаясь к официально - идеологическому. Работая в ЦЗЛ, он с помощью начальства организовал из сотрудников аудиторию в рабочее время... В общем, он являл в нашем кругу самый чистый тип "графомана".

И как же страшно мне было походить на него - ведь по "усердию" мы были с ним близки. Но как раз это опасение побуждало меня к осторожности, к скромности. Всё же я не верю, что труды Александра Борисовича были напрасными. Можно смеяться над претензиями его фильмов, но нельзя

отрицать доброты и человечности их автора. Он делал всё, что мог.

Е. М. Кричевский долго собирался, но сделал только один диафильм - типичный видовой любительский рассказ о Ленинграде. На большее у него не хватало времени или, может, сил и страсти, а выдавать "серятину" не позволяло самолюбие. Так мы и не добились от него продолжения начатого. Евгений Маркович стал нашим надежным зрителем.

И, наконец, сам **Коренков**. Неожиданно возникший интерес и энтузиазм заставил Славу с большим вниманием отнестись к собственным диафильмам. Да это и соответствовало его общим настроениям: отходу от дел общественных к личному творчеству. Впрочем, пока он оставался секретарем, пока "старшие товарищи" продолжали игру в "заботу о молодежи", Слава мог и материально поддерживать заводское Дидвижение, организуя вечера просмотров (их назвали по - старому "За чашкой кофе") и даже конкурсы с денежными премиями за счёт завкома.

К концу 1967 г. кроме первых фильмов о деревенском отдыхе, о Московском кремле и официального диафильма о делах комсомольцев во дворе дома №12 (на радость Яковлеву) - кстати, это единственный официальный диафильм, виденный мною, - Слава имел два длинных туристских фильма. Один из них - "Ростовские звоны" - по смыслу и скорости исполнения был подобен нашим "Хибинам", только качеством слайдов и звукозаписи много лучше. Вместо туристских песен здесь в текст диафильма была включена долгоиграющая пластинка с лекцией о колоколах Ростова Великого. А эффект был тот же - скука зрителей. Слайды не улучшают, а ухудшают восприятие чужого, не тобой записанного текста (за редким исключением). Сам Слава не дорожил этим фильмом.

Другое отношение у него было к записанному осенью 1967 г. Фильму "Эстония - Псков", в который Слава вложил все свои силы и старания и которым он даже гордился.

Летом этого года Слава купил байдарку и впервые отправился на ней в путь по эстонским озёрам. Вместе с

другой супружеской парой они были в Таллинне, Тарту, Пскове, действующем Печорском монастыре... Вот и всё содержание фильма. Что же спасло его от участи обычных любительских фильмов? Наверно, мягкая, чуть ироничная интонация Славиного голоса. А потом, заводские зрители настолько любили его самого, что им доставляло удовольствие слушать его голос в течение часа просто так, без помех, в сопровождении прекрасной музыки и тщательно выполненных слайдов. Не важно, о чем Слава рассказывал, нам важен был он сам, раскрывающийся и откровенный. И мы были благодарны ему за этот тихий час.

Впрочем, я до сих пор помню две его почти кинематографические находки. По тихому спокойному водному коридору озёрной протоки выплывают две байдарки. Кадр за кадром они приближаются к нам, раздвигая заросли цветущих белых лилий. В байдарках - две молодые женщины, они рвут цветы. Букеты в руках, венок на голове... Скользящие по чёрной воде байдарки. И всё это - под нежную, серебристую и таинственную мелодию. Нет слов, только кадры и музыка, а возникает чувство скольжения по глубокой воде, впечатление необъяснимой красоты цветов и женщин... Восторг!

Потом я убедился, что такая удача может быть повторена: после просмотра "Весны воды и мая" (см. Приложение 11) многие говорили, что возникает иллюзия движения байдарок за счет лишь последовательной смены кадров. В д/ф "Соловки" нам удалось создать настроение "таинственных Соловецких каналов". Но такие удачи у нас, диалюбителей, очень редки. Создать диафильм из одних удач почти невозможно. Для этого необходимы поистине кинематографические масштабы отбора первичных материалов, большие траты времени и средств.

Другой удачей этого фильма оказалось включение церковного пения Ф. Шаляпина при описании Печорского монастыря. Шаляпинский диаконствующий бас накрывал звуковой волной то кадры пышных, невероятно красочных

печорских церквей, то толстые фигуры священников и монахов в чёрном, размахивающих кадилъницами. Эти качающиеся кадилъницы и качающиеся в кадрах церковные купола создавали у зрителей впечатление прямого присутствия на богослужении... Я не вру, такая иллюзия возникала у многих.

Как раз этой удачей фильм и заканчивался, оставляя зрителей в счастливом изумлении. Удача д/ф "Эстония - Псков" была хорошей наградой Славе за поражения на комсомольском поприще и вдохновила его на последующие фильмы.

Осенью 1967 г. состоялся "конкурс заводских диафильмов". Комиссия от партбюро и месткома (там были свои люди - Шведов, Кричевский, Лисовский и еще кто-то) просмотрела представленные диафильмы и присудила три премии:

"первую - т. Коренкову за д/ф "Эстония - Псков"

"вторую - т. Вирсису за д/ф "Селигер"

"третью - т. Сокирко за д/ф "Московские церкви" (или "Новгородские начала", уже не помню)

В то время я даже стыдился своего участия (под нажимом Славы) в этих детских играх, но теперь чаще вспоминаю с улыбкой о прошедших временах столь полной гласности и поддержки.

За гранью награждённых остались только Шостакович и А.В.Залем. О последнем я упоминаю впервые, но, кажется, стоит немного рассказать об этом незаурядном человеке нашего завода.

Зам. главного механика завода - по должности, снабженец - по функциям. Заядлый охотник (председатель охотничьей секции завода) и байдарочник (кажется, имел звание кандидата в мастера). Моложав. Прекрасный костюм и культуристская выправка. Снобизм сына директора соседнего завода и любовь к комфорту. Голубые глаза навывкате и толстые губы. Хвастун и великолепный рассказчик. Наглец и

"покоритель женских сердец". Бывший комсомольский секретарь, а потом - партсекретарь заводууправления, но при этом - отчаянный либерал. "Если бы его воля..."

Залем первым начал рассказывать у нас на заводе о своих туристских похождениях и показывать слайды в сопровождении своих комментариев. Я всегда слушал этого великолепного хвастуна, импровизирующего на ходу, с истинным наслаждением. Это был артист в своём роде. А, может, именно снабженческая профессия так развила дремавшие сызмальства способности. Появление диафильмов на заводе как бы нарушало его давнюю и, казалось бы, непререкаемую монополию, но он не считал эту "угрозу" серьёзной (и был прав, в конечном итоге, ибо никакой магнитофон не способен конкурировать с человеческим талантом). Однако известие о конкурсе, где в качестве первой премии фигурировали 50 руб., вызвало его озабоченность... Переговоры с комиссией ни к чему не привели: принять его слайды на конкурс без магнитофона, т.е. без диафильма, они не согласились. Долго Анатолий Викторович ходил, обижаясь и негодуя, пока, наконец, не выдержал соблазна. Достал у друзей магнитофон на вечер и попробовал записать свой рассказ о Кольском походе вперемешку с песнями Городницкого... Но, конечно, даже хорошая запись не получается сразу, а уж о сохранении аромата устной импровизации и говорить нечего. Перед "высокой комиссией" предстало собрание слайдов в каком-то шипящем сопровождении. Тем не менее, Залем докрутил всё до конца, а после, признав, что техника его подвела, взялся устно всё рассказывать, однако премии так и не получил. И долго потом обижался...

Этот забавный случай с "диалюбителем поневоле" заставил еще раз задуматься над сравнением достоинств устного, традиционного рассказа и вводимого нами диафильма. Ведь все преимущества любительского фильма перед профессиональным состоит в реальном присутствии при показе самого автора, твоего хорошего знакомого, в искренней

интонации этого камерного и почти интимного жанра. В диафильме для друзей почти нет цензуры. Высказанная мысль может быть сразу же обсуждена и т.д. Но ведь при устном рассказе этот эффект еще больше усиливается. Форма писанного диафильма все же слишком напоминает обычное кино. Мне много раз приходилось убеждаться, как люди бывали даже затронуты диафильмом, может, даже возмущены, но после окончания - молчали или вежливо благодарили. Груз проделанной в диафильме работы, груз вежливости перед хозяевами не дает развернуться спору и желанной беседе (а про выяснение истины и говорить не приходится)... Если бы я был способен на диафильмы-импровизации... Но мне этого не дано. Да и вообще, это очень редкий дар даже применительно к туристско-охотничьей теме. Так что, лично я, конечно, дал бы премию Залему...

Вообще зима 67-68 года мне помнится апогеем диафильмовского движения на трубном заводе. Оно выявило своих авторов, свою публику, было обеспечено официальной поддержкой и разрешением "старших товарищей". Каждый из авторов уже имел свою первую "удачу", а разочарование от неудачи второго диафильма им еще только предстояло узнать. Многие из зрителей тоже подумывали о собственных фильмах (до сих пор помню несколько фамилий этих потенциальных, но так и не состоявшихся авторов). Мы с Лилей тогда особенно сблизились с Вирсисом... Складывался круг друзей, на почве диафильмов преимущественно. И сразу же захотелось определиться, чем же мы занимаемся: "Реальный диафильм - что это?" В начале была программа Коренкова по подготовке заводской киностудии. Родилось же совсем иное и более интересное. Как известно, любая самодеятельность в наших условиях подражает профессиональному искусству и стремится достигнуть его уровня. К какому же идеалу должны стремиться наши диафильмы?

В медленно развивающемся споре я был основным оппонентом Славы. Мне совсем не хотелось гоняться за профессиональным уровнем и стремиться стать каким-либо

видом искусства. Для меня диафильм был удобным и экономным средством самовыражения и общения.

Я не люблю слово "искусство". Оно часто соединяется с претенциозными и мистическими словами: высокое, святое, прекрасное и т.д., призванными отделить "гениев и таланты" от прочей людской "шушеры" и почему-то всегда относится лишь к изобразительным видам ремесла. Если же говорить без раздражения, то искусство - это лишь высокая степень профессионализма, умения в своем деле, и потому может быть отнесено к любой профессии. Если человек делает свое дело всю жизнь, то достигает в нем совершенства (красиво работает). Изобразительные ремесла тоже могут стать искусством у отдельных представителей, но совсем не обязательно. И, конечно, такая ступень невозможна для любительского ремесла, для самодеятельности - именно потому, что люди занимаются этим не всю жизнь, а лишь походя, в качестве развлечения. Но в отличие от Славы, мне не нужна была погоня за профессионализмом, за званием наилучшего, искусного, мне достаточно было слова "творчество".

Ниже я приведу черновик шутливой программы, как выражение моей позиции:

Программа клуба диалюбителей МТЗ.

Главная задача клуба - развивать и пропагандировать звуковое диатворчество, родившееся на Московском трубном заводе. Члены клуба считают, что диафильмы - новый и самый прогрессивный вид народного творчества, что ему принадлежит будущее, и потому впредь намерены:

считать год рождения первого звукового диафильма - годом начала новой диаэры, непрерывно накапливать новые впечатления и кадры и создавать новые диафильмы, вкладывая в них все наличные умственные, эмоциональные и материальные возможности, устраивать почаще просмотры фильмов и их обсуждения, привлекать новых людей в диадвижение и пропагандировать массовое диатворчество.

В далеком и прекрасном будущем диалюбители видят все человечество охваченным активным творчеством во внерабочее время!

Шутки шутками, но Слава решил вынести этот спор на обсуждение заинтересованной аудитории очередного заводского вечера (он теперь стал зваться по - телевизионному - "Огонек"). Вот официальная программа этого вечера:

**"ОГОНЕК" на тему "Диафильм - что это?",
проводимый редколлегией
газеты "В мире искусства"**

В программе: получасовые отрывки из диафильмов тт. Коренкова, Сокирко, Вирсиса, Шостака и Лисовского.

Задача участников: обсуждение работ авторов, их критическая оценка и пожелания; определение основной мысли, проводимой автором в своем диафильме (ее расшифровка будет зачитана в конце обсуждения), а также ответ на следующие вопросы:

1. Диафильм - это "произведение искусства" или просто собрание кадров, иллюстрирующих какую-то тему?
2. Существует ли для диафильма какое-либо ограничение тематики или выбор темы неограничен?
3. Может ли соединение кадра и звука создать самостоятельную ценность в сравнении с фото?
4. Нужна ли в диафильме "смысловая нагрузка" или он может быть решен в описательно-повествовательном ключе?
5. Нужно ли нам вообще что-то делать, имея в виду богатейшее профессиональное искусство, выражающее достаточно много? Обладает ли диафильм в этом смысле преимуществом?
6. Нужно ли нам свое искусство? Зачем?
7. Может ли любительское искусство конкурировать с профессиональным?
8. Диафильм - это временная прихоть (на заводе в частности) или начало расцвета?

В обсуждении участвуют:

А. Яковлев - от журнала "Молодая гвардия".

А.Апресян - от газеты "Московский комсомолец".
"Огонек" состоится 25 января в 17.15.

Редколлегия газеты "В мире искусства" Комитет ВЛКСМ.

Составлял это объявление, по-видимому, Слава, хотя бы потому, что для меня невозможно такое словосочетание, как "любительское искусство".

И вот в назначенный час собралось это собрание, самое массовое сборище диалюбителей, какое мне только пришлось видеть, читального зала заводской библиотеки теперь не хватило - заняли большой зал заводского Дворца культуры.

Удачной оказалась мысль: показывать лишь наилучшие куски диафильмов. Такой отбор и вправду резко повысил уровень нашего "творчества". Выступало много людей, хвалили показанные куски и говорили: "молодцы". Казалось, вечер удался на славу. Но главной цели, поставленной в программе, достигнуто не было. Все выступления строились примерно так: "Мне все очень понравилось... И особенно это... Что же касается вопросов программы, то конечно, диафильм может стать искусством, у него прекрасные перспективы и возможности. Дерзайте".

Конечно, нельзя ждать ценных суждений на неожиданные вопросы, которые для самого себя кажутся неразрешимыми. Я был просто дураком, когда надеялся на иной результат.

Осознание этой неудачи заняло у меня еще месяц, пока я не решился на авантюру, почти провокацию: чтобы оторваться от елейных похвал в адрес диафильмов и вызвать спасительную критику, нужно начать эту критику самому. Самому изложить возможные аргументы против диафильмов (позадористей, чтоб задело) и предложить их заводской публике: "Запротестует или согласится?". А поскольку при этом мне придется отделиться от собственных убеждений, то лучше спрятаться за псевдонимом, раздвоиться... Вот этот текст:

"Искусство ли диафильм?"

Под таким лозунгом состоялся январский "Огонек" трубного завода. Как известно, ранее подобные "Огоньки" выполняли роль обыкновенных музыкальных или литературных вечеров, которые из века в век склонны проводить "русская интеллигенция", стремящаяся к познанию "высокого и прекрасного". Старая литература полна описаниями подобных "сходок". Однако, она не скрывала и того прискорбного обстоятельства, что очень редко подобные сходки или вечера были действительно собраниями ищущих людей. Гораздо чаще в них действовал круг лиц, по-эпигонски подражавших высшим людям искусства, "аристократам духа" и т.п. моде. Устроители вечеринок, обычно люди с поверхностными знаниями, но большим апломбом, играли здесь роль законодателей вкусов, маленьких божков, а тот фимиам, который кадили им остальные участники вечеров, только удешевлял их усилия. Конечно, так было не всегда. Зачастую, устроители вечера были людьми добродушными и недалекими, добровольно уступающими роль кумира публики какому-либо второсортному "светилу", приглашенному со стороны.

Как бы то ни было, но подобные вечера всегда были лишь игрой в искусство, а не серьезными занятиями и поисками. И действительно, ведь искусство совсем не требует коллектива при его восприятии. Восприятие произведения искусства - процесс сугубо индивидуальный. И если здесь возникает коллектив, то вспомни Козьму Пруtkова: "Не верь глазам своим!" -здесь собрались не для наслаждения искусством, а для наслаждения собственной образованностью и утонченностью; этим людям нужно не творчество, а квазитворчество; не радость поэтического открытия мира, а завистливое желание павлина поразить присутствующих мишурой ложных чувств и пошлых мыслей.

Если же перейти ко дню сегодняшнему, то мы увидим, что изменилось немного, и вышеупомянутые вечера с успехом реализуются в наших "огоньках" все на той же старой основе искусства.

Однако последний "Огонек" превзошел все, что было раньше. Если раньше лицемерные восторги и излияния чувств касались главным образом, признанных шедевров настоящего искусства, то теперь объектом этих спекуляций стала грубая стряпня наших доморожденных гениев, жаждущих признания мира и славы, а именно - диафильмы. Если раньше сладкоречивые похвалы неслись в адрес шипящих пластинок, в звуках которых лишь с трудом можно было уловить обаяние "великих", то теперь, в применении к обычному примитиву, которым является любой любительский диафильм принципиально, эти похвалы становятся смешными и жалкими и лучше всего развенчивают невежество и лицемерие их авторов.

Известно, что в стране ширится движение кинолюбителей, как одного из увлекательных, познавательных и полезных видов отдыха. Однако известно, что среди многих тысяч кинолюбителей и еще большего количества любительских кинофильмов лишь единицы достойны всеобщего внимания. Возможно, их создатели лишь случайно не стали кинооператорами или другими работниками кино. Но это - лишь редчайшие исключения из правила. А правило заключается в том, что любительский кинофильм - это просто движущаяся фотография, воспоминания на ленте о себе и знакомых. Это азбука. Наши же "мудрецы" превозносят простой диафильм, стоящий ниже не только любого (даже любительского) кинофильма, но даже - по техническому исполнению и идейному содержанию - много ниже любого учебного или детского диафильма, продающегося в магазинах за 30 коп. Так вот, этот самый любительский диафильм наши мудрецы объявили произведением искусства и даже новым словом в искусстве!

Смехотворность происходящего была понятна, видимо, каждому из присутствовавших на злополучном "Огоньке", если не считать самих зарвавшихся "любителей". И, видимо, только из чувства приличия большинство не покинуло эту провалившуюся комедию, но зато своим

выразительным молчанием и отказом принять участие в разыграншемся словесном шабаше восторгов, они как нельзя лучше выразили свое недоумение и тягостное чувство сдерживаемого негодования. Однако эти заметки написаны не столько для людей большинства, которые и так уже осознали свою ошибку подобной траты времени и уж, конечно, не повторят ее присутствием на подобном собрании. Речь идет только для тех, кто не был на этом "Огоньке" и, может быть, неправильно информирован апологетами "диафильмов, как искусства", а также для самих диалюбителей, завороченных блеском собственных слов и льстивых похвал, и принимающих примитив за искусство, медяшку за золото.

Нет сомнения, что наши диалюбители - люди добросовестно заблуждающиеся. И надо им помочь, открыть глаза на истинное положение. Давайте вместе посмотрим, разберемся.

Первым был показан диафильм т. Лисовского о поездке по Болгарии. Сам. по себе он воспринимался как путевые впечатления, изложенные связно и с улыбкой. Без сомнения, знакомым и товарищам т.Лисовского было довольно интересно посмотреть, где он был и что он видел. Все нормально и естественно. Но как только включается свет и начинаются похвалы в честь нового произведения искусства, то совершенно необходимо высказаться прямо и объективно: как произведение искусства этот фильм ничего не стоит! Ни в смысле техники изображениями, в качестве звука, ни в монтаже, ни в сценарии - ну, буквально, ни в чем.

Ведь искусство - это высшая степень мастерства. Сказать человеку: "Ты мастер своего дела" - это хорошо, а сказать ему: "Искусный мастер" - это высшая награда. А т. Лисовский даже на простого мастера из киностудии не тянет. Любой, самый посредственный кино- или звукооператор, производящий самую отчаянную халтуру, но работающий профессионально, даст ему сто очков вперед и не проиграет. Но может быть, т. Лисовский блещет здесь какой-либо оригинальной идеей? - Да что Вы! Пустите его диафильм в

кинотеатре и сами убедитесь, как зрители скажут с возмущением: "Да чего же халтурные кинорекламы стали делать туристические агентства!"

Перейдем к отрывкам, показанным т. Сокирко. Все, что было сказано в адрес диафильма т. Лисовского, в полной, если не в больше мере, относится и к диафильмам т. Сокирко. Эти грубые и неряшливые "творения", я уверен, не прошли бы даже самой первой и мягкой проверки кинопроката, не говоря уже о восторгах публики, которые, видимо, спит и видит т. Сокирко. Однако, если диафильм Лисовского вполне приемлем, как обычный любительский диафильм - для близких друзей и знакомых, то диафильмы Сокирко потеряли и это достоинство. Налицо сознательное извращение самой идеи любительского фильма. Представьте себе, пожалуйста, как рассказывает вам один знакомый: "Был я в Новгороде и взобрался на одну из его башен и говорю: "Великий город, Родина, научи меня жить..." и т.п. Наверняка, вы ему скажите: "Враль же ты порядочный!" и перестанете слушать. Без сомнения то же самое происходит и при просмотре любого из диафильмов т. Сокирко. А эти высокопарные попытки облагородить обычный факт байдарочного похода, проведенного при том абсолютно безграмотно? А эти неуклюжие белые стихи, в которых самомнение и завистливое желание встать над всеми выражены в таком прозрачном виде, что не видны, кажется, только самому автору. Впрочем, судя по одному из этих стихов, Сокирко уже сталкивался с товарищами, но, видимо, ничему не научился, а лезет напролом. Ну что ж, кончится это лишь заслуженным одиночеством, потерей не только товарищей, а даже знакомых. Не плюйте в колодец, т. Сокирко!

Даже на "Огоньке", несмотря на нездоровую атмосферу лицемерия и ложного пафоса, все-таки прозвучали голоса осуждения, перекрытые, впрочем, хором лакировщиков. Конечно, в такой обстановке не могло быть речи о нормальной дискуссии... К общему для всех наших диалюбителей ослеплению, т. Сокирко прибавил еще одно

неприятное качество - упрямство в заблуждении. С маниакальным упорством, достойным лучшего применения, он клепает свои длинные, скучные и назидательные диафильмы и ..раз за разом терпит конфузы... Но ему нейдет - потерпев неудачу, он берется за новое "творение", фанатично веруя, что его оценят. Ничего у вас не получится, т. Сокирко! Вы ушли от любительского диафильма, отказавшись от простых и дружеских описаний мест, где были. Вы перестали быть интересными для Ваших друзей, но это совсем не значит, что Вы приобрели весь мир и стали близки к искусству! Совсем наоборот! Ваши диафильмы - уже не только доброкачественный любительский примитив, это уже скорее пародия на искусство. Здесь будет уместно сравнение с бедняком, который завидуя аристократу, решает стать им и бросает свое ремесло, но вместо возвышения переходит в ряды люмпенов и отщепенцев.

Следующим номером огоньковской программы был диафильм т. Вирсиса "Селигер". В сравнении с предыдущим, зрители получили, конечно, большое облегчение - нет надуманного и выспренного, заунывного и ходульного самомнения. Это, действительно, рассказ для друзей. Даже технические недостатки здесь вполне уместны - они как бы говорят: "Ведь автор - свой парень, как ты и я, а не какой-то искусствовец". Но какое негодование охватывает любого, когда после просмотра происходит та же метаморфоза, что и с диафильмом Лисовского: снова слащавые песни про искусство и призывы еще больше стараться и т. д... Да вовсе не искусство это! И не давайте закрутить Вам мозги, т. Вирсис! Для широкой публики Ваш искренний фильм покажется сплошным примитивом, Вашему голосу никто не поверит - скажут: ну и слащавого артиста же подобрали, а на неизбежные в диафильме недостатки станут заслуженно кричать: "Сапожник!"... Обидно, что так называемые "ценители" на "Огоньке" путают и сбивают с правильного пути настоящих диалюбителей.

Интересно, что диафильмы, показанные т. Шостаком и стоящие ближе всех к нормальному диафильму, к спокойному рассказу для друзей, были в прямом смысле ошелмлены на "Огоньке" (за исключением д/ф "Цветы"). А совершенно зря. Я уверен, что люди, которые были вместе с т. Шостаком на отдыхе, с большим удовольствием увидят себя и знакомые места еще раз на экране. Вот это- дело. Скромно - и без всякой шумихи.

Последними были показаны два отрывка из д/ф т. Коренкова "Эстония - Псков". И что же было после?! Были побиты все рекорды славословия в честь кумира и лидера диалюбителей. И что это недостижимое искусство, и что оно непостижимо для разума. А с кем-то даже состоялся перенос на несколько веков назад... Слушая все это, необходимо сказать: ОПОМНИТЕСЬ! Конечно, показанные отрывки может быть лучше всего ранее здесь показанного. Хотя бы тем, что основной упор в них сделан не на собственный пошлый сценарий, а на стихи Калевипоэга и голос Шаляпина. Это-то и спасает. И все же до искусства здесь также далеко, как усовершенствованному паровозу - до самолета. Не обольщайтесь, т. Коренков! Может, Вам удался один эпизод, может быть, через несколько лет - удастся еще несколько эпизодов, но все равно, до создания полноценного произведения искусства, кинофильма, в котором Ваша шаляпинская сцена является лишь небольшой деталью - Вам также далеко, как до неба - мужику на телеге.

Можно спросить: "А зачем, собственно, весь этот пыл? Зачем так сердиться? Пускай эти взрослые дети сами себя тешат, играют в искусство, называют себя гениями, художниками. Зачем нарушать их "сон золотой"?" Так-то оно так, но ведь это наши люди, наши товарищи! Ведь не вечно они будут ходить с закрытыми глазами, в упоении. В конце - концов, они отбросят лицемерные похвалы и увидят жестокую действительность. Но чем больше они будут витать в облаках "псевдоискусства", чем дальше будут возноситься, тем

сильнее будет их разочарование и тем большее падение! Так почему же не предупредить их сейчас!

Т. Коренков! Бросьте, пожалуйста, эту практику созывания "Огоньков", которые так тонко используются для поддержания Вашего авторитета, как человека близкого к искусству. Признайтесь, что и близко не были! Не вынуждайте людей тратить трудовые рубли на эти "Огоньки", чтобы потом на них скучать и слушать Ваши якобы искусствоведческие рассуждения. Пусть люди идут в музеи, кинотеатры, выставки - туда, где бьется настоящее полнокровное искусство! Не вводите в заблуждение наших диалюбителей, не мешайте им создавать нормальные диафильмы для друзей и знакомых, не тратьте зря их время и нервы! Ведь на того же т. Сокирко жалко смотреть - куда что идет!

Хватит разговаривать о гениях с трубного завода, пора прекратить устраивать лицемерные "Огоньки"! Откровенный". 18.2.1968г.

Моя затея удалась вполне! Когда Слава прочел эту "анонимку", то был неприятно поражен: "Слушай, но ведь здесь все отрицается. Выпусти ее - и мы не оправдаемся, ничего сделать нельзя будет. Мы все загубим..." Я был поражен в свою очередь: неужели он воспринимает критику "Откровенного" как неопровержимую? Неужели он сам не верит в собственное дело? Если никто не возразит, тогда я сам возражу - у меня - то есть аргументы против ... Слава согласился.

В тот же день он показал мои листки своему активу, хорошо разыграв собственное удивление: кто бы мог положить ему на стол в комитете ВЛКСМ этот пасквиль? Когда я писал за "Откровенного", то не надеялся, что долго сумею сохранить эту тайну: ведь на заводе уже стал знакомым мой словарный запас и стиль. Однако всех "ищущих автора" сбивала с толку моя самокритика: казалось невозможным, чтобы человек смог вылить на себя столько желчи. Думали на кого угодно, но не на меня. А главное, последовал целый

поток письменных возражений "Откровенному", т. к. Слава предложил устроить письменную дискуссию на страницах "В мире искусства". Отзывы были собраны, перепечатаны, и хотя партбюро в конце - концов так и не разрешило вывешивать их в стенгазете, но по рукам они ходили и были прочитаны всеми, кто хотел. В числе ответов "Откровенному" был и мой личный ответ. Сейчас, перечитывая оба письма, я поражаюсь их сходству при внешней полемике. Только сейчас я понимаю, что тогда невольно обманул Славу: и анонимно изложил не чьи-то аргументы, а свои собственные, вернее, их часть ("Диафильмы - это не искусство"). Вторую же часть этой фразы: "а свободное творчество" я приберег для "ответа самому себе". Вот текст этого ответа:

"Почему мы это делаем?"

Если бы критике подверглись только недостатки наших диафильмов или скромность их авторов, то к анонимной заметке можно было отнестись спокойно и даже порадоваться появлению у нас критики, пусть даже анонимной. Но затронут более сложный и важный вопрос: о праве простых людей (которыми мы себя считаем) на искусство, вернее, на творчество. В заметке это наше право отрицается, притом довольно резко и безапелляционно. Я бы даже сказал - "в недопустимо неприятной форме". И только по этому поводу я считаю своим долгом высказаться, хотя это вовсе не означает, что я полностью согласен с критикой в мой лично адрес. Не согласен, но обсуждать это не хочу.

По-моему, вся заметка написана с позиций воинствующего обывателя, осознавшего свою "серость и обыкновенность", "малость перед великим миром профессионального искусства" и тянущего в эту серость всех остальных людей. Анонимный автор довольно убедительно спекулирует на том комплексе неполноценности, который присущ каждому из нас, на несколько унижительном чувстве собственной малости перед великими людьми. Я лично уже давно преодолел это чувство и убежден, что простой человек ничем не ниже и не "проще" любой знаменитости. И будет

жаль, если заметка Откровенного кого-то из нас убедит, и усилит комплекс неполноценности, и заставит отказать от своего творчества, от гордого сознания: "Я - человек! Я все могу!"

Главный метод откровенного автора - высмеивание собственных переделок. Например, крамольное выражение - "гении с трубного завода" выдумано им самим, на деле никто и никогда не ставил наши диафильмы наравне с профессиональным кино. Тем более, что в искусстве любое сравнение условно, а уж сравнение профессионального и любительского творчества - почти недопустимо. Но в том-то и дело, что откровенный автор совсем не признает любительского творчества и весь мир делит на две неравные половины: на профессиональных художников и на пассивную толпу потребителей искусства, интересы которых он пытается выразить. На деле же все гораздо сложнее, чем эта откровенно примитивная схема. Только представьте себе, как обеднела бы наша жизнь, если б аноним был прав и народного творчества не существовало, если бы каждого из простых людей задавила серая психология потребителя!

Не стало бы народных легенд и сказок, не стало бы туристских песен (ведь самодеятельные композиторы - не профессионалы), не стало бы шуток и рассказов, даже художественной самодеятельности не стало бы. Т.е. не стало бы всей красоты, творимой народом. Той красоты, в которой мы все живем и дышим даже больше, чем профессиональным искусством.

И вообще, зачем украшать резьбой наличники деревенского дома -это ведь примитив в сравнении со скульптурой Фидия. Зачем красиво одеваться - ведь все равно за кинозвездой не угнаться. Зачем петь и плясать - ведь по телевизору это лучше делают!.. Так вот, если Вы позволите некому "откровенному" автору задавить Вас своими доводами, если Вы откажетесь от попыток собственного творчества, то скоро увидите, как померкнет Ваш внутренний мир, станет невыносимо серым и скучным даже в окружении всемирно

известных шедевров. Ибо воспринимать их так горячо и заинтересованно, как раньше в горении своего собственного творчества, Вы не сможете. Жизнь среди людей, похожих на анонимного автора, была бы ужасной: внешне разумная, рассудочная, выпячивающая вперед свою неоригинальность, свое равнение на стандарты или моду профессионального искусства, без смелости и инициативы.

Откровенный автор нападает на наши самодеятельные диафильмы, постоянно сравнивая их с профессиональным кинофильмом. Но ведь так сравнивает только он один! Участники нашего вечера одобряли диафильмы Коренкова и Вирсиса не за то, что они превосходили кинопрокат, а за то, что они превосходили самих себя, прежних, тех, кто делали лишь фотографами на память. И вот по сравнению с фото или кинопленкой, являющейся лишь движущейся личной памятью, наши фильмы - действительно творчество, более значительное, чем все, что было у нас раньше. В этом я глубоко убежден и никакие "откровенные" меня не переубедят. Видя нашу увлеченность, анонимный автор, в меру своих представлений, пытается объяснить ее лицемерием, завистью, жадной славой, оставляя за бортом саму основную причину: радость творчества, радость от сознания своих способностей сделать что-то действительно важное и хорошее, пусть оно и будет таковым только для узкого круга знакомых людей, а для остального мира - примитивом. Пусть!

И нам не надо стесняться термина "искусство диафильма". Ведь отношения нашего любительского творчества с профессиональным не так уж просты, как кажутся анониму и вовсе не сводятся к отрицанию первого во славу второго. Скорее эти отношения ближе к отношениям народного творчества и профессионального искусства, о которых написано много книг. Здесь же мне хочется вспомнить только несколько положений. Первое: восприятие искусства - это совсем не пассивный процесс. Действительно увлечься и понять произведение искусства может лишь

человек активный, развитый на практике своего собственного творчества. Если аноним, действительно, тот человек, за которого он себя выдает, и если он действительно никогда не пробовал сделать ничего интересного и красивого, то он не способен понимать любое искусство, тогда вся его защита "истинно высокого" искусства от "примитивных диафильмов" есть сплошные фразы и лицемерие. Кто не пробовал хотя бы в детстве рисовать, не останется равнодушным к мастерству художника. Кто не пытался красиво танцевать - не будет захвачен балетом; кто не был воспитан на музыке, не пел и не играл сам - ничего не поймет в музыке... И наоборот, тот, кто делает сегодня свои диа-кино-фильмы, кто пробовал этот труд и может оценить его, тот станет настоящим и благодарным зрителем профессионального кино, таким зрителем, который может оценить и специфические моменты. Уже за одно это профессионалы кино поблагодарили бы любительский диафильм. Если бы все зрители состояли из диалюбителей, горячих и заинтересованных, то не было бы в залах равнодушных людей (типа откровенного автора) и серые фильмы стали бы невозможны.

Второе: народное творчество всегда было истоком и резервом профессионального искусства. В нем случаются некоторые погрешности в технике исполнения, но оно всегда наполнено искренним и глубоким чувством. Наши диафильмы без сомнения подпадают под рубрику народного творчества. И я уверен, что если наш опыт распространится (а к этому есть предпосылки), если диафильмов станет тысячи, то они приобретут огромное значение. Ведь диафильм - это слепок нашей личности, души, наше самовыражение. А что может быть интереснее для "инженеров человеческих душ", чем выражения душ простых людей? Диафильмы могут стать массовой формой творчества, богатейшим кладом знаний для профессионального искусства. И в качестве инициаторов мы, работники трубного завода, действительно можем рассчитывать на благодарность даже профессионального

искусства. Но для этого надо верить себе, своим человеческим способностям и больше работать над диафильмами.

И, наконец, последнее. Пользуясь сомнительными историческими аналогиями, анонимный автор охаивает наши "Огоньки". Но что же он предлагает взамен? Забраться каждому в свою конуру, чтобы изредка выходить из нее в кино или музей? Кто знает, может найдутся люди, которые последуют его совету. Разве мало таких серых людей мы видим в музеях и особенно, кино. Зачем им спорить, дискутировать с друзьями, обсуждать? Для меня лично, неправота откровенного автора очевидна. Да, наши вечера несовершенны. Может быть, мы излишне стесняемся на них, молчим, а может и говорим лишнее. Наверное, хорошо бы избавиться от этих недостатков - но не от самих же вечеров! **В. Сокирко**".

По - другому, но в том же ключе звучало и письмо Лили. Она по - иному толкует слово "искусство", близко к понятию научного творчества, но в основном, в утверждении радости от собственного творчества мы были едины: **" Неуважаемый аноним!** Твой взрыв ярости вызывает к тебе сочувствие. Еще бы, ведь ты, бедняга, все знаешь и ничего не умеешь.

У всех юных есть период в жизни, когда жадно открыты глаза и уши, куда беспрепятственно входит информация в виде знаний и в виде эмоций. Но вот забита информацией часть мозговых клеток и наступает реакция - у человека появляется желание связать по клочкам узнанное и прочувствованное в систему. У каждого связывание происходит по-своему в меру ума и способностей. Но человек испытывает потребность найти, сотворить связи, увидеть первопричину движений и действий, понять мир других через свой. Здесь он приобщается к творчеству. Тебе, эрудиту, известно, конечно, что процесс творчества - сложный и радостный. И тебе, обделенному, уж и не знаю за какие грехи, не довелось почувствовать его сладость.

Тебя, перевидавшего, переслушавшего множество произведений искусства, ни одно из них не стукнуло в сердце, не перевернуло душу, ни одного из них ты не понял глубоко! Иначе жгуче - жгуче захотелось бы тебе, увидев, как другим удается вскрыть свои чувства, освободиться от горя или наделять мир радостью; самому распахнуть себя для других. А вот люди, которых ты, как тебе кажется, со знанием дела высмеял, счастливее тебя.

Да, шедевров в мировом масштабе они не создают. Ну, так что же?! Будет главное: точное, с таким трудом найденное и почти совсем выразившее, что хотелось, слово; стройная, логичная система, в которую удастся поставить все до сих пор несвязанные факты, отбросив фактики и вообще разные мелочи, по устранению которых человек ощущает то же, что и скульптор, удаляя лишнее с гранитной тупой глыбы, создавая шедевр.

Уверяю тебя, что радость великого человека искусства и рядового, осмеливающегося вкусить до сих пор недоступные плоды - одного порядка! Испытай ее и куда денутся твоя спесь и раздражительность. **Л. Сокирко."**

Конечно, Лиля знала, кто такой "Откровенный", и потому ее письмо тоже - мистификация. Однако, в некотором смысле, она спорила со мной и по существу. Позиция Славы: "диафильм -искусство" ей было ближе, чем мне. Да я и вправду обладаю некоторой глухотой к восприятию мира искусства, хотя, конечно, не абсолютной. Слава богу, не абсолютной...

Сам Слава ничего не написал, а остальные мои оппоненты не знали тайны псевдонима и вполне искренне возражали "Откровенному", защищая диафильмы. Я очень дорожу этими пятью откликами совсем разных людей, как лучшим свидетельством о диадвижении на МТЗ, как свидетельством важности для людей наших многолетних усилий. Три из них написаны коммунистами, два - беспартийными: Ниной Зайцевой, бессменной хозяйкой "Огоньков", спутницей наших споров со Славой, и Ириной

Михайловной Шелепиной - пожилой женщиной, коллегой Славы по конструкторскому отделу. Вот их отзывы:

"Я прочитала эту статью несколько раз. Сначала она была воспринята мною просто-напросто как дружеский шарж, настолько все там было пародийно. Прочитав ее еще раз, я задумалась: а ведь не так уж и шутливо сие изделие, уж слишком оно злопыхательное. Но подпись в конце - "Откровенный" (с таким же успехом можно было подписать "Доброжелатель", как это принято, поскольку вся статья состоит из "доброжелательных" напутствий эдакого эрудированного во всех отношениях дяди) все же заставляет думать, что это шутка, хотя и с большущим зарядом соли.

Перейду к статье. Начинается она сравнением наших "Огоньков" с теми вечеринками, которые собирали раньше в великосветских салонах и где наслаждались не искусством, а собственной образованностью и утонченностью, где нужно было не узнавать, а показать самого себя. О том, что когда-то давным-давно было подобное, никто не собирается спорить: было, читали, видали...

Но при чем тут наши "Огоньки"? Нет, друг, ошибаетесь, у нас было иначе. Все это получилось как-то стихийно: выпустили газету "В мире искусства", понравилось, а потом вошло в традицию.

Пришла в голову мысль: "А почему бы не собираться всем желающим и не говорить об искусстве: о живописи, музыке, литературе?" - Так появились на заводе "Огоньки". И, по-моему, ни у кого и в мыслях-то не было покрасоваться, "поразить присутствующих мишурой ложных чувств и пошлых мыслей", а поскольку основная масса участников - молодежь, которая, естественно, все ещё познает незнаемое, то и мысль "Огоньков" была такая - передай другим все, что сам знаешь. И вовсе не состояли наши вечера из сладкоречивых похвал в адрес "шипящих пластинок". Просто были рассказы о "великих", которые сопровождались этими "шипящими" "пластинками (что делать, качество записи портится со временем).

Разумеется, никто не собирается утверждать, что все было прекрасно. Нет, была и пассивность и отсутствие споров: возможно, срабатывала формула: молчи больше - за умного сойдешь, а может, затравки не было. Возможно, были и излишние восторги со стороны отдельных лиц. Но веди нельзя обобщать и поливать все. Сама идея "Огоньков" - правильна.

Теперь о диафильмах. Этой болезнью на заводе заразились недавно (побольше бы таких "больных"). Диатеатр стал работать полтора года назад. И опять-таки и здесь все началось стихийно. Сначала, на мой взгляд, никто совершенно не думал об искусстве диафильма. Просто люди ездили в отпуск, отдыхали и фиксировали на пленку все, что было под рукой, а дома делали фильмы, сопровождая их звукозаписью. А поскольку нормальный человек так устроен, что он не может в одиночку оценивать свое творение, то и эти фильмы он выносит на "суд общественности". Общественности это приятно, а уж восторги, не обессудьте, тов. Откровенный, каждый выражает, как может: одни бурно восторгаются и извергают поток слов, другие выражают свои восторги тихим посапыванием, и это посапывание отнюдь не означает Ваше "недоумение и тягостное чувство негодования".

Дальше Вы по полочкам разбираете каждого автора. "Давайте вместе посмотрим, разберемся" - говорите Вы. Ну что ж, давайте.

В отношении т. Лисовского я с Вами согласна. Действительно, его фильм воспринимается как путевые впечатления, смотреть его приятно, но фильм его - не искусство.

В отношении В. Сокирко позвольте возразить. Обвинить т. Сокирко в том, что он спит и видит восторги публики, и для этого стряпает "грубые неряшливые творения" - это значит, совершенно не знать его. А уж то, что он хочет встать над всеми - совершенно немислимое обвинение. И почему его походы проводятся безграмотно? Это что - с точки зрения техники безопасности? В. Сокирко преследует совсем иные цели, делая свои фильмы. Ведь он не просто фиксирует

все, что попадется ему на пути, нет, он дотошно докапывается до сути, а потом преподносит это нам, чтобы заставить поразмыслить и нас. В. Сокирко не терпит конфуза, его фильмы не остаются неоцененными. На "Огоньке" ведь недаром возникли бурные споры вокруг его фильмов, а это говорит о том, что он интересен для друзей, и отнюдь не перешел в ряды "отщепенцев". А вот, что его фильмы неряшливые, я согласна, но будем надеяться, что Витя пересилит себя и сделает необыкновенно аккуратный диафильм.

Дальше идет диафильм т. Вирсиса. Очень искренний и хороший рассказ о Селигере. Но его фильм носит созерцательный характер и, несколько я помню, на "Огоньке" про искусство не было сказано ни слова: просто хвалили фильм.

И также остальные фильмы....

И все-таки вопрос: "Искусство ли диафильм?" я оставляю открытым: хоть и пыхтит этот "Откровенный", но в какой-то степени он прав: диафильму далеко до искусства... **Н. Зайцева".**

"Тов. Откровенный!

Мне очень трудно отвечать на Вашу критику. Вы - профессионал -литератор, это чувствуется в каждой строке. Вы изображаете из себя этакое "бога-громовержца" и с высоты своего "литературного Олимпа" сыпете на нас, "грешных", свой божественный гнев.

Есть в Вашей статье правильное зерно, но выражено оно в весьма грубой и злой форме. У Вас в руке не перо, а дубина, и Вы размахиваете ею, нанося удары направо и налево, круша все на своем пути.

Разрушать всегда легче, чем создавать!

Нет, я не добренькая и несентиментальная. Я просто уважаю в людях их стремление к созиданию, их хорошие начинания и готова сказать об их недостатках в товарищеской форме, без злопыхательства.

Диафильмы, создаваемые работниками завода, нужны. Стремление преподнести их в текстовом и музыкальном оформлении очень их украшает и осмысливает. Может быть, есть недостатки, и они наверняка есть, они и должны быть, люди только что взялись за дело.

Возможно, Вы родились "вундеркиндом" и все сразу творили на высшем уровне? Сомневаюсь. Но кто дал Вам право охаивать хорошее начинание и стремление людей заниматься любимым делом, совершенствовать его! Это не профессиональные фильмы, тем они и дороги для нас. Люди в свободное время не занимаются пустым, а подчас и вредным делом, а стремятся к чему-то хорошему, к созидательному отдыху. Тут бы их похвалить, а не расхолаживать, указать на недостатки в товарищеской, а не в злой форме, все охаивающего, злопыхающего критика.

Не надо быть добреньким, но надо быть хотя бы вежливым, уважать людей. В каждой строке Вашей критической статьи сквозит: "смотрите, какой я умный, как много я знаю, как я испепелил Вас, Вы теперь не скоро очнетесь, если вообще Вам это удастся". Вы пишете, что не стоило показывать эти диафильмы общественности завода. Нет, стоило!

Человек не может творить для самого себя. Даже если он считает, что его не поймут, до него не доросли, он все равно выносит свои творения на суд общественности. Он может не прислушиваться к критике и идти по ранее выбранному пути, но он опять-таки каждый раз будет стремиться показать свою работу людям. Надеюсь, что наши товарищи возьмут из нашей критики разумное зерно, но не бросят начатого дела, а будут его продолжать, вовлекая в свои ряды новых энтузиастов. Их у нас становится все больше и больше, вопреки Вашим предсказаниям. Да я уверена, что и многие другие, получают искреннее удовольствие от просмотра этих диафильмов.

Нет! Я не согласна с Вами, что литературные и музыкальные вечера русской интеллигенции ничего не давали.

На таких вечерах возродилась наша "Могучая кучка", давшая нашему народу великих музыкантов. На таких вечерах выявлялись и великие писатели. Им в начале творчества нужна была поддержка друзей, их дружеская критика, их моральное одобрение, вдохновляющие на дальнейшие поиски. Какие же темные очки надеты на Ваши глаза, и какие же в них кривые стекла, если вы увидели в показанных работниками фильмах не радости поэтического открытия мира, а "завистливое желание павлина поразить присутствующих мишурой ложных чувств и пошлых мыслей". А почему бы Вам не увидеть в них желание людей показать то, чем они восхищались, проводя свой отпуск в разных местах нашей Родины, почему не увидеть их желания воспроизвести увиденное музыкально и поэтически, отойти от движущейся фотографии?

Может быть, это сделано не профессионально, может быть, то новое, что они хотят найти, искать не стоит, из этого ничего не выйдет, этого добиться нельзя. Может быть. Но то, что люди к этому стремятся, в это верят, отдают свой досуг, я уверена, они не ищут славы, а ищут новых, доступных им форм выражения и объяснения, новых форм донесения их до зрителя - именно до зрителя, потому что творящий сам для себя не творец!

Нам "Огоньки" нужны! Нужны, потому что заставляют нас не только смотреть и слушать то, что нам преподносят, но и высказаться об увиденном и услышанном, а это значит - думать, а не просто глотать то разжеванное, что преподносят нам кино, театр и телевидение.

Теперь насчет наших высказываний на последнем "Огоньке", о наших "дифирамбах". Мы не профессиональные критики, но мы ценим те начинания, которые зародились на нашем заводе. Мы хотим поддержать наших товарищей, и говорим то, что чувствуем, просматривая данные фильмы, совсем забыв о существовании профессионального кино, и оцениваем то, что нам показывают, сравнивая один фильм с другим, восторгаемся лучшими из них и высказываем свое

субъективное мнение, не предъявляя к ним требования профессионального кино, и рады, что товарищи доставляет нам возможность познакомиться с их творчеством.

Являются ли они произведением искусства? Мне кажется, что да. Конечно, это не высшая форма искусства, но это и не "лубок", к которому Вы стараетесь их подвести. Ведь даже фотография, сделанная с мастерством, считается произведением искусства, а уж диафильм, оформленный текстом и музыкой - тем более **И.М.Шелепина**".

Понятно, что мне лично ближе отзыв Нины! Кажется, она единственная угадала и пародийность Откровенного и его относительную правоту и даже попыталась встать на его сторону, как не трудно было это сделать в той ситуации.

Об авторе третьего отзыва - Я.И.Лисовском я уже писал. По стилю его ответа можно судить и о стиле его фильмов.

"Ответ "Откровенному"

Наконец-то! Наконец-то и на нашем заводе нашелся анонимщик! Какая удача! Есть у нас прогульщики и пьяницы, есть бездельники и хулиганы, есть даже воры. А вот анонимщика не было. И вот теперь мы можем себя поздравить: у многих есть, и у нас появился. Да еще какой: культурный, интеллигентный, пишет бойко, рассуждает смело, хлестко, непосвященных может даже убедить и повести за собой. Так что же нужно этому "Откровенному"?

Во-первых, ему не нравятся наши изредка устраиваемые "Огоньки" или как они у нас называются - "За чашкой кофе". Не нравится даже сама идея таких вечеров. Оказывается, вообще русская интеллигенция этим грешна. Во все времена она собиралась на "сходки" для игры в искусство, а не для серьезных занятий.

Не знаю, с какого хода заходил "Откровенный" на эти "сходки", но ручаюсь, что не с парадного. Не знаю, на какие "сходки" заходил наш "откровенный", но ручаюсь, что не в общество истинных знатоков и любителей искусства.

Весь мир с высоким уважением относится к русской интеллигенции, давшей миру гениальных представителей во всех областях знаний, культуры и науки. Русская интеллигенция считается наиболее образованной, способной на высочайшие порывы. Русская интеллигенция во все времена чутко отзывалась на все веяния и бури интеллектуальной жизни мира.

И представьте, "Откровенный", что все это происходило на осужденных Вами "сходках". Гении мысли и чувства, какими были Чайковский и Толстой, Чехов и Левитан, Достоевский и Лобачевский, Пушкин и Мусоргский не рождались на голом месте. Они не стали бы теми, кем были, если бы их не вскормила, не воспитала окружающая их среда. Своим творчеством они обязаны той духовной атмосфере, полной накала страстей, чувств и мыслей, которая их окружала, которой они дышали, которая всегда держала их в состоянии высокой творческой активности.

Так что же создает духовную атмосферу нации? - Интеллигенция! И не в одиночестве, а в общении друг с другом. Надо здесь заметить, что высшие люди искусства (которых Вы стараетесь изолировать от окружающей их среды) терпеть не могли анонимщиков! История русской культуры знает, к сожалению, много печальных примеров, связанных с анонимщиками.

Не нравятся "Откровенному", во-вторых, наши диафильмы. Что ж... И сами авторы считают, что эти первые опыты могли быть гораздо лучше. Дело не в этом. Дело в том разухабистом, разносном стиле, в каком написана эта анонимка. Вообще говоря, от количества вылитой на бумагу желчи критика никогда не становилась убедительнее. Расул Гамзатов в прозаической поэме "Мой Дагестан" сообщает о таком явлении в Литературном институте: на 1-ом курсе было 10 прозаиков, 5 поэтов и 1 критик, на 3-м курсе стало 5 прозаиков, 3 поэта и 8 критиков. И на последнем курсе - 1 прозаик, 1 поэт, но зато 14 озлобленных критиков-неудачников.

Это к тому, что критиковать куда как легче, тем более анонимно. Ведь не выступил же "Откровенный" со своими домыслами на диспуте. Он тогда был "спрятавшийся". А ему бы объяснили, что Лисовский и не собирается тянуть на простого мастера из киностудии, и он сам отдаст эти лавры, кому угодно, но не отдаст своего права поделиться своими впечатлениями.

Если бы "Откровенный" на "Огоньке" изложил свои претензии к В. Сокирко, ему бы повторили те критические замечания, которые уже были сказаны, например, т. Кричевским, но по-дружески, с желанием помочь. Но нельзя не отдать должного В. Сокирко в его страстной любви к русской старине, архитектурным памятникам, до недавних пор безжалостно уничтожавшимся. Откровенному до всего этого мало дела. Он ослеплен своей злобой к энтузиастам нового.

Предвзятость, необъективность проявлена и по отношению к О. Вирсису. Испугавшись собственной похвалы, "Откровенный" тут же дает обратный ход и обвиняет Вирсиса ни много, ни мало - в слащавости!

Особую ярость "Откровенного" вызывает деятельность Коренкова. Всепоглощающая страсть В.Коренкова к искусству, его эрудиция, организаторский талант - все это приводит в бешенство "Откровенного". Что же было до прихода на завод В.Коренкова? В обсуждаемой области - ничего, пустота. Все любители искусства были разобщены. В. Коренков пытается их сплотить, устраивает эти "Огоньки" с целью поддержать и развить любовь и интерес к искусству. И вот "Откровенный" хочет заткнуть этот чистый родник, чтобы снова вернуться к пассивности.

Наши "Огоньки" не закрывают дороги в настоящее искусство, они призваны к тому, чтобы по этой дороге шло больше людей. И не об этом ли мечтают "высшие люди искусства"?

"Откровенному" надо было быть откровенным на самом диспуте, при просмотре диафильмов, а не уподобляться

пауку, из-за угла подстерегающему добычу и липкой паутиной обволакивающему свою жертву.

Запачкать доброе дело не трудно. Надо только коснуться его нечистыми, недобрыми руками. Не допустить этого - задача всех, любящих искусство! **Я. ЛИСОВСКИЙ**"

Я.И. Лисовский - коммунист и выражает невольно мнение партийной части заводского диадвижения. Хоть Коренков и потерпел поражение в столкновении с партбюро, но его еще не смяли, он оставался комсомольским секретарем, а главное, его уважало множество людей, а том числе и членов партии, с ним вынуждены были считаться и победившие "старшие товарищи".

Когда я писал письмо "Откровенного", то совсем не задумывался о том, какой резонанс оно вызовет в партбюро завода, как отразится на тонких хитросплетениях отношений разных групп, на положении Коненкова и самого диадвижения. И хорошо сделал: если б задумался, то ни на что бы так и не решился. И не было бы всей дискуссии.

Прочитав статью "Откровенного", партийные доброжелатели Коренкова сразу озаботились: откуда это? почему? кому это выгодно? кто мог написать? Ведь анонимки играют огромную роль в жизни наших партийных и прочих организаций. По анонимкам назначают расследования, снимают руководителей, трясут учреждения. Клянут анонимщиков, как зловредных писак, но информацией их пользуются, потому что зачастую она остается единственным каналом обратной связи от управляемых к высшим руководителям и позволяет последним наводить "порядок" среди мелких начальников. В общем, традиционно, анонимки - это сила, и когда они появляются, критикуемые подразделения начинают суетиться: кто писал и зачем?

Случай "Откровенного" - конечно, особый. Настоящая анонимка идет наверх неподписанной жалобой и требует расследования. Здесь же жалоба на Коренкова легла на стол самому Коренкову... Но мало ли... и все-таки... А вдруг она уже пошла, например, в газету фельетоном или еще как...

Батюшки-светы! Кто же это мог быть? Из друзей Коренкова? Зачем же им на друга капать и ставить под удар? А может, все-таки из заводских противников Коренкова, не забывших той квартирной истории?

Конечно, сам Манохин не мог так написать, но должен знать, чьих рук дело... Наверное, немало пришлось Владимиру Ивановичу повертеться, оправдываясь от столь логичных и обидных подозрений и пытаясь найти виновного (сличая шрифты заводских машинок и пр.). И только через год с лишним, получив в руки другие материалы с моей машинки, он с торжеством мне сказал: "Пасквиль "Откровенного" ты написал. Мы это знаем. Сознаться..." Но я, конечно, не доставил ему этого удовольствия.

Подозрение, которое невольно падало на Манохина в связи с дискуссией вокруг "Откровенного", было ему неприятно, спланивало против него силы партийных противников. Но, конечно, временно. Впоследствии обстановка еще ухудшится, в партбюро окончательно восторжествует точка зрения о вредности "диадвижения" и коммунистам - диалюбителям будет предоставлена сомнительная честь самим закрыть его. Но это будет позже.

Следующим в моем архива идет отклик Николая Романовича Саксонова, коммуниста с начала 20-х годов, типичного большевика сталинской формации, полного древним энтузиазмом, верностью советской власти и идеалам и втихомолку жалеющего о Сталине. Когда-то он был начальником ЦЗЛ. Потом по старости его снизили до инженера БРИЗа. Он обижался, но ком. энтузиазма и веры не терял, вовлекал всех в "общественную деятельность". Мы были практически идейными противоположностями, но он верил искренне в свои догмы и потому искренне "приветствовал инициативу комсомольцев", как все идейные большевики, конечно, при этом чутко и принципиально реагировал и на идейные шатания у молодежи. Я не раз попадал под его критику. Однако искренность веры искупала

все и делала его практическим союзником диалюбителей. Вот его текст:

"Отзыв на статью "Откровенного"

Это лицо - будем называть его "Ой", по первом и последней буквам избранного им псевдонима - ополчилось на активистов - любителей красочных диафильмов, изображающих русскую природу и людей в ее окружении. Кадры, объединенные общей идеей, демонстрируются на экране, в сопровождении подготовленного для них тексте на фоне музыкальных мелодий.

"Ой" объявляет все это грубой стряпней доморощенных гениев, жаждущих признания мира и славы, "любительским примитивом", провалившейся комедией.. Он призывает, негодует, изобличает, злопыхательствует и брызжет ядом: "Пора прекратить устраивать лицемерные "Огоньки", "восприятие произведения искусства - процесс сугубо индивидуальный!", "Похвалы, смешные и жалкие, лучше всего развенчивают невежество и лицемерие их авторов."

Вот уж кому, действительно, грамота пошла не впрок! Энергия, достойная лучшего применения!

В наших советских условиях мы привыкли к доброжелательной критике, являющейся одним из условия здорового роста путем последовательного устранения замеченных недостатков, наличие которых во всяком хорошем деле неизбежно. Но разве приведенные цитаты можно отнести к данной критике? - Это огульное охаивание, очернение на основе вымышленных обстоятельств.

Что такое молодежные "Огоньки"? Эта отличная традиция зародилась несколько лет назад по похвальной инициативе комсомольской организации завода; она имела в виду коллективное обсуждение вопросов литературы, поэзии, искусства. На них приглашались товарищи, проявившие интерес и вкус к этим вопросам безотносительно к возрасту. Здесь молодежи получает нечто полезное, поучительное и новое для себя, привыкает к выработке самостоятельного

суждения, к критическому восприятию различных точек зрения, а люди, не относящиеся к молодежи, наряду с разумным отдыхом обретают возможность понаблюдать, как молодежь воспринимает новизну, как ориентируется в сложных вопросах познания изящного (подчеркнуто мною-В.С.) Во всяком случае, молодежные "Огоньки" не имеют ничего общего с салонными будуарными вечерами скучающей буржуазии прошлого, с чего начинается "Ой" свое разоблачение.

Полезную инициативу комсомольцев можно только приветствовать. Тем большее значение она приобретает сейчас, в связи с пятидневкой и введение двух дней отдыха.

В чем же дело? - Может быть, последний "Огонек", посвященный выступлениям диафильмистов, о котором толкует "Ой", действительно, страдает какими-либо предосудительными или сомнительными моментами?

Мне довелось побывать именно на этом "Огоньке". Как во вводном слове, так и после каждого диафильма ведущие организаторы подчеркивали необходимость критического разбора материала, что и было мною сделано.

Выступления диафильмистов содержали несомненные элементы личного творчества, и я получил от них искреннее и полное удовлетворение. Наряду с этим имели место некоторые технические, смысловые, даже отчасти тенденциозные недостатки, которые также откровенно и искренно отмечались и не только мною. Усмотреть в выступлениях диафильмистов какие-либо претензии на звание "гениев", "художников", "мастеров искусства" при наличии самой богатой фантазии невозможно. Не исключено, что кто-нибудь из ценителей увлекся и сказал излишне громкое слово по оценке, но разве это может являться поводом для шельмования и общего очернения?!

Что же произошло? - А то, что "ужасы", которые живописует "Ой", придуманы им с помощью больной и уродливой фантазии. "Факты", которых не было, потребовались ему, чтобы выступить в "блеске своего обличительного "красноречия", а может быть и свести какие-

то счеты. Оболгать для того, чтобы встать в позу и покрасоваться перед самим собой, потому что всякому непредубежденному человеку ясно, что это "творение" "Ой" является пасквилем со стороны лица с нездоровыми устремлениями. Именно поэтому "Ой" выступает под псевдонимом, подметно, не называя себя, но, делая вид, что им руководят вовсе неплохие побуждения: "открыть глаза", "показать жестокую действительность"...

Нет, "Ой"! Здоровый советский человек на это ответит Вам: "Избавьте нас от таких "друзей", от "Откровенных".

Молодцы, комсомольцы! Действуйте, расширяйте Вашу инициативу. Спасибо Вам, любители русской природы, творите и совершенствуйте Ваше мастерство. **Н. Саксонов**"

И, наконец, последний отклик на "Откровенного", последний трофей в моей коллекции - от профессионального журналиста А.А.Яковлева:

" Не всякое лыко в строку".

"Огонек" проходил в клубе. Некоторые пришли с женами, привели родственников. Начался просмотр диафильмов, дискуссии ...

Когда я с "высоких" позиций (в смысле "идейных"-В.С.) "разнес" фильм В.Сокирко, встал рабочий В.Полозов и сказал примерно так: Ты что, дядя, где у тебя глаза были? Хорошо, о некоторых фразах в тексте можно спорить, порицать их. А красоты нашей северной природы? Неужели они на Вас не произвели впечатление? Произвели? Так ведь в них суть фильма!" (речь идет о д/ф "Кожа" -В.С.)

Мне не оставалось ничего другого, как сохранять видимость достоинства на лице. Было досадно иметь опыт профессионального критика и допустить такой ляпсус. После третьего диафильма выступил замдиректора завода Н. И. Берлин. Он сказал, что проехал, исколесил по стране многие тысячи километров, а теперь вот понял, что это было попусту потраченное время. Какие диафильмы можно было создать! Словом, человек "заболел"...

Вот так несколько десятков человек, в холодном зале с половины шестого до половины двенадцатого ночи смеялись, сердились, спорили, и разошлись лишь в силу необходимости: "закроется метро". И вот бывают же такие оказии: никому и в голову не пришло, что смысл-то "Огонька" был вовсе не в том, чтобы каждый мог интересно провести время, а в том, чтобы побить все рекорды славословия в честь кумира и лидера диалюбителей. Так бы и остались все одураченными, не окажись на "Огоньке" "Откровенного".

Что и говорить, тяжело признавать ошибки. Единственный способ оправдаться перед своей совестью - встать на открытую нам "Откровенным" правду и довести начатые им разоблачения до конца! Вспомните, товарищи! Разве "кумир и лидер диалюбителей" Коренков ограничивался лишь "Огоньками"? - Нет! Он шел в дом №12, собирал в Красном уголке сотни ребят и устраивал тут просмотр ...уж, конечно, не этой прекрасной пленки о Волке и Красной Шапочке (Волк кушает бабушку... Какая добротность! Какая философия. Какой подтекст! Любому несмышленишу враз станет ясно : бабушка -это тебе не просто занятная рассказчица сказочек. Бабушка - прежде всего ТЕЩА!) Так нет же. Коренков заставляет малолеток смотреть Гуся, гоняющего в футбол (субботники по строительству спортплощадки во дворе, хоккейные соревнования команды №12, одну из этих команд на большой арене центрального стадиона им. Ленина).Он внушает мальчишкам непомерное самомнение, мысли о большом спорте, фантазии о славном будущем! Правда, ребята - "ангельские душики" - визжат и хохочут, лишь пока на экран смотрят. А кончился диафильм - повернулись задом, да только их и видели. Плевать им на Коренкова. Это в какой-то степени утешило нас бы с "Откровенным". Но ведь Коренков не ограничивается и этим!! Он тащит своего "Гуся" в районный Дворец Культуры, демонстрирует перед двухтысячной аудиторией взрослых людей. А потом на трибуну выходит секретарь РК КПСС Т.В. Голубцова и начинает говорить о "милом, бесхитроном,

сделанном с такой любовью к детям диафильме, который мы все с таким удовольствием посмотрели!"

Да, страшно подумать, до чего бы дошло это славословие, если бы не "Откровенный"...

Однако, довольно шуток. На отчетно - перевыборном собрании завкома был показан первый самодеятельный кинофильм о заводе. Зал бурно аплодировал его авторам. Все понимают, сколько сил, сколько времени затрачивает Коренков и его товарищи для того, чтобы сделать что-то для детей, для завода. Все это заслуживает, по крайней мере, уважения. Думал ли над этим тов."Откровенный"?

Ряд пунктов, затронутых "Откровенным" могли бы быть предметом интересных разговоров и споров. "Откровенному" кажется, что попытка заняться самодеятельным творчеством страшно губельна, заведомо обречена на неудачу, вредна! Можно было бы возразить, что подобные пророки, имея их пророчества силу, лишили бы нас и Гоголя, и Бальзака и десятков гениев во всех областях искусства и науки. Но разве народу нужны лишь непременно гении? И разве занятие художественным творчеством нужно лишь тем, кто желает стать профессиональным художником? Хотя и нет прямой, т.е. вульгарной "связи между игрой на скрипке и открытием теории относительности, однако ряд современных наук указывает, что тут есть и более сложные и архиважные зависимости, поскольку активизация, пробуждение от пассивности и спячки одних участков мозга как бы разогревает, активизирует другие участки, тем самым повышая возможности человека не только в творчестве, но и в любом виде человеческого труда, деятельности. Известно: в состоянии приподнятого, радостно-возбужденного настроения человек может сработать гораздо больше и лучше. А пробуждением чувств, настроений целиком заведуют искусства, активное приобщение к ним, т.е. тренировка художественного мышления - попытки творчества.

"Откровенный" отказывает диафильму в праве быть искусством. Будь у таких "Откровенных" власть, они бы,

увидев на первых порах вместо античных статуй каменных уродцев, начисто прикрыли бы ваяние. Веселенькая была бы жизнь! - Будет ли диафильм видом или разновидностью искусства - этого не скажет ни "Откровенный", ни сам господь бог. Это решит время. А пока можно констатировать лишь одно: колоссальное распространение фотоаппаратов - факт. Магнитофонов - тоже. Они вошли в быт, произошел неизбежный синтез этих аппаратов.

"Откровенный" не отрицает диафильмы вообще. Он считает, что есть диафильмы хорошие, это те, что продаются в киосках за 30 копеек штука. Если же автор претендует на то, чтобы давать нечто большее, чем просто набор видовых кадров, то это, по мнению "откровенного" - надругательство над самой идеей диафильма и это очень плохо. Что ж, это тоже "точка зрения". Нет такого явления, которое бы всем нравилось. Я встречал людей, которым не нравится Лев Толстой, его произведения. Другим не нравится Мопассан. Поговорить с такими людьми бывает интересно. Почему же не отрицать и диафильмы, претендующие на какое-то значительное содержание?

Да, поспорить тут с "Откровенным" было бы тоже интересно, если бы... если бы он хотел разговора и спора. Но, к сожалению, цель у него совсем иная. Он искажает факты. Он упрекает Коренкова в том, что "Огоньки" нужны ему, чтобы послушаться дифирамбов, в то время как в первые же минуты дискуссии именно Коренков, страшась обидеть кое-кого, после первых хвалебных выступлений резко выступил и сказал, что авторам такие выступления не нужны, такие выступления ничему не учат! "Откровенный" забыл и о том факте, что выступления в защиту простого диафильма на "Огоньке" тоже были - об этом прямо и резко говорил тов. Вирсис.

Так по поводу чего ломает копыта тов. "Откровенный"? Какова цель его выступления? Мне кажется, на это проливает свет язык, которым он разговаривает с товарищами. Вот он, этот язык: "злополучные огоньки", "лицемерные огоньки", "

разыгравшийся шабаш восторгов", "льстивые похвалы", "атмосфера лицемерия", "хор лакировщиков", "ошельмованы", "пошлый сценарий", "зарвавшиеся диалюбители". - Но ведь это же не спор, не дискуссия. Это неприкрытое стремление обругать, оскорбить людей. Да, к сожалению, именно так! В заключение, бросив парочку слов о необходимости заботиться о "наших людях, наших товарищах", тов. Откровенный" переходит уже на полную откровенную брань, оскорбительные намёки в адрес Коренкова. Но и этого мало. "Откровенный" чувствует, что, изругав диафильмы, вылив ушат грязи на Коренкова и "Огоньки", он все еще не разделался с ними. Остается классика. -Ведь "гении с трубного завода" не столько творят, сколько любят настоящее искусство. Что ж, раз это нужно для торжества "правды", разделяемся и с искусством... "Раньше, на прежних "Огоньках" - пишет "откровенный" -лицемерные восторги ...касались признанных шедевров искусства. Раньше сладкоречивые похвалы неслись в адрес шипящих пластинок, в звуках которых с трудом можно было уловить обаяние "великих". Вот как у нас! И признанные шедевры могут хвалить лишь лицемеры, и современная высококачественная звукозапись - отвратительное шипение, и великие оказались в кавычках. Ну что ж, и поделом. Не повадно будет им водить кампанию с заводской братвой.

И все-таки хочется верить, что львиная доля грехов "Откровенного" не говорит о его сущности, что все это просто "сгоряча", да еще от недостаточного опыта с пером. Известно, что любой инструмент в распоряжении мастера - благо, у неумелого - бедствие. Опытный владеет лыжами. Неопытным - лыжи владеют. Да еще упаси бог, оказался он на крутой горке... Перо - штука обоюдоострая. Разве удержится молодой автор, взявшись за перо, не "всадить" в текст подвернувшегося остренького, "сильного" словечка, "удачной", бьющей не в бровь, а в глаз мыслишки! Нет уж! Все всадит! Понимание происшедшего придет потом. Так сказать: "схватится, когда с горы скатится!"

Так отнесемся же бережно к не в меру лихому наезднику. Не всякое лыко в строку! **А. Яковлев**".

Конечно, Анатолий Афанасьевич не уловил суть нашего спора. Да он и не пытался глубоко вникнуть в вопрос, нас волновавший: что главное - совершенствование техники диафильма до искусства или углубление их содержания, этого пока свободного вида творчества? Основной пафос этого отзыва - защита Коренкова и его работы по дому №12 (естественная защита собственного дела). Заняты и профессионально журналистские передержки: нападки "Откровенного" на искусство "великих", или северная природа, как главная суть д/ф Сокирко - чистейшие выдумки... Но все это делалось во благо: и Сокирко покритиковать, и тут же выгородить, да еще устами рабочего, и нападки неизвестных недругов в лице товарища "Откровенного" отбить, но тут же оправдать на всякий случай и молодого автора анонимки... Передержки во спасение...

Прошумела дискуссия, хоть не в стенгазете, но среди своих, прогремела блистательно, но ни единого результата, никакого продвижения в наш спор со Славой она не внесла. Каждый остался при своем мнении, хотя, конечно, мы стали больше учитывать точки зрения другого. Сама жизнь произносила приговоры. На следующее лето Слава сделал попытку отснять вместо диафильма любительский фильм, но неудачно, что с лихвой компенсировал созданием своего самого содержательного и глубокого, на мой взгляд, лучшего диафильма "Карелия". К нему Славу привели не наши споры, а логика собственного развития.

Спад и агония заводского диадвижения.

Дискуссией с Откровенным окончился наш первый, самый успешный и счастливый этап. Дальше все начало постепенно, но закономерно разваливаться. Требования публики росли, терялось преимущество новизны, а у авторов за первыми удачами следовали первые же неудачи или повторы.

Конечно, не у всех это случилось одновременно. Коренков еще рос, и у нас с Лилей было много фильмов, и можно было выбрать среди них удачные. Но не нами определялся успех диадвижения -он определялся как раз Вирсисом, Лисовским, Шостаком, т.е. действительно заводскими диалюбителями, которыми могли бы стать многие при желании и работе.

В том споре о судьбе диафильма, кроме моей и Славиной точки зрения существовала еще точка зрения Олега Вирсиса (правда, невнятно выраженная) - защита простого, туристского фильма. Олег повторял, что ему интересно на экране видеть природу, вспомнить лето, отдохнуть от длинной городской жизни. Ему не нравились требования от диафильма какого-то искусства (не говоря уже об идейных загибах) и потому, может, он и не выступил в дискуссии против "откровенного", будучи с ним во многом согласным. Намечалось очевидное размежевание. Грубо разделительную линию можно было бы провести между авторами аудиторией заводоуправления и ЦЗЛ с одной стороны и авторами и зрителями цехов - с другой (впрочем, зрители-рабочие с самого начала были немногочисленны и существовали больше в потенции, как будущие зрители)

Личная дружба Коренкова и Вирсиса пока латала это расхождение - но разве может долго продолжаться состояние крыловской басни, когда лебедь - Коренков рвется в выси чистого искусства, щука - Сокирко тянет в глубины истории и философии, а рак - Вирсис тянет общую телегу назад в спокойную заводь туристского отдыха? - Правда, диафильмы у каждого были свои, но аудитория и дружба общие. И они должны были порваться рано или поздно.

Летом 1968 года Коренков и Вирсис байдарили в Карелии двумя семьями. Вернулись веселые и довольные и принялись за работу. Слава проявил первые десятки метров киноплёнки и обдумывал как превратить их в кинофильм, доказав мне и другим скептикам его преимущества перед диафильмом. Я спокойно подначивал: "Давай, старайся",

будучи уверенным в своей правоте. Ведь любому здравому человеку ясно, что если любой фильм состоит из кадров, то в кинофильме на кадр идет несколько метров пленки, а в диафильме - лишь ее маленький кусочек. Монтаж диафильма изумительно прост и удобен - тасовкой кадров. Да в кино много проблем. Недаром на него тратят миллионы. Есть ли они у Славы?

В этом споре я постоянно привлекал аналогию с соотношением черно-белого и цветного кино. Что и говорить: последнее имеет больше возможностей. Но пока оно дорого, черно-белые пленки для независимых, ищущих собственные решения кинорежиссеров оставались (и остаются до сих пор) основой работы. "Пойми, Слава, нужно остановиться на наиболее доступном и экономичном средстве выражения - и только его развивать и совершенствовать..."

Но Слава хотел убедиться сам, а зная высоту его требований, можно быть уверенным, что плохой кинофильм он не выпустит, а значит, не сделает никакого. Так оно и вышло. Карельская кинопленка так и осталась нереализованной. Зато в зиму 68-69 года он показал нам диафильм "Карелия". Я уже говорил, что считаю его личной вершиной Коренкова.

Как это обычно бывает в кино, главную удачу принесло сквозное использование контрастного противопоставления разных кадров. На рассказ о веселом летнем походе в яркой зелени и солнечных бликах синей воды наплывали вдруг и неожиданно возникающие в сознании рассказчика Коренкова картины зимы здесь - в Подмосковье, в городском холоде и стуже, которые затем столь же неожиданно и вместе с тем закономерно уступали место веселому рассказу о веселом походе. Но зритель теперь уже знал, что хоть поход действительно очень веселый, но у смеющегося на кадре Коренкова --в душе стужа, тоска и разочарование в жизни. Полный силы смеющийся человек - и вот так выбит из седла. Нет, он не жалуется, не мечется, не унывает - работает и смеется, как все - и тем не менее - он

духовно тяжело болен. Именно веселые летние кадры звучали тяжело и трагически.

У всех нас, смотревших этот диафильм, возникла огромная тяжесть на душе, желание помочь - но чем можно помочь сильному и вполне уравновешенному человеку? -Я тоже пытался много раз лезть к Славе с душевными разговорами, но безрезультатно: он был горд и невосприимчив к посторонним влияниям. Таким остался до сих пор. Для заводоуправленческой части диалюбителей "Карелия" была событием. Было ясно, что Коренков растет. Но при этом личная Славина душевная и сейчас обнажившаяся драма забивала все мысли о самом фильме. А ведь это и есть главное! В этом-то и состоит настоящий успех, когда зрители так взволнованы содержанием. Другая же часть аудитории (где был Вирсис) отнеслась к Славиной "Карелии" сдержанно: "Уж слишком у него все мрачно и пессимистично..."

Раскол между нами углублялся. Оставалось ждать, что расскажет на таком же карельском материале сам Вирсис. Но он медленно работал. Легко разбираясь в машинах и моторах, за столом Олег часами вымучивал каждую фразу и очень хорошо делал. Они у него получались искренними. Творческий процесс затянулся на год с лишним. Просто не помню, что в тот сезон показывали Шостакович и Лисовский, но в том же экскурсионном тоне. После "Карелии" аудитория воспринимала такой тон очень сдержанно. У нас с Лилей 1968 год тоже оказался спадом. Весной родилась Галя, Лиля сидела с ней дома, правда, отпустив меня в альплагерь, из которого я привез слайды для "горного" диафильма "Джан-Туган". Один диафильм вместо прошлогодних серий -это был спад. Может, и к лучшему - публика смогла отдохнуть от "Сокирок". Но именно из-за меня в 1969 году трещина в нашем диадвижении вдруг стала явной и очевидной.

1968 год - год моего подписанства. А в начале 1969 года на общем собрании работников заводоуправления меня обсуждали и осуждали за...(не помню точных формулировок, но сутью обвинений было подписание письма в защиту

демонстрантов 25 августа на Красной площади против ввода войск в Чехословакию и письма в защиту прав крымских татар на возвращение в Крым). Председательствовал на том судилище все тот же В.И.Манохин. Выступали-осуждали директор (хорошо ко мне относившийся и раньше и после), мой соруководитель по сварочной аспирантуре (много поздних вечеров мы провели с ним вместе), молодые инженеры - мои коллеги-сокурсники по МВТУ им. Баумана и еще кто-то из запланированных. Среди них не было диалюбителей. Потом мне рассказывали, что в партбюро очень настаивали на выступлении зам. нач. ЦЗЛ Е.М.Кричевского, но он сумел-таки отказаться. Факт диасолидарности был для меня в то время очень важен. Зато неожиданным оказалось выступление Вирсиса (он, кстати, мог бы и не приходить, поскольку не числился в заводууправлении). Олег вступил в эту комедию сам, по доброй воле, это было видно, потому что говорил он очень искренне о своей боли и недоумении: "Ведь ты, Витя, хороший парень, я это знаю, и как же ты мог сделать "это"?" Прямо было видно, как он не желает и просто физически не может "разбираться во всем этом". Разбираться - уже значило бы для него совершить преступление против партии, народа, всего высшего. Я спокойно воспринял осуждение и запланированный бред остальных выступавших, потому что заранее был готов именно к такой проработке (да ведь и не в первый раз). Но выступление Олега меня и вправду огорчило: ведь так же, наверное, недоумевают мои многие заводские знакомые. Мучительно хотелось объясниться хоть с некоторыми из них. Слава тоже был на том собрании. Он-то и помог сделать "протокол" (он был впоследствии в Самиздате – см. Приложение12). А в дополнение к этой записи я составил аргументированные ответы "судьям" (на собрании я мог ответить только выражением несогласия). "Ответы" предназначались глазным образом для Олега. На правах еще не порванной дружбы я отдал эти странички Олегу,

предупредив, что отдаю их только ему, без права показа кому бы то ни было без моего ведома...

Я надеялся, что через день-два у нас с Олегом будет откровенная беседа, и я смогу хоть немного рассеять его недоумение. Может быть, придет Слава для помощи - ведь нам надо оставаться друзьями, пусть при сохранении всех идейных и прочих различий....

Однако через два-три дня мне сказали, что мои "Ответы" лежат в парткоме... Слава этому не верил. Я отправился в цех к Олегу за объяснением. Он не отрицал, но ссылаясь на случайность: "Мои бумаги лежали у меня на столе, я их показывал некоторым товарищам. А тут случайно зашел Манохин и случайно заинтересовался этими бумагами... Ну, не мог же я отказать ему поглядеть, а потом он взял их к себе в партбюро, ты же понимаешь, я не мог возражать - партийная дисциплина..."

Конечно, нагромождение случайностей было невероятным, но тогда от неожиданности я готов был поверить и спросил Олега только об одном: зачем же он нарушил свое обещание прочитать "Ответы" и никому их не давать? - Олег только пожал плечами. Никакого смущения и вины он не чувствовал. Не было о чем даже разговаривать. Наверное, мое преступление было вне рамок его понимания, вне рамок его морали. Оно как бы ставило меня вне человечества. На мне, "подписанте", кончалась Олегова несомненная, прямо-таки чудесная доброта и отзывчивость - начиналась партийная (классовая) верность и выдержанность. Уверен, что если бы "старшие товарищи" сказали бы ему, что "наступило сложное положение", "советская власть в опасности" или что-нибудь такое и надо "расстрелять Сокирко" - он расстрелял бы особенно не упираясь, добрый, чудесный парень расстрелял бы меня не задумываясь... Да я уже слышал такое признание в открытую от "чудесных парней" в 1962 году.

Сейчас я думаю, что отдав Олегу свои "Ответы" с условием их скрытого возврата, я невольно поставил его в

очень неловкое положение. Эти дни он, наверное, и не думал о смысле написанного, а только клял себя, зачем согласился их взять на условии непоказа другим, т.е. - тайны от партии. Если он выполнит это условие - то тем самым скроет от партии очередную антипартийную вылазку, а не выполнит - нарушит данное мне слово. Кого предать: партию или друга и свое слово? В такой мучительной ситуации он, может, стал советоваться, перекладывая на чужие плечи решение этой этической задачки. В результате дошло до Манохина, а тот - помог по-своему.

Сразу скажу: никакого вреда мне этот вольный или невольный донос Олега не принес. Я ведь был уже сильно наказан: предупреждением об увольнении за новые подписи, отстранением от исследовательской работы, фактическим исключением из вечерней аспирантуры, наконец, понижением в должности. По административной линии дальше меня было наказывать некуда, а на уголовное деяние "Ответы" никак не тянули. Ну, конечно, вызвали в партбюро к Манохину и показали изъятые у Вирсиса "Ответы": "Твои?" Я ознакомился с протянутыми листками и спокойно ответил: "Нет." Дело в том, что предвидя возможность такой беды (не у Вирсиса, а вообще), я заключил свой "Ответы" фразой в духе логически неразрешимых парадоксов. Вот ее смысл: "Поскольку меня предупредили об увольнении в случае новых уклонений, а эти "Ответы" могут быть расценены оппонентами как таковые, а работы мне по семейным обстоятельствам лишаться нельзя, то я заранее сообщаю, что буду официально отказываться от авторства и участия в составлении "Ответов".

Отрицая свое авторство, я только выполнял данное в тексте обещание. Конечно, профессиональный следователь без труда разрубил бы эту "уловку", но в партбюро, побившись со мной ("Но ведь ты же... и сам писал, что будешь отказываться), плюнули и отпустили. Со мной было все ясно. Позже я переписал свои «Ответы» в виде заметки для заводской газеты, но не решился отнести (см. Приложение 13)

Наступила горькая ясность и в отношениях Славы Коренкова и Олега Вирсиса. Вскорости состоялась их уединенная беседа, после которой Слава сказал мне, что ему все понятно, и дружбы у них отныне нет.

Совсем грустно стало в нашем диаклубе. "Огоньки" стали реже и практически без участия Вирсиса и его цеховых друзей. Впрочем, не всегда...

В очередной зимний сезон 1969-70 гг. Олег показал на "Огоньке" свою давно обещанную "Карелию", а Слава - новый диафильм про байдарочный поход по Чусовой - "Уральские этюды". Кажется, это было на одном и том же "Огоньке".

О втором диафильме Вирсиса я уже говорил. Технически он был лучше "Селигера", но аудитория приняла его холодно, без интереса (грубо выражаясь: "своим равнодушием наплевала в чуткую Олегову душу"). Славин диафильм был сделан теперь в содружестве с Сашей Апресяном (вместе были в этом походе). Читали они попеременно, звучали стихи Апресяна, природные слайды сменялись слайдами его рисунков действительных и воображаемых сцен похода. Весь фильм состоял из отдельных эпизодов (этюдов).

В Славином понимании этот диафильм был несомненным шагом вперед. Видимо, отказавшись к тому времени от надежд на кинофильм, он решил максимально улучшать диафильмы. Отсюда и сотрудничество с Апресяном. Его стихи и рисунки, с их претензией на "высокое искусство", наверно, казались Славе гораздо более профессиональным и более близким к желаемому идеалу средством выражения, чем голые слайды и обнажённая монтажная мысль.

Мне же эти нововведения показались лишь внешним улучшением, уведшим новый Славин фильм от истинного успеха. Кроме того, мне думается, что важной причиной неудачи "Уральских этюдов" было очень существенное (а может и основное) участие в нем Апресяна. Можно сказать, что это была неудача не столько Коренкова, сколько Апресяна.

После разрыва с Олегом, основным товарищем Славы стал Саша Апресян, уже окончивший в то время журналистский ф-т. Были попытки сделать меня третьим участником их компании, но я всегда был слишком отдельным, не компанейским, занятым семьей и своими увлечениями. Да и спорили мы много. А с Сашей они сошлись сразу. Как мне кажется, Апресян еще больше Славы был увлечен мечтой о "высоком искусстве" и о личном участии в нем. Воспитание в интеллигентной семье, преклонявшейся перед великими именами, предопределило и основное Сашино устремление.

Сам Саша производил впечатление очень симпатичного, доброго и талантливое ребенка. И рисунки у него были "детского" стиля. И проза такая же, и стихи в полуабстрактном ключе. И поступки и жизнь. Но казалось, что его давно принятая и потому вросшая в существо манера - все же искусственна, предопределена дальней претензией

И вот Апресян получает голос в диафильме. Но что он может в нем выразить? - Свои детские мечты и притязания? - Редкие всплески искреннего чувства тонут в массе надуманного, искусственного. Если в "Карелии" мы все видели Славину трагедию - без всякой примеси, то в "Уральских этюдах" - только "красивости". Судите сами, что интереснее!

Конечно, при просмотре действовал гипноз Славиного имени, но энтузиазма прежнего уже не было. Наша публика явно теряла интерес, да и числом постепенно уменьшалась. Из конференц-зала и Дворца культуры мы снова перебрались в небольшой читальный зал технической библиотеки. Дальше было некуда.

Даже самая верная наша публика была в унынии. Она была недовольна и Вирсисом - раком и Коренковым - Апресяном - лебедем. Пожалуй, наиболее стойкий интерес сохранялся к нашим с Лилей фильмам. Тем более что для нас лето 1969 года с длинным отпуском, разделенным между

Прибалтикой и Закавказьем, было исключительно богато на темы диафильмов (10 в общей сложности).

Правда, прошло время, когда за свои диафильмы я мог рассчитывать на получение завкомовской премии. Теперь я боялся получить за них увольнение или очередной скандальный разговор в партбюро, и поэтому самые острые фильмы уже не рисковал показывать на заводе, ограничиваясь домашним просмотром. Но и оставшихся было достаточно много, чтобы поддержать тухнувший интерес избалованных зрителей. Да разве смогли бы мы так долго тянуть диаканитель, не ощущая хоть изредка действительного интереса людей? Вплоть до сегодняшнего дня?

Но с другой стороны, Олегу и другим приверженцам любительского жанра наши диафильмы не были нужны. После показа своей "Карелии" Вирсис и его цеховики больше к нам не ходили Раскол стал очевидным.

Ну что ж... Размер аудитории снова сузился до прежнего коренковского кружка вокруг бывшей редакции " В мире искусства". Можно было полагать, что "каждому - свое", и в таком узком, единомышленном составе мы сможем протянуть многие годы. К сожалению, в нашем мире все связано. Лишившись поддержки цеховых партийных диалюбителей, мы остались беззащитными перед угрозой очередной атаки из партбюро от Владимира Ивановича Манохина. Вы думаете, он забыл ту квартирную историю, когда его "не уважили"? - Как бы не так!

Но, конечно, не все делается сразу. Вокруг Коренкова уже столько наломано дров, что спешить никак не следует. Еще не отошел от нас Кричевский, еще связаны чувством порядочности цеховые диалюбители. И. . . Владимир Иванович не успевает.

Летом 1970 года Коренков увольняется с завода и вместе с окончившим учебу Апресяном завербовывается на три месяца в геологоразведочную партию на Кольском полуострове. - Птичка упорхнула, месть Владимира Ивановича не состоялась.

Для заводского же диадвижения уход Коренкова означал гибель. Это понятно: уход организатора-души дела почти всегда непереносим для оставленного им дела. И некому было заменить его. Вирсис- отошел сам, я - был в опале, чуть ли не в общественной изоляции. "Да, давно пора разобраться с обстановкой на этих "огоньках", на которых происходят неправильные вещи" - такие слова, наверное, произносили в партбюро. Кстати, на последнем большом "Огоньке" уже был многозначительный эпизод: кто-то из цеховых партийцев громко осудил зрелище и демонстративно ушел с вечера. Но коммунисты Вирсис и Кричевский оставались, и этот инцидент (наверное, подготовленный Владимиром Ивановичем) оказался без последствий. Теперь же, с уходом Коренкова, естественным образом должны были закончиться и "Огоньки". Но нет, судьбе было уготовано проиграть более эффектно последний акт нашей диаистории.

Приехав осенью в Москву, Коренков на завод так и не вернулся. Устроившись в какой-то "ящик", он изредка навещал нас, а когда сделал новый диафильм, то согласился показать его на очередном заводском "Огоньке", благо традиция их еще не забылась. Но разрешат ли?

За дело взялись снова Нина Зайцева, и, кажется, новый комсомольский секретарь. Долго ходили слухи, что не разрешат, но потом сообщили: "Разрешили". И даже согласились, что от партбюро у нас будут Вирсис и Кричевский. "Вот странно - удивлялись мы - раньше от партбюро обязательно кто-нибудь присутствовал, хотя бы в начале, для проформы, а теперь - только свои будут. Хорошо-то как!" Но мы не знали, на каких условиях, будут "свои".

В программе последнего "Огонька" был только д/ф Коренкова "Кольский", и я показывал что-то армянское -точно не помню, да это и не важно. Перед нами снова был совместный фильм Коренкова-Апресяна. Но уже чувствовалось преобладающее влияние Славы. Даже в чисто апресяновских кусках было живое и теплое чувство:

трехмесячная походная жизнь в партии выбила в ребятах искру дружбы, ощущение ее ценности.

В фильме было много удачных мест, которые я помню до сих пор, но конечно много и громких, выпретенных неудач. Фильм длинен, рыхловат, (впоследствии Слава сократил его с большой пользой) - естественные недостатки при таком богатстве накопленных кадров. Он был, конечно, идейным продолжением Славиной "Карелии". развитием темы тоски по мировому совершенству, по смыслу жизни. Эта тема явно начинала переходить в религиозные поиски высшего смысла, бога - но пока неотчетливо, вопросами. Однако лишенный карельского приема - контрастной смены разных кадров, "Кольский", конечно, не достиг такой выразительности и силы, как "Карелия". Поэтому я и ставлю этот диафильм выше "Уральских этюдов" и ниже "Карелии".

Фильм тяжело смотреть из-за напряженной содержательности и несовершенства формы и построения. Да и поиски "Высшего существа" собравшимся, в том числе и мне, были чужды.

Примерно так я и высказывался при обсуждении, защищая при этом, прежде всего, право каждого высказывать любые, даже неприятные мне самому (как материалисту и оптимисту) вещи. Впрочем, за давностью, я уже не помню подробности и стараюсь лишь не исказить общий смысл случившегося. Выступали и остальные... Повторялась история с коренковской "Карелией": все хвалили фильм (теперь меньше), но очень переживали за Славу: "Нельзя же так мрачно смотреть на мир..."

Обсуждение началось после выступления Вирсиса. Как только отзвучали заключительные Славины крики: "Пиастры!" и мефистофельский смех над тщетными усилиями людей познать суть вещей, как только включили свет, Олег врубился сразу с громким неодобрением, не дав присутствующим хотя бы прийти в себя после увиденного и собраться с мыслями. Это было так непохоже на Вирсиса и так...непристойно. Он почти кричал, что увиденное им сейчас - это безобразие, это

черти-что, и как можно спокойно это слушать, уши вянут, он еле высидел (действительно, где-то в начале просмотра он бросал разные реплики, но был остановлен Кричевским и остальными), другие тоже еле сидели, ("другие" протестуют, но Олег гнет свое)... Он давно уже предупреждал Коренкова по-дружески, но тот, уж неизвестно, под чьим влиянием, все дальше уползает в болото и пр. и пр.

"Сбесился он что ли, или его так в бюро накачали?" - думалось мне. Но наконец-то он утих и начали говорить другие, естественно, прежде всего в защиту Славиного права на искренность, как бы ни относиться к его идейным поискам. Тогда Вирсис разобижено и демонстративно ушел. Все вздохнули с облегчением. Все произошедшее казалось просто какой-то скандальной странностью. Не было понятно даже, чего он хотел и чего добивался. А теперь мы остались одни и могли говоря спокойно

Высказались почти все, спорили об эпизодах, Слава отвечал на вопросы и даже начал углубляться в подробности своей работы в геологоразведочной партии. Один Кричевский молчал, как бы тянул время, изменяя своей обычной доброжелательной активности в беседе. Но вот и он заговорил, и все стало понятно. Столь же обстоятельно, как и раньше, Евгений Маркович теперь нам заявил, что хотя Олег Янович слишком горячился и был невыдержан, но по сути своих замечаний он совершенно прав... (услышав это от Кричевского, известного поклонника наших с Лилей "смысловых" фильмов, я был поражен)... В партбюро уже давно существовало мнение, что на заводских "Огоньках" обстоит не все благополучно, и теперь они с Олегом Яновичем в этом "окончательно убедились" (А где же они раньше были?)... Диафильм Коренкова - это всем очевидно - пессимистичен, идейно не выдержан, может неверно повлиять на зрителей. И вообще, он претенциозен. Коренков занят самолюбованием и пр. и т.д."

Слышать такое от Кричевского, от Кричевского! Мне стало особенно противно. Теперь стала понятна роль обоих.

Партбюро поручило им идейно разобъяснить участникам "Огонька" идейные ошибки Коренкова, "разоблачить лидера публики" и закрыть практику "вредных сборищ". И кому же поручать такое партийное задание, как не заядлым посетителям этих сборищ и не бывшим друзьям Коренкова? Ведь только они знают все обстоятельства, только они смогут лучше всех провести намеченную экзекуцию. А то, что им самим это неприятно, то, простите, ведь существует понятие "партийная дисциплина", да и собственные ошибки при этом исправить можно, и верность укрепить... Вот так, рылом об кассу, и чем больше, тем вернее...

Таков горький хлеб интеллигентного партийца в наше время. Нащупав в нем "идейную слабинку", уличив, ему поручают самую "грязную" работу, чтобы он наплевал себе в душу и задушил свою искренность и достоинство. А особенно мерзко мне было от того, что если Вирсис был растерян, путался и терял голову при выполнении партийного задания, то умнейший Евгений Маркович, сначала, наверное, сопротивлялся, но потом, поняв его неизбежность, начал убеждать себя и других, что действует честно и свободно, по собственному почину и разумению, выискивал доводы, аргументировал, цеплялся за действительные Славины недостатки и не стеснялся всаживать их в низкопробные партийные штампы. Он усиленно убеждал и себя и других - тому, что совсем недавно было ему определено чуждо. Поистине орвелловская ситуация! Мне было особенно горько, потому что Евгений Маркович был, наверное, наиболее близким мне по мыслям и духу человеком на заводе. И было стыдно, как будто за единомышленника, за себя.

Свою речь Кричевский окончил фразой о том, что "повидимому, проведение таких "Огоньков" впредь надо прекратить и искать другие формы работы". Я был в ярости: "Так "они" не смогли выдержать игры в демократию до конца, так и не дождались пока наше диадвижение затухнет естественным путем! А может, не затухло бы? Они его закрывают силой!" В такие минуты прямого насилия невольно

хочется мести, ответного действия. И я нашел нужные слова. Когда Кричевский кончил говорить, то в наступившей тишине, медленно и отчетливо я сказал: "Евгений Маркович, мне стыдно!"

Может быть, при чтении эти слова кажутся детскими и наивными, но тогда они звучали страшно, безобразным оскорблением. По-моему, он даже вздрогнул. И снова повисло молчание... А после замешательства, на что-то сославшись, он ушел.

Потом мне говорили, что слова мои прозвучали уничтожающе грубо, как звук пощечины. Да, это и была "идейная пощечина", и я до сих пор не жалею о своем поступке. Даже близким людям нельзя прощать некоторые вещи. Страшно и стыдно наказывать взрослого человека. Морально тяжело и как бы противоестественно. Но я был уверен в необходимости возмездия и знал, что из присутствующих только один к этому готов. Мне нечего было терять...

О, это сладкое чувство свободы, когда у тебя отнято все, чем ты привык дорожить в свои рабочие часы и когда ты ничего не ждешь от "старших товарищей, ничем им не обязан и потому можешь позволить себе достойное поведение и даже "идейные пощечины" за подлые поступки! Я испытал это блаженное состояние на Трубном заводе... И как тяжело было потом, при переходе на новую, "перспективную" работу, снова вползать в рабскую шкуру "не провинившегося и потому перспективного советского труженика".

Через несколько месяцев я ушел с завода.

Описанный "Огонек" с диафильмами был на заводе последним.

Мне осталось дописать лишь эпилог начальной истории наших диафильмов. Изгнанные с завода не слишком тужили: ведь вполне можно собираться и дома. Мы с Лилей и раньше больше рассчитывали на домашние просмотры, чем на заводскую аудиторию. По-видимому, не было особой трагедией прекращение "Огоньков" для Вирсиса и

Лисовского. Они тоже с самого начала были ориентированы на малую аудиторию своих родных и знакомых. Иногда вспоминают лежащие в шкафу пленки и по случаю какого-либо праздника и прихода гостей включают проектор и магнитофон, чтобы от вида озерных или морских кадров "отдохнуть душой"? И это очень хорошо!

Ведь вначале всем так и хотелось: творчества для своего окружения, для всеобщей хорошей жизни. Вирсис и Лисовский, наверное, до сих пор выполняют эту программу. Но почему мне она стала неинтересной?

И только для Славиных диафильмов утрата заводской аудитории была очень существенной потерей. Ему нужно было ощущение признания от большой аудитории. Последующие попытки домашних просмотров не давали ему удовлетворение. В реакции же моих знакомых Слава был разочарован: "Я вижу, что они ничего не понимают, что они ничего не чувствуют, тогда зачем все это делать?" Заводская аудитория, созданная им самим, знающая его, заинтересованная и привычная к обсуждениям была нужна Славе как воздух, как дыхание.

И, действительно, д/ф "Кольский" оказался у Славы последним. Диафильмы стало делать некогда, а слайды последнего своего похода он так и не проявил. Так и лежат в шкафу неузнанными. Некогда. От диафильмов Слава перешел к пейзажной живописи, к работе на вечность. Ей он отдает теперь все свое время.

И остались мы с Лилей одни. Только изредка на горизонте мелькают диалюбители. И снова исчезают. Как правило, "неудачность второго фильма" выбивает их из седла.

- Вот Таня и Валерий Тер-Ованесовы - компаньоны Славы по байдаркам ограничились двумя диафильмами. Первый - удачный - про Байкал был создан Таней и всем страшно нравился своей удивленной задушевной интонацией: "Неужели мне Байкал не приснился, неужели я и вправду там была?", своим рефреном: "Было ли то или не было?" Второй же диафильм о байдарках в Зап.Сибири, сделанный ее мужем,

был, по общему заключению, настолько нудным и скучным, что нам с Лилей его даже не показали.

-

Наш хороший знакомый по среднеазиатскому походу Витас из Каунаса сделал несколько диафильмов о своем любимом высокогорье - на Кавказе и в Средней Азии, но они звучали по-литовски и были нам мало доступны. Впрочем, по устному переводу Витаса можно было понять, что они принадлежат к разряду любительских туристских фильмов и что их основное своеобразие - в характере рассказчика - благородного, выдержанного в своей обстоятельной любви какого-то "западного" человека.

Вот наши друзья-подписанты рассказывали, что у Алены Арманд тоже есть очень интересные диафильмы. Но мы так и не смогли их посмотреть: говорят, при обыске они были у авторов изъяты (!)

Кажется, я упомянул обо всех случаях появления диафильмов, о которых знаю со времени гибели движения на МТЗ. Наверное, я очень мало знаю, и диафильмов по стране гораздо больше. Однако массовыми они так и не стали. И это меня удивляет.

Конечно, при всей своей простоте и дешевизне, сделать хороший и интересный диафильм достаточно трудно: нужен хороший, искренний сценарий и правильно выбранная музыка (это минимум, необходимый для успеха). Мои знакомые брали у нас слайды, чтобы делать диафильмы, но бросали эту затею. Однако, главной причиной, наверное, служит временная немногочисленность аудитории у "смыслового", самиздатского диафильма. Если читателей у самиздата не так и много, то что говорить о зрителях?

Наша собственная аудитория много раз менялась. Сначала мы делали фильмы главным образом для товарищей по туристским походам. Но очень скоро выяснилось, что нас волнует совсем разные темы (такое же отрицательное отношение в этой среде складывалось и к тогдашнему

Самиздату), и потому наши фильмы им не интересны. Дело доходило даже до того, что мы не могли выбрать момент или упротить своих компаньонов по походу посмотреть фильм об этом самом походе, т.е. о них самих. (такой казус получился, например, с д/ф "Алтай").

Потом с нашими диафильмами познакомились многие "подписанты", люди, интеллектом и нравственным уровнем которых мы восхищались. Эта аудитория до сих пор осталась нашей, но достаточно холодной и равнодушной. Очевидно, что в этом повинны уже мы сами, незрелость наших фильмов. По-видимому, мы не доросли до этой аудитории.

Так и получилось, что "наша публика" состоит из людей какого-то промежуточного, околориссидентского уровня. И не понятно, то ли мы движемся в диафильмах за интересами своих знакомых, то ли знакомые у нас появляются благодаря интересу к "смысловым" диафильмам; то ли мы делаем диафильмы, то ли диафильмы выбирают нам знакомых и формируют нашу жизнь ("делают нас").

И теперь, готовясь к завершению своих диафильмовских увлечений, иногда страшно: как же мы будем существовать без диафильмовской горячки? Чем жить будем? А может, не сумеем бросить? Плохие или хорошие, нужные или не нужные людям, но может, диафильмы стали нам необходимы, может, они стали нашей личной судьбой?

В последнее время я с огромным интересом слежу за иными формами самиздатского творчества. В масштабах страны действительно массовыми (вернее, общественно значимыми) стали литературный Самиздат, авангардистская живопись, самодеятельные песни и театр. Пока в укромном уголке Московского трубного завода недолгой и случайной вспышкой расцветало свободное диатворчество, в лесах Подмосковья регулярно и вопреки воле "старших товарищей" собирались сотни и тысячи любителей самодеятельных песен и театральных инсценировок. Мне довелось знакомиться с проблемами движения КСП (клуб самодеятельной песни) и я видел, в своей глубинной сути они были очень похожи на

трудности, описанными в этих записках. Конечно, КСП - это действительно массовое движение, и я уверен, что его истории в будущем будут посвящены не только воспоминания, но и научные исследования.

Однако история диадвижения на МТЗ - небольшого эпизода в общем росте "партизанского" (по определению Ч. Дзаваттини) творчестве тоже не лишена интереса, ибо в этой частности отражены все главные удачи и трудности общего. Сегодня нас уже не волнует: будет или не будет диафильм видом искусств. Это не важно. Важно, чтобы мы вместе с ним становились свободными людьми.

.

Приложение 1.

Наше отношение к Проекту программы КПСС

- выступление на комсомольской конференции ф-та АМ, окт.1961 г.

Каждый из нас знает, что появление в печати Проекта программы – большое событие. Этот документ определяет наше будущее, как бы раскладывая его по цифрам и по полочкам. Если до 30 июля было много неясного и зыбкого в наших мыслях о будущем, то теперь должно быть все просто и понятно – мы будем жить при коммунизме, через 20 лет будут бесплатные обеды и бесплатный трамвай. Если раньше мы спорили о том, когда будет коммунизм, и только немногие уверяли себя, что до 2000 г. его уже построят, то теперь всякое неверие в то, что мы будем жить при коммунизме – явление антипартийное, уклон и пораженчество. Видимо, комсомольские организации должны вмешиваться в эти споры и наводить там согласно новой программе железный порядок, если смогут. Во всяком случае, надо в эти споры открыто вмешаться, а что получится – там посмотрим.

И если люди, как комсомольцы, все признают программу, то это еще не значит, что они убеждены в том, что будут жить при коммунизме, что коммунизм близок. Такое двоемыслие встречается, и это не только плохо, но и привычно.

Недавно я спорил с одним нашим парнем. Он комсомолец, но убежден, что мы не только не достигнем коммунизма в сроки, поставленные программой, но что коммунизм вообще нельзя построить. И я при всей своей убежденности не сумел его убедить. Он говорил, что в будущем мы станем жить еще лучше, но форма общества не

изменится, останется социализм. Это очень умный и думающий парень, он ничего не принимает просто так, "на ура". Он старается проверить положения газеты своими жизненными впечатлениями. Вот, к примеру, вся наша жизнь его убедила, что принцип материальной заинтересованности – основа нашего существования, что даже умным и передовым людям необходима эта постоянная угроза, что если они перестанут работать там, где обществу надо, то погибнут сами, что необходима всегда такая непосредственная связь между интересами общества и интересами личности, что если порвать эту связь личной заинтересованности, то неизбежно люди станут воображать, что им больше подходит заниматься искусством, спортом, играми, туризмом и т.д. Этот парень видел, что уравниловка в распределении всегда приносила вред, а т.к. коммунизм – это и есть фактически уравниловка, равное распределение, то он уверен, что попытка ввести или построить коммунистическое распределение ничего, кроме вреда, не принесет.

Дальше. Мы всегда спорим, нужно ли в комсомольской работе принуждение или нет. Жизнь нас убеждает, что без принудительной дисциплины комсомольская работа развалилась бы, что даже на дела, явно нужные самим ребятам (вроде постройки общежития), их надо гнать силком. Но этот парень глубоко убежден, что через 20 лет мы останемся в сущности такими же и что дисциплина, конечно, нужна будет и тогда, а следовательно, нужны будут руководящие органы, которые занимались бы принуждением, т.е. нужно будет государство.

А как насчет контроля за идейной жизнью? Ведь должна быть какая-то цензура, которая различала бы, что плохо, а что хорошо, что полезно, а что вредно, что партийно, а что нет. Ведь иначе пропаганду и печать могут захватить в свои руки бездельники и свернуть честных людей с истинного пути. А цензура может быть только принудительным органом государственного характера. Опять же необходимы руководящие "указания". И много других "неопровержимых"

возражений он мне привел. Другие не говорят так решительно, но они считают, что коммунизм будет возможен только через очень много лет, когда люди перестанут походить на теперешних, что при коммунизме могут жить только идеальные ангелы, но никак не мы. Фактически такое отнесение коммунизма вдаль веков – есть неверие в построение, только нерешительное неверие.

Более того, сама программа, провозглашающая "мы будем жить при коммунизме!", не показывает конкретно, как мы будем к нему переходить. Действительно, программа говорит: к 1980 г.

будет обеспечено изобилие материальных и культурных благ. Советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, т.е. принципа уравниловки. Но т.к. переход к новому принципу распределения будет совершаться постепенно, то предусмотрено, что к 1980 г. советские люди около половины всех благ будут получать бесплатно, т.е. наполовину уже войдут в коммунизм, наполовину перейдут к равному распределению. Но в то же время программа, исходя из опыта партии, призывает укреплять принцип материальной заинтересованности, "контролировать рублем" количество и качество работы, не допускать уравниловки". Значит, с одной стороны, не допускать уравниловки, а с другой – вводить ее в виде бесплатного обслуживания. Опыт показывает, что при нашей системе хозяйства уравниловка – это развал работы, но теория коммунизма говорит, что именно равное распределение – самое прогрессивное, требует его введения. Фраза "в дальнейшем будет все более возрастать значение материальных стимулов к труду" мало что объясняет и не убеждает, что к 1980 г. моральные стимулы будут значить для людей больше, чем материальные. Партия не ставит во всей ее громадности этой проблемы – за оставшиеся нам 20 лет надо в корне изменить психологию людей. Материальные стимулы заменить моральными. Ведь это основная проблема не только партии, а вообще всего этапа построения коммунизма.

Программа же главное внимание уделяет созданию материальной базы и др.

А ребята знают, что если за 40 лет Советской власти психология масс существенно не изменилась, то за 20 лет тем более не изменится, что при таких темпах идейной работы перевоспитание людей закончится только в отдаленном будущем, если только вообще закончится. Отсюда логично – неверие в возможность построения коммунизма. Я верю в эту возможность, верю, что людей можно приучить к нового принципу распределения даже в более короткий срок, чем 20 лет. Но для этого нужно видеть всю грандиозность идейной работы, всю ее трудность, даже невозможность. Надо в корне перестроить стиль идейной работы. Иначе – дело швах. Как изменить – это уже другой вопрос.

Или еще. Программа ставит вопрос об отмирании государства и государственного принуждения, т.к. этого требует теория коммунизма. А с другой стороны, она говорит: возрастает роль и значение Компартии, как руководящей и направляющей силы советского общества. Но ведь каждый из нас не маленький и понимает, что суть и смысл нашей государственной власти – есть партия и ее руководство, что советские органы власти – только декорации для партийного руководства, что мы можем представить себе общество без советов, профсоюзов и прочих приводных ремней, но без партийного руководства – не можем. Если б в одно прекрасное время исчез Верховный Совет, никто б особенно не волновался, может только – кто обрадовался, что исчезла лишняя статья расхода на жалование депутатам. Но если б вдруг исчез ЦК, это была бы полная катастрофа. Поэтому ребята спокойно смотрят на уверение программы об отмирании государства, зная, что партия останется и укрепится. Все останется по-прежнему, старый порядок сохранится, значит можно жить спокойно. Но, конечно, и о ком.самоуправлении и об отмирании государства принуждения говорить смешно – все это фикция, если не утопия.

Товарищи! Я уверен, что действительно наступит такое время, когда отомрет государственная власть, когда отомрет необходимость в руководящей роли партии, когда их заменит полное самоуправление. В нем не будет места руководителям, будет только один руководитель – народ, и, как сказал Сен-Симон, "вместо управления людьми будет только управление вещами". Можно себе представить такое общество, которое одновременно является и руководящим собранием, где обсуждение идет постоянно с помощью газет, где голосование по наиболее важным вопросам проводится с помощью референдумов, более подробно обследуют институты общественного мнения, текущее планирование ведут счетно-решающие машинные станции.

Но переход к такой системе от нашей, где народ не привык особенно думать, полагаясь на указания партии и ее вождей, есть громадный скачок и опять же требует совершенно новой постановки воспитательной работы, чего в программе нет. Надо людей готовить не к тому, чтобы каждый мог быть служащим государственного учреждения или его мелким руководителем, а к тому, чтобы каждый был руководителем страны.

Нельзя так беззаботно относиться к идейно-воспитательной работе. Что, мол, все само собой получится. Иначе, работая над одним, мы можем получить другое. Замечательный французский летчик (хоть и не коммунист) Антуан де Сент-Экзюпери писал: "Хорошо известно, что все в нас противоречиво. Обеспечишь, например, человеку хлеб, чтобы он мог творить, а он засыпает, завоеватель, завоевавший победу, теряет твердость, щедрый, разбогатеет, становится скупцом. Что толку в политических учениях, ставящих себе целью добиться расцвета личности, коль нельзя знать заранее, расцвету какого типа людей они способствуют?". Последний вывод нас не касается. А вот пример из нашей жизни. Кто бы мог подумать, что создание в последнее время относительного жизненного благополучия наших рабочих и интеллигенции и создание относительной

политической свободы после XX съезда приведет к усилению среди молодежи настроений нигилизма, стилижничества, преклонения перед Западом и т. д.? Представляете, как обидно нашему Никите Сергеевичу, что в ответ на все его заботы часть молодежи так нехорошо ведет себя и впадает в скептицизм, но как ни обидно это, оно показывает, что, создавая изобилие, делая добро, надо думать, что из этого получится. Надо нам самим видеть жизнь и думать, как сделать лучше. И к программе надо относиться сознательно. Если ты убедился, что выполнение программы приведет к коммунизму, убеди в этом других. Если сам не понимаешь, требуй, чтобы тебе объяснили, и ищи сам.

А комсомольской организации надо влезать в эти споры – в этом и есть идейная работа.

Приложение 2.

Характеристика группы

Виктор Сокирко поступил в МВТУ им. Баумана в 1956г. на специальность “Сварочное производство” после окончания 10 класса. В школе был секретарём комсомольской организации школы. Летом после окончания школы (*неточность – после 9 класса - Л.Т.*) работал матросом на речном буксире...

В институте шестой год староста группы. Большая работоспособность, умение ценить время и работать в любой обстановке позволяют ему хорошо учиться самому, помогать товарищам, никогда не отказываться от поручений. Очень много читает, много времени уделяет изучению общественно-политических наук.

Активно участвовал в общественной жизни училища. После первого курса добровольно поехал на целину. Вернувшись с целины, переписал все лекции по всем предметам и сдал экзамены без троек и в срок. Второй раз ездил на целину вместе с группой и показал образец трудового героизма. За образцовый труд на целине награждён медалью “За освоение целины”.

После третьего курса попросил дать ему возможность работать в коммуне на строительстве общежития, хотя он москвич и общежитие ему не нужно, а его группа в это время отдыхала. Там его поставили работать в пару с отъявленным лодырем, но Виктор своим личным примером заставил парня относиться к работе так же добросовестно и сознательно, как он.

В группе никогда не говорил громких слов, а все идеи и мысли по улучшению работы отстаивал своим личным примером. Когда он убедился, что одного личного примера недостаточно, он обратился в деканат с принципиальным требованием, чтобы его отметки о непосещении лекций и семинаров не оставались пустым бумагомарением.

С 4-го курса Сокирко пошёл работать на кафедру, т.к. считал, что только в практической работе по специальности, он может стать настоящим инженером. Работая на кафедре, не пропуская занятий, он находил время работать в народной дружине, где был самым дисциплинированным.

Несмотря на большую занятость, активно участвовал во внутренней жизни группы, проводил по поручению агитаторов политинформации о международном положении. Но он видел, что может и должен делать ещё больше для того, чтобы вносить свой вклад в общественную жизнь училища. Поэтому он берётся за организацию совместно с клубом диспута “О времени и о себе”, идея которого – в наше время не должно быть равнодушных к общественной жизни, к задачам нашего общества. Диспут прошёл с большим успехом.

На 5-ом курсе Сокирко расширил свою работу на кафедре, связал её с вопросами кафедры организации производства. Летом как сотрудник кафедры организации производства ездил в командировку в Таганрог, где много и плодотворно работал.

Говоря о Сокирко, нельзя не говорить о его взглядах. Он придерживается мнения, что каждый человек должен иметь своё мировоззрение, своё мнение по всем вопросам и вырабатывать такое мнение – это одно из основных условий сознательного труда на благо общества. Он также считает, что помочь выработать такое мнение должна наша окружающая действительность, наш комсомол.

В последнее время Сокирко допустил очень грубые ошибки, которые привели к явно отрицательным результатам. Ошибки эти заключаются в безответственной подготовке к выступлению с комсомольской трибуны. Группа единодушно осудила, а сам он признал эти ошибки...

К сожалению, на этой фразе закончилась моя перезапись Характеристики. Может, за ней уже следовали подписи комсорга и профорга –Л.Т.

Приложение 3.

Обращение В ЦК КПСС, декабрь 1961 г.

от студента гр.АМ-72 МВГУ им.Баумана Сокирко В.

Уважаемые товарищи!

В начале октября этого года, перед съездом, я послал Вам письмо с критикой Проекта программы КПСС. Конечно, я никак не рассчитывал, что мое письмо будет серьезно учтено как поправка к проекту, а, зная Вашу занятость, даже не просил от Вас ответа. Само же письмо послал из чувства долга, чтобы высший для меня орган мог знать мнение одного из комсомольцев.

Зная всю спорность этих мнений и зная, что в установлении их неправильности могут мне помочь прежде всего те коммунисты, с которыми я встречаюсь в жизни, я пошел с этим же письмом к ним. И в конечном итоге мне удалось понять неправильность выдвинутых мною положений. Об этом я и хочу Вам сообщить. Сейчас я опять пишу из чувства долга, чтобы Вы могли знать, как я думаю сейчас.

Должен сказать, что пересматривать это письмо мне пришлось в очень сложной и трудной обстановке, но, вероятно, только благодаря ей произошел у меня перелом. Дело в том, что я недооценил той резкости и бесшабашной полемичности, с которой было написано письмо, и в котором угадывалось стремление подвергнуть критике многие марксистские истины, я недоучел, что этот несерьезный, дерзкий тон, сама "критика Проекта программы" сразу поставили меня самого в один ряд с многочисленными ревизионистами, столько раз пытавшимися уничтожить марксизм критикой, что все это не может не вызвать у людей чувство враждебности, чувство, что перед тобою не наш советский молодой человек, пусть глубоко заблуждающийся, но наш, а враг, ниспровергающий истину, что этому типу уже нечего доказывать, как нечего доказывать врагу, а его приход

к тебе – только непонятный и хитрый ход. Именно так, вероятно, и подумал зав.кафедрой Истории КПСС П.Н.Патрикеев, к которому я обратился за советом прежде всего. Он связал это письмо с недавним моим неправильным выступлением на факультетской конференции, затрагивающим эти темы, с вопросами, которые я задавал еще раньше, и решил, что перед ним отпетый тип, отказался от беседы со мною, а на училищной конференции рассказал о моем письме как о голосе с чужого берега. Конференция выгнала меня со своего заседания, комитет ВЛКСМ исключил меня из комсомола "за неубежденность в марксизме, за клевету на сов.действительность, за непринципиальное поведение" и поставил перед ректоратом вопрос об отчислении на два года из училища.

Именно эти тяжелые для меня испытания заставили лихорадочно пересматривать свои взгляды, мучительно искать, в чем же были мои ошибки, неправильные методы подхода к жизни. И вот к каким выводам я пришел:

1. Нельзя частные недостатки, которые действительно существуют в жизни, возводить в ранг общих и пытаться объяснить их недостатками нашей теории, всего строя. Именно такой неправильный метод все время приводил меня к неправильным выводам. Пример:

Тот жизненный факт, что некоторые рабочие работают лишь за зарплату, относятся к заводу как к чужому, что некоторые администраторы чувствуют себя хозяевами, чуть ли не царями, привели меня к выводу, что у нас существует госкапитализм, только на основе общ.собственности, и поставленный на службу народу. И вот я выискивал теорию в подтверждение этого вывода. Теперь, после многих разговоров, я увидел, что частные факты еще не вся правда, что, кроме рвачей, есть еще производственные совещания, есть общ.собственность, нет капиталистов, поэтому слово капитализм, пусть государственный, ни в какие ворота не лезет. И нечего выискивать замену хорошему и точному термину "социализм".

Или еще одна грубейшая ошибка на той же почве. Из того факта, что иногда партийные органы подменяют сильно в работе советские органы, я сделал вывод, что сов.органы не нужны, можно обойтись партийными, что партия – истинная власть и т.д. Этим совершенно не учитывалась та огромная работа, которая выполняется советами. Конечно, я вовсе не исходил из убеждения, что партия захватила власть, права народа (как подумали те, кто читал мое письмо), а из той мысли, что партия всегда правильно руководила народом, народ ей доверяет, и потому излишни, мол, какие-то отдельные органы. Но это неправильное мнение, ибо оно говорит о ненужности народного контроля, о ненужности выборов, с помощью которых народ выражает свое доверие партии. Хотя мы и уверены, что партия всегда будет пользоваться доверием народа, но отменять выборы неправильно.

И если я сам никогда не смотрю в бюллетень, зная, что те, кто писал список избираемых – хорошо подумали, и никого не вычеркиваю, то это вовсе не значит, что выборы – простая формальность или, как я Вам писал - "комедия", это только означает, что я не прав, не используя свое право избирателя и т.д.

Еще пример. Я говорил, что фактически колхозы являются госпредприятиями, что общенародная собственность уже создана. Здесь опять неправильное обобщение на основе отдельных фактов чрезмерной опеки колхозов сверху и не учитывается, что колхозам надо еще много расти материально, чтобы дорасти до общенародной собственности. Так же узко взят вопрос о стирании различий между рабочими и крестьянами, в результате – неправильный вывод, что фактически классов у нас нет. И много других примеров.

Нельзя, взяв только отдельные факты, говорить об общем, нельзя говорить о явлении, учитывая только отдельные его стороны. Такой подход к делу приводит к неправде, это главный для меня вывод. Нельзя, услышав

мнение 2-3 человек, думать, что это уже всеобщее мнение и т.д.

2. В вопросах идеологии надо быть гораздо требовательнее к себе, гораздо строже, не допускать мальчишеской бесшабашности, которая может привести к таким вещам, которые ты и не думал, надо быть осторожным, точным в выборе слов, ибо часто получается, что термины ты употребляешь в одном смысле, а общепринятый их смысл – другой. Можно сказать, что половина ошибок моего письма произошла из-за этих недостатков. Вот примеры:

В одном месте я небрежно обронил фразу: "Теоретически совершенно несостоятельная резолюция X съезда против раб.оппозиции сделала свое исторически прогрессивное дело". Эта фраза означала только, что формулировка, отвергающая предложение раб.оппозиции о передаче руководства заводами – профсоюзам, верна по существу, но казалась мне несостоятельной в теоретическом оформлении. Но понять эту фразу можно так, что все резолюции X съезда и главным образом – резолюция о единстве партии – неверны. Как же после этого не ругать себя?! Нельзя так бросаться двусмысленностями!

Еще. Ссылаясь на ленинскую цитату: "Социализм есть государственно-капиталистическая монополия, поставленная на службу народу и постольку переставшая быть капиталистической", я ее сократил так: "Социализм есть госкапитализм, поставленный на службу народу", и на этой основе пошел говорить о нашем госкапитализме и т.д. Но у Ленина конец фразы зачеркивал "капиталистический" в понятии социализма, а в моем огрызке капитализм вдруг стал основным определением социализма. Ясно, к чему привело это, казалось бы, невинное упрощение ленинского определения.

Далее. В сногшибательном утверждении, что партия имеет буржуазную, консервативную сторону, виновато, с одной стороны, отождествление партии и государства, перенесение функции охраны соц.принципа распределения по

труду – на партию, а с другой стороны – опять неправильное обобщение фактов отдельных, когда, действительно, иногда в партии встречаются консерваторы, приверженцы устаревших порядков и методов, даже носители буржуазных пережитков. Путаница, приведшая к нелепости. Еще. Я писал, что сейчас настало время вводить у нас государство Коммуны. Но по сути дела наше государство и есть Коммуна, только, конечно, в других условиях и на более высоком уровне. Опять виновато плохое понимание мною терминов: Коммуна и Сов.государство.

И еще. Место программы: "Еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну" я понимал так, что при сохранении империализма возможно исключение войны из жизни общества, а на самом деле я просто плохо понял это место. Когда мне хорошо объяснили, пропали и мои возражения.

Вообще надо только тогда выносить вопросы, когда действительно с ними хорошо поработал и не можешь разобраться сам, а то у меня получалось так, что стоило выискать какое-то кажущееся противоречие, как я его нес на разрешение. А на проверку это оказывалось пустяком. В моем же письме к вам, написанном к тому же в большой спешке, этого очень много. Нельзя поддаваться духу полемичности, отрицания установленных вещей, который привел к грубости и критиканству. Ведь сейчас я не могу назвать иначе такие слова в моем письме, как "критика", "комедия", фраза о пухлости программы и пр. За это можно только извиниться.

3. Когда выдвигаешь свои положения, надо учитывать, что они должны соответствовать времени, конкретной обстановке, в которой мы живем. Нельзя представлять себе идеализированных условий, которые могут воспринять любое теоретическое построение. Я в этом отношении очень грешил. Вот примеры.

Два года назад я никак не мог понять, почему должны существовать разные уровни зарплаты, как это может

соответствовать справедливости. Только постепенно я понял, что сейчас просто не время вводить полностью справедливый принцип распределения продуктов, что эти условия наступят только при коммунизме, а сейчас должно быть неравное распределение – по количеству и качеству труда.

Далее. В письме я высказывал то мнение, что людей очень трудно перевоспитать в духе коммунистического принципа распределения только по потребностям и работе по способностям, что надо немедленно улучшать эту работу перевоспитания и предлагал даже такой искусственный план, когда постепенно люди самоограничивались бы определенным минимумом зарплаты, а работали бы по способностям.

Сейчас я понял, что задача воспитания бессеребренников, людей, не имеющих материальной заинтересованности в труде, несвоевременна и не нужна.

Когда мы достигнем изобилия, сама материальная база поможет массе людей перенести тяжесть своих интересов с материальных стимулов к труду на моральные. И чем ближе мы будем к изобилию, тем быстрее будет идти и это перевоспитание масс. Так что фраза "за сорок лет массы в этом деле не перевоспитались, так за 20 тем более не перевоспитаются" – в корне неправильна и ложна.

Я говорил, что для улучшения идеологической работы надо отказаться от принципа однопартийности, разрешить высказывать в печати всякие мнения, даже неправильные и не партийные, мол, вокруг них можно спорить и на этом воспитывать людей. Но я не принял во внимание сегодняшнюю обстановку, что невозможно сейчас с пользой провести этот принцип, что существует капиталистическое окружение и идеологическая борьба с ним, что это дело дало бы оружие врагам в руки, что вместо идейного воспитания в духе коммунизма может легко получиться клуб Петефи (Венгрия, 1956) и т.д. Конечно, нельзя отказываться от диспутов, но только их надо проводить так, чтобы была польза делу коммунизма, делу партии, а не вред. У меня же был

абсолютный подход к этому вопросу, и это самое глубокое мое заблуждение.

Я писал, что однопартийная система – почва для развития культа личности. Та же ошибка. Конечно, обычно культ личности существовал при однопартийной системе (Гитлер, Насер, Тито и т.д.), но отсюда вовсе не следует абсолютный вывод, что при однопартийной системе обязателен культ личности. Партия во время Ленина – тому пример, наша партия сейчас – тому пример. При наличии крепкой связи партии с народом, при коллективном руководстве партии и т.д. культу личности будет поставлен надежный барьер. У меня же невольно получалось, что без отмены однопартийности нельзя избавиться от угрозы культа личности, что неверно.

Вот основные примеры моих ошибок. Перечислять их все – долго и потому не имеет смысла. Конечно, и тогда первое это письмо к Вам не было выражением всех основных моих взглядов, оно только выражало все мои сомнения и вопросы, но совсем не говорило о том, что почти во всех основных вопросах нашей теории и политики я твердо стоял и стою на правильных партийных позициях. Неправильно судить о моем политическом лице только на основании этого письма и моих вопросов.

Конечно, теперь я жалею, что писал Вам первое письмо и, может, тем только помешал Вашей работе, отняв время. А себе я повредил очень здорово. Но есть здесь положительная сторона и, возможно, она перевешивает все другие. Ведь в этом интенсивном размышлении я разрешил для себя все основные вопросы, несогласия с партийной линией, какие у меня были. Сейчас я впервые чувствую себя полностью убежденным, полностью слитым с партийными взглядами, без всяких вопросов, как никогда чувствую свою близость к коммунизму.

Но, как это ни парадоксально, именно сейчас я исключен из комсомола, как чуждый элемент. Именно сейчас. С этим я не могу согласиться и подал апелляцию в

Первомайский райком ВЛКСМ г. Москвы. Уважаемые товарищи! Я приложил к этому письму копию апелляции. Прошу Вас, выскажите свое отношение к этому, действительно ли нельзя меня держать в комсомоле за такую неубежденность, которая сейчас уже преодолена, за эти ошибки. Очень прошу ответить.

Ответ из МГК ВЛКСМ, 10.01.1962 г.

ЦК КПСС направил нам Ваше письмо, в котором Вы просите высказать мнение о возможности Вашего пребывания в комсомоле в настоящий момент.

Мы считаем, что человек, проявивший неубежденность и неправильное понимание основных вопросов политики Коммунистической партии Советского Союза не может находиться в рядах ВЛКСМ, поскольку член ВЛКСМ обязан быть активным бойцом за претворение в жизнь политики Коммунистической партии Советского Союза.

В настоящий момент Вам необходимо на деле доказать убежденность в правильности политики нашей партии и основных вопросах марксистско-ленинской теории.

Зав. отделом студенческой молодежи МГК ВЛКСМ (Ю.Росляков)

Приложение 4.

Сценарий диафильма "Хибины" (1967 год)

1 Хибины - один из доступных уголков Заполярья. Апатиты сделали эти горы обжитыми для нашей промышленности, а железная дорога позволяет легко добираться сюда туристам.

2 Хибины! Для Туристов это легендарный край горной тундры, ослепительного снега и корявых сосен, гранитных глыб и северного сияния, край знаменитой на полутона северной природы.

3 Желание побывать там появилось у нас давно, еще в институте. Зимой 1961-62гг. спортклуб МВТУ проводил туристские сборы в Карелии и Хибинах в пору зимних каникул.

4 Мы были одной из групп, шедших по Карелии и прошли впятером около ста км от Кеми до Беломорска.

5 Вьется дорога то заснеженным озерам, вдоль порожистых рек, то таежным лесом...

6-11 (Песня "Снегом запорошен маленький вокзал...")

12 Путь к этой деревянной церкви, уединенной на одном из островов большого озера, указали нам в деревне Ушково. Она до сих пор является святыней для местных жителей.

13 Под иконами лежат деньги монетами и рублями, по углам висят разноцветные куски тканей. Все эти

жертвоприношения лежат здесь никем не тронутые.

Удивительная страна Карелия, удивителен Север, который до сих пор сохранил чистоту и суровость нравов.

14- (Песня "В ночь эту лунную снова и снова

20 Тянет меня посмотреть на тайгу.")

21-33 (Песня "Полярный вальс")

А в Хибины мы попали только 4 года спустя. Кажется
невозможным хоть разок не съездить сюда и быть
обреченным только на слушание рассказов о далеком
34 горном Заполярье и досадовать на заедающую тебя
"текучку"... Потому и решились мы уехать поездом
"Москва-Мурманск" на мартовские праздники, добыв,
правдами и неправдами по пять отгулов.

Нашим проводником и руководителем был Коля. Без него
вся эта затея была бы невыполнимой. Только огромная любовь
к этому краю могла толкнуть Колю, который бы был здесь
35 уже пять раз, пойти в шестой раз с новичками. Ни
ориентироваться в этих хребтах, ни выбрать путь для
лыжни, ни поставить палатку в снегу и развести зимний
костер мы без Коли не смогли бы.

Хибины для Коли - как любимая, на свидание с которой
36 времени совсем не жалко. Такую власть приобретают эти
места над чуткими к красоте людьми.

37- (Песня "Мне говорят, какой резон

41 В твоих палатках на снегу?")

На первом же перевале Кукисвимчорре нас прихватила
42 пурга, порывистый ветер и заметы на лыжне измотали нас.
Группа растянулась, заставляя Колю метаться между
передними, указывая путь, и отставшими, помогая им идти.

В первый же день Хибины показали свои когти... Холодная
43 избушка под перевалом показалась нам райским местом,
надежным убежищем от пурги. Первой опасности мы
избежали...

44 А через день мы поднимались в ущелье Ложного

Петрелиуса, где 4 года назад погибли четыре бауманца -
замерзли в пургу...

45-49 (Песня "Третий день пляшут метели...")

Но до перевальных скал мы дойти не успели, т.к. начался
такой бешеный порывистый ветер, что временами идти было
50 невозможно, как будто Хибины сердились за новое
непрощенное вторжение. И вот Коля кричит: "Хватит,
возвращаемся"...

51 - Не надо, Хибины! Перестаньте злиться. Мы уважаем и
остерегаемся вас, не лезем на рожон, умеем отступать!"

И горы, словно слышат наши мысли, перестают хмуриться,
52 освобождаются от снежной пыли и ветров свои склоны,
искрящиеся голубизной на солнце.

Два раза мы ночевали на геологической базе, которая стоит
53 в центре Хибинской долины. Когда-то все эти горы
принадлежали всего лишь одной семье лопарей,
перегоняющих

с места на место своих оленей, а теперь здесь хозяйничают
54 геологи, расширяющие апатитовые запасы для Кировского
комбината.

55 И пустые избы, в которых мы ночевали,

56- и причудливо обмерзшие голубым льдом, под деда Мороза,

59 буровые - все это их хозяйство...

Мы пробыли в Хибинах 8 дней, но за это время увидели их
60 пасмурными и выюжными, радостными и солнечными, как
сейчас.

61 У нас было 9 перевалов. Кукисвимчорр, Сев. Росчорр, Умбо-
озерийский и Чургорр мы прошли с рюкзаками,

62 А на перевалы Петрелиус (названного так по имени финна

первоисследователя Хибин), Сев. и Южный, Протамчорры мы делали выходы без рюкзаков. И только от Ложного Петрелиуса и Южного Росчорра пришлось отступить. На первом нас прихватила непогода, а на втором было так...

...Вот мы стоим перед перевальным довольно крутым склоном. Глядя на эти сплошные снежные простыни, Коля
63 нервничает. Из опыта ему известно, что снежное
спокойствие ровных склонов обманчиво: при движении по
ним снежный пласт может поползти вниз и вызвать лавину.
Может повернуть назад? Ведь он побывал уже раз в лавине
64 и знает, чем она грозит... Но как обидно отступить. Дойти до
перевала и не взобраться на него, когда - вот он - рукой
подать и так не страшен с виду.

И все же Коля решается: оставляем лыжи внизу, на перевале
65 идем пешком, склону в лоб, дабы лыжным серпантином не
подрезать пласт. Ботинками выбиваем ступени и
поднимаемся вверх, к чернеющим камням перевала.

Но вот передний останавливается: покров снега
уменьшается и под ногой снежные ступени начинают ползти
вниз - под ним - лед. Коля мучительно колеблется. Его
66 можно понять: вся ответственность за наши жизни на нем, а
в то же время как обидно не дойти до перевала каких-нибудь
50 м. И когда я торопливо пытаюсь выйти вбок, чтобы
обогнуть проклятое место, подрезая тем самым склон, Коля
решается. "Назад!" - кричит он.

-Ну что поделаешь? - Сползаем вниз. Конечно, Коля прав и в
67 глубине души я даже благодарен ему за принятое решение.
И все же ощущение досады не расходится...

68 Последний взгляд на неподдавшийся гребень и длинный
пологий спуск вниз домой, к базе геологов...И совсем не

страшно, что нас встречают ледяные стены ветхой избушки. Час работы с топором и пилой, и уже можно раздеться до рубашки и за горячим чаем, порассуждать о разных разностях, послушать песню...

69-77 (Песня Якушевой "Синие сугробы")

Хибины - самая высокая точка Кольского полуострова.

78 Отсюда хорошо видны и Мончегорская тундра и озеро Имандра, и Ловозерийская Лапландия.

На Ловозере стоит поселок Ревда - столица оленеводов - лопарей - исконных жителей этих мест. Коля имеет среди
79 них хороших знакомых и пересказал нам интересную лопарскую легенду о происхождении

вот этого местного камня - гранита с красными каплями.

Когда-то на лопарей напали великаны-людоеды. Долго шла
80 великая битва, много пролилось лопарской крови, обогрив все Хибинские горы и с той поры черный хибинский гранит хранит в себе лопарскую кровь.

Мы не успели попасть в Ревду, но пообещали приехать сюда
81 еще раз, может, летом. А сейчас остановились на ночевку перед Умбозером, поставив палатку уже при свете луны.

82-85 (Песня "Желтый цыпленок")

Наш поход кончился 6 марта. Поздним вечером мы подошли к ж.д. станции "Имандра". Прощайте, Хибины! Спасибо Вам
86 зато, что Вы есть на свете, что Вы так близки от дороги и доступны каждому из нас. Спасибо, что показали нам, пусть немного, далекий Север, с его красотой и суровостью, о котором мы так много слышали, но ни разу до сих пор не видели.

87 До свидания Север, до новой встречи!!! (Песня "Люди идут по свету...)

Фильм никому не нравился.Обойти эту неудачу без разбора я не хочу. Ведь это не только личная неудача, но и провал всего "туристского" направления. Ведь что предполагалось заранее? - Мол, если хорошие люди будут рассказывать о своей жизни, о самом значительном и интересном в ней, то у окружающих будет возникать вкус к хорошему, а мораль - укрепляться... Ну, а что может быть интереснее в нашей жизни отпусковых походов?

Эта иллюзия присуща многим. Отсюда такая масса рассказов и фильмов о летних отпусках, об испытанной экскурсионной экзотике. Теперь, после "Хибин" и любительских фильмов своих знакомых я убедился: это скучно. Интересно самому испытывать экзотику - грустно слушать чужие рассказы-похвальбу. Упоение рассказчика, как единственного знатока и очевидца, как счастливого монополиста на действительные впечатления, чаще даже раздражает, как раздражает любое проявление чужого превосходства. Возникновение же чувства оскорбленного равенства очень опасно для общения. Мы это испытали на собственной шкуре! Но причины своих неудач поняли далеко не сразу.

Что касается "Хибин", то другой важной причиной неудачи была спешка. Сценарий я написал очень быстро, объединив с цветными хибинскими слайдами черно-белые кадры карельского лыжного похода пятилеткой давности. Потом, договорившись со Славой, заперся на вечер в комитете ВЛКСМ завода и с грехом пополам записал текст вперемежку с туристскими песнями. Однако запись была столь неудачной, речь моя - столь невнятной, что все пришлось переписывать с участием Лили (с тех пор она стала основным чтецом).

И наконец, сами слайды были неряшливо заклеены в самодельные картонные рамки. Это был мой первый (и неудачный) опыт. В продаже картонных рамок для слайдов еще не было, и мне приходилось вырезать их самому из картона, действуя ножницами и бритвенным лезвием, а потом склеивать. Получалось криво и грязно. Потом у моих друзей

появился самодельный штамп и дело улучшилось: я сидел после работы дома и колотил по нему молотком, выбивая за два удара половинку рамки. Колотил, пока соседи на два этажа ниже не взбунтовались. Тогда приспособился действовать большими плоскогубцами, сжимая ими штамп в несколько приемов. Занимался этим даже на работе, тихо похрустывая штампом под столом... Так продолжалось довольно долго, вплоть до появления в продаже фабричных картонных рамок. Вот когда я вздохнул с облегчением: "Наконец-то. Да здравствует советская промышленность!"

Удачи - гибельны, поражения - благодетельны. Мы много извлекли уроков из этой неудачи. Больше никогда не использовали столь широко туристские песни. Ведь каждая из них - законченное смысловое целое и их почти невозможно объединить единой сценарной связью. Песню можно иллюстрировать кадрами, но обычно содержание кадра противоречит, огрубляет смысл песенных слов. Нет, в диафильме можно использовать только многозначную музыку. Пришлось быть требовательней к себе и при оформлении кадров, и при записи, а главное - мы отказались на будущее от чисто туристских бессодержательных фильмов. И за это "Хибинам" спасибо. Вместо чистой демонстрации увиденной экзотики и невольной этим похвальбы, мы теперь накладываем на природу совсем иные темы - сожаление об уходящей молодости и силах ("Фанские горы), ярость в преодолении путевых трудностей и бессилие перед охлаждением к нам друзей ("Кожа"), отношения жизни и смерти в альпинизме ("Джан-туган") и т.д. И чем меньше в фильме оставалось туристского чванства, чем больше мы занимались разбором собственных проблем, тем лучше он воспринимался зрителями.

Парадоксальный вывод: чем больше стараешься для зрителя, расписывая увиденные красоты, "выпендриваешься" - тем хуже тебя слушают. Но когда о зрителе забываешь, когда занимаешься интересным себе познанием и самопознанием - тогда это становится интересным и твоим друзьям...

Приложение 5.

Саяны. Лето 1963 г.

Анатолий Жилин

Это – не настоящая книжка, это дубликат, восстановленный мною почти через год с использованием записей Цепелева и личной памяти. Я не мог, конечно, вспомнить все. Многие детали стерлись, о чем очень сожалею. Необходимость в дубликате появилась, когда настоящая книжка оказалась потерянной Сотниковой, которой дадена была для чтения. Очень жаль!!! Мне не хотелось бы, чтобы я забыл о Саянах, поэтому пишу снова.

«Всюду был лес, огромный и пугающий,
он скрыл небо и остальной мир»
А. Фадлер. «Канада, пахнущая смолой»

29.6-1.7.63 Москва-Ачинск.

Весь прошедший год в памяти отчетливо жили картины Алтая. Был сделан большой и очень содержательный поход. И всегда человеку мало. Мне тоже. Хотелось еще грандиозного мероприятия. Теперь меня манило слово «Саяны». Как-то там?! Что там?! Одно точно - здорово!

Стал думать. Еще зимой содрал карту в турклубе. Имел беседу с Цепелевым. Хотел предупредить все возможные психологические инциденты. Очень неопределенно поговорили с Антоновым. Вроде мысль появилась - бывшую связь походную восстановить, т.е. триумвират: Антонов, Жилин, Цепелев.

Но чем ближе дело шло к лету, тем неопределеннее становились наши отпуска. Ох, уж это рабство! Цепелев закинул якорь в альплагерь и получил путевку в зубы.

Антонов безвылазно сидел в командировке в Феодосии. Что-то не получается ни черта!

Май, июнь беспрерывно почти болтаюсь в Коврове - тоже в командировке. Но вот где-то в районе 20.6 появилась возможность получить отпуск тут же. Крупно беседую с Цепелевым и, о чудо! Он почти согласен закинуть альплагерь и двинуть в Саяны. А ведь что стоило это его самолюбию! Член бюро альпсекции МВТУ, всеми признаваемый альпинист уже второй год не едет в горы!

Итак, ядро вроде будет, Цепелев и я. Кто с нами?!

Времени осталась неделя. В голове многочисленные комбинации с людьми, продуктами и вообще! Это уже не та спокойная (сравнительно) и планомерная подготовка, как в прошлом году. Рвусь на части!

Так кто же с нами?! Давно просился Сокирко Витя. Ни разу, правда не был в серьезном походе, но очень хочет, наслышался от Лили про Алтай.

Значит, вроде бы, Цепелев, Сокирко и я. Так, так.

Где взять палатку? О, она есть у Быкова. Слышал о таком. Сейчас работает со Славкой. Был на Памире и вообще. Отличный фотограф и с собственной палаткой. Взяли. Надо будет только ему сказать. Вроде пожелание ранее высказывал.

Где же девушки?!

Здесь намного хуже. Вроде надо брать Бойкову и Галину. Очень уж просились. Но это уже б! Не могу я, черт возьми, отказывать. Говорю и так, и эдак, а получается, что согласен. В общем, обе были обнадежены в какой-то мере, а взять надо одну только. Собрались с Быковым и придумали взять Галкину. Антонине сказать сам не решился. Говорил Цепелев.

Некрасиво получилось, опять эта психология! Черт бы ее побрал!

Беготня за продуктами, шмотками!

И среди всего этого надо еще ходить на работу!

Совершенно изнуренный сел в поезд.

НАС ПЯТЕРО!

1.Жилин А.- опять вроде «начальник», хотя официально не провозглашался, «фотограф».

2.Цепелев С.-«проводник», «рабочая сила»

3.Быков Б.- «фотограф».

4.Сокирко В.- «марксист», идейное начало

5.Галкина В. –«благородное начало».

Мы сели в поезд!

Не может быть. Но нас даже провожают. Смеются. Лиля, Люда, Галя, Соколов, Галкин. Но им грустно! Я их понимаю. Всегда очень грустно, когда другие уезжают, тем более в САЯНЫ. Пока для нас это загадочная страна, где ждет нас... Впрочем, об этом потом.

В дороге все обычно и противно. Словом, общий вагон.

«В поезде душном лежат туши,

Разинув рты, просят воды...»

(см. мои сочинения).

Наковырял, в общем, вирши какие-то, пока ехали. Вот и Ачинск. Здесь нам пересадка. Грязнейший и противнейший провинциальный городишко. Бывает же! Начались приключения. Оставили сетку на заборе, но, к счастью, нашли ее там же. Вечером совершили отличную прогулку на р.Чулым. Берег крутой, закат красивейший. Первые транспортные неувязочки. Масло из банки расплзается.

3.7.63. Ачинск-Абакан (на поезде из Красноярска)

Абакан – Журавлево (по строящейся дороге Абакан-Тайшет).

В Абакане не задержались совсем, перешли лишь с одного вокзала на другой вокзальчик, уместившийся в вагончике дореволюционного времени. Здесь начинается трасса Абакан-Тайшет. Звучит здорово, но картина совсем не привлекательная. Билеты стоят дорого. Сбор за страховку. Надо же! Трасса пока экспериментальная. По дороге отличные

виды. Сначала Енисей, потом Казыр, Кизир. Удивительно красивые реки среди зеленого царства тайги.

Поздно-поздно вечером приехали в Журавлево. Потыркались немного и устроили палатку в придорожном кустарнике. Завтра разберемся!

4.7.63

Вроде начало основной нашей части. Перед нами – Кизир! Могучий, красивый и непонятный Кизир. К его истокам мы должны пробраться. По предварительным расчетам и алтайским замашкам это должно было у нас занять неделю. Для начала переехали на пароме на ту сторону. Походили по домам, поузнавали. Тропы и в помине нет. Вернулись на другой берег и подъехали на машине небольшой кусочек до места Зимовье. Отсюда, говорят, возят на моторных лодках вверх по течению до 1-го порога. Где-то по пути поселок геологов. Туда регулярно совершаются рейсы. Пока все ясно. Только вверх по течению. Ведь до Грандиозного пика- цели нашей, рукой подать.

Кинули шмотки на берегу. Дивная красота! Какие берега, какая вода! Сто тысяч чертей! Ищем пароход. Что-то плохо получается. Местные бизнесмены куда-то подевались. Геологические посудины сегодня не пойдут. Наконец, нашли одного проворотчика, затребовавшего по 5р. Это местный ГОСТ до 1-го порога. Тут не попрешь. Надо соглашаться. Все же это солидный кусок. Ехать 4 часа. Выделены два парохода. На одном сам хозяин, на другом - его сын. С хозяином - Вика, Витя и я. Славка с Борисом - там. Вот и едем. До чего же здорово. Чудеснейшая погода и краски представлены во всем своем блеске. Дремучие и беспредельные леса, убегающие во все стороны сопки и красивый Кизир. Моторы ревут, подминая под себя волны Кизира. Бесподобно! Много кадров сделано. Как в настоящем сказочном мире! И все раскрывается перед тобой безо всякого труда. Сидишь, как буржуй, и только головой вертишь.

Вот и поселок геологов. Городок среди тайги. Интересная картинка. Проскакиваем мимо. До самого 1-ого

порога. Вот он! Широкое разводье перед водопадом. Масса рыбаков. Из поселка, в основном. На берегу лежит громадный таймень, вытасненный только что одним из них. Ну и рыбка! Глаза разгораются. В мечтах начинаешь ловить только таких рыб. Что-то ждет нас наверху?! Может, и мы порыбачим...

Чуть выше за порогом есть избушка - нам рассказали об этом. Решаем идти туда. На берегу над порогом - белый памятник, здесь погибли совсем недавно. Вообще здесь много трагедий было.

Комары донимают. Видимо, сурово нам придется. До чего же сволочные твари!

Избушка - сплошная романтика. Таежная! Внутри - нары, что-то вроде печки, на столе спички, соль, свечи. Топор есть, словом, все условия для пижонства. Если бы, конечно, не комары. Настоящее бедствие. И это-то в самом начале! Вытряхнули с удовольствием все свои шмотки из рюкзаков. Великая пересортировка перед серьезной пешей частью.

Неожиданно встала проблема посуды. Захватили мы с собой банки из-под конфитюра и из-под килек. Вторая - широкая, неудобная, опрокидывается все время. А в первой образовалась дырочка. Внизу! Вот проклятие! Пробуем заклепывать. Ничего не получается. Еще хуже. Чем дальше, чем отвратительнее настроение.

Виктор принимает неожиданное решение идти в поселок к геологам. Это около 6 км назад. Как-то уж так получилось, что ушел он один. До сих пор не могу себе этого простить. Ушел, на ночь глядя. Есть тропа, конечно. Сварили с горем пополам какой-то каши. Парни залегли. Сижу у костра, жду Виктора. Со мной дядя-рыбак, пришел к нам на огонек. Беседы разные ведем. О местных порядках в тайге. И о том, зачем нужна дорога Абакан-Тайшет. Витьки нет. Уже поздно довольно. Дядя пожалел, что идем мы невесть куда: «Уж очень это далеко!»

Только прилег - ломится кто-то сквозь кусты. Слава Богу, пришел. Уставший как черт, измученное лицо. Со злобой бросил на землю ведро - наше спасение и с

остервенением набросился на оставленную и теперь холодную кашу.

Молодчина, конечно. Но почему же один? Он как-то сказал и ушел, парни не успели даже подумать. Теперь это дело прошлое.

Какие еще приключения нас ожидают? Ведь это только начало.

Завалились дрыхать. Под ухом пищат комары. Хлоп по морде, себе, конечно. Снова противный писк. И так все время. Черт бы их всех побрал. Это в закрытой – то избе. В углу шевелится крыса, наверное. Первая ночевка в тайге! Шумит Кизир, убаюкал все же.

5.7.63.

Ну, что ж! Пошли! Дядя-рыбак уже ушел. Собирались не очень вроде долго. Мимо прошли дяди и тети. Отправились на далекое Черное озеро. Рыбачить. Вот жизнь – то!

Сначала вроде тропа, потом камни, заросли и вообще черт знает что. Поначалу казалось, что вот-вот все это кончится и начнется асфальтовая дорога. Но ее почему-то не было и не было. Были заросли, буреломы. Рюкзаки еще целенькие. Тяжело. Пот льет. Это хорошо. «Лишнее сходит», - внушаю себе. Как-то с самого начала получилось, что стали мы прижиматься к берегу Кизира. И стоило немного уйти в сторону, как закрадывались сомнения, как бы не запороться. Снова возвращаемся на шум Кизира. А там то обрывистые берега, то совершеннейший хаос из поваленных деревьев и камней. В самом прямом смысле корячимся, тяжеленная работа! Вверх, вниз, снова вверх. Несколько сот метров по берегу, потом снова вверх, т.к. впереди отвес прямо в виду. Настроение пока не падает. На каждом привальчике усиленно моемся, смывая соль и грязь. Спины на рюкзаках совершенно мокрые.

Свалившись, наконец, с большого взлета к реке, забиваем ночевку. Вид впечатляющий. Каменный мешок, ревет Кизир. Бесподобны закатные краски. Туман над рекой. Нет, стоило все же ломиться так целый день, чтобы увидеть

всё это! Прямо на камни ставим палатку. Предварительно свалили ель для лапника и чуть не раздавили фотон Быкова. Надо попробовать половить рыбку. Славка наладил что-то. Закидывает упорно. Пару выловил. Но совсем не тех, коих рисовали мы в своих мечтах. С палец. Ну, немного побольше. Пробую и я. Три штуки. Мяса мало, но удовольствие огромное. Куда девать рыбу? Устроили жарку! Здорово!

Чем темнее, тем суровее окружающие картинки. Кому-то надо спать на улице, в мешке. По жребию - мне. Это очень хороший мешок. Пух. Темно там ужасно. Залез. Надвигающаяся темнота страшит. Пробую заснуть. Где-то в середине ночи пошел дождь. Чтоб ему! Потерпел малость и залез головой в палатку к ребятам, ноги снаружи. Разве ж это спанье, мученье сплошное! Но что делать?! Группа не по ГОСТу.

6.7-7.7.63

Перекупался Борис все же вчера. Простудился, гад. Сопли потекли, и вообще хуже стало. Это уж совсем ни к чему. Где-то через пару часиков дошли до перекатов, по местному называются «шивера». Когда уходили от 1-ого порога, нам говорили о них. На той стороне трое рыбаков. Пытаюсь перекричать Кизир и выяснить, как называется это место. Наконец, выяснили, что это «второй» порог. Это уже хорошо. Значит, двигаемся! Как же легко мы приняли желаемое за действительное! Все эти длительные часовые рыдания приравняли к прогулке по тропе с 4 км/час. Вот и оказались за один день у «второго» порога. Мы ошиблись, но поняли это лишь намного позднее. По берегу алеют бесподобные азиатские купальницы. До чего же красивые цветы!

Борису все хуже. Разгружаем малость его. Сопли его одолели совсем.

Берег совершенно отвратительный. Сплошные рыдания. Лазание по диким кручам, переползание на животе, ноги вечно в воде - в общем, черт знает что и рюкзак в придачу. До чего же он мешает! А еще донимают комары.

Отвратительнейшие создания. Роем выются около головы, кусают в самых недосягаемых местах. Причем лезешь где-нибудь по стеночке, держишься еле-еле, а тут комар как вопьется! Ругаешься про себя страшными словами. Звереешь понемногу.

Парни устали здорово. Вите тяжело. Борису плохо. Тайга- это, конечно, не курорт. Славка впереди. Молодец, конечно, но тоже устает. Вика худеет на глазах. Это ковыряние без просвета надоело уже. А ведь это только начало! Начало! Сколько еще впереди! Вот залезли в какие-то кустарниковые дебри. Ушел в сторону. Увидел далеко впереди косу песчаную вроде. На полной скорости двинул. Остервенело ломаю сучья и ругаюсь. Пот льёт ручьями. Со стороны, наверное, отличная картинка. Вот и коса. Камешки мелкие на берегу Кизира. Может, и дальше так будет, вот бы здорово! Скидываешь рюкзак, как кандалы. Облегчение страшное, кажется, лететь можешь. Парни сзади. Далеко даже. Пошел навстречу, как бы мне это не хотелось. Борису совсем плохо. Взял рюкзак у него. Снова ломлюсь через заросли к косе. Отдых! Здесь будет отдых! С наслаждением стаскиваю протухшие носки; ноги ненормально белые от пребывания в воде. Рубашка совершенно мокрая от пота. Быков ложится. Явная простуда. Проклятье - не вовремя заболел. Небольшой закусон. Колбаска, чернослив. Любимое мое занятие - пью соленую воду, отлично помогает, когда обессиливаешь совсем! Усталость на лицах, молчаливое жевание. И это к четвертому дню! Всего лишь! Как хорошо отдыхать, а надо идти дальше. Начав с косы, бодро зашагали по ней, как по шоссе. Но недолго длилась наша радость. Снова чащоба, снова мучение.

8.7.63.

Ночью дождь. Это стало обычным уже. Утром препротивное хождение по мокрой траве. По пояс в воде. Ну и удовольствие! Где-то к середине дня ощутимый шум впереди услышали. Может, порог. Ломимся, ломимся. И вот картина- чудо! Словно из фильма об африканских джунглях.

Раздвигаем ветви. Внизу бушует Кизир. Порог. Посреди русла наворочены камни и вода бессильна сдвинуть их. Вдали видны горы. Вода голубая, белая, зеленая. Желтый песочек на берегу. Ба! Сваливаемся, не забывая, однако, об интересных кадрах. Редкая картина. Итак, это, по нашим расчетам - «третий порог». Значит, двигаемся все же! Трудно, но двигаемся! Конечно, за неделю до Грандиозного мы не доберемся. Но если даже за 10 дней, то все равно успеем слазить на него. Обязательно успеем. Настроение поднимается, хотя все чертовски устали.

Умывание, подмывание! До чего же здорово! Кусочек чуда посреди тайги! Насладившись вдоволь обзором сей местности, пошли дальше.

О! Здесь, кажется, избушка. Люди покинули ее. Долго, видимо, здесь жили. Истоптано вокруг прилично. А от избы вверх по течению отличная тропища. Ну, и обрадовались же мы! Может, конец нашим ползаниям. Час - тропа не кончается, два - тропа не кончается. Так-то можно много километров понаделать. Нет, не так уж нам и не везет!

Но! Но тропа кончилась! Ищем, ищем - нет тропы. Пропала как-то совершенно незаметно. Проклятая! Что же, пойдем без тропы!

Снова постигаем все прелести тайги, от Кизира далеко не уходим. Смысла нет. Там в горах намного хуже будет. Это уж точно. Здесь пока просто плохо, иногда прескверно. Борис, может, и подлечится. Пока усиленно глотает пилюли и беспрерывно утирает соплю. Фотон отдал Цепелеву, и тот выступает в необычной для себя роли.

Пора бы и поискать что-нибудь в смысле ночевочки. Но место совершенно неподходящее. Ровного нет ничего. Кажется все, что за тем поворотом обязательно будет. Ан нет! И так от поворота до поворота. И еще очень кажется, что вот-вот увидим Грандиозный. А его все нет и нет! Нашли все же небольшую площадку у самой реки. Кругом глухомань страшная. Лес сырой с массой наваленных полусгнивших деревьев. Однако устроились вроде неплохо. Закат на Кизире!

Не устаем говорить ох и ах. На том берегу вдали выделяется гора в виде пирамиды. Это «Пирамида», пожалуй. Спорили долго. И все же это она – так мы решили. Вроде определились по карте, а то не знали, где мы находимся. Уж завтра мы обязательно увидим пик! О! Как же мы ошибались!

9.7.63.

Снова рыдания и мучения! И вот! И вот мы увидели пик! Это он! Справа поднималась громада со снегом наверху. Неужели это- пик! Это же очень здорово. Бежать стало немного веселее. Хотя, что значит бежать в тайге - в этом небывалом хаосе!

Все ближе и ближе пик. Нам очень хотелось, чтобы это было так, и мы сбрасывали со счетов всякие несоответствия с картой, в смысле притоков справа и слева. Подумаешь, карта врет. Пик–то, вот же он! Ну, докажите, что это не он! Доказывать было некому, и мы ломались на крыльях надежды. Однако сегодня нам не суждено было дойти до его подножия. Кое-где попадались следы пребывания человека. Но разве же это то, что должно быть около Грандиозного? Там же сотни за лето бывают. Однако снова не верим своим сомнениям, гоним их прочь. Тем горше было последующее раскаяние.

10.07.63.

Сегодня осталось немного дойти. Рубка, ломка, бесконечная борьба с комарами, этими пикирующими тварями. И сбор клещей. На каждой остановке внимательно обыскиваемся на предмет клещей. Залезают, сволочи, прямо с головой в тело. Вытаскиваешь его - и в баночку. Заимел я специальную баночку, куда стал собирать их. Интересно, сколько их будет к концу?

Где-то в середине дня вышли к речке. Ну, конечно, это Ледниковая. Она вытекает прямо из-под пика, Троп, однако, нет нигде.

Странно, однако, По речке сваливаемся к Кизиру. О чудо! До чего же здорово! Целый огромный пляж из приятного жёлтого песка. Хорошо–то как! Простор

необыкновенный! Мы посередине огромного ущелья, Прямо на пляже ставим палатку. Вид очень живописный. Много кадров. Солнце палит. Вытащили все шмотки, многое уже полустухло. Колбаса пахнет. Зря мы ее в целлофан завернули. Разложили.

А ведь без неё совсем пропадём. Единственное мясо.

Моемся, купаемся в Кизире. Весьма приятственное занятие, не спеша, с расстановкой, готовим жратву. Нравоучительствуем над Витькой, ибо совершил он недисциплинированность - ушел в тайгу и не сказал никому. Долго его не было. Разве ж это дело?! Такие штуки к добру не приводят.

К вечеру собрался дождик, Витька завернулся в мешок и накрылся целлофаном, на улице дрыхнет.

Чем темнее, тем сильнее дождь. Вот и молнии. Все грохочет, свистит, шумит кругом. Кизир, ветер, тайга. Прямо над головой сверкают молнии. Впечатление страшного хаоса в этой просторной долине, в которой маленькой точкой белеет наша палатка – наш дом. И нам совсем не страшно в этом доме!

11.07.63.

Надо бы наверх сходить, только погодка не дает в этом уверенности. Пораскачивались утром, но потом все же решили сходить. Быков, правда, остался. Ему всё ещё нездоровится. Взяли маленько пожрать и вверх по речке. Только что-то очень мало следов пребывания здесь человека. А ведь на Грандиозный толпами ходят. Однако снова не придавали этому никакого значения и пёрлись напролом вверх по диким, невообразимо заросшим и крутым склонам. Вите тяжеловато, он сам тяжел, да и не привык к нашим темпам, а мы с Цепелевым прём и прём. Без отдыха. Вика вот взмолилась еще. Отдыхаем маленько. Виды сверху отличные, сосны тут красивые. И везде, между прочим, следы пребывания медведей. Может, встретим... Очень мешают комары и мошки.

Как их много здесь, проклятых! Ничего похожего на прочитанные описания о Грандиозном. И всё же не верится ещё, что это не то! Кончился, наконец, лес. Перед нами балда, на склоне даже снежник, правда, снег грязнувший страшно, но снег. Ползём. Ухожу вперед, всегда меня подмываем упилить вперед. Мелькают под ногами камни, рододендроны; вверх, вверх, приятное ощущение легкости. Кажется, готов так до самого неба! Но до неба дороги нет. Склон кончился. Ребята далеко сзади. Все! Даже тур какой-то есть. Записка! Морда сразу скрючилась в удивлении. Это высота 1856 м. В прошлом году ее посетили геодезисты. Всего лишь 1856 м. А где же Грандиозный? Недоуменные вопросы сыпались один за другим. Надо же так бесславно влипнуть! Далеко на горизонте видны какие-то снежные вершины.

Неужели это там? Но туда еще около 50 км, а может и больше. Позорище-то какое. Так обсчитаться! Только тут я стал реально подходить к пройденным километрам, Их должно быть очень мало, если за неделю мы не приблизились на видимость к цели. Обалдеть можно! Подошли ребята. Удивление, смешки, но смешки, прямо скажу, невеселые. Смеяться, конечно, не приходится. Посудачили, погоревали, побегали по гребешку, Внизу тонкой ленточкой вьется Кизир... Замысловатые петли выписывает он среди зеленого ковра тайги и еще надо идти и идти. Сколько идти, никто не знает. Загоревали мы. Однако надо и вниз, Решили - по пути подъема, Так будет вернее. Пошел впереди. Весёлого мало. Опять мошки. Их прямо миллионы. Над головой плотное кольцо вьющихся гадов. В глаза лезут, в уши. Особенно тяжело Вите. Мошки его особенно любят. Закусили аж до кровоподтеков. Еле ноги волочит к тому же. Устал очень. Падает часто. Идти вообще трудно. Ставишь ногу и не знаешь, куда. Заросли высокие и ничего не видно. Мука! Когда всё это кончится?

Кажется, я попал даже в кулуар, по которому поднимались. Потом вдоль речки. Сплошные прыжки с камня

на камень. Витя прикладывается ко многим. Жалко смотреть на него. Он очень сейчас мучается, но старается даже улыбаться. В общем, вид у нас был что надо, когда, наконец, мы выбрались к Кизиру. Особенно эффектно распухшая в два раза Витина физиономия. Да и остальные хороши. Отличная разведочка! Звучит, как издевательство – «разведочка». Стаскиваем промокшие ботинки, с наслаждением моемся в холодной реке.

Ну, а где всё же мы находимся? Кто нам скажет? И что из этой неопределенности будет?

12.07.63.

Идем всё же вперед, пытаюсь влить уверенность, что вот-вот за очередным холмом покажется настоящий Грандиозный. Но поворот следует за поворотом, а пика все нет. Беспокойство растет. Неопределенность будущего начинает давить. Однако идем вперед. Мы должны идти вперед!

13.07.63.

Кизир ушел влево. Решили срезать уголок и залезли в какие-то болота. Вода стоячая, бревна поперёк навалены. Картинки бесподобные! Витя провалился по пояс - вот потеха была! Подмокнуть-то пришлось всем без исключения. Подустали все лазить по этим проклятушим болотам, Кизира совсем не слышно – далеко ушли. И сразу как без дороги. Мысли грустные у всех лезут. Цепелев меланхолично бьет комаров. У Вики ясно написано на лице - зачем же я с ними связалась? Меня все это страшно трогает. Лезем, лезем, лезем.

Вдруг собачий лай. Ну! А вот и сама собака. Может, и человека увидим? Так и есть. Сразу трех. Две девушки. Оказывается, геологи. Сюда их на вертолетах забросили. Недалеко здесь у них лагерь. Вот здорово! Кто мог такой поворот событий ожидать?! Девчонки веселые, болтают без умолку: «Грандиозный? - Как же, слышали. Он совсем недалеко - 45 км». Вот те раз! Но и это хорошо бы!

Вышли все вместе к Кизиру. К ним должна подойти лодка. Вскоре мы в лагере геологов. Тут же отвалили нам

хлеба (до чего же хорош!) Поставили палатку рядом с ихними домиками, помылись. Вот это жизнь! А ведь сегодня 13-е число. Уж сколько плохого было сказано по его адресу, а все наоборот. Нанесли визит начальнику, спросили про Грандиозный. Впечатление такое, что ничего он не знает. Странно как-то. Работа же их такая. Оказывается, пока мы лазили по болотам, остался незамеченным третий порог. Ну и ладно. Так и не видели его. И подвезти бы он на моторке согласился нас, но бензина нет. Завтра вот вертолет должен прилететь. Что же делать? А пока наши хорошие знакомые - девушки таскали нам хлеб (горячий) и уговаривали дядю Колю (водителю мотора) подбросить нас хоть немного. Уговорили, но это надо делать сейчас, завтра он будет занят с утра (вертолёт прилетает). Разобрали в темпе палатку, распрощались и снова в путь. Времени не так уж и много. Довезут нас до избушки какой-то, а если завтра будет бензин, то дядя Коля приедет и подбросит нас подальше. Словом, как в сказке. Час приятной езды и мы у избушки-терема, Рядом лабаз. Привлекательная картина! В избе – огромная медвежья шкура, дровишки и прочие мелочи, а в лабазе -даже ружье. Вот она, тайга и ее законы!

Дядя Коля все показал нам и рассказал, и, преисполненные большой благодарности, мы с ним распрощались. До завтра! Ведь он обязательно приедет. Удочки есть. Пробуем ловить рыбку, но это так, баловство одно. Каша была вкуснейшая и вообще здорово. А еще 13-ое число. Побольше бы таких.

14.07.63.

Что ж, надо ждать дядю Колю. Ловим рыбу. Витя зашивает свои бесконечные дырки на носках, Быков снимает козявок и цветочки. Отдыхаем, блаженствуем. А если дядя Коля не приедет? Ну, этого не может быть! Снова ждем. И дождались. Даже не верим своим глазам. Вот люди! Грузимся и вверх по Кизиру. Сидеть лучше, чем лазить по этим проклятым берегам. Смотрим на них со злостью и торжеством. Они проплывают мимо, а мы отпускаем

нелестные замечания. Собрался везти нас дядя Коля до 4-го порога. А там рукой подать до Грандиозного. Но не довез. До избы доехали какой-то. Но часа два ехали, И то очень здорово. Снова благодарности, прощание. Витя вспомнил, что забыл кошелек с 50 руб. на последней стоянке в избе. Вот раззява! Долго объясняет, как ему выслать. Что-то не верится в это (а ведь выслали же! с припиской «Деньги в тайге цены не имеют») Вот ведь! Витя весь расстроенный, естественно

Двигаемся дальше, Рыдания повторяются, И в каждой встречной речке видим мы те, что изображены на нашей большой карте. Но наибольшую карту мы еще не вступили и четвертого порога еще не видели. Где же он?

15.07.63.

И до сих пор не знаем, где же мы находимся. Сплошные догадки, но обоснования для них совершенно противоречивые. На одном из перекусов начинается разговор со всеми на тему: где мы? Докладчик – я сам. Смешного вообще мало. Смотрим в карту, вспоминаем всё, что было сказано нам начальником геологов два дня назад, что видели, когда на разведку ходили (ведь видели же на горизонте балду(?) - наверняка Грандиозный). Словом, дискутировали. Вика совсем невеселая – боится опоздать на работу. И видок у нее измученный... Зачем втравил я ее? Теперь идиотское чувство виноватости. Витя рисует план спуска на плотках по Кизиру вниз. Нет, это не выход. Надо идти вперед! Мы где-то совсем недалеко от выхода. Надо заставлять себя каждый день набирать по 7-8 часов хода, Только так может что-то проясниться в ближайшие дни. На том и порешили. Только вперед! Только трудно всем! А тут еще сырость, дожди, комары.

16.07.63.

Ущелье значительно расширилось—на многие км, Болот стало больше. Приметили впереди по курсу балду в виде трапеции. Очевидно, мимо нее пойдём. Обходим очередное болотце. Пока никаких опасений. Но чем дальше мы его обходим, тем круче сворачиваем вправо. А потом,

вообще, чуть ли не назад. Сто тысяч чертей! Конца же этой болотной косе так и не видно. Грусть задавила нас совсем. Моросит. Остановились на каких-то кочках. Славка идет вперед, а я лезу на дерево. Может, брод увижу через эту проклятую полосу воды метров 30 шириной. Вода темная и, наверняка, с головкой. Какой уж тут брод! Славка вроде конец увидел. Премся. Действительно! Обогнули, наконец. Ну и глухомань!

Утки шлепают кругом, за маленькими утятками пытались побегать. Очень обидно, что ухлопали массу времени на это дурацкое болото! А по курсу как были утром, так и остались. Примеченная трапеция не сдвинулась с места даже. Да! Дела! Еще несколько часов рыданий и пора бы о ночевке подумать. Ищем... Вдруг впереди видим желтую косу. Песок. Это хорошо. Рвём туда.

Песок оказался наипротивнейшим. Мелким-мелким, почти пыль и грязным. Но делать нечего Пора ставиться.

Мелкие мошки сожрать решили нас совсем, На этом месте они оказались особенно назойливыми. Ноги и руки у всех сплошь усеяли волдырями, сволочи. Ругаться уже нет никаких сил. В ближайших кустах кто-то хрустит ветками. Лось, может быть. А вдруг хищник? Немного страшновато. Даже до кустов не хочется идти. Ночью трески повторились. Интересно. Но на улице никто не спал.

17.07.63.

Серый, нудный, трудный день!

18.07.63.

Нужно делать каждый день по 7 ходовых часов. Нужно. Иду и скрупулёзно считаю эти длинющие минутки. До чего же долго тянутся эти 40 минут, после которых радостно произносишь: «Слав!» и кидаешь рюкзак на землю. Пять минут отдыха – слишком кратковременно. Снова пилёжка и новый отсчет времени от нуля.

Но сегодня мы узнали, где мы. Перед нами четвертый порог. Это бесспорно. Узкий длинный каньон. Берега обрывистые, если не отвесы совершенно. Где-то впереди ревет

главный порог, где перепад. Красота удивительнейшая! До чего же узок здесь Кизир! Кажется, что можно прыгнуть на тот берег. Настроение ребят заметно повышается. На большой карте есть этот порог, и теперь можно даже подсчитать, как отсюда побыстрее выскочить.

Долго любимеся каньоном. Попёрлись в обход, он оказался из нелегких. Перед порогом видели следы недавнего пребывания каравана оленей. Значит, тропа есть где-то выше. Чтобы обойти последний бом, лезем на стенку. Вынули даже залежавшуюся веревку, и по всем правилам альпинизма травили её. Интересно даже было на этой стенке... А за бомом увидели следы рубленой тропы. Здорово-то как! Теперь как по шоссе, Здесь шли олени, и для них и пришлось многое вырубить. Следы свежие. Словом, как в сказке. Только об этом и мечтали... Эх, если бы немного пораньше это. Но... Бежим по тропе, подгоняемые собственным весельем, И ночевку нашли отличную. Посушились в удовольствие.

19.07.63.

Но мы потеряли эту тропу, Видимо, она ушла куда-то в сторону, оставив нам тему для разговоров о несбыточном шоссейном счастье. Снова рубимся по чаще и переходим вброд многочисленные притоки. Только теперь вроде стало легче, т.к. узнавали по карте где, какая речка. Ножищи мокрые всё время. Ребята еще отжимаются после каждой переправы. А зачем? Я решил, что это лишнее. Но теперь-то мы увидим Грандиозный!

20.07.63.

Долина стала пошире. Совсем близко где-то настоящие Саянские горы без комаров, куда, собственно, мы и хотели. А теперь получается, что надо скорее, скорее бежать отсюда, Вике надо на работу и наше туманное будущее пугает ее очень.

С радостью узнаем по карте мелкие изгибы реки. Наконец-то идем по карте! Решил я вынуть свой небольшой сюрпризик. Купил я перед отъездом в «Военторге» вяленые вьетнамские бананы. Отличнейшая вещь! И весьма

транспортабельна. Нашли неплохое местечко, открытое солнцу. За спинами горелые стволы деревьев. Кадры отличные. Вынимаю эти бананы... Наверное, больше всего радости было у меня самого. Парням как-то все равно, что жрать, а Вика даже прямо сказала, что они ей не нравятся. Разобиделся я. Крокодилы несчастные! А я то-то думал... Пытаюсь снова и снова вызвать у публики энтузиазм призывами: «Ну, скажи, что здорово!» - Эх! Довела, в общем, тайга, что и радости мелкие стали нипочем. Виктор снова что-то штопает, Цепелев примкнул к нему, Я побегал в сухостое, ища необыкновенную точку для съемок горелых деревьев. Надо бы и двигаться.

Однако и стенку вроде нашли уж когда, казалось бы, совсем пришли. Покорячились по склонам с кустарниками и еще черт знает с чем. И всё из-за той же боязни уходить от русла этого проклятого Кизира. А где же Пихтовая? Она уж совсем рядом, и не сегодня, так завтра, мы найдем ее.

21.07.63.

Ищем эту Пихтовую. Долина стала широкая. Проток у речки бесчисленное множество. Шлепаем по воде все время, Близость цели прибавила мне силы. Ухожу от ребят и рыскаю по реке в надежде увидеть на том берегу приток, который должен быть Пихтовым. Убежав далеко, я нашел этот приток. Уж это точно он. Иного быть не может. Начинаю громко орать, призывая ребят. Бурно доказываю, что приток на той стороне – это Пихтовая и ничего иначе. Вон и следы стоянки видны. Словом, давайте на тот берег переправляться. Вода холоднющая. Проклятье! Долго отжимались. Теперь-то уж что, все ясно! Бодренько двинулись по притоку вверх. Вначале даже что-то вроде тропы. Убежал я вперед, лежу на бревне, жду ребят. Как вдруг слышу чьи-то другие шумы. Не наши! Надо же! Возбужденные, премяя навстречу им, и вот вываливается группа людей с оленями, проводником и собакой. Ба! Бывает же! Обмен восклицаниями! Потом узнаём, что ребята из Запорожья(?) идут за 4-й порог, чтобы

потом сплавиться вниз по Кизиру. Неделя уж как из Гутары. С оленями! Буржуи.

А приток этот –совсем не Пихтовая. Она рядом, следующий приток. Вот тебе и раз! Случайно, конечно, постигли мы это. Распрощались и пошли поперек от этого притока на настоящую Пихтовую. Какие-то болота, склоны моховые и через пару часиков выходим на облизанную туристами площадку перед слиянием Пихтовой и Кизира! Все говорит о том, что здесь бывают тысячи людей, Ну, конечно, так и должно быть. А мы-то дураки какие!?! Широченная тропища и дымок невдалеке. Снова люди. Потрепались. Теперь все окончательно выясняли. Если бодро бежать, то дней за пять прибежим в Гутару. Значит, всё теперь зависит от нас А как же Грандиозный!?! Вот же он, рядом совсем, И парни эти только что оттуда. Правда, погода хорошая нужна. А Вике на работу надо. Истрадалась, бедная. Посоветовались, посомневались и все ж решили бежать отсюда. Жалость необыкновенная. Очень обидно, что чуть ли не главную нашу цель приходится покидать, когда на нее надо бы еще пару дней. Но что делать?! Все же очень обидно.

Ноги в руки и бегом по этой широченной тропе вверх по Пихтовой. Вверх-вверх. Совсем скоро морда в морду столкнулись с оленем -, группа туристов из Подольска! Ба! Совсем, почти земляки! Сколько сегодня людей увидели! Долго трепались, показывали друг другу карты, хорошо они подготовлены, черти! Не то, что мы. Пойдут через хребет Крыжина по нехоженным местам. Ну, счастливо! Вверх, вверх! Съели последнюю банку шпрот - деликатес вроде. Вот и поворот реки направо, а нам - налево, на перевал.,

Сегодня надо перевалить обязательно. Сзади все более отличные картины горных хребтов Саянских, собственно, куда мы и стремились и от которых убегаем сейчас, так и не посмотрев на них, а проковырявшись где-то в болоте внизу. До чего же обидно! Эх.

Вот и перевал! Во всей красе окинули панораму Центральных Саян. Отчетливо выделяется громадина

Грандиозного! Не добрались мы до тебя. Ну, погоди же! Красиво-то как!

Перевал – это огромное поле с сочной травой и блюдцами маленьких озер с чистой водой! Отличные картинки. Жаль, что потихоньку уже темнеет. Здорово мы сегодня пробежались.

Скрылся сзади Грандиозный. Далеко впереди – Перья. Все вздыхают по горам и отдыхают от комаров. Вниз – вниз! Там виден дымок. Там ребята из Запорожья. И когда стало совсем темно, мы добежали до них. Вообще, мы устали приличненько. Пожалуй, только сегодня ощутили, что мы идём, а не ползём. Как-то поняли, что мы передвигаемся в пространстве, а то ковыряние в этой проклятой тайге выбило у нас все это. Там каждый день одно и тоже. Над тобой – лес, впереди –лес, по бокам –лес. И кругом –лес. И вот мы уходим отсюда. Уходим, уходим.

Запорожцы оказались приветливыми, парни у них ушли на пик Грандиозный, а оставшиеся ждут. С оленями. Вот жизнь-то у них. А рядом расположилась большая группа москвичей - пижоны, кстати. Кинули мы палатку. Место отличное, на рододендронах. Костёрник распалили. Приятственно-то как. Потом визитик к запорожцам. Блинчиков (лепешек) отвалили нам. Хорошие ребята! Потрепались вдоволь, Да и спать вроде пора.

Кинули морского на мешочек, выпало мне. Повезло, потому как погода отличная. Воздух чистейший, да и комариков вроде бы нет. Высокогорье! Вот где бы ходить надо, а не по болотам! Ну что же теперь поделаешь?! Небо звездное- звездное, а кругом –темнотища, И кажется, что лежишь в этом мешке посреди этого звездного мира , и даже не лежишь, а висишь. И звезды такие близкие. И еще много разных мыслей пробежало. Хорошо спаслось!

22.07.63.

Уж теперь все ясно. Беги вниз и вниз. Одна беда - нажрались мы здорово. Отвалили нам запорожцы ведро каши молочной и еще чего-то. Необыкновенно вкусно! Чтобы

не пропадала, пришлось постараться. Но бежать поначалу не очень приятно будет, надо полагать. Ну, ладно. Распрошались и пошли.

Впереди иду сам. Темп задаю. Чувствую, необыкновенную ответственность – ведь от того, как будем идти, зависит, придем ли мы в Гутару через намеченные три дня.

Начались длинные поляны с мелкими деревцами по колено, Ужасно жесткие,

Рвут уже давно порванные мои штаны трикотажные, а через них и ноги. Но что делать?! Тропища ясная. Сбиться совершенно невозможно. Масса бродов. Наконец, тропа переходит на левый берег Правого Кизира. Теперь, кажется, всё время по этому берегу. Конца дальше не видать. Сзади громыхает. Не иначе, как дождик собирается. Так и есть. Застал он нас не в совсем удобном месте, и пришлось нам помокнуть. Ну, да уж нам все равно как-то. Привыкли с мокрыми ногами ходить! Бодро бежим по тропинке. И вот кидаю взгляд вперед. На тропе – корова, Это первое, что пришло в голову. Потом уже трезвее. Корова?! Откуда же ей быть здесь? Ага, догадался: это медведь! Возбужденно объясняю остальным, что это медведь. Любопытство и боязливость. Медведь довольно здоровый, бурый, как и положено ему быть. Землю роет. Муравьев, наверное, жрет. Вот медленно скрывается за бугорком, Решение приходит немедленно - окружить! Только для чего, мы пока не знали. Медленно подходим к месту, где он только что скрылся. Возбуждение достигло апогея. И вот сбоку истошный вопль Цепелева: «Он здесь!» Мигом оборачиваюсь (оказывается, я прошел от него сбоку). Медведь выскочил из-за куста и побежал к реке. Сразу сообразил, что надо щелкнуть, так как фотон был наготове. Плохо, что против солнца,. И ко всему этому улюлюканье и гиканье вдогонку бедному медведю. Убежал. Интересная встреча! Вот здорово. Увидели настоящего медведя в настоящей саянской тайге. Словом, хоть перед концом нам немножко повезло...

Прошли еще немного и заложили ночевку. Солнце садилось. Бурлящая река словно из молока. Отличные кадры должны получиться, я полагаю. Лазаем с Быковым по берегу, бесконечно шелкаем. Поваленные деревья, пенящаяся река! Здорово! И действительно, потом получились хорошие снимки. А вечером долго еще склоняли нашу встречу с медведем.

23.07.63.

Как ни ясна была дорога наша, тропа вроде, и все же ушли мы от нее и не заметили, когда. Затерялась. Прижались к берегу Правого Кизира. Снова рыдания. Вброд по пояс даже переходили в одном месте. Где-то впереди обещанный горельник перед самым Казыром. Берег крутой, и когда совсем немоготу стало идти вдоль реки, запилили вверх. Сухо, жарко, Еще немного и начался тот самый горельник. Зрелище довольно ужасное. Тысячи и тысячи обугленных деревьев, половина из них валяется в самом невообразимом хаосе. И через этот ад надо пройти. Очень сухо, пить хочется невыносимо.

Идти очень тяжело. Тут слово «идти» даже не подходит. Скорее ползешь, ковыряешься. Словом, рыдания. И среди всех этих обгорелых, поваленных деревьев - густая травища и камни. Для небольшого облегчения ходим по поваленным деревьям, балансируя руками, Сначала по одному, потом - по другому, Путь удлиняется, но так легче. Часто приходится прикладываться, потому как на деревьях кора отваливается. Снова Витя бедный. А змей тут, наверное, много, но почему-то не видим пока. Надо отдохнуть. Ужасно сухо. Перемазанные, как в кочегарке. К чему ни прислонишься - все в саже,. И когда кончится эта горелка, чёрт бы ее побрал?! Достал остатки бананов, Лично я с удовольствием сожрал эти тропические штучки в этой тропической обстановке. Вика меня совсем расстроила, отказалась. А я-то дурак, сюрприз из них готовил! Хоть парни поддержали! А женщины – они всегда такие.

Быков снимает наши рожи крупным планом, на цветную. Отлично, потом получилось. Ну, ладно, надо бы проскочить сегодня это отвратное место. И когда после 3-х или 4-х-часовых мучений казалось, что никогда не кончится это, голос Цепелева откуда-то снизу возвестил, что он вышел на зеленую тропу! О! Здорово! Я в это время ушел от ребят, упал с бревна и в самой неудобной позе сползал в какую-то яму с корягами и камнями. Причем, головой и рюкзаком вниз! Проклятье! Весь переругался, но все же выбрался. Еще несколько минут мучений и я на тропе. Счастье-то какое!

Внизу уже настоящий Казыр, Тут рядом ручеек с такой долгожданной водой. Ребята уже моются. С превеликим удовольствием скидываю рюкзак. Долго и толково моемся, так не хватало воды в этой проклятой горелке! Достаем немногочисленные оставшиеся деликатесы. Грызем сало, даденное нам запорожцами. Тщательно сосем кожу, Быков делает из нее жвачку, а потом, отказавшись от мыслей раскусить ее, кладет в карман.

Снова тропа, снова все ясно. Ну, уж, теперь, кажется, не собьемся. Справа шумит Казыр. Вот подошли к самой реке. Поперек –огромный валун. Вода бурлит с невероятным шумом. Долго сидим на камне. На эти водовороты можно очень долго глазеть. Ровный, мощный шум забивает все. Мыслей в голове нет.

Но, кажется, дело к вечеру. Надо бы еще пропилить. Тропа, тропа, по склону, среди леса, высокие деревья. Красиво! Хорошо. Приток Казыра. Это Б. Кишта, Здесь должен быть мост. «Чёртов», кажется. И действительно. Узкий каньон шириной метра 3, а глубиной метров 15, наверное. Жидкий мост из бревнышек. Кажется, вот- вот обвалится. Суровый каньон. Кидаем вниз камни. Глубоко. Интересное место! Времечко ещё есть, можно пилить,.

Мы дошли в этот день до следующего притока. Это М. Кишта. Здесь нам надо уходить от Казыра, Вверх, туда, на перевал. Ну, а пока хватит. Много и так сегодня прошли.

В месте слияния М.Кишты и Казыра – снова горельничек, но совсем небольшой. Нашли неплохое местечко на берегу М.Кишты. Только вот шумно очень от нее. Профилактический осмотр на предмет клещей оказался сегодня урожайным. Я вынул этих гадов штуки четыре, Да и ребята тоже. Мерзкие твари.

24.07.63.

Бежим по тропе, я впереди. Действительно, бежим. Темп высок. Но так нужно. И хотя это вверх, картины меняются, как в калейдоскопе, а горизонт сзади становится все шире и шире. Сегодня мы настроены проскочить Иденский перевал, что в верховьях М.Кишты. Надо сделать. Идем строго по расписанию: 50 минут хода, 10 отдыха. Интересного мало кругом. Больше спортивного интереса - добежать до перевала. Однако не проскочили надпись на дереве. Она говорит о том, что чуть пониже - надпись, сделанная самим Кошурниковым во время похода его здесь в 42-м году. Трассу они тогда намечали «Абакан-Тайшет». Которую теперь строят, правда, намного севернее. Полустёртые буквы! Интересно!

А вот навес из лапника. Портрет итальянской актрисы. Ба! Острия какие-то соорудили. Отдыхаем. Выполняем план по шоколаду.

Когда забрались повыше, кончилась тропа в лесу, началась тропа в густой и высокой луговой траве. Масса цветов удивительной окраски, И много ревеня. Это тип лопухов, но со съедобными стеблями. Кисло, но вкусно, Набрали про запас. Лучше жрать его печеным, Соорудили костерчик на полдник, попекли. Красота! Удивительные минуты! И совсем скоро это должно кончиться. Дело одного-двух дней. Жаль же, чёрт возьми! Все чаще возвращаешься в мыслях к началу похода. Зачем мы выбрали этот дурацкий вариант по Кизиру? Надо все же было с Севера, через Клюквенную. И ребят втянул в это дело. Словом, ел себя сам.

Ну вот, конец, этой М.Киште. Долина раздвоилась, склоны голые от леса. Простор! Вот там –перевал. Последний брод! Подъем. И мы на перевале. Это длинная плешь с озером

посередине. Иденский перевал. Озеро большое. Вокруг болотистая почва с купавницами и необыкновенно сочной травой. На той стороне озера кто-то ковыряется. Люди какие-то. Покричали друг другу, к ним не пошли. Да тут и снег есть! Снежник совсем небольшой, грязный, но снежник, А мы давно хотели мороженого. Вернее, я всех уговаривал. Вынули оставшийся кисель и соорудили из него и снега превосходное месиво необыкновенной вкусноты. Очень здорово! Для прессы (по моей просьбе) ребята прошлись по снегу, чтобы потом сказать, что ходили по снежным горам, и вообще, все такое. Юмор.

Кадр сделал, и со снега тут же убежали. Последний взгляд на озеро и вниз. Последний раз вниз. Вниз по Идену, который впадает в Гутару. А там уже цивилизация!

На тропе множество камней, и вся она ужасно кривая и корявая. А пониже начались болота. Грязь, жижа, торф. Словом, настоящее болото! Туфель кто-то оставил на дороге. Теперь задача - найти сухое место. Вряд ли таковое имеется здесь. А пока бежим вниз. Ну, уж вон туда дойдем - там сухо. Но там еще сырее. Проклятье! Как же нам быть? Придется ночевать в этом болоте. Это будет наша последняя ночевка. Последняя! Жаль! Очень жаль! Где же она будет? Подошли к Идену, вода черная в нем. Болотная. Ноги тонут во мху. Но что делать?! Ставимся прямо на мох. Как на перине. Плотно облегает тело. Мягко будет спать.

А завтра уже мы будем в цивилизации. Завтра.

25.07. 63

Неплохая ночевка была. После снятия палатки остались во мху вмятины по форме наших сухощавых тел. Забавно. Цепелев решил бриться. Ведь сегодня мы попадем к людям, и разве может Цепелев выйти к ним небритый. Даже из тайги. Заодно и все стали скрестись. Что делать, всем так всем.

Потом Цепелев побежал за шишками кедровыми. Приметил их вчера. Думает уже о сувенирах! А кедровые шишки из Саян - это лучшее, что можно придумать. Зеленые,

правда, но все равно уж. Собрались, наконец. В последний раз. Ушли. И так, до Гутары

Болото так почти и не кончилось. Видели дохлого зайца. А под конец, когда совсем уж подошли в Гутаре, закрапал вдруг дождь. Выгоняет нас тайга. Гутару перешли вброд. Дождь закрапал сильнее, посидели под деревом, пожевали шоколад.

Вскоре, после того, как пошли, видели человека. Уже того, который цивильный. Запахло сеном, лошадьми. Широченная тропища. Бежим веселые и грустные, Иногда останавливаемся, чтобы посмотреть назад. На Горы. На Саяны. Красиво! Голубая дымка, Нежно-зеленые тона. Впереди светло. Уже, наверное, над Гутарой.

.И вот за последним холмом увидели строения. Гутара! Бревенчатый настил мостовой через болото, словно парадный въезд в новый мир. Поле. Большое поле. Это аэродром. Самолетов нет. Около будки спрашиваем, как бы улететь. Говорят – завтра. Если, конечно, погода будет. Ну, и ладно. Идем к реке. Сейчас будем мыться, стираться и вообще приводить себя в порядок. Это уже все.

Движения замедленные, вялые. Спешить некуда. Нашли отличное местечко на берегу и спокойно стали заниматься бытом. Потом пошли с Цепелевым в магазинчик. Белый хлеб, кабачки, молоко, принесенное Витей, - до чего же это здорово! Редкое блаженство! А может, и счастье! Много разговоров о завтрашнем дне. Улетим - не улетим!

26,07.63.

С утра ничего определенного. Курсируем между аэродромом и палаткой. Вроде, не прилетит, но может быть и наоборот. Всё же нам повезло. Самолет прилетел. Маленький, неказистый, дырявый ПО, который заберет нас в Нижнеудинск. Последние кадры у самолета, и мы уже в воздухе. Кругом дует со страшной силой. Внизу реки, горы и лес-лес-лес. Неужели и мы там корячились?

Итак, прощай, Саяны! Может быть, до свидания! Мы многое узнали, многое увидели.

Спасибо тебе за то! Не все получилось так, как хотелось, но что поделаешь?!

Приложение 6.

Саяны в стихах и фото

Стихи А.Жилина,
фото Б.Быкова и А.Жилина,
составитель В.Сокирко

В 1963 году Лилины друзья, незадолго до этого ставшие и моими, позвали меня в поход по Саянам. Я раз мечтался заехать попутно в «страну своего сибирского детства», в Минусинск. Мама снабдила меня адресом и двумя килограммами апельсинов в подарок (тогда это можно было считать действительным подарком сибирячкам от сына москвички-сослуживицы времён войны).

Но поезда по новой дороге Абакан - Тайшет ходили только раз в сутки, теряя время на мой визит в Минусинск мой

попутчики никак не могли, и потому мое «возвращение в детство» не состоялось. Апельсины мы съели в поезде, а мое сибирское былое осталось лишь в памяти, да вот на этих фото Бориса Быкова и Толи Жилина, а также в Толиных стихах. Наше же семейное путешествие по Восточным Саянам и Байкалу состоялось только в 1976 году.

Много на свете тропок проложено,
Мне лишь немного пройти их положено.
Грустно становится очень от этого,
Мало безмерно отпуска летнего.
Взял бы рюкзак и уехал бы в Африку,
Или к медведям в холодную Арктику,
Я бы не прочь побродить по Австралии,
Я бы хотел посмотреть Гималаи.
То разбирает желание жгучее
В джунглях сразиться с змеёю гремучею,
Или по мутной воде Ниловой
Плыть на спине крокодиловой.
И вот получаю отпуск, спеша, -
Двадцать четыре рабочих дня.
Заморские мысли исчезли враз,
Меня принимает добрый Кавказ

В общем вагоне

В поезде душном / лежат туши,
Разинув рты, / просят воды.
Ноги разные / торчат грязные.
Дети сопливые, / старики плешивые,
Чемоданы, узлы. / Проводники злы,
В воздухе смрад /- совсем как ад,
Кошмарные сны- / висят топоры.
Общий вагон / вам не знаком?
Лучше тогда / не знать никогда!
Не обливайтесь потом – /летайте самолётом!

Замазаны

прошлые раны,

Уложен рюкзак
упрямый,
Едем мы на Саяны, /
к недрам Сибири
самой.

Не надо совсем
лишних слов, / Без
них понятно даже -
Саяны не пустят
ослов! / Это знает
каждый.

Нагроможденье
леса, скал, / Тысячи
горных речек,
Среди них человек
мал, / Если он
человечек.

Много на себя не

берём, / Но сил ещё
не убыло. Тайга!
Мы всё же тебя
пройдём! / Чтоб ты
там не придумала!

После трудной и долгой дороги

На приветливой мягкой траве
Отдыхали уставшие ноги,
Пододвинувшись к самой воде.

Рядом тут же ботинки лежали.
Потрудились немало они,
Километры тайги прошагали,
И устало висят языки.
Трудно бедным порой приходилось:
Камни резали больно бока,
То свирепое солнце палило,
То бывала сплошная вода.

Ноги шли по болотам немало,

Продираясь сквозь
чащи завал,
Чтоб дорогу найти к
перевалу,
На котором никто не
бывал.

Но леса не хотели
упорно
Свои тропы ногам
открывать.
К перевалу вперёд
звали горы,
А тайга возвращала
назад.
Возвращала назад и
слабела,
Были ноги сильнее её,
Ими жажда открытий
владела,
Помешать им не может
ничто.

Пробежали минуты
привала,
Ноги влезли в ботинки
опять,
Чтоб дорогу найти к
перевалу,
Чтобы новые дали
узнать

Штаны мои неважные

– /Они ведь
трикотажные,
Но проживут не
каждые,/ Как эти
трикотажные.

Саянский поход 1963 года был оценен нами, участниками, как неудачный, т.к. цель не была достигнута.

Мы шли в высокогорную часть Саянского хребта, чтобы сделать восхождение

на недавно

открытый пик

Грандиозный, но

наши руководители,

по неопытности,

недооценили

трудности

таежных подходов к

пику и были

вынуждены после

многих дней тайги без

троп отказаться

от восхождения в

самом начале высоких

гор.

Разными путями стали мы потом ходить в горы. Вика Галкина горному туризму с его

таёжными завалами и комариными тучам отныне и навсегда

предпочла альпинизм с его
чистыми скалами и ледниками. Мы с Лилей избегали
«нехоженых троп», прокладывая маршруты
или по высокогорью, или по рекам, пригодным или не очень
пригодным для нашей байдарки.
Слава Цепелев стал быстро совершенствоваться в альпинизме,
но уже через два года
погиб на Кавказе на трудной вершине Ушба. Лишь Толя
Жилин и Боря Быков продолжали
осваивать таёжную Сибирь.

Кизир 1

Много разных речек в мире ,
/ Нет на свете длиннее
Кизира!
Кто не ходил берегами его,
Прежде по тропам гуляя,
Не представляет себе
ничего,
Как километры считают!
Целыми днями ноги ломали,
Спины согнув рюкзаками.
Многим болотам, диким
завалам
Счёт уж давно потеряли.

Но оглянёшься с тоскою назад –
Как и не шёл совсем вроде.
tab Кедрам могучим уж больше не рад,
Если улитке подобен.

Пота ручьи не берутся в расчёт,
Дело с тайгой имея,
Трудно приходится очень без троп,
Бегать по ним веселее.
Снова Кизир перед нами течёт,
Злобно тайга шевелится,
Уж надоел нам немного поход...
Долго ещё так рубиться?

Кизир 2

Многими реками полон мир –
Коварная самая – это Кизир!
То повернётся некстати поток,
Длинной петлёй извиваясь,
То рассыпается сотней проток,
Ну-ка, найди, какая?
То притаится, в прятки играя,
Хоть и не хочешь играть,
То вдруг выскочит, шумом пугая.
Разве что можно узнать?!
То потечёт в лабиринте болот,
В воде по колено ходишь.
Здесь уж никто никогда не спасёт,
Если протянешь ноги.

Кизир 3

.Есть мощные реки в мире-
Силы много и в Кизире!
Шире раздвиньтесь, Саян
горы!
Камни грохочут с тонны.
«Плохо со мною, если в
ссоре,»-
Шепчут Кизировы волны
Об этом всё напоминая,
Памятник стоит белый.

Вода голубая вниз сбегает,
Порог бушует первый!
От страшного шума уши
ломит,
Дрожит чуть скала у ног.
В узком каньоне ревёт и
стонет
Грозный “четвёртый” порог!
“Меня питают тысячи рек,
И сил у меня на века.
Дай же работу мне, человек!
Что ж не идёшь ты сюда?”
Много в мире всяких рек –
Лучше Кизира всё же нет!

**Лишь скажет слово кто
“тайга”,**

Я вспоминаю комара.
Когда ж комар меня кусает,
В протухшей памяти
всплывает
Тайга, болото и завалы,
Пришлось рубиться где
немало.
Уж эти звери –комары!
Страшнее мировой войны.
Как нападёт армада гадов,
И получаешься в блокаде,
Мучений всех тогда не
счесть,
Когда нельзя ни встать, ни

сесть,-
Не можешь даже кашу есть,
Из кожи собственной хоть
лезь.
Набьются в уши и глаза –
Не мучай! Отпусти, тайга!
Ходил бы лучше на Кавказе
И по вершинам бодро лазил.
Там в окруженьи скал,
снегов,
Конечно, нету комаров.
Хочу сказать своим
потомкам,
Что, собирая в путь котомку,
Не помышляйте о тайге,
Здоровья ради, верьте мне!

Комар

сидит на шее / И ищет
хоботком,
Куда б вонзить сильнее/ И
кровь попить потом.
А шея была Вити, / Он даже и
во сне
Хотел, чтоб были сыты / Все
звери на земле.
Ловил козьяков разных, / Им
всяду помогал,
Не обижал ни разу, /
“Марксистом” вскоре стал.

‘Марксизм’ - он за
гуманность, / За мир и за
любовь.

Без выражений бранных /
Давал букашкам кровь.
Их часто нежно гладил, /
Подкармливал клещей,
Для всех он добрый дядя, /
Как Стёпа для детей.
Обширно Вити тело, /
Питательно оно,
И тварей стадо ело, / Сосало
кровь его.
Просторные лопатки раздолье
комару,
И клещ из складки в складку
ползёт по животу.
Искусанная морда, распухшие
глаза...
Однажды съели Витю
комарики-друзья

Как-то в середине похода я оставил
на стоянке в охотничьей избушке
свой кошелёк с пятидесятью
рублями –
тогда это было больше половины
чистой месячной зарплаты молодого
специалиста.
От этой стоянки нас подвозил по

Кизиру местный мужик,
которого я попросил мой кошелёк поискать
и дал адрес. Какова ж была моя радость
(уже в Москве), когда я получил денежный
перевод от геологов с припиской: «В тайге
деньги не нужны»

Кстати, в той охотничьей избушке Слава нашел нужные нам леску
с крючком, и мы пробовали рыбу ловить
А в начинающемся высокогорье мы встретили караван тофоларов
на ездовых оленях. Жалко, что встреча ограничилась

приветствиями

Враги теснят, восторжен вой,

Веду отчаянный я бой!
Их очень много, я один, / Зато я больше, чем они,
И в гневе страшном тут и там / Работу задаю рукам.
Трещат скелеты, льётся кровь, / Удар вдруг получаю в бровь.
Десятки трупов на траве, / А сил уж не хватает мне.

Я окружён со всех сторон, / Слышны ругательства и стон.
Земной уж жизни я не рад –/ Так дайте демитилфтолат!

Мы в болоте целый день

(Уходить отсюда лень)

И поём мы от души:/ “Как пойдём
мы в камыши”

И никто не слышит нас, / Хоть
поём мы в сотый раз.

Что за дикая страна? /– Нету даже
камыша.

Но себя надеждой тешим / (И в
затылках наших чешем),

Что когда-нибудь в Москве / мы
пойдём в ВДНХ.

Там найдём мы камыши,/
наблюёмся от души.

И болото вспоминая, / Комаров с
тайгой ругая, Грянем песню от
души: / “Не нужны нам эти
ландыши»

Быкову

Читал он очень аккуратно, /
Когда ходил “на восемь
тактов”,
С любовью всё вокруг
снял, Быстрой ракеты
кашу жрал,
Всё время Витю
вдохновлял,
Чтоб брёвна на костёр
таскал.
Разнообразные таланты –
Он был ещё и
диссертантом.

Вике

Она была у нас одна,
Всегда задумчивы
глаза:
“Зачем же я сюда
пошла?
Чтоб провалилась ты,
тайга!»

Цепелёву Вёл регулярно
свой дневник
Всегда суровый проводник,
Ещё геолог и ботаник,
К тому же – инженер–
механик.

Туристу-альпинисту
Сплошной стеной стал небосклон, /
Рюкзак за спиной в 16 тонн,
В судьбе и связке уверен будь, /
Иначе рухнешь куда-нибудь.
Мы тянем в гору до облаков /
Верёвок ворох и воз крюков,
Кто выдумал этот проклятый путь, /
Того бы скинуть куда-нибудь.
В костях ломота, в ушах трезвон, /
Грозят нам камни со всех сторон,
Святых с чертями и прочую муть- /
Всех посылаем куда-нибудь.
Висим над бездной в который раз, /
Проходит минута как целый час,

А чтобы поверить вам в эту жуть, /
Залезьте сами куда-нибудь.

**Гляжу на озеро
Байкал**
И аппарат держу
“Кристалл”.
Покинул озеро
Байкал,
Меня покинул мой
“Кристалл”.

Приложение 7.

Сценарий диафильма «Артемка» (1968 г.)

2. Живет на свете веселый мальчишка по имени Артемка. Небогатая у него биография, не блещет способностями, обычный. Но человек вошел в мир и интенсивно его осваивает.

3. (Здесь и далее местами (и ковычках) следует магнитофонная запись рассказов, песенок, реплик, сделанных Артемкой в 4 года)

«Меня папа и мама родили меня про запас...» - Как это про запас? - «Чтобы там, когда трудно им, никак не прокрутят, а я прибежал - и вот прокрутили...»

4. Артемкино «про запас» можно еще понимать как на смену. Какая это будет смена, покажет время. Но кой-какие черты этой смены можно рассмотреть и сейчас.

5. Ведь недаром говорит педагогическая мудрость, что характер закладывается до 5 лет. Какой же он, этот цветик жизни?

6-8. «В-о-о-т. (Артемкины песенки типа:

«Золотой жираф...
Мишка очень хорош,
Он сделал нам радио
С большим домом
Двенадцатизэтажным
И сделал пленку большую-
пребольшую, чтоб можно было
по ней добраться до неба
И на самолет сесть, если надо.
Тара-тарара, тара-тарара...»

9. Однако этот цветочек не всегда безобидный. Он капризен, обидчив, надоедлив. Таковы уж эти дети, эти маленькие люди с большими достоинствами и маленькими недостатками.

10. Мы их очень любим: и Тему, и маленькую Галю, и от этого иногда становится страшно за них: какие они получатся? Не придется ли нам потом жалеть, что упустили время и чему-то не научили?

11. Когда Артемке стукнуло 2 недели и друзья пришли нас поздравить, они написали ему, тогда еще безымянному, целую тетрадку пожеланий. Все пожелания были очень сердечными. Каждый выразил себя. Галя пожелала ему стать интеллигентным человеком. Емкое это понятие включает уважение к человеческой личности, сострадание, чистосердечность, несуетность и высокую степень образованности. Трудно пожелать что-либо лучшего.

12. Но как приблизиться к этому идеалу? - Живешь, видишь хороших людей, радуешься их обществу, но как они такие получились, редко задумываешься. А если и задумаешься, то найдешь 2-3 обстоятельства и успокоишься.

13. И вдруг, где-нибудь в конце первого года сына, начинаешь понимать свою ответственность за него и то, что нельзя откладывать воспитание на «потом», что сейчас надо находить слова, чтобы продвинуть его в нужном направлении. И что самое трудное, нужно самой быть последовательной, твердой.

14. Наконец, нужно быть здоровой и выдержанной, чтобы хватило терпения отвечать на вопросы хотя бы. В ответах на вопросы должна быть популярно вложена информация, которая, переварившись хотя бы частично, даст основу новому вопросу или, еще лучше, собственному маленькому утверждению.

15. Ведь со временем интегральная сумма таких малых утверждений может создать у человека трезвый ум и чувство собственного достоинства. Нужно очень многому научить человека: и вежливости, аккуратности и ласковости-нежности,

и почтению взрослым, и умению постоять за себя и защитить младших. Смелости, честности, умению преодолевать трудности... Зарядить оптимизмом, привить трудолюбие и еще многое другое...

16. Наконец, нужно, чтоб человек был здоров. Нужно избавить его от плоскостопия. Всему этому можно учить и способствовать.

17. Но есть две вещи, которых я отчаянно ему желаю, но чему так мало могу способствовать: это чутье на правду, на красоту, на боль и - ум, свободный от догм и способный к широким обобщениям.

18. Я потому так отчаянно хочу, что мне их всю жизнь, ой, как недостает. Но это - может сотворить природа, а воспитание - только подправить.

19. И когда я вижу, как он непрерывно копаются в конструкторе, любит числа и действия над ними, но не может понять поэтические вольности («То Конек-Горбунок целую неделю скакал к Океану, а то - один день»), рисует бесчисленные метры рельс и вагонов без пейзажа, - мне становится страшно, что он станет серым, нетворческим человеком, неспособным к широкому пониманию мира.

20. Ну, а теперь расскажем, что мы делаем, чтобы из сына получился хороший человек. Высший авторитет для нас - Макаренко. Это он дал нам метод воспитания, который популярно звучит так: «Хотите, чтобы дети были хорошими, будьте сами хорошими».

21. Все! Гора с плеч! Мы-то хорошие, значит, все будет в порядке. Этот метод удобен тем, что позволяет нам, эгоистам, основную часть времени уделять себе, но Артемке это часто и на пользу.

22. Мы не хотим сидеть в летнее воскресенье в Москве, Артемке приходится вместе с нами ехать на байдарке.

23. Мы отправляемся в зимнее воскресенье на охоту за московскими древностями, и Артемка, то пешком, то верхом на папе, тоже с нами. То-то насмотрелся.

24. А по вечерам мы записываем очередной диафильм - Артемка сидит, не дышит. Учится уважать чужой труд, а заодно и умные речи слушает.

25. Не беда, что не все понимает, и в пересказе знакомой девочке вдруг слышно: «Мама и папа видели, как горела деревянная церковь». - А был всего лишь разговор о сгоревших церквях. Но зато у нас есть уверенность, что уважение к истории в нем будет воспитано крепко.

26. А вот как был благополучно разрешен вопрос об игрушках. Человеку свойственно хотеть больше, чем у него есть. Вот и Артемке всегда не хватает то той, то другой игрушки. А теперь у него есть стимул расти: «Когда я вырасту, то буду работать мастером на игрушечном заводе и буду делать разные-разные игрушки». Так мы из нашего малоденежья извлекли пользу для Артемки: ведь он захотел стать мастером! А это уже не так мало.

27. Или вот еще. Я убегаю на тренировку, а Витя и Артемка едят наскоро сготовленный завтрак - Артемка приучается быть неприхотливым: «А так я все люблю... Лишь я не люблю кофе, какао, белые каши, суп и щи. И все».

28. Наконец, нам неохота тратить время на прогулку, и Артемке приходится с кислой физиономией отправляться одному. Но нет - заботливая бабуля этого не допустит. Мы спокойно занимаемся своими делами, а Артемка с бабулей дышат.

29. Но далеко не всегда и «волки сыты, и овцы целы». Приходится и на него специально тратить время, давать уроки и даже разбирать уроки, что поставляет жизнь. На примере своего товарища Саши, Артемка узнал, что бывают плохие люди. Тот не просто взял поиграть, а припрятал Темкиного солдатика. Мы обсудили и договорились, что брать тайком чужое - самое плохое дело. И до сих пор я радуюсь, что Артемка честен и простодушен.

30. Даже когда он утащит недозволенную сладость, он не съест ее в уголке, а непременно пойдет есть на виду. И на лице его будут перемешаны стыдливость от проступка и

удовольствие от вкусноты. Моей сердитости в такой момент хватает только, чтоб пожурить.

31. Дети учатся всегда, где могут - и от чужих, и от родных. Это, наверное, от дедушки Володи он научился сдержанности, которая особенно проявляется у Артемки, когда он в гостях или в новой обстановке. Этому качеству ему никогда б не научиться у мамы. Хорошо, что есть дедушка Володя.

32. От бабушки Тани он перенял хлопотливость и умение позаботиться о ребенке, перенеся его на Галю. Да и мало ли каким, еще не проявившимся качествам, он может научиться.

33. У прабабушки Поли - ясному спокойствию, терпению в любом деле, неприхотливости и умению «не сердчать»...

34. Ну, Артемка, расскажи про своих родных. Расскажи про папу... «Папа - инженер, и я тоже решил так же работать, как папа. Потому что так хорошо. Он выбрал самую хорошую работу».- А почему? - «Потому что он не летает, не ездит, не работает милиционером, а это самая хорошая работа».

35. «Мама работает тоже в институте. Она тоже с нами живет. Вот. Теперь она работает в институте, там на каком-то этаже. Работает. Чего-то там внизу делает, непонятно особенно...» - А наверху что делает? - «Наверно, она так, что-то читает, пишет какую там консультацию-галандацию...»

36. -Ну а про дедушку расскажи.- «Дедушка тоже где-то работает. У них там есть вода, он ржавые трубы куда-то там отвозит, ржавые трубы...» - Обязательно ржавые? Разве не бывает не ржавых труб? - «Да. Не бывает».- На московском трубном заводе не бывает чистых труб? - «Да, потому что вокруг есть вода. Вокруг».

37. «Бабушка на том же самом заводе работает, там кого-то перевязывает. Какие-то лекарства дает...» - Кому?- «Какому-то человеку».- А тебе она дает или ты не болеешь? - «Мне она дает, только дома».

33. - Ну, а бабушка Поля? - «Она уже не работает, раньше работала, а теперь не работает. Она там что-то делает, чего-то так варит, со мной сидит, когда все ушли на работу».- А что с тобой сидеть, разве ты не можешь быть один дома? - «Да, могу, только я боялся тогда. Теперь не боюсь...»

39. «Значит, больше нету. У меня трое бабушек и двое дедушек. Дедушка Коля живет в Волгограде. Далеко-далеко... Туда можно добраться пароходом, самолетом, поездом, чем угодно". - Да, там дедушка Коля живет, и бабушка Фаина.

40. Повезло Артемке, любят его так много людей. Правда, и балуют. Отсюда капризность, обидчивость, нежелание быть самостоятельным. Зато, получив свою долю человеческих привязанностей в детстве, можно надеяться, что он никогда не сможет стать злым и мстительным. Его друзья и любимая женщина будут согреваться дружбой и любовью, набранными в детстве.

41. Вот мы идем на дачу. Дачу, которая заменяет на лето городскую квартиру на 4-м этаже, однообразный городской двор и улицы.

42-49.

50. Да, дача большое дело для городских ребят. На свежем воздухе городские неженки откармливаются, едят фрукты и ягоды и изредка ходят в лес за грибами. Остальное время

52. безвылазно сидят на участке. Они ведь не крестьянские дети, им не разрешают убежать на целый день в большой мир. Потому дача - не очень завидная участь для нормального мальчишки. Эти слова, наверное, не всем понравятся, но нам они служат оправданием собственного поведения, так возмущающего Артемкиных бабушек и дедушек.

53. А дело в стародавнем увлечении туризмом. И не только серьезным, но и семейным, с Артемкой.

54. ...Все началось в Коломне, где Артемка прожил свой первый год. Принудительность работы, мизерность зарплаты, 13-метровка в старой квартире на 4 семьи,

оторванность от друзей и родственников в Москве. В такой обстановке

55. Артемка был нашей главной радостью, а лес - единственной отдушиной. Мы сделали переносной стул из посылочного ящика, и Артемка, к нашей радости, в нем охотно и подолгу сидел

56. и даже спал.

57. Мы помним широко открытые глазенки, еще несмышленные, неразборчиво вбирающие в себя всю прелесть весеннего леса,

58. летней травы и ягоды. Свежесть озерной воды, после тепла

59. солнечного песка.

60. И мы радовались, что можем показать ему и ягоды, и цветы, и вообще - всю красоту нашей земли.

61-62.

63. Растет Артемка. И мы не хотим, чтобы он стал узким патриотом городской культуры, а хотели бы, чтобы лес, природа вошли в него полновесной частью, зарядили его духовным здоровьем, оптимизмом, помогли бы стать гуманистом, что и определило бы его судьбу.

64. Потому и берем его с собой в лес и на реку, не слушая ничьих уговоров.

65. Артемка стал туристом-водником, когда ему не было и 2-х. Байдарка его покорила своими железными трубочками,

66. которые можно было друг в друга вставлять,

67. а со спинками-самолетиками он не расставался даже на горшке.

68-69. Правда, потом он нечаянно проспал 4 часа, т.е. почти всю дорогу.

70. Порой осуждают нас за то, что мы берем Артемку в походы. Кое-кто даже извергами называет. Но надо просто самому видеть, как изменяется в лесу этот городской ребенок, капризный, впечатлительный, нервный от неслаженности

воспитания бабушки и мамы. Каким веселым, загорелым становится он

71. на реке, как уплетает простую кашу, с какой охотой выполняет

72. порученную ему посильную работу.

73. - Артемка, почему ты любишь ходить в походы? «Затем, что мне нравятся туристские песни. Хорошо бы с гитарой, а так, немножко плохой, без гитары».

74. - А еще? - «Сидеть у костра... Спать в палатке...»

75. «Ехали мы на байдарке, потом остановились, стали собирать травку (щавель) и ее есть...».

76. Наша трехместная байдарка «Ладога» достаточно велика, чтобы Артемка чувствовал себя в ней свободно: сидел, стоял, лежал,

77. спал... даже со мной.

78. Здесь он загорает на своем «сушальнике», купает ноги и руки, смотрит любопытными глазенками за каждым новым поворотом.

79. Ведь там может быть что-нибудь неожиданное. Или зазевавшаяся молодая утка,

80. или гроздь белых кувшинок.

81. А то вдруг - новая церковь.

82. Или вот неожиданно - деревенское стадо. - А что такое деревня? - «Это значит, где живут люди, которые для нас ничего не делают». - Как это для нас ничего не делают? Они же для нас хлеб растят.

83. «А нет, это мука растет». - Как мука? Растут зернышки... Как же мука может расти? - «А так. Идет одна тетя, обрывает там, потом обсыпается и так становится мука». - Мука или сразу булки растут? - «Мука. А булки пекут из муки. Так что делают в Москве хлеб».

84. Даже плохая погода не портит ему настроения. Ведь байдарка вполне вместительна, чтобы захватить с собой много теплой одежды.

85. Вот так спал Артемка в первом походе на Дубне. Было холодно, шел дождь, но две холодные ночевки не повредили нашему неженке, у него даже не появился насморк,

86. из которого он не вылезал почти всю зиму.

87. Зато в этом походе, недалеко от стоянки, мы нашли ежика!

88. «Настоящий ежик, ни головы, ни ножек, горбом спина, на спине - борона».

89. - Есть и голова, есть и ножки. Они только спрятались в иголках.

- А зачем ему иголки?

90. «А он ими колет зверей, волков-там, лисиц, хитрых всех и злых».

91. А на завтра ненастье сменилось солнечной погодой, а узкая Дубна широким раздольем Волги.

92. Ну что там «Ракета»? - Вот какая была радуга!

93. «Радужная арка, засияла ярко, /Разукрасила траву, засветила синеву,

Ходит радуга-дуга, сквозь нее видны луга.

А за самым дальним лугом - поле, вспаханное плугом».

94. Река Бужа...

95. Река Цна...

96. Реки Поля, Лужа, Нерль, Клязьма... Правда, здесь проходились какие-то участки рек.

97. А вот Москва-реку от истока до устья, кроме Можайского моря, Артемка проехал всю.

98. Правда, всегда совестно вспоминать начальный участок Москва-реки. Понадеявшись на солнце, я взяла Артемке очень мало вещей, а главное, не взяла сапожки.

99. Конечно, весь следующий день лил дождь, река оказалась мелкой, каменистой, и мы вдрызг продрали байдарку, поэтому вода в нее поступала и сверху, и снизу... Все кончилось простудой. Но с тех пор мы в любую погоду, даже в самую солнечную, таскаем с собой ворох Артемкиных вещей.

100. Ходит Артемка с нами, радуется дороге, радуется ягодам, видит деревянные домишки и городские здания, видит церкви, людей хороших, спрашивает, подмечает, думает. И мы верим, что в его душе переплетутся воедино - и древние храмы, и современные небоскребы. И обаяние искусства, и мощь машин.

Но если так случится, то не быть ему насильником или догматиком любого толка. Не быть ему Фомой, не помнящим родства. И это уже хорошо.

101. Солнечное утро осеннего воскресенья. После долгого перерыва мы собираемся в лес, оставляя Галию с бабушкой на целых 8 часов. Но скоро, может, уже на следующий год, и для Гали наступит пора леса и байдарки. Но сегодня мы идем еще втроем.

102. Мы не предложили сыну ничего нового: лес и поле, деревни и

103. дорога вдоль Десны, усадьба в Поливанове и

104-105. в роскошном уборе Дубровицкая церковь.

106. Наш сын идет вместе с нами, пока еще за нами, идет потому, что мы идем. Но настанет момент, и мы не будем поспевать за ним. Он пойдет быстрее, ибо он ведь человек 21-го века.

107. 2000-й год он встретит 36-летним. Возможно, что техника и жизнь будут тогда ошеломляюще другими, но Артемка, мы верим, останется самим собой, останется нашим продолжением и станет лучше, чем мы.

108. И пусть он в полной мере ощутит родство с настоящим и прошлым Родины и будет чувствовать свою ответственность за ее будущее.

Приложение 8.

"Переписка о сионизме", 1967-69 гг.

(комментарии 1971г.)

Сегодня, когда еврейский вопрос стал притчей во языцех всего мира, когда он почти не сходит со страниц наших центральных газет (в своеобразной форме полемики с зарубежными сионистами), когда антисионистская литература плодится буквально с дрозophilьей скоростью, и все больше накачивает советских граждан ужасами сионистских угроз, когда, тем не менее, "влияние сионизма" распространяется и десятки советских евреев уже добились права выезда в Израиль и выехали, а другие сотни и тысячи добиваются права выезда, когда параллельно с этим, реально и зримо, усиливается и антисемитизм, нам, живущим в России, не сионистам, даже не евреям, но отнюдь и не антисемитам, следует разобраться в "еврейском вопросе", во всей сложной гамме его оттенков и значений, и главное – понять, что хорошо и что плохо. Обязательно нужно.

К сожалению, я сам, например, еще не во всем разобрался, и думаю, что даже те, кто считает для себя все здесь ясным, на деле ошибаются. А иначе, почему же они не объяснят и не объявят эту свою правоту всем, "ищущим и не находящим"?

Сегодня мало быть просто противником антисемитизма – эта обязанность общекультурного человека общеизвестна. Сегодня нужно понимать корни и причины антисемитизма, его живучесть в народе и силу. А главное,

сегодня надо определить свое отношение к новой стороне еврейского вопроса – к сионизму, т.е. поддержке и оправданию государства Израиль (значение этого слова приведено очень вольно, но, кажется, для большинства моих сверстников оно правильно).

Сегодня я не в силах занять четкую позицию во всем этом, и потому ощущаю очень большое неудобство от идейной близости с антисионизмом, в которой иногда оказываюсь. Ведь близость последнего с антисемитизмом легко ощущается просто интуитивно. Прежде твердое представление о себе как о противнике антисемитизма и культурном человеке оказывается подмоченным и даже размытым – в очень важной, израильской части. И вот я решаюсь высказать эти сомнения друзьям, надеясь, что, может быть, кто-то сумеет убедительно ответить.

Наверное, можно сформулировать свои вопросы в несколько строк, но я знаю заранее, что короткие ответы на них меня вряд ли убедят (а ведь "какие вопросы, такие и ответы"). Нужно обрисовать проблему подробно, на самом большом уровне сложности, который мне только доступен, и только тогда можно надеяться, что некий, знающий ответ человек, сможет тебя понять и ответить.

Для этого у меня сегодня есть только одна возможность – ознакомить своего будущего учителя со старой перепиской о сионизме, которую я вел со своим европейским товарищем сразу же после семидневной войны 1967г. Эта переписка закончилась тогда, когда мы поняли, что не сможем убедить друг друга, но я сохранил эти письма, как бы веря, что они могут понадобиться в будущем, как могут оказаться необходимыми в будущем заметки о начатых и не доведенных до конца исследованиях.

Конечно, благоразумно было бы уничтожить эти письма сразу, но рука не поднималась на, в каком-то смысле, свидетельства того времени. Сегодня, перечитывая эту переписку, я смогу уничтожить подлинники, не уничтожая мысль и дискуссию. Но пока они лежат передо мною, и у меня нет ни сил, ни возможностей что-либо в них изменять. Да это и не нужно. А то новое, что могло появиться в моей голове за прошедшее время, я смогу изложить в примечаниях.

Прежде всего я должен рассказать о своем первом, не сохранившемся письме этой серии. Мы жили с товарищем в разных городах, но были сравнительно молоды и поэтому переписывались довольно часто. По вопросу отношения к Израилю у нас и раньше не было единого мнения, но это казалось не важным. И вот, когда я услышал о начале войны Израиля против арабов и о всеместном поражении последних, ситуация мне показалась очень похожей на 1941 год, хотя и знал о махинациях Насера, о выводе подразделений ООН и о споре в заливе Акаба, но ведь и Сталин в 1941 году не был чист на руку. Важен общий смысл, а справедливость требований 1,5 млн палестинцев мне казалась очевидной.

Помнится, я написал тогда своему товарищу очень горячее, наверное, даже сумбурное письмо, в котором говорилось, в частности, и о том, что, дай Бог, чтобы мы не ввязывались в эту войну, но если же это произойдет, и пошлют на помощь арабам и меня, то я б не мучился угрызениями совести, а, напротив, был бы в сознании правоты этой помощи...

Ответа на это письмо я не получил. Наша переписка прервалась, и, как я не сразу осознал, видимо, навсегда. Видимо, мое письмо было воспринято как личное и национальное оскорбление. Когда я это понял, то

воспользовался случайной возможностью заехать в этот город для личной встречи. Товарища своего я не застал (он был в отпуске), но оставил записку, после чего получил, наконец, долгожданный ответ:

2. Обратно:

9 сентября вернулся из отпуска, прочитал твою записку и с тех пор все собираюсь ответить. У меня не было и раньше намерений "кончать", как ты выразился. Однако известное письмо произвело очень неприятное впечатление и хотелось подождать, пока оно хоть немного забудется. Обстановка требовала моего личного участия, а мне оставалось только сжимать зубы и ходить каждый день на работу. Чувствовал я себя очень скверно.

В таких условиях было бы унинительно вступать в "спор", причем совершенно бесполезный, с каким-то профаном, оперирующим лишь данными из официальных источников, да и то не из всех. Помню, я был ужасно возмущен и накатал тебе обширное послание, где приводил все известные мне факты и давал их оценку: 1) с точки зрения международного права; 2) с точки зрения моего собственного миропонимания. Однако, поразмыслив, я порвал этот труд без всякого сожаления. Потому что для всех вас единственным доводом может быть сила. И давай вообще прекратим бесполезную болтовню на эту тему... 12.11.1967 г.

3. Туда:

Я тебе очень благодарен за ответ. Слово гора с плеч свалилась. Уж очень тягостно было сознавать этот разрыв. Мне приходилось расставаться с давними товарищами естественным образом, за сутолокой дел, просто – годами не встречаясь и забывая друг о друге. Но так – никогда. Почему-то чувствовалась большая потеря. В общем, я рад, что это еще не конец.

Дальше. В отношении "болтовни" по известному вопросу. Я прекрасно представлял себе твое состояние в те

дни: сперва – тревога, а потом торжество, и сам испытывал нечто аналогичное, но в обратном порядке, поэтому и не мог не послать, то самое, "неприятное" письмо.

Ты не понимаешь, что для меня это не болтовня, а жизненно важное дело. Дело, связанное с пониманием многого в жизни.

Ты правильно сделал, что порвал свои доводы, ибо я прекрасно знаю демагогию обеих враждующих сторон, все эти доказательства агрессии, первоначального и т.д. Меня они совершенно не убеждает, и давай, действительно, об этом не будем. Но ты не прав, называя меня в числе тех, для кого единственным аргументом может быть лишь сила. Если бы это было так, то вся переписка мне не нужна была бы вообще. На деле же, мне очень важно понять, как такой человек, как ты, в некотором роде (может, только для меня) представитель иного, западного мира, т.е., что важнее – представитель гуманизма и свободы в западном понимании этих слов – как ты мог оказаться вдруг в стане самого оголтелого национализма, вплотную подошедшего к фашизму.

Пойми, что для меня тут важен уже чисто личный интерес своего непонимания твоих взглядов, а не только и не столько дружеское участие в твоей судьбе. Черт с тобой! Будь кем хочешь, но дай мне вылезти из логического тупика: как можно совместить гуманизм с поддержкой фашизма? Пойми, это вовсе не шутка, не издевка, у меня это – тяжкое недоумение и очень серьезно.

С другой стороны, я думаю, что для тебя такое объяснение лоб в лоб с инакомыслящим, без всяких демагогических ссылок на юристов и дипломатов, тоже должно быть важным и интересным. Ведь не причисляешь же ты меня к пошлым и узколобым антисемитам, как не могу я причислить тебя окончательно к "заклятым фашистам".

Значит, должно же тебя интересовать, почему мыслящие представители неевреев и далеко не антисемиты приходят к твердому отрицанию сионизма? Ведь ты же осознаешь, насколько важен контакт и понимание между миром

и сионизмом, Израилем и остальным человечеством. Ведь не можешь же ты всерьез доказывать, что в будущем мире западные народы и евреи будут господствовать, а низшие "примитивные" народы: негры, арабы, русские, украинцы, белорусы, китайцы и т.д. – будут им уступать свои права и землю и признавать себя им неравными? Ответь.

Если да, то вопросов больше не будет. Впрочем, нет, вопросы еще будут, но они будут просто выяснением подробностей, вроде спокойного интервью: "Как с этим согласуется гуманизм? А с этим? А что это такое? А как то, а как это?". Я уже буду спокоен, потому что станет ясно, что передо мной случай фашизма с несколько развитой интеллектуальной подкладкой. И в подкладке тоже будет очень интересно разобраться.

Если хочешь знать, то от выяснения твоего миропонимания зависит и мое понимание всего Запада и отношения к нему.

Ты извини за такое аналитическое, или, если хочешь, циничное отношение к твоей личности, но дело слишком важно и серьезно, чтобы плести кружева извинений и не быть откровенным.

Возможен другой вариант: ты ответишь "нет". Тогда объясни коротко свою правоту, вернее, правоту сионизма, создавшего государство Израиль там, где до начала сионистской деятельности (до 1914г.) евреев в процентном отношении, наверно, было меньше, чем в Германии и России... а сейчас, делающего это государство Великим Израилем за счет живших там раньше "примитивных арабов". Я лично не вижу для тебя здесь другого логического исхода, кроме фашизма (или расизма – как хочешь). Если же он есть – напиши.

И одновременно подумай над объяснением такой исторической задачки: как можно доказать неправоту немцев в их попытках колонизовать "полудикую Россию". Эти попытки стали давней традицией - "дранг нах Остен", начиная от Тевтонского ордена, кончая 1941 годом. Ведь немцы всегда

были цивилизованным народом в сравнении с русскими, а форма государственного правления в России всегда была не демократическая. И немцам всегда нужно было жизненное пространство, и они всегда говорили, что единственным доводом для русских – может быть лишь сила.

Как же тогда обосновать, например, правоту русских в 1941 г.? У меня лично это обоснование сразу же оборачивается осуждением "блиц-крига" 1967 г. Объясни, если можно иначе..... 16.11.1967 г.

4. Обратно:

Начиная это письмо, я пока не уверен, разорву его или отправлю. Читая твое объемистое послание, испытывал двойственные чувства: с одной стороны, определенную симпатию к тебе, как к человеку, а с другой – глубокое сожаление к тебе, как к человеку совершенно невежественному в вопросах истории и политики. Я понимаю, что грубость или брань не являются аргументами. Но ведь я даже и не собираюсь спорить. И не потому, что считаю кого-то ослом, неспособным понять мои гениальные доводы. Дело совсем не в этом, а в том, что:

1) для того, чтобы спорить о частностях, надо придти к согласию по общим вопросам, например, к точному определению таких понятий, как "мораль", "международное право", "фашизм", "гуманизм" и др., решить, каким требованиям должен удовлетворять прогрессивный общественный строй (для тебя, кажется, по-прежнему идеалом является Китай, а для меня – нет) и т.д. Не буду всего перечислять, потому что лень ломать голову и лезть в дебри;

2) технически это сложно (масса писанины), а главное – опасно (такие вещи не для писем).

И все-таки, несмотря на доводы разума, мне бы хотелось поспорить, потому что не считаю тебя безнадежным и ты мне нравишься. Но ведь нужно вместе обсуждать книги, события и т.д., чтобы достичь согласия по основным вопросам.

Я все-таки не могу удержаться от некоторых замечаний:

Позабавило "аналитическое" отношение к моей личности, как к представителю... Не могу претендовать на такую честь, хотя не скрою, это для меня комплимент. Представитель должен иметь доступ к информации, располагать фактами. Я же двигаюсь ошупью и в темноте, поэтому, к сожалению, не могу достойно представлять... Но по убеждениям – да! Ведь мой скромный жизненный опыт, все, что я читал, пережил, все, что я вижу вокруг, все, ради чего стоит жить, - все это органически связано с моими убеждениями.

Весьма трогательно, что понимание некоторых важных вещей и отношение твое к ним ставятся в зависимость от раскрытия моего светлого образа. Так раскрой же лучше глаза, мой дорогой друг, и посмотри вокруг. Тебе вовсе незачем лезть в такие дебри, как положение на Ближнем Востоке. Это слишком сложно, т.к. требует знания малоизвестных тебе фактов и мало-мальской объективности. Да и зачем? Откуда такой болезненный интерес? Почему бы не произвести оценку других, более известных событий на основании большего количества фактов, хотя бы в собственной стране или где-нибудь поблизости? Чем объяснить, что именно Ближний Восток играет столь решающую роль в становлении твоего мировоззрения?

А то, что "мыслящие представители... приходят к твердому отрицанию ...изма", как ты пишешь, меня, как ни странно, мало интересует. Почему? – Объясню. Во-первых, огромное количество подлинно "мыслящих" никогда и ни к какому отрицанию не приходили. Если же говорить о России или Украине, то это малоинтересно. Почему? – Опять же объясню:

Во-первых, это вполне объяснимо (отсутствие информации; бессознательный, врожденный антисемитизм; слабый не вызывает уважения, а конкурент озлобляет;

"трогательная" забота об интересах своей Родины, безопасности которой это ужасно угрожает и т.д.).

Во-вторых, это не может иметь существенного влияния на судьбы "...изма", поскольку в известных условиях роль общественного мнения все равно ничтожна. От этого будут страдать лишь те, кто все равно обречены. Это всего лишь нюансы в широком диапазоне от погромов до мер экономической дискриминации.

Хватит, я, кажется, увлекаюсь и сам занимаюсь болтовней. Еще раз перечитываю твое письмо и то, что я уже написал. Ты добросовестно потрудились. Подобрал свои самые сильные "доводы". И, по всей вероятности, был искренним. Это уже не только эмоции, но и нечто продуманное, не та пылкая чушь, которую ты сочинял в июне. И ты, конечно, не заурядный антисемит (иначе нам бы не о чем было толковать). Но нет у меня никакого сочувствия к твоим рассуждениям. Я их целиком не приемлю.

Обращает внимание чисто схоластический метод рассмотрения, что находит свое выражение в упорном стремлении наклеивать ярлыки. Или чего стоят такие подтески наивные вопросы: "Как доказать неправоту немцев в их попытках колонизовать Россию?", "Как обосновать правоту русских в 1941 году?". Во-первых, сама постановка вопроса: "правота" и "неправота". Позвольте узнать, что это такое? – Но допустим, я догадываюсь, в чем дело. Так ведь и в этом ты неправ (в данном случае термин "неправ" вполне конкретен).

Ладно. На сегодня хватит высоких материй. Не хотелось тебя обидеть, но я и так пытался смягчить выражения... 26.11.1967 г.

5. Третье письмо туда:

Получил твое письмо и сразу же приступаю к делу, благо, на работе есть немного времени.

Предпосылки: 1) мне не "лень ломать голову и лезть в дебри", масса писанины – тоже не пугает, и тем более – опасности. В нашем положении – главная опасность не в том,

что мы думаем "слишком открыто", а в том, что мы перестали думать вообще. "Выселяют" – единицы, а вот перестают думать – миллионы.

Насчет времени – я буду очень рад встрече, если она окажется возможной, с заранее "запрограммированной болтовней", хотя и не верю в ее эффективность в данной части. Писанина – более эффективна, если походить к ней строго и логично.

2) Насчет понятий давай попробуем условиться. Вот мои предложения: "Мораль" в международном отношении см. "гуманизм",

"Международное право" – также см. "гуманизм" + принципы вроде "панчашила", резолюции ООН + сохранение статус-кво после второй мировой войны, "Гуманизм" – это то, чем руководствовались судьи на Нюрнбергском процессе, осуждая гитлеровский фашизм. "Фашизм" – это, прежде всего, гитлеровская система, которая была основана на а) тоталитаризме (диктатура, однопартийность, отсутствие свобод слова, печати и т.д.) б) расизме (признание разных людей неравноправными с рождения или установление их раздельного развития с запрещением ассимиляции – апартеид). Причем для меня имеют значение только два последних термина.

Термины "правы" и "неправы". Что тут неясного и что требует объяснения? – Эти термины я понимаю "сугубо конкретно" (твое выражение). И вообще. Твой способ возражения – мне кажется неконкретным. Ведь я тебе задал два важных вопроса, надеясь, что ответы на них мне многое объяснят. Но на первый вопрос: "Считаешь ли ты своих соотечественников, как нацию, неизмеримо выше дикарских народов типа арабов, русских и пр. или стоишь на позициях последовательного гуманизма (все народы равны по своим

возможностям и равноправны)? " – ты не ответил. Пожалуйста, не уклоняйся!

И на второй "детский" вопрос (меня не пугают эти определения) о правоте русских в 1941 г. – ты тоже отвертелся. Я понимаю правоту здесь именно как 1) с твоей собственной точки зрения - "да" или "нет", поскольку уверен, что ты не одобряешь нападение 22.6.1941г., 2) с точки зрения международного гуманизма (см. выше определение).

Кроме того, я совершенно не уразумел, о чем ты там "смог догадаться" и в чем же я "там неправ". Не смущайся тем, что я ребенок, объясняйся прямее и конкретнее. Эти эпитеты я легко переносу, поскольку имею о себе твердое мнение, несколько отличающееся от твоего. Что, впрочем, вполне естественно.

Далее. Можешь больше мне не тыкать в нос приверженностью к Китаю. Ты прекрасно знаешь, что это несправедливо. Период моего увлечения Китаем в 1959-60 гг. был вызван несколькими причинами, главной из которых было недовольство нашими порядками. Поскольку это недовольство в институте я выражал в совершенно открытой форме (даже с трибуны), то, естественно, что одновременно искал в зарубежной практике такой политики и такой компартии, которая давала бы мне право сказать – "вот как надо делать лучше". Процесс этот был сложен и не без отступлений, особенно потому, что во мне была сильна вера в сам коммунизм, как предвидимое будущее. С наивной верой такого рода я распростился только после некоторого знакомства с кибернетикой (как математической наукой об обществе) и составленного, известного тебе, труда по своим основам (думается, такая работа ценнее голого интуитивного отрицания официальных идеалов, как у тебя). Но до кибернетического разбора в 1960г. было далеко, и тогда я был вполне способен еще приветствовать чистую, на одном энтузиазме масспостроенную попытку китайцев штурмовать небо коммунизма в 1958г., как мне тогда казалось. Можешь иронизировать, но это будет дешевая ирония, потому что к

тебе еще легче применить правило "не ошибается тот, кто ничего не делает". Твои выпады насчет моей невежественности в истории и политике тоже не трогают, поскольку я совершенно убежден в обратном – ведь у меня в этой области уже 12 лет поисков, раздумий, масса прочитанных книг и др. информации, и... пусть даже наивной и неудачной, а в последние годы – свернутой, но борьбы, а это – очень твердый базис для уверенности в себе.

Так вот, основным в моей приверженности к Китаю в 1960г. было не столько восхищение их попытками штурмовать небо, сколько одобрение их принципов свободы печати и слова, выраженных в курсе "пусть расцветают сто цветов, пусть спорят сто ученых", в свободном вывешивании всеми плакатов-дацзыбао, в контроле КПК со стороны остальных демократических партий и т.д., т.е. всего того, что впоследствии оказалось липой и обманом. Но тогда я этого не знал, как, видимо, немного раньше не знала и сама китайская интеллигенция.

И второе, для меня важно было, что они осмелились иметь право на свой независимый курс. В условиях начала травли Китая (после его отказа от нашей помощи, но до XXII съезда), я считал своим долгом защищать его как мог (в спорах), а фактически это было протестом против нашей имперской политики. Надеюсь, ты можешь понять справедливость этих доводов.

Конечно, начало открытой полемики КПК и КПСС, а потом "культурная революция" сделали многое явным и помогли мне освободиться от иллюзий, но, наверное, я никогда не откажусь от:

1) моральной поддержки тех китайских интеллигентов, которые начали проводить в 1957г. "курс сто цветов" – потому что это было фактически таким же откликом на XX съезд, как и венгерские и польские события в 1956г. – только в китайской редакции;

2) поддержки права Китая на независимый от нас курс политики.

И все. В общем, на будущее, давай условимся, что ссылки с твоей стороны на мою приверженность к Китаю (подразумеваемая хунвейбинов и пр.) я буду считать простой недобросовестностью.

Для ясности: моя личная позиция сегодня стоит где-то немного правее югославских ревизионистов, но никак – не Америки. Более всех я одобряю политику де Голля и хотел бы, чтобы у тебя моя политика ассоциировалась с позицией де Голля, тем более, что и по Ближнему Востоку здесь есть сходство в позициях. Надеюсь, де Голля ты не упрекнешь в коммунизме или прочем "изме" и не скажешь, что он не представляет известные мыслящие круги в условиях свободы. И, наверное, эти позиции как-то отражаются на судьбах известного тебе героического народа на Ближнем Востоке, хотя бы в том, что несколько затрудняют свободу рук барона де Ротшильда. Так что твои слова про "огромное большинство в условиях свободы" – мягко говоря – несколько неоправданны.

Да, забыл, определение термина "прогрессивный общественный". Я знаю твоё определение – строй США (наверное). Я с тобой согласен, но несколько расширил бы его, ибо, определяя этот термин через такое конкретное явление, мы приходим к необходимости называть прогрессивным не только весь строй США, но и всю политику США, и деятельность каждого президента и т.д. Согласись, что получается слишком субъективно. Давай сойдемся на определении: президентская демократия. И тогда сюда подойдет и строй Франции, что меня вполне устраивает.

Дальше. Перейдем к главному. Ты ставишь мне условием, прежде чем обсуждать вопросы Ближнего Востока, осмотреться вокруг.

Ну что ж, давай! Обстановка вокруг меня тоже трогает, поскольку всегда был открытым противником антисемитизма, насколько себя помню. Еще в детстве меня дразнили жидом и евреем, не знаю, почему, но я никогда не унижался до

опровержения – наверное, из-за упрямства. И только сейчас ты меня превращаешь в "незаурядного антисемита".

Так вот, существует ли у нас дискриминация? – Да, существует. Я думаю, главным образом – в самом народе. Раньше я думал, что это сплошные примитивные пережитки и ничего более. Теперь, после знакомства с тобой, я убедился, что вопрос не так уж и прост.

Объяснюсь. Любое общество не может существовать без классового расслоения: грубо говоря, без рабочих и интеллигенции, низкооплачиваемых и высокооплачиваемых, народа и руководителей. Правильно? – Значит, неизбежны классовые антагонизмы. Конечно, в пределах разумного, они вполне естественны. И как бы ни изощрялась правительственная пропаганда в любой стране – о классовом мире или гармонии, или о морально-политическом единстве – это, конечно, может быть только мифом, вернее – демагогией. Но и сама эта демагогия – также необходима для правительства, поскольку его задача – объединять и удерживать в сосуществовании все разнородные слои общества.

И у нас часто можно услышать недовольство: эти бездельники из управления, эти пузаны-директоры, воры-дачевладельцы и пр. нарекания – все это вполне естественно.

Я вполне понимаю несправедливость того, что уборщица получает в 10 раз меньше директора и что ее дети имеют во столько же раз меньше возможностей, чем сын директора, но, с другой стороны, понимаю, что это неизбежное зло, поскольку оно зависит не столько от законов или строя государства, сколько от самой экономики – вещи весьма объективной и непреложной. И как бы мы ни старались выпрыгнуть из себя, свергая буржуев и бюрократов, в силе остается даже закон о наследовании классовых преимуществ в общественном положении (даже если наши законы ставят этому рогатки – в частной собственности, а на Западе – во власти).

Так вот, представь себе, что довольно многочисленный слой интеллигенции обладает не только чертами высшей касты, но и своеобразными национальными чертами, а также строгой национальной замкнутостью. Ты не будешь отрицать, что у нас в СССР евреи – это, по преимуществу, интеллигенция. Дети их тоже – интеллигенты, даже еще в большей степени. Получается, что в одной стране целый народ занят только интеллектуальным трудом, только управлением, стоит на высшей ступени социальной лестницы, чем основная масса другого народа. Понимаешь? Неизбежный классовый антагонизм приобретает совсем необязательный национальный оттенок, и вот под естественный классовый и терпимый в общем антагонизм подводятся дремлющие национальные предрассудки, возрождают их, и этим сильно ухудшает условия пропаганды и поддержания классового мира.

Не вздумай отделаться здесь шуточками! Я говорю серьезно. И не ссылайся на естественные способности еврейской нации. Дело не в этом (хотя я уверен, что основное – не в природных способностях, а в воспитании и семейных традициях). Конечно, никогда евреи не имели в руководстве нашей страны или в интеллигенции преобладающего и подчеркнутого влияния, это ясно. Но, видимо, не это главное, а то, что антисемитский миф о "засилье евреев" все же имеет под собой какие-то основания – и они заключаются в том факте, что почти все евреи – интеллигенты.

В основе антисемитизма лежит классовая неприязнь к интеллигенции. Вот почему антиинтеллигентность и антисемитизм – родные братья.

Почему, например, так слаба национальная вражда к русским людям (не к власти русских, а к конкретным русским людям) во всех национальных республиках. Ведь там очень много руководителей-русских. А потому, что там же гораздо больше "простых" русских рабочих. И это мирит массы аборигенов с русскими.

Пытается ли наше руководство сгладить этот классовый конфликт между русскими и евреями? – Конечно, пытаются. Ему, правительству, прочность своего положения и классовый мир – гораздо дороже интересов евреев как нации и даже, как способных интеллигентов (хотя, возможно, на требования реальной политики накладываются и собственные их антисемитские пережитки). Соображения классового мира толкают наших руководителей прибегать к нелегальной дискриминации – главным образом, в учебе и назначении на руководящие посты. Это, конечно, эгоизм, но очень понятный, и совершенно отличный от примитивного антисемитизма.

А что прикажешь делать? Ты должен согласиться, что никакое государство не может допустить, чтобы им руководила национальная прослойка, замкнувшаяся в себе и своей культуре и отгородившаяся от простого народа не только социальным, но и национальным высокомерием. Социальные конфликты при таком положении обостряются в десятки раз и государство становится внутренне непрочным – особенно в сравнении с соседними, однопациональными государствами. Приведу пример, наверно, тебе известный – хазарский каганат во времена Киевской Руси. Это было большое и богатое государство, но в нем основная масса хазар была тюркского происхождения, а правители – выходцы из еврейских купцов. Последние цари очень управляли всеми делами. До нас дошли их письма на древнееврейском языке (письма хазарского царя Иосифа). Известно, что они строго соблюдали религию иудаизма, хотя в общем народе была полная веротерпимость, и большинство хазар придерживалось старой, языческой религии. Для успокоения народа, хазарские правители даже сохранили номинальным правителем государства кагана из какой-то тюркской династии. И что же? – Одного похода Святослава оказалось достаточно, чтобы могущественный внешне каганат перестал существовать.

Так что тут можно видеть только два возможных выхода для правительства:

1) меры экономической, вернее, учебной дискриминации, чтобы уменьшить количество интеллигентов-евреев (хотя термин "дискриминация" здесь довольно относителен – он вполне реален в отношении к конкретным людям, но теряет свою силу при рассмотрении всей массы русских и евреев: ведь в процентном отношении количество низкооплачиваемых, рабочих и крестьян, в массе русских или, скажем, украинцев, гораздо больше, чем у евреев) Согласен? Эти меры дискриминации можно расценивать как попытку не допустить или уменьшить уже существующую, естественно возникшую экономическую дискриминацию русских и пр. – евреями. Другое дело о моральной допустимости таких мер исправления естественной дискриминации.

2) Второй выход – усиленное поощрение ассимиляции евреев среди русских, украинцев и пр. аборигенов. Этот выход, в частности, приветствую и я. Нельзя жить среди народа внутренними эмигрантами. Общность людей в будущем должна возрастать, а уж в рамках сегодняшних государств – тем более. Расистский тезис о разделенном развитии наций в одном обществе – апартеид – антигуманен по самой сути. Согласен? Но если он антигуманен в отношении африкандеров и негров ЮАР, то столь же антигуманен тезис о необходимости раздельного существования евреев и русских как наций в СССР. Согласен? – Наверное, нет? – Возрази.

Да, собственно, меры дискриминации тоже сводятся ко второму пути. Фактически государство требует: хочешь получить высшее образование, руководящий пост – откажись от своей национальной ограниченности, признай себя таким же, как все, русским или туркменом или человеком любой национальности, кроме той, которая "навязла на зубах" простых ("примитивных") людей (от самочувствия которых зависит так много в государстве), навязла, как каста потомственных интеллигентов и, следовательно, господ.

Конечно, этот разбор не означает, что я сам одобряю подобные меры экономического давления и дискриминации,

что способен оправдать такой антисемитизм, даже если понимаю его причины. Было бы гораздо лучше, демократичнее и честнее: 1) открыто признать существование самой проблемы; 2) вести открыто пропаганду и агитацию за ассимиляцию евреев без всяких мер принуждения, т.к. любое принуждение психологически только обостряет замкнутость и тормозит на деле ход ассимиляции.

(Сегодня, я бы еще добавил пункт 3. Признание прав всех евреев, чувствующих, что их родина – не Россия, а Израиль – т.е. евреев, неспособных любить Россию и не способных слиться с нею, ассимилироваться – признать право таких евреев на свободный выезд в Израиль без ограничений).

Если у тебя хватит духа попробовать опровергнуть все вышесказанное, то ты должен доказать, что государство может: 1) сохранять классовый мир и внутреннюю прочность; 2) одновременно допустить возможность существования национально замкнутой касты руководителей и интеллигенции.

Я уверен, что на Западе также имеется эта проблема. Имелась она и раньше, о чём свидетельствует успех демагогии Гитлера, повернувшего классовый антагонизм немцев на антисемитскую дорогу. Но сейчас на Западе эта проблема решается, наверное, не мерами дискриминации, а так, как я предлагаю – ассимиляцией. Тамошние евреи – это, прежде всего американцы, французы, а потом уже евреи. Ты же, например, - прежде всего и только еврей, и любая попытка назвать тебя русским еврейского происхождения, вызовет, видимо, бурное негодование. Вот в чем беда!

Вот главное, что хотелось тебе сказать "о том, что вокруг". Надеюсь, ты не отделаешься смешками, а сумеешь подумать и ответить серьезно и последовательно.

О ближнем Востоке поговорим позже, хотя вопрос не снимается. Я уже объяснил, почему мне это важно. Потому что мне не понятно, как демократ по убеждениям, вроде тебя, может придти к твердой поддержке столь ясного проявления фашизма, как в Израиле, на основании лишь своих

национальных предрассудков. Это мне очень интересно не столько из-за тебя самого, сколько ради самих корней фашизма".

(Сегодня мне даже неудобно употреблять слово фашизм к Израилю, что, конечно, несправедливо. Израиль – не тоталитарное государство, поэтому в нем может быть только одна половина фашизма – расизм. Я могу оправдать себя в 1967 г. только тем, что тогда, кажется, еще сохранялось лишение арабов, проживающих в Израиле, избирательных и др. прав, а также тем, что расизм, действительно, важнейшая часть фашизма).

...Твои объяснения "антисемитизма мыслящих представителей русских" ко мне не подходят совершенно. Действительно:

а) отсутствие информации – ерунда. Скажи мне хоть один важный факт, мне неизвестный;

б) врожденный антисемитизм – чушь, мне он не присущ. Наверное, даже наоборот;

в) "слабый не вызывает уважения" – сейчас как раз слабы арабы, как в 1941 г. были слабы русские, "конкурент озлобляет" – но ведь Израиль – не конкурент СССР (это шутка, а не серьезная причина);

г) "забота об интересах Родины" – но Израиль не может угрожать СССР.

Далее. Насчет бесполезности наших споров. Это ясно, конечно, что никаких последствий не предвидится. Только тебе могла придти в голову эта мысль. Но это не означает, что дилемма - "не обсуждать, молчать" или "обсуждать, пусть в узком кругу" – должна быть решена только в первом смысле, раз не видно прямых последствий.

Перед 1917г. было много лет партийной пропаганды, болтовни многих людей, и все шансы были за то, что эта болтовня так и останется болтовней. И большинство умных людей перестали заниматься болтовней, шли в инженеры. И все же болтовня на что-то повлияла и что-то выработала, раз большевики пришли к власти и ее удержали. А перед этим

были народники, Чернышевский, петрашевцы и пр. – последние вообще только болтали на вечеринках, за что их и посадили. И все же они не зря болтали. История показала.

Это не значит, что я зову тебя заниматься "болтовней" – избави Бог, но не отказывайся же от случая повлиять хоть на одного человека. Это мизерное усилие все же лучше, чем совсем ничего.

И мне не нужно твое сочувствие. Нужна только искренность и логика. Выражения можешь не смягчать, это не важно... 30.11.67

6. Третье письмо обратно:

Наконец, собрался ответить на твое письмо. В последние дни имел очень мало свободного времени: на работе был сильно загружен, вдобавок успел еще переболеть на ногах. И вот сейчас, обдумывая свой ответ, я испытываю известные затруднения. Мне очень легко тебя критиковать, обсуждать конкретные вопросы, но мне трудно в настоящее время выдвинуть какую-то цельную позитивную программу. Просто, я, видимо, отношусь к делу более честно и добросовестно. Я не пытаюсь изобрести какие-то схемы общественного развития, чтобы подогнать под них прошлое и пытаться делать на их основании какие-то прогнозы, хотя с такой схемой было бы, конечно, проще. Это очень интересно, это нужно, но у меня нет достаточного количества времени, чтобы размышлять над этим, читать труды современных философов, т.е. заниматься делом по-настоящему. Играет, конечно, роль и весьма серое окружение. Ведь все равно я не мог бы говорить об этом ни с кем из окружающих. Безусловно, у меня имеется определенное мировоззрение, на основании которого строится вся моя деятельность, отношение к различным явлениям, но многое не додумано до конца.

Все же определенная основа есть, и я попытаюсь коротко это изложить, хотя боюсь, что с первого раза мне не удастся добиться четких и лаконичных формулировок.

1. Человек одинок перед лицом бесконечности и свободен от всяких обязательств перед обществом. Невозможно обосновать наличие какого-либо смысла жизни или мораль. Как один из эпизодов: всякий по-своему прав (бесконечное множество решений, т.к. нет абсолютно истинных начальных условий).

2. Но человек – продукт общества (до известной степени). Я – продукт западной цивилизации, т.е. цивилизации, унаследовавшей высшие достижения древних цивилизаций Греции, Израиля, Рима. Ее главные достижения – провозглашение свободы отдельной личности. Мне близки ее моральные критерии, ее гуманизм. Бессмысленно спорить, "правильна" она или нет, принадлежит ли ей будущее (может быть, действительно, со временем мир наводнят арабы, китайцы и негры со своей цивилизацией). Я осознаю свою ограниченность, как продукта этой цивилизации, и мне ясно лишь, что вследствие этого своего недостатка я могу быть счастлив лишь в условиях западной цивилизации. И все-таки абсолютной истиной для меня является п.1 об отсутствии абсолютных истин, поэтому я считаю себя свободным. Это значит, что и западную цивилизацию я приемлю с оговорками, сознавая ее ограниченность, хотя за некоторые принципы мог бы отдать жизнь – именно вследствие своей ограниченности, как продукта этой цивилизации. Отсюда известная двойственность, отсутствие твердых критериев на все случаи жизни, что считать "правильным". Конечно, проще всего назвать меня "беспринципным", действующим лишь на основе собственной выгоды. Но ведь это не так. Хотелось бы их иметь. Но лучше не иметь, чем иметь заведомо неправильные.

Пойдем дальше, я попытаюсь это разъяснить на некоторых примерах.

3. Взаимоотношения людей. Межгосударственные отношения.

Необходимость совместного существования людей привело к созданию определенного морального кодекса. Он возник под влиянием ряда факторов: физиологических,

исторических, экономических и т.д. и т.п. В общем, я приемлю западную мораль, но ее ограниченность очевидна и без п.1.

Во-первых, из-за имеющихся изъянов общественного устройства или уровня развития отдельных людей имеется какое-то количество обездоленных. В полной мере нравственные критерии западной цивилизации могут быть реализованы лишь в условиях гармонического общества свободных и обеспеченных людей (может быть, такое общество – утопия).

Но как же быть с теми, кто нарушает такой кодекс, или вообще с людьми других цивилизаций? – Трудно дать готовый рецепт на все случаи жизни. Ясно, что глупо применять к таким людям принципы гуманизма. Их следует обезвредить, а может быть, в определенных случаях – уничтожить. Ведь они значительно опаснее диких зверей. Достаточно ли велика их человеческая ценность? Может быть, лучше заселить ограниченную площадь Земли людьми западной цивилизации и тем ускорить создание гармонического общества свободных людей? – Разумно ли оставлять другим цивилизациям площади и давать возможность размножения? Ведь со временем они могут уничтожить западную цивилизацию. И как все это сделать, не разрушая внутренних устоев собственной цивилизации, да еще в условиях разобщенности и противодействия 2-х лагерей? Как решить проблему перенаселения вообще? – Не знаю. В условиях 2-х лагерей невозможно решить данный вопрос, и я не собираюсь давать рецептов, т.к. не готов сейчас к ответу. Но я убежден, что в ряде случаев жестокость оправданна.

Я убежден, что нельзя слепо применять принципы "гуманизма", "справедливости", справедливые лишь внутри цивилизации, признающей эти принципы, - к другим цивилизациям. Но я против бессмысленной жестокости. Возможно, ты назовешь это "фашизмом" или другим "измом", но вряд ли сумеешь опровергнуть логически.

Аналогичные рассуждения можно привести в отношении государств. Международное право, регулирующее

эти отношения, является определенной силой, поэтому после случая с Гитлером его опасаются открыто нарушать. Да и нет в этом надобности, т.к. полно разных уверток и лазеек. Каждое государство исходит в своей деятельности из эгоистических интересов своих собственных (для демократических государств – это одновременно интересы народа). Несмотря на некоторые оговорки, отношения между демократическими государствами развиваются на основе международного права и морали. Демократия ограничивает свободу маневра правительства. Поэтому в своей деятельности они более гуманны, более строго выполняют свои обязательства. Видимо, в дальнейшем с развитием демократии эти дружбы и сотрудничества будут развиваться, а их эгоистические интересы все больше совпадать (Европейский Союз, например).

Ну, а как поступать по отношению к недемократическим государствам или государствам другой цивилизации? – Ведь они-то не признают (фактически, а не на словах) этих принципов. Разве справедливо с точки зрения западной цивилизации, что сильные демократические страны спокойно наблюдают за диктаторскими режимами папы Дока на Гаити, Франко в Испании, Мао Цзе-дуна в Китае и др.? Ведь это даже не гуманно. Народы-то мучаются и не всегда же они, вернее, не навечно же они заслуживают свое мерзкое, но прочное в военном отношении правительство?

Итак, по аналогии с предыдущим, я убежден, что нельзя слепо применять принципы международного права, справедливые лишь для демократических государств, к государствам, не признающим таких принципов. Это опять же ясно и без п.1., отчетливо представляя себе всю ограниченность понятий международного права и необходимость для демократических государств идти даже на "преступление" (с точки зрения западной морали), я приветствую все то, что способствует утверждению западной цивилизации. Если у тебя не найдется доводов, можешь меня опять назвать "фашистом".

Просматривая вновь все написанное, нахожу, что в основном выразил то, что хотел. Не придирайся к мелким неточностям, ошибкам стиля и т.д. Не было времени все это отфильтровать, выбросить лишнее или дополнить.

В этом ответ на все вопросы.

А теперь я очень коротко остановлюсь на твоём письме прямо подряд.

1. Опасность (переписки) существует, не притворяйся.

2. Понятия. Определения неточные и неполные. Отложим пока это дело, лучше вообще без них.

3. Что "все народы равны по своим возможностям и равноправны", я не согласен, поскольку речь идет о ближайшем будущем, а не о столетиях. Кроме того, чисто теоретическая "возможность" представляет чисто теоретический интерес.

4. "Правота русских в 1941 году". Еще раз повторяю: детский вопрос.

Лично я был заинтересован в победе русских в 1945 г., равно как и в том, чтобы войны не было вообще. А кто "прав" или "неправ", не знаю, т.к. не знаю, какой для этого задать аксиомой, с чьей точки зрения "правы", с чьей точки зрения "неправы". Один хищник опередил другого, могло бы случиться и наоборот.

5. Китай. Твоя ошибка непростительна. В условиях типично азиатской диктатуры при отсутствии всяких реальных основ демократии (хотя бы наличие официально признанной сильной оппозиции) было совершенно нелепо возлагать какие-то надежды на эти "сто цветов".

6. Де Голль. И опять ты ошибаешься. Мой прогноз: после его ухода политика Франции станет значительно более проамериканской, т.е. типа Англии или ФРГ. Вывод: основную роль играет личная популярность, а не то, что он так уж полно выражает мнение большинства.

7. Насчет прогрессивного общественного строя – сойдемся. Политику во всех случаях я не оправдываю.

8. По поводу дискриминации. а) В первые годы после революции евреи, принимавшие в ней активное участие, занимали ряд высоких постов (Свердлов, Троцкий и др.). Белые называли Сов.правительство "жидо-большевистским". И все же, несмотря на непрочность Сов.власти (гражданская война, классовая борьба) никому не приходило в голову пожертвовать ими ради "классового мира", как ты выражаешься. Мы внесли огромный вклад в развитие науки, техники, культуры (совершенно непропорциональный численности – даже если брать только интеллигенцию). Вспомни хотя бы учебники. Сколько там было -бергов, -манов, Рабиновичей. Вместе с русской интеллигенцией мы подвергались репрессиям 30-х годов. Дискриминация развернулась в основном после войны. Первыми ласточками были "дело врачей", кампания против космополитов. Сталин был антисемитом. Это доказано. Итак, дискриминация развернулась в момент расцвета мощи государства после победы над врагом. По-твоему выходит, что государство вдруг так ослабело, что озаботилось проблемами классового мира? Глупо!

В 30-х годах нас было больше, и мы в большинстве были интеллигентами. С помощью Гитлера наша численность была уменьшена, т.е. вопрос был частично решен, и все же после войны потребовалось срочно ограничивать наше влияние - "восстанавливать классовый мир" – еще раз глупо! Учти еще, что в %-отношении наше количество убывает из-за невысокой рождаемости.

б) Дискриминация в основном направлялась сверху, хотя не следует отрицать народного антисемитизма, которому евреи были отданы государством в некотором роде на съедение. Мы были лишены прессы, языка, театра, возможности объединиться и защищать свои интересы, стали подвергаться экономической дискриминации. В чем причины?

Для дискриминации сверху:

1. В связи с порочной национальной политикой государства, мы направляем свои помыслы и надежды в

другую сторону и нам, действительно, нельзя доверять в полной мере именно в результате дискриминации.

2. Личный антисемитизм руководства и его недалекость.

3. Дешевый метод завоевания популярности или, как ты говоришь, "классового мира". Нас ведь только 2,3 млн. Можно и пожертвовать.

Для дискриминации снизу:

1. Дискриминация сверху.

2. Характерная враждебность темных людей к "инородцам" или ненависть арийских служащих к своим неарийским конкурентам.

3. Слабость евреев в смысле отсутствия защиты со стороны государства, а также и чисто физическое неумение постоять за себя, что легко объяснить многовековым угнетением (впрочем, последний недостаток у нынешней молодежи постепенно искореняется).

4. Чисто зоологический, врожденный антисемитизм украинцев требует особого выделения.

5. Возможно и то, что народ недолюбливает интеллигентов, но я думаю, что это не так уж существенно, да и зарабатываем мы ниже среднего общественного уровня – рабочие ведь получают больше инженеров и врачей, не говоря о крупных постах, куда нам ход закрыт.

Решение вопроса. – Только на основе свободы и отсутствия дискриминации. Это значит, что всем желающим должно быть предоставлено право эмиграции. Оставшиеся (думаю, их будет не слишком много), во-первых, перестанут представлять опасность для "классового мира" (ну и ...же ты!!!). А во-вторых, получив равные права, они станут вполне лояльны. Многие с удовольствием изменят фамилию и 5-ю графу. Кстати, ты печешься об ассимиляции. А почему же не разрешают желающим менять национальность, равно как и фамилию. Между прочим, многие зас...цы пошли бы на это. Почему вообще существует такая графа? Не достаточно ли отметить национальность, ну, скажем, в метрике? Но

противоречит ли это твоим заключениям насчет отказа от ассимиляции? Почему американец по паспорту – просто гражданин США? Не пахнет ли здесь рядовой дискриминацией?

Ну, а если некоторое количество лиц, будучи вполне лояльны, не захотят, подобно всем прочим народам нашей великой страны, отказываться от своей национальности, так что в этом ужасного?

Нет, это не соответствует принципам западной цивилизации. Давай лучше сойдемся на моем пункте 1, т.е., что каждый прав по-своему. Но если оперировать понятиями "морали", "гуманности", "фашизма" и т.д., как ты, то можно сказать, что все твои рассуждения являются сплошным лицемерием (типа полотера из кинофильма "Я шагаю по Москве").

И вообще, наверное, не стоило мне все это писать...
12.12.1967 г.

7. Четвертое письмо туда:

Мне не надо было долго собираться, пришлось даже сдерживать себя, чтобы не усесться за письмо.

Во-первых, большое спасибо! Твоя серьезность здорово двинула дело вперед. Многое стало яснее, и, кажется, нашей переписки в этом плане скоро придет конец (за ненадобностью) – и слава Богу!

Хорошо, что ты отбросил легкий путь одной критики, а изложил и "кредо" – мне только оно и было нужно. Теперь остались некоторые частности.

Сперва зафиксируем основной факт: ты признал себя фашистом, потому что это так. Действительно, будь ты немцем в 1941 г., все эти рассуждения о низких цивилизациях были бы вполне естественны в твоих устах – о необходимости защиты западной цивилизации и т.д. Сам знаешь.

Значит, в 1945 г. ты был бы неизбежно осужден в Нюрнберге. Под твоими словами не подпишется ни один западный гуманист и сейчас.

Недаром ты обвиняешь демократические государства, которые терпят папу Дока. Это означает, что твои убеждения и западный гуманизм – разные вещи.

В общем – все ясно и понятно.

Вопрос ставится теперь по-другому: "Как "западный гуманист" мог перейти на эту платформу?" (или: "Как ты дошел до жизни такой?")

Разберемся.

п.1 – понятно и неоспоримо. Да, все относительно, цели у жизни нет и т.д. И это, действительно, одна из аксиом западного общества, где царствуют наука, техника, гуманизм, атеизм большинства.

п.2. – свобода личности, как основной тезис зап.цивилизации – могу согласиться, но при условии, что он будет развернут в духе гуманизма, науки и пр.

п.3. – здесь начинается то, что противоречит п.2 и п.1.

"Свобода личности" – это значит: как бы ни был приятен или неприятен человек людям, обществу или кому-другому, он обладает всеми правами при выполнении им строго определенных обязанностей (кодекса). Согласен?

Тебе не надо менять ни национальности, ни кожи, ни убеждений, если ты выполняешь известные правила. Более того, ты волен стать кем угодно, вести себя как угодно, менять убеждения или кожу, но... при условии соблюдения кодекса, законов. Для нарушителей же кодекса в цивилизованных странах есть тюрьмы. Согласен?

Но то же самое – и в отношениях государств. Спрашивается, за что же идти войной на Гаити, если оно никого не трогает, долги платит и пр. и т.д. А какое оно, Гаити, внутри – так кому какое дело, если ты внутри себя что делаешь? – Не нравится, пожалуйста, переубеждай, но допустимыми средствами – не войной, во всяком случае.

Может быть, неграм Гаити гораздо больше нравится папа Док, чем американская демократия? Может, для них резня гаитянских тонтон-макутов – гораздо более приемлема, чем продажность парламентских политиков?

Если быть логичным (а западные государства логичны), то свобода личности (краеугольный камень) есть одновременно и свобода государств, наций, народов – на жизнь по своему разумению (конечно, в рамках определенного международного кодекса) – право на самоопределение, самоотделение, суверенитет – это аксиомы. Ты должен признать свою нелогичность. Еще Гегель сказал: "Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает". Это верно. Мечтать об освобождении китайцев или гаитян – так же глупо, как намерение Гитлера завести у русских новый, якобы "западный" порядок.

Если согласиться с тобой, то, например, тогда можно будет доказывать, что раз ты, допустим, не женился и нарушаешь естественные правила людей, значит, ненормален – внутри себя, а значит, выпадаешь из-под защиты кодекса, из-под сферы действия закона о свободе личности, и к тебе можно применять насильственные санкции. Какая же это свобода, если ты должен внутри себя примериваться под чьи-то частные идеалы и мораль? Если в ней столько исключений? И притом произвольно устанавливаемых?

Свобода должна исключаться только для тех, кто не признает свободы других (т.е. определенного кодекса), и все!

И протестуют против войны во Вьетнаме или на Ближнем Востоке западные гуманисты, потому что эти войны западных держав противоречат самим законам западных цивилизаций – хоть и ведутся, якобы, во имя ее.

Ты не хочешь заводить семью, Вьетнам не хочет демократического правительства, каждый человек и каждый народ волен распоряжаться собой сам по себе. И ни я не имею права приказывать тебе, ни американцы – Вьетнаму. Де Голль прав, когда говорил: "Израиль и арабы, кто из вас первый нападет, тот и будет осужден" (хотя за арабами существует

еще право на исправления несправедливостей 1947-49гг.). Эта позиция – настоящая защита принципов демократии, свободы и законности. Ни арабы, ни вьетнамцы не нарушают существенно международного кодекса, нарушают его Израиль и США, и потому они – виновны.

Я знаю, тебя не убедишь, но ты просил опровергнуть свои доводы логически – пожалуйста.

И не повторяй, что Запад надо защищать любыми средствами, как угодно, а то, мол, эти китайцы сегодня притворяются мирными, а потом внезапно нападут. Этим - "как угодно" – ты сразу же разрушаешь внутренние устои западной культуры (как, впрочем, сам же признаешь).

Всем ясно, что кодекс законов о свободе и независимости государств обеспечивается не полицией или тюрьмами, как внутри государства, а войнами – или угрозами войны (равновесие хищников). Дерутся не только западные страны с восточными, но и сами западные демократические государства между собой. Вспомни войну 1914г.: войну сравнительно демократической Германии (свобода партий и т.д.) с Англией и Францией. Вспомни войну республиканской Франции с парламентской Англией в эпоху Вел.Французской революции, нынешнюю грызню двух членов НАТО – Греции и Турции.

Допустим, США, Англия, Франция и некоторые другие – послушаются твоего совета и станут наводить свои порядки везде по миру. Собственно, это они и делали недавно с помощью колониальных войск. И что же – рост национального сопротивления, а в результате – независимость получили большинство народов (мир идет от колониальной системы, а ты ратуешь за ее закрепление). Конечно, после получения независимости некоторые народы установили у себя что-то похожее на диктатуру, но большинство, кажется, идет по западному пути – по своей воле. Только так, без военной силы, Запад может добиться настоящего признания у мира.

А твои советы – давно уже запоздали. Все поняли их неправильность и гибельность для зап.цивилизации (кроме США – но и они поймут скоро). Поставь Гитлера во главе зап.цивилизации – и она будет уничтожена (между прочим, Гитлер тоже был против бессмысленной жестокости – он был только за нужную и даже необходимую жестокость: для воспитания юношества, или для получения раб.силы, или для получения необходимого жизненного пространства, или для научно обоснованной необходимости уничтожения евреев – все это было оправдано с точки зрения фашистской "науки"). Так вот, Запад с Гитлером во главе (или с тобой) был бы уничтожен, как была раздавлена Германия, несмотря на внешние и легкие победы третьего рейха. Нет, Запад никогда не последует твоему совету. Я убежден.

И, наконец, последний важный вопрос. - Что ты понимаешь под принадлежностью к западной цивилизации – национальность, гражданство или убеждения? Судя по всему – убеждения (ты сам себя относишь так). Но тогда зачем говорить об арабах, неграх, китайцах (не понимаю, куда ты поместил русских – ответь, пожалуйста, особо) – как об цивилизациях, неспособных воспринять и усвоить западные результаты и принципы? В чем, собственно, единство и различие – в цвете кожи или в языке? Почему ты не причисляешь к Западу – не только Австралию и Н.Зеландию, но и Либерию, и Тунис с Марокко, и Цейлон, Индию, Кению и др.?

А может все же ты делишь людей на западных и восточных – лишь по национальности? – Ответь прямо. Это сейчас главный для меня вопрос! Ты сам – продукт западной цивилизации – по убеждениям, или благодаря только национальности? И если по национальности, о чем я догадываюсь, то... (тогда, конечно, мне, например, как украинцу со своим "зоологически врожденным антисемитизмом" вход в "западную цивилизацию" запрещен. И если, не дай Бог, власть попадет к людям твоих воззрений, то ко мне будут применены не только меры тайной

экономической дискриминации, но и меры чисто физического уничтожения – по-видимому, и на это я не смогу согласиться в нашем споре).

Между прочим, ответь, на каком основании ты причисляешь Израиль к западной цивилизации? Когда всем, любому школьнику известно, что он находится на Востоке, хоть и Ближнем, и что в древности он также был на Востоке. Ведь античный мир состоял из Др.Греции и Др.Рима, и других, но уже восточных цивилизаций – Египет, Вавилон, Израиль, Персия, Индия, Китай? Каждому известно, что основным подарком Израиля миру – это введение в обращение монотеизма – единобоговой религии. Перевод иудаизма на общедоступный лад (замена обрезания крещением) создало христианство, которое уничтожило веротерпимость, разрушило античную культуру (почище варваров), буквально сожрало изнутри Рим и Грецию, на 1,5 тысячелетия задержало развитие европейской культуры. Это очевидно, научно доказано.

В те времена евреи были самыми яркими религиозными фанатиками и яркими антизападниками, противились проникновению в свой быт любых элементов римской культуры. Но в наше время они сохранили и свой фанатизм, и свою нетерпимость, т.е. фактическую антизападность. Уже в новое время они внесли непропорционально большой вклад в дело создания новой мировой религии – коммунизма. Совершенно очевидно, что элементы фанатизма, веры в идеал, которые имеются в марксизме – тесно связаны с пламенным характером Маркса, его жадной немедленного осуществления идеала, т.е. с самыми глубокими национ.чертами. Да и ты сам гордишься тем, что в создании нашего, сегодня недемократического государства, евреи внесли громадный, непропорционально большой вклад. И, наконец, в самом Израиле сейчас они снова создают фанатическую, антигуманистическую организацию с единственной целью Великого Израиля. И западный мир это тоже поймет скоро.

Так как же можно причислять Израиль к западной цивилизации? Что в нем западного?

Это факты, факты, а не иллюзии. Но означает ли вышесказанное, что я отрицаю у евреев или другой любой нации – способности к созданию демократического государства? – Конечно, нет! Не отрицаю – даже у своих украинцев и русских.

Правда, способности в данное время к этому у каждого народа разные. Американцы в этом смысле – наиболее способная нация. Франция – меньше, она терпела и Людовика, и Наполеона. Германия еще хуже, но все же ничего (а может, дело просто в ступени исторического развития?). А вот если сравнивать русских и евреев, то я поколеблюсь, кого поставить в этом смысле вперед. Конечно, у русских остались очень сильные привычки покорности азиатскому деспотизму, зато у евреев – глубоко воспитана фанатическая привычка к идеальной вере – этому суррогату духовного деспотизма.

Твой личный пример – тому яркое подтверждение. Из-за чистого идеализма ты сперва печешься о китайцах или неграх с Гаити, и призываешь жертвовать солдатами западных стран – ради свержения всех недемократических правительств, а потом – из другого идеализма – готов объявить войну всем "не нашим" и уничтожить их, как диких зверей. Одного лишь не хочешь – оставить эти народы жить так, как они сами того хотят – не ущемляя их свободы. Т.е. ты не хочешь поступать так, как поступают на деле западные государства (мирно и спокойно). Следовательно, я – более западен, а ты, напротив, более – восточен. Это логично.

Но если без шуток, то нельзя на эти разграничения "запад-восток" смотреть как на что-то вечное и неизменное. Весь мир движется к западной, технической цивилизации, именно потому что в ней главное – бурное развитие техники (например, восточная и демократ. Япония). Техника побеждает силой или угрозой силы (атомная бомба). Но сама техника нуждается в науке и развитой промышленности, а эти последние требуют свободы мысли и инициативы и т.д.

В заключение, еще один пример. Ты волен делать с частями своего тела, что угодно – кусать ноги, бить руки, резать их, жечь, или, наоборот, холить, беречь, нежить, а другие люди вольны тебя осуждать за это или хвалить, но не запрещать, поскольку ты – свободная личность и выполняешь "кодекс", т.е. не кидаешься на других, не кусаешь их и т.п. Также и с государствами. Они вольны делать внутри страны что угодно. Генералы в Греции могут расстреливать всех своих противников – войны не будет, ибо они в ответе только перед греческим народом. Но начини эти генералы, вернее, полковники, внешнюю войну или полезь на чужое, получают от других взбучку (пример – история с Кипром).

Ну, вот, наконец, я разобрал твой 3-й пункт. Теперь пойдем дальше.

1. Ты, наверное, не понял моего вопроса: "Все нации равны ли по возможностям и равноправны?". Этим я спрашивал твое отношение к тем многочисленным научным опытам, когда дети разных национальностей и рас в примерно одинаковых условиях воспитания и роста, показывали одинаковые (статистически, конечно) способности.

Признаешь ли ты эти результаты? И при чем тут теоретическая возможность? Если признаешь, то согласишься сразу же с тем, что у негра право на образование такое же, как у белого, или что у араба – право на родину и местожительство такое же, как и у еврея и т.д.

2. О Китае – можешь не прощать, я не просил. И хватит.

3. Де Голль – твой прогноз, всего лишь собственная иллюзия – приятных тебе сновидений!

4. Теперь о дискриминации.

Конечно, гипотеза "классового мира" – как основной причины сохранения дискриминации нашим последним, в сущности, довольно реалистическим правительством – лишь моя гипотеза и, возможно, что на деле основная причина была не в этом. Хотя и ты согласен, что смысл в этом есть. Хорошо.

Что политика государства в области еврейского вопроса сейчас совершенно неправильна – я полностью согласен (я же писал тебе об этом). Вдобавок, не знал, что запрещено менять эту 5-ю графу. Глупость невероятная. В Изборске я разговаривал с одним дедом о довоенном времени, о том, как вопрос об ассимиляции решало эстонское правительство (до 1940г. Изборск и близлежащие исконно русские /псковские/ земли с преимущественно русским населением принадлежали независимой Эстонии). Так вот, эстонцы тратили массу сил, чтобы завоевать популярность русских народов и эстонизировать их. Всякого русского, переделавшего свою фамилию на эстонский лад, ждали большие материальные выгоды (речь идет о крестьянах). Вот это, думается, правильная национальная политика.

Да что уж там говорить.

Ну, хватит. Разрешите мои последние вопросы и на этом закончим. Думаю, что тогда я смогу проконсультироваться не по вопросам западного гуманизма, а по вопросам фашистской идеологии: "Скажи, а что это такое, а об этом ты как считаешь?.. 15.12.1967г.

8. Четвертое письмо обратно:

"...До Нового года остается 7 часов, но уже ощущается какая-то торжественность и грешно заниматься немецким.

Поздравляю тебя с этим интернациональным праздником (какая разница, если немного смещены даты). Желаю счастья! В такой момент не хочется спорить или ругаться. Главное для меня – это то, что я имею дело с порядочным человеком. У нас гораздо больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. По крайней мере, я так думаю. А если нет, то ведь и противника можно уважать, если он честен.

Судя по письму, ты меня неверно понял, да и я допустил ряд неточностей. Мой п.3 состоял из одних вопросов и почти не содержал никаких рецептов, а хотел лишь подчеркнуть сложность некоторых вопросов и невозможность

их решения на основе всеобщей гуманности. Давай разберемся. Наш мир состоит из народов, находящихся на разных уровнях развития, представляющих или не представляющих угрозы западной цивилизации (З.Ц.) в данный момент или в будущем. Все они ведут борьбу за существование. Твой идеал мира и братства между народами при полном уважении каждого на нац.независимость, а также личная свобода каждого гражданина при выполнении им определенных правил привлекателен и для меня. Какое значение, что народы так отличны друг от друга по уровню развития, по способностям, по образу жизни? – Ведь в каждом народе, в каждом индивидууме можно найти что-то хорошее, неповторимое. Лично мне зачастую простой человек бывает приятнее какого-нибудь интеллигентного подлеца (или даже не подлеца, а просто бесцветной личности). Но вопрос в том, сумеет ли мир придти к такому идеалу и как этого добиться. Давай реально рассмотрим обстановку, не принимая в расчет катастрофических последствий увеличения народонаселения. В мире происходит жестокая борьба, которая будет определять будущее. Это, во-первых, два лагеря: СССР – США. Затем усилившееся влияние Китая. Лет через 10-20 он будет представлять для мира серьезную угрозу, обладая современным оружием, огромным население и при нынешней агрессивности. В более отдаленном будущем можно предвидеть усиление могущества стран Африки, Латинской Америки, Индии. Соотношение сил изменится не в пользу стран З.Ц. Можешь ли ты утверждать, что мир придет к братству народов? – А может быть, установится всемирная диктатура, еще более омерзительная, чем диктатура Мао? Я не делаю никаких прогнозов и не выдвигаю пока что никаких всеобъемлющих программ, т.к. понимаю, насколько это сложно. Мне ясно только одно: 1) на чьей я стороне, 2) что эта жестокая борьба ведется вовсе не по джентльменским правилам. Все покоится на равновесии сил, и только победа одной определенной силы может привести к братству народов.

Твои понятия о праве отдельных государств на независимое развитие устарело, хотя сейчас оно и поддерживается равновесием сил. Во-первых, оно не относится к народам, правительства которых не являются свободно избранными. Такие народы надо освобождать во имя гуманизма. Во-вторых, государства, представляющие угрозу для З.Ц., должны быть своевременно обезврежены даже и при свободно избранном правительстве (обезвредить – это не значит истребить народ). Это тоже во имя подлинного гуманизма, т.к. потребует меньших жертв. (При выполнении 1) и 2) необходимо учитывать соотношение сил при выборе средств достижения цели). Как видишь, мой гуманизм является реальным и потому воинствующим, а твой – либеральной болтовней.

А теперь предположим, что попытки регулирования рождаемости окажутся безуспешными. Это – кошмар. Тогда неизбежна смертельная борьба народов за существование. Именно этот случай я имел в виду, когда упоминал о возможности с точки зрения интересов З.Ц. уничтожения народов других цивилизаций. Ведь всем поместиться на ограниченной площади Земли не удастся. Это самый крайний случай, если не найдется других путей предотвращения катастрофы. – И все во имя общества свободных и счастливых. И потом: разве перепроизводство людей, обреченных на полуголодное существование не является еще большей жестокостью и вдобавок – бессмысленной жестокостью, чем их уничтожение в силу необходимости?

Воинствующий гуманизм отличается от фашизма не реальной оценкой и пониманием необходимости борьбы, а целями, которые весьма различны. Ты же совершенно ничего не понял. Выхватил несколько фраз из текста и, обрадовавшись, что они соответствуют твоей теории, поспешил наклеить ярлык. Что я, идиот, что ли, что сейчас же начну тебе приводить список народов, которые "относятся к З.Ц." и которые надо оставить в живых? К чему такой примитив?

Кстати, насчет Нюрнбергского процесса, я очень внимательно ознакомился с его материалами этим летом. Так вот, в речи одного обвинителя есть выражение сожаления по поводу ограниченности международного права, которое не позволяет свергать фашистские правительства. Этот процесс в значительной мере противоречил международному праву, на что справедливо ссылались адвокаты.

Обвинения в национализме в том смысле, как ты их истолковываешь, я отвергаю. Безусловно, однако, что народы различны по способностям. Нельзя просто так отбросить разные исторические условия развития. Имеются различия как внешние, так и внутренние. Почему же ты так уверен, что мозг, в отличие от прочих органов (мы берем в среднем) у всех народов одинаково развит? А нервная система? Можно, по-моему, признать равные права народов пользоваться землей, но до тех пор, пока не возникают конфликты, связанные с перенаселением. В этом случае вопрос осложняется, и я пока воздержусь от решения в общем виде. Хотя частные решения для конкретных случаев (Ближний Восток, например) можно было бы предложить.

Хотя античный мир состоял из Китая, Ассирии, Египта, Индии и т.д., решающую роль в создании З.Ц. сыграли именно Греция, Израиль, Рим. Это является доказанным и общепризнанным. Твои рассуждения насчет Израиля совершенно неправильны. Если будет время, я приведу тебе некоторые цитаты из труда "История израильского народа" Ренана в III томах, где беспристрастный историк (француз) совершенно иначе трактует вопрос.

Из-за недостатка времени я не сумел подробно ответить на твое письмо и затронуть все темы. Есть предложение рассматривать более узкий круг вопросов. На этом кончаю, чтобы не задерживать ответ... 31.12.67

9. Пятое письмо туда:

...Ты неправ, считая, что твое предыдущее письмо состояло из одних вопросов – нет, оно было ценно именно

утверждениями. И последнее письмо подтверждает эти утверждения еще раз.

Так чем же отличается "воинствующий гуманизм" от фашизма? Конкретно? – только целями! А в остальном, значит, "цель оправдывает средства?" Но кому неизвестно, что цели у всех "хорошие" на словах: счастье немецкого народа, светлое будущее культурного человечества – этих "светлых целей" пруд пруди. Отличия моей "либеральной устаревшей болтовни" (на которой, между прочим, до сих пор держится все международное право и демократия) – от фашизма вполне резки и понятны и тебе, и мне, а вот отличия "воинствующего гуманизма" от фашизма – я не вижу.

Может, только в том, что Гитлер считал врагами культуры и неполноценными – евреев и русских большевиков, а ты – прежде всего, арабов-мусульман (на том основании – что просто они не люди, вот и все доводы) и китайских коммунистов (потому что их много). Но отличие это совершенно не существенно для существа этой "воинствующей идеологии" (разница – лишь в национальной окраске). Не согласен?

Так объясни мне тогда, что такое фашизм? И чем он отличается от воинствующего гуманизма? Объясни, пожалуйста, честно и логично!

Ведь даже на такой ясной, научно доказанной теме, как равные умственные возможности детей всех человеческих племен, не говоря уж о детях таких древних цивилизаций, как арабы, китайцы и т.д. – ты занял нечеткую, скатывающуюся к расизму позицию.

А в общем, все, все уже понятно и не требует долгих объяснений. Твои "вопросы" предлагают вполне конкретные ответы, выводы, например, по Ближнему Востоку – то, из-за чего у нас разгорелся спор. Но раз мы уперлись в несогласие о сущности воинствующего гуманизма-фашизма, то ясно, что не придем к пониманию и здесь.

Насчет основополагающей роли Израиля в античной истории (даже перед Римом) – возможно, я ошибаюсь. Но

раньше я не встречал в литературе подобных утверждений, хотя кое-что читал об этом времени (если бы ничего не знал, то и не высказывался бы). Просто я отождествляю в некоторой мере влияние Израиля и влияние христианства. Если же ты будешь утверждать, что христианство вполне хорошо – не поверю. Цитаты из Ренана я с удовольствием бы почитал – присылай их. А если удастся со временем, то и самого прочту. Но и ты здесь страшно односторонен, например, игнорируешь вопрос о решающей роли евреев в создании фанатичных вер христианства, коммунизма и пр... или как у тебя - "воинствующего гуманизма"... 17.1. 1968 г.

На этом, собственно, наша переписка о сионизме и фашизме прекратилась. Ниже я приведу еще несколько выдержек из писем моего товарища, но они касались уже немного другой темы, но обсуждаемого вопроса мы уже не касались. Поскольку я был активной, спрашивающей стороной, а в последнем, пятом письме, спрашивал я уже без особого энтузиазма (точки зрения выяснились), то и мой товарищ в своем ответе через два месяца уже забыл об этой теме, а я ему не напомнил.

Мы оставались друзьями, но убеждения наши были различны. Мне казалось, что я сделал все, чтобы понять его правду об Израиле, но он только утвердил меня в неприязни правоты Израиля на ущемление прав палестинцев. Я считал, что Израиль – страна, если не фашизма (это, скорее, термин резкой полемики), то уж воинствующего расизма, и потому морально должен быть осужден. Так же, как и большинство моих сверстников, я не принимал Насера и нашей дружбы с ним, но когда дело касалось Палестины, то не мог не относиться с сочувствием к его разъяснениям, почему он против Израиля как национального государства: он признает право евреев жить в Палестине, их исторической родине, жить свободно и управлять своей страной. Но он также

признает и добивается права арабов-палестинцев тоже жить на их исторической Родине – Палестине, жить свободно и управлять своей страной. Так получилось, что два народа одновременно считают своей единственной родиной одну и ту же землю. Права обоих народов должны быть соблюдены, а это значит, что в Палестине не должно существовать однонационального государства, только еврейского или только арабского. Это должно быть арabo-еврейское или еврейско-арабское государство, где главой государства могут быть и еврей, и араб. Только такое решение вопроса справедливо. И вслед за Насером, я до сих пор признаю эту справедливость.

Только в последнее время я теряю твердость этого убеждения. Почему? – Установление арabo-еврейского государства есть фактически отказ от существования чисто еврейского национального государства Израиль, ликвидации этого знамени, притягательного для евреев всего мира. А чем дальше, тем больше я не уверен в справедливости ликвидации этого знамени.

Действительно, почти две тысячи лет евреи находятся в изгнании по всему миру, две тысячи лет они вливаются в другие народы, ассимилируются с ними, но эти же две тысячи лет евреи не могут полностью ассимилироваться, остаются замкнутым народом в среде других. 2000-летний опыт ясно показывает, что решить еврейский вопрос может только возвращение не ассимилирующихся евреев на их историческую родину. Так получается, что существование Израиля – необходимость для исправления 2000-летней несправедливости и трагедии еврейского народа, для решения еврейского вопроса.

Так проявляется противоречие двух несправедливостей, так возникает неразрешимый для меня парадокс. Можно ли его разрешить? – Не знаю. Для меня положение осложняется еще тем, что аналогичная ситуация необходимости совмещения двух народов на одной земле –

характерна не только для Израиля, но и для других народов: армян в Турецкой Армении, крымских татар в Крыму, да и мало ли еще неизвестных мне таких национальных конфликтов. Так что же – везде надо вопрос решать только силой, только за счет одной стороны? – Не хочется в это верить.

Пусть я имею нереалистические убеждения, пусть это будет только утопия, но пока я остаюсь при идеале государства, где могут жить люди разных национальностей свободно и достойно, в том числе и евреи, и арабы. Конечно, это значит, что не будет Великого Израиля, могущественного и чисто еврейского, воинственного и фанатичного. Ну, а так ли необходимо такое знамя? Неужели евреям необходим для возвращения на свою историческую родину только обязательно однопациональный Великий Израиль? Разве не могут они возвращаться в Палестину, Иудею и Израиль, где кроме евреев живут и арабы, и христиане? Разве так уж совершенно необходимо, чтобы Палестиной управлял еврейский премьер-министр, а вот араб-президент недопустим.

Заканчивая, я хочу еще раз подчеркнуть, что сегодня признаю право и приветствую это право евреев на жизнь в Палестине, своей родине, но не могу признать справедливость сионизма – т.е. права на возрождение чисто еврейского Великого Израиля – этого древнего и давно умершего государства. Современные государства должны отличаться от древних форм.

Пусть мне объяснят мою неправоту.

Обсуждая вопрос о Ближнем Востоке, мы с товарищем затрагивали мировоззренческие вопросы. Рассматривая эти письма как свидетельство времени, я приведу еще два отрывка из последующих писем, посвященных уже нашей жизни. Мне лично кажется интересным, что очень резкая и категоричная позиция моего товарища на деле оказывается пессимизмом, отсутствием перспектив в

жизни, тупиком. Мы знаем о бесперспективности левого экстремизма, а на описанном здесь примере правого экстремизма эта бесперспективность выявляется столь же отчетливо.

Пятое письмо обратно:

...Довольно много читал, в числе прочего, письмо Солженицына съезду писателей. Долго ли еще смогут консервативные реакционные элементы противиться наступлению оттепели? Ведь их власть так несоизмерима с их ничтожным количеством! Просто нелепость какая-то! Ведь мы участвуем в какой-то дурацкой комедии и ничего не можем сделать, хотя вроде бы всем все понятно. Власть зиждется на огромном проценте безликой серой массы, на вековой отсталости русского народа. Безусловно, ряд качеств национального русского характера заслуживает уважения: смелость, стойкость, широта, жизненная сила, возможно, одаренность. Но какое убожество развития интеллекта, какая узость, косность, полнейшее отсутствие понятия личного достоинства, какая потрясающая политическая отсталость. И как дорого обходилась огромная сила многочисленного варварского народа его соседям или тем, кто уже попал в колониальную зависимость. Это – одаренный народ, и варварство его, конечно, явление временное с точки зрения исторических масштабов. Правда, простым смертным с их быстротечной жизнью от этого сознания не легче. Я хочу все же отметить, что почти всем, чего этот народ добился, он обязан Западу. Все великие люди – писатели, ученые, художники и т.д. получали общеевропейское образование. От своего же народа они наследовали лишь большую жизненную силу и определенный колорит. И, как правило, все эти великие люди у себя на родине подвергались вечным преследованиям.

Конечно, отсталость и невежество русского народа имеют свое историческое объяснение... В то же время величайшего уважения заслуживает русская интеллигенция (ничего общего, кстати, с народом не имеющая, хотя она

могла любить свой народ и даже жертвовать за него жизнью). Можно преклоняться перед декабристами, народниками и позднейшими революционерами (всех партий). Именно здесь, в тяжелейших условиях были продемонстрированы высочайшие духовные качества и сила духа. Я глубоко убежден, что в силу своей отсталости этот народ никогда не заслуживал своей интеллигенции, а только – правительство свое. Но я также верю и в то, что все эти жертвы и труды когда-нибудь принесут свои плоды.

Пользуясь идеалистическими понятиями, можно сказать, что этому несчастному народу еще предстоит искупить свою вину перед теми, кого он поработал, будучи сам рабом...

...Может быть, это не совсем к месту, но я всегда помню слова Пьера Безухова о том, что и богатство, и власть, и положение ежели чего и стоят, так это того удовольствия, с которым все это можно отшвырнуть. С каким бы удовольствием швырнул бы я кое-кому в рожу то небольшое, чем я располагаю. Впрочем, мне и терять почти нечего, так что даже красивого жеста не получится... 14.3.1968 г.

Из последнего письма:

...Давно хотел тебе написать. Я все прекрасно помню и ничего не забыл. Просто настроение было да и есть страшно паршивое. Сейчас я слегка пьян, но это не играет большой роли. Прежде всего, мне хочется выразить тебе мое самое глубокое уважение. Уважение за то, что у тебя слова не разошлись с делом. Я по-прежнему считаю все это неэффективным и заранее обреченным. Может быть, это слишком большая роскошь – иметь чистую совесть и платить за нее не только своими личными интересами, но и интересами своей семьи. Может быть, занимая более высокое положение, ты имел бы большую возможность влиять на события. Да мало ли можно найти трусливых лазеек, человеческий мозг так изворотлив. Короче говоря, я уважал тебя и раньше, а сейчас уважаю еще больше. Ну, а жалости

больше достоин я. Ведь у тебя семья, какая-то деятельность, какой-то смысл жизни. У меня ничего этого нет. Я знаю, что могу работать, как зверь. Но что с этого? Я вынужден растрчивать свои силы на ерунду. Все мои возвышенные построения не выдерживают столкновения с жизнью. Никакого просвета... 3.5.1969г.

Это письмо последнее, потому что мы поняли, в конце концов, что переписка – не место для откровенных споров и объяснений. Для нас время откровенных писем кончилось.

Приложение 9.

Сценарий диафильм "Весна света"(1967г.)

- 1 "Весна света" - так Пришвин назвал конец зимы, предвещающий наступление весны, тепла: "Январь, февраль - начало марта - это все весна света".
- 2 "Небесный ледоход лучше всего виден в больших городах наверху между громадами каменных домов. В это время я адски работаю, собираю, как скряга, рубль за рублем и, когда, наругавшись довольно со всеми из-за денег, наконец, в состоянии бываю выехать туда, где добыть их мне невозможно, то бываю свободен и счастлив. Да, счастлив тот, кто может застать начало весны света в городе и потом встретить у земли весну воды, травы, леса и, может быть, весну человека".
- 3 Слова эти западают в душу, встречают понимание - кто из нас не любит природу? Кто не чувствует успокоение и очищение после каждой встречи с нею? Нам далеко до зоркости этого большого писателя, гораздо больше мы относимся к тем, для которых природа - закрытая книга, к людям, о которых еще Тютчев писал:
- 4 "Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах.
.....
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела.
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была".
Наш язык слишком беден для выражения красоты родной Природы, поэтому лучше вам послушать прозу Пришвина и стихи русских поэтов.
- 5 Что думает этот таджик, сидя на выжженной солнцем земле, в жару под сорок градусов в тени? - Бог его знает! Но мы, сидящие рядом в ожидании попутной машины, думаем об одном: о прохладе, о благословенном холоде и

- 6 свежем от мороза воздухе, о белом снеге и низком
солнце. А какие зимой заиндевелые веточки: звонкие-
звонкие, холодные и пушистые! Боже, да возможно ли
все это?
- 7 Все на свете сбывается, а уж наступление зимы -
подавно. Давно уже забыты тяготы среднеазиатской
жары, давно прошла и осень золотая и вот,,,
- 8 Еще вчера, на солнце млея,
. Последний лес дрожал листом,
И озимь пышно зеленела,
Лежала бархатным ковром.
Глядя надменно, как бывало
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменила
Непобедимая сосна.
- 9 .Сегодня - вдруг исчезло лето.
Бело, безжизненно кругом.
Земля и небо - все одето
Каким-то тусклым серебром.
Поля без стад, леса унылы -
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листы.
Как будто в сизых клубках дыма
Из царства злаков, волей фей.
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.(Фет)
- 10 Вот север, тучи нагоняя
Дохнул, завыл - и вот сама
Идет волшебница - зима.
- 11 Пришла, рассыпалась клоками,
Повисла на суках дубов,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов
Брега с недвижного рекою
Сравнила пухлой пеленою.

- Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы (Пушкин).
- 12 Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит,
И под снежной бахромою
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
- 13 И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой,
Сном волшебным очарован,
Весь опушен, весь окован
Легкой цепью пуховой.
- 14 Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой,
В нем ничто не затрепещет.
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой. (Тютчев)
- 15 Эта лыжня проходит под станцией Лобня Савеловской
дороги. Нас десять человек, а шли мы всего 20 км. Идти
легко, весело, даже жарко. Но останавливаться
противопоказано. Крепкий морозец сразу заявляет свои
права, пробираясь под все одежды. Не хочешь мерзнуть -
беги дальше, грейся.
- 16 Но не увлекайся. Иначе не заметишь, не увидишь
красоты зимнего леса. Вспомни, как ходил по нему
Пришвин:
- 17 "Этот день весь с утра и до ночи как бы цвел и блестел,
как кристалл. Ели, засыпанные снегом, стояли, как
алебастровые, и весь день сменялся цвет от розового до
голубого...
- 18 Деревья окружены снегом, ели повесили громадные
тяжелые лапы, березы склонились, и некоторые даже
согнулись макушками до самой земли и стали
кружевными арками. Так вот и у деревьев, как у людей:
ни одна елка не склонится ни под какой тяжестью, разве
что сломится, а береза - чуть что - и склоняется. Ель

- 19 царствует со своей верхней мутовкой, а береза - плачет...
В лесной снежной тишине фигуры из снега стали так
выразительны, что странно становится: "Отчего
думаешь, они ничего не скажут друг другу, разве только
меня заметили и стесняются? И когда полетел снег, то,
казалось, будто слышишь шепот снежинок, как разговор
между снежными фигурами..."
- 20 Белая береза
Под моим окном.
Принакрылась снегом
Точно серебром.
- 21 На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
- 22 И стоит береза
В сонной тишине
И горят снежинки
В золотом огне.
- 23 А заря, лениво
Обходя кругом
Обсыпает ветки
Новым серебром. (Есенин)
- 24
- 25 На пажитях немых люблю мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
26 Леса под шапками или в инее сада,
Да речку звонкую под темно-синим льдом,,,
Как любят находить задумчивые взоры
Засеянные рвы, навеянные горы,
27 Былины сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей
Изваян полночью иль тучи вихрей дальних
На белых берегах и полыньях зеркальных...(Фет)
- 28 Откуда на лыжне взялась собака? Тяжело бедняге идти
без лыж - проваливается часто по грудь,

- 29 Но упорен умный пес - медленно, но верно шагает он, не
обращая на нас никакого внимания.
- 30 Его хозяев мы повстречали чуть впереди. Они - такие же
неторопливые, степенные. Что им мороз? - Маичка -
достаточная защита.
- 31 Позавидуешь такой закалке, такому здоровью! Только
выходя из леса, они не спеша одеваются, готовясь к
сильному ветру на открытом поле.
- 32 32. Вот и поле. Ух и злой же ветерок!
- 33 33. Ветер злой, ветер крутой в поле заливаются,
А сугроб на степной воле завивается.
При луне на версту мороз - огонечками
Про живых ветер весть пронес - с позвоночками,
Под дубовым крестом свистит, раздувается.
Серый заяц степной хрустит, не пугается. (Фет)
- 34 Кругом все бело и безжизненно и лишь неблизкая
деревня со своей церковенкой оживляет картину. Глаза
невольно тянутся к этому пейзажному центру и ты не
можешь не подойти, не пройти рядом с ней.
- 35 35. Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю
И каждый раз гляжу окрест
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.
- 36 Среди ветвистой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу - могилы и кресты.
И мне - мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листья. (Фет)
- 37 Вечереет, мы торопимся домой, в тепло и уют, к горячей
картошке и чаю. Ходко скрипят лыжи. Но это не мешает
нам запомнить конец зимнего дня, вспомнить Пришвина:
- 38 Морозная тишина. Вечереет. Темнеют кусты не одетого
леса, будто это сам лес собирает к ночи свои думы. Через
тьму кустов глядит
- 39 Солнце рубиновым глазом, через кусты этот рубиновый

глаз не больше человеческого..." Но впереди еще немало удивительных дней весны света, немало зимней радости и веселья.

- 40 А сколько радости дает зима детям?! Помните у Фета?
Мама! Глянь-ка из окошка,
Знать вчера недаром кошка
Умывала нос:
- 41 Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело -
Видно, есть мороз.
Не колючий, светло-синий,
По ветвям развешан иней.
Погляди хоть ты!
- 42 Словно кто-то тароватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.
Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
"Ну, скорей гулять!"
- 43 Наш Артемка еще не может ходить на лыжах в большой
лес, для него и Филевский парк велик и могуч, веселья и
здесь - хоть отбавляй. Вот что это впереди?
- 44,4 - Горка!
- 5
- 46 Нам не страшен снег суровый
С снегом - батюшка-мороз.
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.
- 47 Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна.
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима! (Вяземский)
- 48 Все на горке смешалось, и взрослые дурачатся как дети,

- и дети - серьезней взрослых.
- 49 Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой.
- 50 Вот свернули санки
И я на бок - хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.
- 51 И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной
Весело хохочут
Над моей бедой.
- 52 "Что с тобой, Артемка? Ты капризничаешь? Да разве
можно при такой погоде плакать? Ну, улыбнись!
- 53 - Вот так..." Счастливы дети и счастливы те, кто может
самозабвенно радоваться, забывая о будничных заботах,
как дети.
- 54 Хороша зима, весна света, но еще лучше весна тепла.
Февраль и март - это только преддверие весеннего тепла.
- 55 Учись у них - у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимается кора.
Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый.
Они стоят, молчат, молчи и ты!
- 56 Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.(Фет)
- 57 Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло.
Все ярче, ярче дни за днями.

Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.
58 Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор.
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.(Фет)
59 10 апреля прошлого года мы последний раз в сезоне
вышли на лыжах. В лесу снега еще много - в этом все
были уверены, но что оказалось на поле, сразу же за
станцией... От снега остались рожки да ножки...
60 Да... плакал наш лыжный маршрут... Но почему-то от
этого мы не злились, нам было смешно, и на память
приходила шутливая песенка:
61- (Кадры блуждания на лыжах по бесснежному
64 наполовину полю, между потоками воды под припев:
"Еще февраль на улице,
А на улице - апрель!")
65 Но вот и лес, вот и масса еще не растаявшего снега в
метр глубиной. Яркое, горячее солнце. До чего тепло!
66 До чего хорошо идти на лыжах, нежась в лучах сильного
солнца.
67 Это время горного климата в Подмосковье, сочетания
снега и жаркого солнца
68-
69
70 В лесу еще можно кататься, но низины уже залиты
вешней водой, и идти прямым маршрутом - невозможно.
Можно только гулять взад-вперед. Ну а зачем нам идти
маршрутом?
71 Разве здесь плохо?
72 Остановиться, поесть,
73 Поиграть в футбол,
74- Погреться на солнышке...
75

- 76 Да, долго будет нам помниться этот день перелома от
зимы к лету, день бурного апреля!
- 77 А через две недели в лесу все разительно переменялось.
От снега не осталось и воспоминаний. Распустились и
первые листья, и первые цветы.
- 78 В Москве весна тоже вступила в свои права.
Как хороша Москва весною
Как хороша весна в Москве.
Над этой пестрою громадой
День плещет яркий в синеве.
Благоуханьем полон воздух
Он веет мягкой теплотой
И упоительная нега
Несется сладкою струей. (Вяземский)
- 79 Весна! Выставляется первая рама,
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.
- 80 Мне в душу повеяло жизнью и волей.
Вон - даль голубая видна.
И хочется в поле, в широкое поле,
Где шествуя, кличет весна! (Майков)
- 81 25 апреля мы с Артемкой открыли летний сезон
настоящего леса: прошли от Перхушково по Белорусской
дороге
- 82 до Усова. В лесу нас ожидало чудо весеннего
пробуждения лесной жизни.
- 83 Сияет солнце, воды блещут
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.(Тютчев)
- 84 Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.(Фет)
- 85 "Впереди нас сетью на небе были сережки - цветы

- неодетых деревьев: сережки ольхи, желтые цыплятки ранней ивы и еще разные бутоны и крупные, полураскрытые почки черемухи. Как грациозны и стыдливы эти веточки неодетых деревьев - кажется, лучше застенчивых девушек" (Пришвин)
- 86 Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом.
Опять весна душистая
Повеяла кругом.
- 87 Станицей тучки носятся,
Теплом озарены.
И в душу снова просятся
Пленительные сны.
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена
И над душою каждого
Проносится весна".(Фет)
- 88 Стаял снег. Весна пришла.
Стужа зимняя забылась.
Верба бела зацвела,
А теперь вот распушилась (Пушкин).
- 89 "Весна, весна! Как воздух чист,
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!(Баратынский)
- 90 "По луговой лощине вода катилась бесшумно. Только иногда встречалась струйка со струйкой, и от этого выплескивало. И слушая, ожидая следующий всплеск, спрашиваю я себя, отчего это? Может быть, там вверху снег, из-под которого вытекал ручей, время от времени обваливался, и это событие в жизни ручья здесь передавалось столкновение струй, а может быть...

- 91 Мало ли что может быть! Ведь если только вникнуть в жизнь одного весеннего ручья, то окажется, что понять ее в совершенстве можно только, если понять жизнь вселенной, проведенной через себя самого". (Пришвин) Пришвин, был большим знатоком леса. Это он говорил, что "пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто, то сам виноват". Для Михаила Михайловича лес никогда не был пустым. Вот и сейчас:
- 92 "Еще несколько дней, какая-нибудь неделя - и весь этот невероятный хлам в лесу природа начнет закрывать цветами, травами, зеленеющими мхами, тонкой молодой порослью. Трогательно смотреть, как природа заботливо убирает два раза в год свой желтый сухой и мертвый костяк. Один раз весной она закрывает от нашего глаза цветами, другой раз - осенью - снегом...
- 93 Еще цветут орехи и ольхи, их золотые сережки еще и сейчас дымятся от прикосновения птичек, но не в них теперь дело: они живут, но их время прошло. Сейчас удивляет и господствуют множеством своим и красотой синие цветы звездочкой. Изредка попадаетея, но тоже удивляет волчье лыко.
- 94 Из-поднизу, сквозь слои шишек выбиралось на свет на свою вольную волюшку волчье лыко и сейчас расцвело маленькими малиновыми цветочками. Стебелек у этого самого первого весеннего цветка и вправду такой же крепкий, как лыко и еще крепче: волчье лыко. Без ножа оторвать цветок от земли почти невозможно и, пожалуй, этого не надобно делать: цветок волчьего лыка издалека пахнет чудесно как гиацинт, но стоит поднести к носу поближе, то запахнет так худо, хуже волка. Смотрю на него и дивлюсь, и по нему вспоминаю некоторых своих знакомых людей: издали очень хорошие, а подойдешь поближе - запахнут как волки". (Пришвин)
- 95 Уже устал Артемка идти, а мы устали его тащить. Но радость встречи с пробуждающимся лесом не угасает
- 96 Помните пришвинское: "Никакая усталость не могла

- победить радостного сознания, что я был сегодня свидетелем начала буйной весны с цветами и пением птиц".
- 97 Как весело, как горестно весной,
Как мир хорош в своей красе неожиданной,
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной. (Бальмонт)
- 98-
100 Привал. Полдник.
- 101 Лист зеленеет молодой
Смотри как листьям молодым
Стоят обвеяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную как дым.
- 102 Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым! -
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...
О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах.
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа. (Тютчев)
- 103 Но не все еще в лесу ожило и распустилось. Лиственные
деревья стоят еще черным-черны, подражая
пришвинскому дубу: "Дуб не верит цветам земным и
небесам, зеленеющим дорожкам и всему тому, что
называется весной... Еще весной света на белом снегу он
оставлял свою могучую тень. Теперь внизу вытаяла его
старая листва, и на ней лежала темная тень его корявого
скелета. Да, он просто не верил весне.
- 104 И много еще свершится чудес в природе, пока зеленая
трава и цветы выбьются из-под его старой листвы, и в
цветах ликующей весны старик свою тень похоронит и

- начнет сам распускаться. Тогда в нашем климате природа труд распускания дуба берет на себя и от этого сама холодает. "Что-то холодно!" - говорят наши друзья. И другие им отвечают: "Это дуб распускается".(Пришвин)
- 105 Хвоя елей тоже остается без изменения. Но даже на нее апрельское солнце накладывает отблеск новой жизни.
- 106 Темные кроны елей не в силах заглушить нашей радости.
Покидая хвойный полог,
Резвый конь гостей унес
Из-под свода хмурых елок
В рощу голую берез.
- 105 Хвоя елей тоже остается без изменения. Но даже на нее апрельское солнце накладывает отблеск новой жизни.
- 106 Темные кроны елей не в силах заглушить нашей радости.
Покидая хвойный полог,
Резвый конь гостей унес
Из-под свода хмурых елок
В рощу голую берез.
- 107 Вдаль бегут стволы, белея.
И от этих белых тел.
Над березовой аллеей
Самый воздух просветлел.(Маршак)
- 108 Это утро, радость эта
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы"
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод.
- 109 Эти ивы и березы,
Эти капли - эти слезы,
Этот пух - не лист.
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист.
- 110 Эти зори без затмения,

Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь - без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все - весна!(Бродский)

111 Нельзя заботы мелочной
Хотя б на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться. (Тютчев)

Перебирая все последующие диафильмы, я с удивлением убеждаюсь, что, пожалуй, ни один из них так близко не подошел к выполнению намеченной по статье Долининой программы, как "Весна света". Как будто последующие 10 лет были годами не улучшения, а регресса. Но ничего удивительного: в "Весне света" мы говорили о любимой всеми природе словами больших русских поэтов и Пришвина и популярнейшими мелодиями. И зрители видели и чувствовали весну. Они как и говорили: как будто в весну окунулись. А разве может быть большая похвала авторам?

Теперь-то я уже знаю, какой горечью могут звучать похвалы твоему "трудолюбию" и "мастерству", когда хочется лишь одного: чтобы слышали твое чувство и поняли твою мысль. И иногда в часы неудач я вспоминаю "Весну света". Но что поделаешь, если для выражения идей в остальных фильмах я уже не могу найти цитат у великих писателей и приходится использовать свои слова? Полная противоположность "Обыкновенному культу", "Весна света" стала родоначальником нашей туристской линии. На первых порах эти линии (открытая и потаенная) почти не смешивались, но, конечно, только на первых порах. Ведь до сих пор диафильмы - это частное, т.е. свободное кино и не подвержены цензуре. И потому с каждым годом все полнее и откровеннее я выражал в них то "потаенное" начало. Но вместе с тем шел и другой процесс. Чем полнее сливалась самиздатская и любительская струя, чем чаще я видел реакцию аудитории и мог корректировать свои взгляды,

уточнять их и глубже понимать действительность, тем полнее наступало примирение с нею. Чем смелее и свободнее я говорил, тем спокойнее становилась речь. Порывистость, почти истеричность самозадушенного "Обыкновенного культа" сменилась рассудительной свободой "Крыма". Я не знаю, повлияли на кого-либо наши диафильмы или нет, но на наше освобождение они повлияли несомненно.

Наряду со своей главной темой - почти религиозным воспеванием природы (в таком чистом виде оно больше у нас не повторялось, может только в фильмах о горах), в "Весне света" проявились и другие темы, ставшие потом отдельными направлениями. Лишь промелькнули силуэты двух православных старых храмов, как вспыхнули крупинки золота в случайно вскопанном песке. Пройдет немного времени, и мы начнем копать эти золотиносные россыпи со страстью новообращенных, с увлечением почти неприличным. На слайдах русских церквей у нас записано около 15 фильмов.

Первые детские слайды про Артемку вылились в специальный фильм про нашего старшего сына, потом про дочь Галю, про младших, про семью.

Приложение 10.

Сценарий диафильма «Московские церкви» (1967г.)

Часть 1. До 17 века

1-8. (Музыкальный проигрыш)

9. «П.Вяземский»

Чье сердце русское не дрогнет,
Когда с твоих колоколов
Раздастся в благовесте громком
К народу православный зов?
Твердят, ты с Азией Европа,
Славянский и татарский Рим,
И то, что зрилось до потопа,
В тебе еще и ныне зрим.
В тебе и новый мир, и древний,
В тебе пасут свои стада
Патриархальные деревни
У Патриаршего пруда.

10. Все это так, и тем прекрасней
Разнообразие-красота.
Быль жизни с своенравной басней,
Здесь хлам, - там свежая мечта.
Здесь личность есть и самобытность.
Кто я, так я, не каждый мы.
Чувств подчиненность или скрытность
Не заморозила умы.
Нет обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общих форм.

Что конь степной - здесь каждый малый
Разнуздан на подножный корм.

11. У каждого свои причуды
И свой аршин с своим коньком.
Свой нрав, свой толк и пересуды
О том, о сем, и ни о чем...
Москва, под оболочкой пестрой
Хранишь ты самобытный быт.
Пусть Грибоедов шуткой острой
Тебя насмешливо язвит.
Ты не смущайся, не меняйся,
Веками вылитая в медь,
На Кремль свой гордо опирайся
И чем была, тем будь и впредь.

12. Величье есть в твоём упадке,
В рубцах твоих истертых лат,
Есть прелесть в этом беспорядке
Твоих разбросанных палат,
Твоих садов и огородов,
Высоких башен, пустырей,
С железной башнею заводов
И с колокольнями церквей.

13. Здесь повсеместный и всегдашний
Есть русский склад, есть русский дух,

Начать от Сухаревой башни
И кончить сплетнями старух.

14. Странное это чувство - любовь к городу, в котором ты живешь. Оно неощутимо в обычной обстановке, но стоит тебе только уехать, пусть ненадолго, и ты почувствуешь тоску по дому, одна из причин которой - любовь к родному городу. Наглядевшись в чужих краях на необычное, разбудившее поток любопытства, ты зорче начинаешь всматриваться и вдумываться в свой родной город.

15. Толпами стекаются поклонники древнерусского искусства в Ростов, Суздаль, Кижи. А разве московские церкви недостойны почитания? Ведь в свое время существовал наряду с Владимиро-Суздальским, Новгород-Псковским, Киевским также и Московский стиль в зодчестве. Помните поговорку: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал».

16. Мы живем, и многое не замечаем вокруг себя. Тысячу раз мы можем пройти мимо подобного здания, не задумываясь о нем, о его строителях, их жизни и мечтах. И тебе нет дела до того, что храм построен 300 лет назад и посвящен Иоанну Богослову - ближайшему ученику Христа, написавшему Евангелие и Апокалипсис. Знаем лишь то, что это - бывшая церковь, остаток проклятого прошлого, оплот религии, а «пионер не верит в бога», и всю эту рухлядь давно уже пора взорвать.

17. Но день настанет! И ты вдруг очутишься перед этим. И душа твоя распадется навстречу прекрасному, доброму и сильному, тому, что завещано нам в наследие предками, и ты тут вспомнишь слова Пушкина: «Гордиться славой предков не только можно, но и должно». И ты забудешь, что «пионер не верит в бога», но зато остро захочешь понять, кто, когда и во имя чего создал это каменное чудо. Ты забудешь, что это церковь, где раздается опиум для народа. Тебе покажутся смешными слова эти, потому что

18. ты поймешь, наконец, что перед тобой, прежде всего, творение твоих далеких предков - сынов русского народа, его художников и каменных дел мастеров, которые не только верили в Бога, но и могли так сильно выразить свои идеалы, хранимые в самой светлой, детской части их души, что даже суеящиеся их потомки останавливаются в удивлении.

19. И уходишь от этой церкви уже навсегда отравленный. Тебе захочется еще и еще повторять подобную встречу. Ты вспоминаешь какие-то обрывки пословиц и поговорок о Москве-златоглавой, белокаменной, с сорока сороками

церквей, начинаешь судорожно рыться в справочниках и в старых книгах, без усталости ходишь и ходишь по когда-то старинным улицам, вглядываешься в зачастую искаженный до неузнаваемости облик древних храмов и зданий.

20-27.

28. Старые города все своеобразны. Древний Галлин, так передавший очарование средневекового западноевропейского города, легко отличить от древнерусского Суздаля или от неоклассического Ленинграда. А вот каков стиль Москвы?

29. Может быть, это - вереница новых домов? Конечно, мы посмеемся над претензией этих коробок, одинаковых, как в Нью-Йорке, так и в Москве, представить дух города.

30. А, может, - классический стиль? Подобных зданий, величавых и красивых, достаточно в Москве, но опять же они были только подражанием Петербургу.

31. А, может быть, Москва - готический город? Разве эти мрачные здания с острыми красными крышами не в Москве стоят? Разве не московское небо голубеет над этими средневековыми башнями?

32. Да полноте Вам смеяться, скажете вы. Разве предки наши были какими-нибудь расчетливыми бюргерами, или, простите за сравнение, немцами? Разве могли они строить эти мрачные и безрадостные здания только на потребу практической пользы и выгоды? Разве не широкой и радостной была душа русского человека, разве в Москве не осталось зданий, в большей степени соответствующих национальному русскому характеру?

33. Конечно, вы правы, мы просто обратили ваше внимание на разностильность Москвы, на бросание из одной крайности в другую, от легких шатров до тяжести сталинских построек, от классических колоннад до готических зданий, от современных белых коробок до убогих деревянных домишек.

34. Как в подмосковном лесу в одно привлекательное целое смешаны хвойные и лиственные деревья, так и в Москве время закрутило все стили в красочный клубок.

35. И все же есть в Москве здания, которые являются ее главной особенностью, выражением ее духа и духа народа, живущего в этом городе. Это - церкви.

36. «На протяжении многих веков своеобразие городу придавали многочисленные деревянные и каменные церкви с разноцветными главами, монастыри, разбросанные в окрестностях Москвы или вкрапленные в гущу городских построек, и дворы светских и духовных магнатов с многочисленными службами и хоромами.

37. Заметим, кстати, что гости из западноевропейских скученных городов дивились тому, что «отдельные группы домов, церкви и монастыри в Москве тонули в зелени садов, огородов, наливок (рощ). Даже в Китай-городе дома обрамлялись садами...».

37а. Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.

38. Опоян лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах.
Сколько храмов, сколько башен
На твоих семи холмах.

39-43.

44. Я люблю этот город вязевый.
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

45. Народная молва приписывает Москве сорок сороков церквей. На деле к началу нашего столетия их было немного

больше 500 (в пределах Коллежского вала), а сейчас сохранилось меньше половины. Действующих же храмов - всего лишь 25.

47. Много, очень много зданий погублено. Но те, что остались, молчаливо напоминают об истории великого города всем нам.

48. Андроников монастырь. Возник он в конце XIV-го века, но его стены нам гораздо больше напоминает вид древней Москвы, чем стены и башни московского Кремля, построенные итальянскими зодчими.

49. Монастырь на высоком берегу реки Яузы поставил Андроник - ученик Сергия Радонежского, по приезде в Москву митрополита Алексея из Царьграда. Митрополит хотел сделать все так же, как и в Царьграде, и даже ручей назвал в память о бухте Золотой Рог - Золотым Рожком.

50. В 1420-27 годах в центре монастырской территории вырос Спасский собор. Собор этот ни на кого не похож. Он - самый первый. Впервые традиционное позакомарное (полуцилиндрами) покрытие, пришедшее из Владимиро-Суздальской земли, сменилось новой кровлей - рядами кокошников. Это начал вырабатываться новый, московский стиль. Вместо архитектуры Владимира, выражающей величавый покой и силу, вместо новгородской мощи в это бурное время сумятиц, частой смены князей, интриг и татарской неволи появляются формы, насыщенные динамикой, напряженные устремлением вверх: арки килевидные, покрытия - рядами кокошников.

51. Посмотрите, в каком нарядном обрамлении стоит барабан! То уменьшая, то увеличивая размеры кокошников, вплетая трехлопастные арки, зодчий придал покрытию такую живописность и обаяние, что смотреть на него на надоедает. Можно долго скользить глазами от одного кокошника к другому, а потом начать сначала.

52. Спасский собор украшал Андрей Рублев. Время, к сожалению, не сберегло его труды.
53. Сейчас остались лишь намеки на его фрески, но зато рядом, в одном из помещений - музей древнерусской живописи имени Рублева, в котором очень интересно побывать. Особенно, если есть настрой.
54. Стоит на территории монастыря с конца XVII-го века другая церковь. Храм сам по себе неплохой: высоты ярусов пропорциональны, красива белокаменная отделка. Но рядом со своим старшим по возрасту и меньшим по росту братом кажется нескладным простачком.
55. Да, вся Москва мало чем отличалась от этого небольшого крепостного сооружения. Более того, была когда-то и поменьше его - всего несколько домов, боярский терем да деревянный частокол...
56. ...вот облик Москвы, возникшей в самом центре леса, настолько дремучего, в котором, согласно летописи, два княжеских войска, вышедшие воевать друг друга, так и «минустася в лесах», после чего вернулись домой ни с чем.
57. В названиях некоторых церквей звучат отголоски непроходимого леса: Боровицкий холм, на котором стоит Кремль с Боровицкой башней; кремлевская церковь (сейчас ее нет уже) Спас на Бору, так упрятанная среди недоступных кремлевских зданий, что увидеть ее можно было только с улицы Калинина; церковь Иоанна Богослова под Вязами близ станции метро Дзержинская;
58. церковь Всех Святых на Кулишках (болотах);
59. церковь Иоанна Предтечи под Бором, расположенная в Замоскворечье.
60. Рядом с последней церковь черниговских чудотворцев князя Михаила и боярина Федора напоминает нам о том

времени, когда вся Москва была дальним медвежьим углом черниговского княжества.

61. И о том, как после Чернигов стал заштатным городом великого Московского госуд

62. Но вот явился он, Юрий Долгорукий, которому история приписывает основание Москвы. Однако, летопись упоминает о том только, как он в 1147 году пировал на Боровицком холме над рекой Москвой. Да народное предание говорит, как приехал он в гости к первому владельцу московской земли - боярину Степану Кучке и показалось гостю-князю, что не очень чтит его боярин и хуже того, как сказали бы современные нам историки, является опасным обособленцем.

63. И как казнил он боярина Кучку, а малых детей его взял в услужение, а на месте Кучкина заложил град Москву. И многое другое говорят легенды, о чем не упоминают учебники, создавая образ великого основателя Москвы. Обычный насильник был этот князь, отплативший боярину кровью его за гостеприимство.

64. А город рос и богател. Оседали на перекрестке торговых путей люди, принося свою культуру. Первые московские соборы воздвигались по образцам новгородских и киевских.

65. Но городок был небольшой, и церкви в нем строились маленькие, какие-то домашние.

66. Церковь Зачатия Анны - у гостиницы Россия. Анна - мать богородицы Марии, и церковь построена в ознаменование счастливого события, предшествовавшего рождению девы Марии. Церковь эта, хоть и построена после Спасского собора в Андрониковом монастыре (в конце XV-го века), осталась в большей степени ближе к новгородско-псковским образцам.

67. Гладкие белые стены с узкими окнами и над ними трехлопастная арка - верный признак псковских церквей XII-го века. Контур арки напевный, как песня, нарядный, как женский кокошник, и в то же время торжественен, так как он

ведет глаз вверх, к барабану, главе и кресту. И еще очень хорош пояс из кирпичей, уложенных на ребро, отчего и назывался поребриком. Вот как просто и нарядно умели украшать русские мастера свои храмы. Придел, конечно, поздний, но и он неплохо сочетается с основным зданием.

68. А это - церковь св. Трифона в Напрудном. В церковь можно влюбиться с первого взгляда. Древностью веет от белого камня ее стен, звонницы (позже, с последующими столетиями, появились уже колокольни), от барабана, покрытого шеломом, от лиричных русских трехлопастных арок, от килевидных перспективных порталов. Удивительная простота, целесообразность и сдержанность в украшении!

70. Из захолустного города в столицу Москва стала превращаться во времена татарского владычества. Время татарского ига глубоко укоренилось в народной памяти, в названиях улиц и церквей. Вблизи Ордынки - улицы, на которой жили «ордынцы» - татары, стоит церковь Иверской божьей матери

71. в Толмачевском переулке, где жили толмачи - переводчики, - церковь Николая в Толмачах.

72. Великое народное горе - татарские набеги, сеющие смерть и рабство, московские правителя без зазрения совести использовали в своих корыстных интересах.

73. И, хотя история их потом оправдала, но разве помянешь добром Ивана Калиту - собирателя земли русской, не брезговавшего ничем святым для того, чтобы натравить татар на кого-нибудь из своих соседей, а потом по свежим следам татарских грабежей и пожаров прибрать их землю.

74. Как сказал когда-то Алексей Толстой:

Узнали то татары,

Ну, думают, не трусь.br/> Надели шаровары,

Приехали на Русь.

75. Кричат: «Давайте дани»,
Хоть всех святых неси.
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.
Что день, то брат на брата
В Орду несут извет.
Земля, кажись, богата,
Порядка ж нет, как нет.

76. Но не только черное было связало в памяти народа с Москвой. Москва стала центром сопротивления татарскому игу. В истории, как и в жизни, не бывает светлого без темного. На базе успехов лучшего татарского пособника Калиты выросла светлая фигура освободителя Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле. А ведь для татар, наверное, имя Дмитрия стало синонимом самого худшего коварства и неблагодарности, ответившего войной после стольких благодеяний его отцу.

77. Симонов монастырь был заложен за десять лет до Куликовской битвы выдающимся церковным деятелем Сергием Радонежским, прославившимся благородством и умом. Имя Сергия было высоко чтимо русскими людьми. Свое громадное влияние Сергий в полной мере использовал для объединения в борьбе против татар всего русского народа. Его доля в победе на Куликовом поле очень велика.

78. От Симонова монастыря сохранилось немного. 385 лет продолжалось цветение монастыря, а потом у него отобрали в казенное ведомство крестьян, а еще через сорок лет даже вывезли братию в Ново-Спасский монастырь. Но еще наступали и добрые времена. Его перестраивали.

79. В 1683 году перестроили трапезную церковь, одев ее в белую резьбу. От церкви остался лишь куб основания

80. да по счастливой случайности резной фронтоном - украшение, которого нет ни у одной московской церкви.

81. В XIX-ом веке на северной стене монастыря выросла 47-саженная колокольня - самая высокая в Европе. Жаль, что именно на этом месте возникла необходимость построить дворец автозаводцев.

82. Теперь только три башни - могучие боевые башни, напоминают о силе и грандиозности этого укрепленного форта на подступах к Москве.

83. Древние монастыри - это крепости на ближних подступах к столице.

84. Под Москвою, на дорогах
Средь лесов и пустырей
В старину стояло много
Сторожей-монастырей.
В них всегда монахи жили,
Пили, ели, не тужили,
Все давала им земля,
Огороды и поля.
Но когда заметят в страхе
Вражий стан со стен монахи,
Иль блеснут издалека
Копья вражьего полка,

85. Тотчас в Кремль гонец-монах
Мчится, стоя в стременах,
Объявить, что под Москвою
Объявилась вражья рать,
Чтоб готовы были к бою
Стольный город обранять.

86. А крестьяне между тем
С монастырских крепких стен
Путь в столицу защищали,
Метко били их пищали.
И частенько под Москвой
Закипал горячий бой.

87. Много раз за стены эти
Укрывались бабы, дети.
Как объявится беда,
Весь народ бежит сюда.
Сохранились и поныне
Древнерусские твердыни.
Поезжай и посмотри
На Москве монастыри:
Новодевичий, Данилов,
И Андроньев, и Донской.
Эти стены вражью силу
Отгесняли под Москвой.

88. Данилов монастырь - самый старый боевой монастырь,
поставленный на татарской дороге сыном Александра
Невского - одним из первых московских князей Даниилом.
Его старые израненные стены, не искаженные поздними
строителями, до сих пор выполняют роль крепости-тюрьмы.

88а. И там, едва заметная
Меж сосен и дубов,
Во мгле стоит заветная
Обитель чернецов.
Монахи с верой пламенной
Во тьму вперили взор,
Вокруг твердыни каменной
Ведут ночной дозор.
Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты и топоры.

89. Молитесь богу, братья,
Начнется скоро бой.
Я слышу их проклятья
И гиканья, и вой.
Несчетными станицами
Идут они вдали.

Приляжем за бойницами,
Раздуем фитили.

90. Долго не могла Москва избавиться от ярма татарского. Совсем недавно Тохтамыш истоптал и испепелил родную землю. Только оправилась Москва от последнего пожара, а уже новый враг (и слышно, что жестокий враг) идет на Москву.

91. Приздумался великий князь Василий Данилович: как спасти землю русскую от врага лютого. И послал гонцов во Владимир-град за святой иконой Божьей матери. И велел нести ее в храм кремлевский, чтобы спасла она град стольный и всю Московию от лихого врага ненасытного. И пока несли из Владимира икону, весь народ просил свою заступницу не оставить его в лихое времечко. Москвичи с поклонами встретили икону на Кучковом поле на Владимирке, отнесли ее в храм Успения и служили ей молебн, плакали.

92. Повернул Тамерлан от Рязани, не пошел на Московскую землю. В счастье - радости воротилося князь войско в Москву. В благодарность иконе-заступнице князь обитель поставил Сретения на Кучковом том поле близ города.

93. С татарами было покончено только в 1480 году, когда государь всея Руси Иван III вот на этом месте, где сейчас стоит церковь Николы на Болвановке, топтал ногами статуэтку хана, в просторечии - болвана.

93а. Хан писал царю Ивану в ярлыке:
«От высоких от гор и от темных лесов,
Что подвластны ордынскому хану,
И от сладостных вод, и от чистых лугов
Шлет Ахмет свое слово Ивану.

94. Ты припомни, как корчились ваши цари
От батыевой сабли жестокой.
Сорок тысяч алтын мне теперь набери
И отдай эту дань за три срока.

И еще островерхий колпак свой вдави
В знак покорности хану Ахмету,
А не то потоплю твою землю в крови,
По хребтам по боярским проеду».
Государь прочитал и спокоен, и строг
Повернулся к ахметовым людям,
Бросил наземь ярлык под сафьянный сапог
И сказал: «Дань платить мы не будем!»

95. Ушли татары, освободив Руси дорогу в будущее. Москва стала преемницей Византии, третьим Римом. Иван III был твердым и просвещенным государем. Москва ему обязана постройкой Кремля со всеми церквями и стенами.

96. С тех пор Московский Кремль стал главной святыней русского народа. Ему посвящено множество искренних поэтических строк и раздумий. Однако долгое время Кремль был для всех всего лишь синонимом высшей власти и недоступности. Но сейчас, когда открыт свободный вход на территорию Кремля, он становится все ближе.

97. Над всеми зданьями возвышен,
Огнем востока Кремль алел.
Зажгли лучи его живые
Соборов главы золотые.
Меж ними царственно горел
Иван Великий.

98. Кремль - центр Москвы, а Успенский собор - центр Кремля. Это - главный собор России. Заложенный еще Иваном Калитой и заново перестроенный Аристотелем Фиораванти по образцу Владимирских соборов, он служил гробницей митрополитов и патриархов.

99. Здесь цари венчались на царство, принимая от предков всю власть. Здесь хранились наиболее знаменитые иконы. «Была же та церковь весьма удивительна величеством и высотой, и звонкостью и пространством. Такой же прежде не бывало на Руси, кроме Владимирской церкви». Да, собор торжествен,

спокоен, могуч, строг. Гладкие стены с узкими окнами, тяжелые барабаны - все внушает мысли об отрешенности его от суетной жизни, о прочности веры, которую он несет. И лишь поясок из арок на теле этого суровца как бы протягивает руки к людям, смягчая его недоступность.

100. Из-за стен белокаменного Успенского собора выглядывает Благовещенский собор, построенный псковичами. Восемь золотых головок, ослепительных в яркий день, ступенями поднимаются к центральной главе.

102. Архангельский собор - усыпальница царей. Его строитель - Алевиз Новый - создал удивительный синтез русских и итальянских декоративных приемов. Вместо владимирского аркатурного пояса посередине фасада - тонкая тяга, в тимпаны закомар он вставил раковины, портал украсил гирляндой из лавров. Богатый коринфский ордер, тонкие профилированные карнизы - все это вызывало удивление и порождало немало подражателей.

103. Как будто из русской сказки спустились в Кремль и стали рядом одиннадцать изящных барабанов с маковками над собором Верхоспаским. Затейливая резьба по металлу, яркое солнечное сочетание красок - и получилась сказочно красивая картина.

104-104б.

105. Кремль. Все чаще приходят к тебе не только любопытные, а люди мечтающие, чтобы твои соборы заговорили с ними. И, видя их почтительность и настойчивость, ты открываешь им красоту людских дел и мыслей.

Часть вторая «От Грозного до Петра»

105а. В селе Коломенском в 1532 году в честь рождения государя Ивана IV вознесся шатром каменный храм, названный Вознесение.

106. Шатры для русских церквей всегда были мерилom красоты и возвышенности. Все деревянные церкви строились в те годы в виде шатров. Такая церковь была и видна издалека, и тянулась в небо, приближаясь крестом к Богу.

107. Традиции деревянного зодчества переносились и на первые каменные церкви, показывая, по выражению Брюлова, какой-то блеск поэтического народа, начинающего чувствовать свою самобытность.

108. Пятое столетие восхищаются люди дерзостью зодчего храма Вознесения. Когда стоишь перед ним, высоко задрав голову, то кажется, что именно твое желание красоты и возвышенности выразил зодчий.

109. Этот столп нисколько не кажется тяжеловесным, наоборот, его удерживают на земле только галереи. И стоит подрубить «корни»-галереи, как он взметнется ввысь, унося твои самые сладкие и неясные мечты. Посмотрите, как стремят вверх стрелы в простенках, килевидные кокошники. Словно оперение гигантской птицы, сложившей крылья и готовой ринуться к цели.

111. Царским нарядом кажется сеть белых ромбов на гранях шатра:

Наверх взгляни, над сизыми холмами
Увидишь ты ожившую мечту.
Как дым костров в безветрии, как пламень,
Как песня храм струится в высоту.
Он рвется вверх торжественен и строен,
Певучей силой камень окрылен.
Для Бога он иль человека строен,
Но человеком был воздвигнут он.

И нет в нем лицемерного смиренья.
Безвестный зодчий, дерзостен и смел,
Сам стал творцом и окрылил каменья
И гордость в них свою запечатлел.
И ты стоишь на каменном пороге
И за людей душа твоя горда.
Приходят боги и уходят боги.
Но человек бессмертен навсегда.

112.

113. А рядом с Коломенским, в селе Дьякове еще один памятник - храм Иоанна Предтечи, поставленный по велению Ивана Грозного в честь своего венчания на царство. Знали бы наперед зодчие, какому тирану они поют хвалебные песни, не были б, наверно, эти памятники столь прекрасны.

114. Хорошо, что не знали. Этот храм вполне земной, большой и тяжелый. Его не могут поднять вверх даже острые треугольные кокошники. Центральный барабан из полуколонн просто вдавливают его в землю.

115. Наверное, он должен был быть и символом прочности власти Ивана, а украшение - символом царского богатства.

117. И еще один храм связан с именем Ивана Грозного - собор Василия Блаженного. Эта песнь, запечатленная в камне, известна всему миру как символ России. И вполне заслуженно.

118. В храме такое многообразие элементов декора, их сочетания, столь необычна его композиция, что строителям последующего времени хватило на полтора столетия перерабатывать его дары. Нельзя, конечно, говорить, что строитель храма Постник Яковлев сам все выдумал. Уже до него вырос в Коломенском шатровый храм Вознесения, а в Дьякове - храм с приделами, украшенными стрельчатыми и круглыми колоннами с кокошниками. Но сочетание, пропорции, украшения куполов - это все творение его фантазии, смелости, поэтичности и вкуса. При постройке храм

не был так ярко раскрашен, не было галерей и маленькой церкви над могилой юродивого Василия Блаженного, да и звался он Покрова-на-рву. Иногда мне хочется, чтобы храму вернули его сдержанность, но чаще веселое состязание красок и архитектурного убранства доставляет удовольствие.

119. Он пережил много веков и до сих пор спокойно выдерживает валы демонстраций и орды туристов. Он стоит на главной площади России и чего только не перевидал за свои 400 лет: Сталина в сорок первом и рабочих в семнадцатом, поляков и французов, Разина и Грозного.

120. Было, наверное, здесь больше ужасающего и страшного, чем радостного. Но храм Василия Блаженного будет вечно выражать одну только радость и торжество русского народа, который окончательно уничтожил угрозу от наследника Золотой орды - Казанского ханства.

121. И на вершине этого торжества стоял осиянный славой и народной любовью царь-победитель Иван Васильевич. В тот великий момент он был молод и радостен, умен и великодушен. «И бысть вельми премудр и храбросерд, и крепкорук и силен телом».

122. Но кем же он стал после, когда забота об укреплении собственной власти убила в нем все живое и человеческое, оставив лишь иступленную жестокость и мрачную подозрительность.

123. Здесь Иван Грозный устроил первый кабаk, где из специальных сосудов - ендов разливали вино для опричников - людей из царской охранки. Потому и называется эта церковь - Георгиевская в Ендове.

124. Опричники сами себя называли царскими псами, собаками преданными. Они свирепствовали почище Берии в 37 году. Донос служил часто единственным обвинением против человека любого звания и происхождения, но особенно против бывших соратников царя, против бояр, проявлявших хоть каплю независимости и человеческого достоинства.

126. Иван был одержим одной испепеляющей мыслью: «Чтоб были все подо мной равны, а я один над ними!». Эту мысль о принудительном равенстве, принесшую столько горя на протяжении всей истории человечества, царь Иван Васильевич осуществлял так сильно и страшно, что стоном стонала вся земля.

126. Мы воспитаны на мысли о том, что царь Иван Грозный был, хоть и жестокий, но справедливый государь. Помните фильм Эйзенштейна «Иоанн Грозный»? Сколько было хвалебных статей в его адрес. Однако, совсем другое мнение сложилось у людей, потерпевших от произвола Сталина. Вот разговор двух эзков из книги Солженицына:

127. «Объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. «Иоанн Грозный» - разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!

128. Кривлянье! - сердится X-123. - Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного. И потом, это же гнуснейшая политическая идея - оправдание единоличной тирании. Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции.

- Но какую трактовку пропустили бы иначе?

- Ах, пропустили бы? Так не говори, что гений! Скажи, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов».

129. У этой церкви святой Варвары был застеночек, где опричники пытали свои жертвы. Поговорка «К Варваре на расправу» прочно вошла в народную память.

130. Здесь погибло много русских людей, чьей силе, уму и таланту Россия обязана победой над татарами. Глядя на эти мрачные здания, невольно вспоминаешь наше недавнее прошлое и поражаешься, насколько же история способна повторяться, насколько упреки в письмах беглеца Андрея Курбского к Ивану Грозному похожи на открытое письмо Федора Раскольникова: «Вы, Сталин, уничтожили лучших

сынов партии и народа». Жизнь за эти четыреста лет изменилась гигантски, но последствия произвола власти остаются одинаково ужасными.

131. Алексей Константинович Толстой писал: «Иван, служа одной исключительной идее сохранения и усиления своей власти, губя все, что имело хоть тень оппозиции или тень превосходства, что, по его мнению, было одним и тем же,

132. под конец своей жизни остался один, без помощников, посреди расстроенного государства. Разбитый и уничтоженный врагом своим Баторием, он умирает...».

133.

134. Рождественский женский монастырь, что стоит у Трубной площади, видел всю жизнь Ивана Грозного. Помнит он и время после его смерти. «Царь Иван умер. Гроза, свирепствовавшая над землей русской, утихла. Небо прояснилось,

135. вся природа оживает. Оживают и те могучие силы, которые сдерживала железная рука Ивана, как шлюзы сдерживают напирющую воду. В государстве появляются политические партии, действующие смело и открыто. Жизнь со всеми ее сторонами - светлыми и темными - снова заявляет свои права».

136. Соборный храм Рождественского монастыря продолжает линию раннемосковских храмов, начавшуюся от Спасского собора Андроникова монастыря и развившуюся в годуновский стиль. Даже сейчас, с тяжелыми поздними пристройками по периметру, собор кажется стройным.

137. А каким красавцем он был еще пару столетий назад! Если мысленно убрать пристройки, останется небольшой куб с кокошниковым постаментом для барабана с головой, покрытой шлемом.

139. Совсем другим кажется Донской монастырь, поставленный царем Федором в память избавления Москвы от крымского хана Казы-Гирея. Эти стены с нарядными башнями

построены столетием позже, когда уже благодаря достаточно сильному укреплению государства отпала необходимость остерегаться нападения мелких врагов и можно было подумать о декоре оборонительных сооружений.

140. Над северными воротами в петровское время вознеслась к небу Тихвинская церковь.

141. Новый собор, законченный в 1693 году, перед вами. В монастыре положено быть массивному собору. Вот и стоит с тех пор эта громада, размышляя о вечных вопросах жизни. Цветущий в те годы стиль московского барокко проник даже за монастырские стены.

142. Малые барабаны, вместо того, чтобы стоять на основном кубе, выстроились на приделах, вместо узких и простых окон - и даже с наличниками. Вольностью является и галерея. Были у наших предков «свои причуды и свой аршин со своим коньком».

143. А рядом с новым собором - старый. У того уж и совсем не соборный вид. Кажется, просто забрела сюда церковь из гогуновских усадеб. Нарядный легкий барабан с кокошниками у основания

144. придает собору светскость и праздничность, начисто отменяя суровость и замкнутость. И уж совершенной красавицей стоит рядом с ним колокольня.

145. Не будем спешить уходить отсюда. Здесь собрана большая коллекция резных и скульптурных украшений и архитектурных форм.

146-147.

148. Из погибших церквей свозились в музей детали украшений. Немым укором стоят в нишах стен наличники, фронтоны, порталы, части галерей.

149. Зачем была погублена церковь Николы Большой Крест на улице 25-летия Октября, или Параскевы Пятницы в Охотном ряду?

150. А храм Успенья на Покровке - церковь, которую считали жемчужиной древнерусского зодчества за стройность и богатство декора. Зачем, наконец, разрушили Храм Христа Спасителя - памятник-монумент на Кропоткинской набережной, истратив на это долгие месяцы - храм-то строился на века.

151. Как перед славными могилами проходишь вдоль стен монастыря: одна резь лучше другой, одни краски нарядней других.

152. Есть ли на земле силы, способные искоренить жестокость и тупость? Стены отвечают - нет!

153. Фактическим преемником Ивана Грозного был Борис Годунов. Борис строил много. Существует даже годуновский стиль в церковном строительстве.

154. Церковь Никиты-мученика, что за Яузой. Колокольня и собор поздние, но сама церковь со шлемовидной маковкой - годуновского времени. О XVI-ом веке говорит позакомарное покрытие, терраса-гульбище.

155. Постройки этого времени украшались такого рода трехчастными карнизами и филенчатыми лопатками.

157. На берегу Москвы-реки в бывшей загородной усадьбе Годунова в Хорошеее стоит недавно реставрированный храм чисто годуновского стиля - это и пышность пяти рядов кокошников, обязательные две придела, трехчастные карнизы и лопатки.

158. Борис был ученым и очень изворотливым политиком. Сумев ужиться даже с Грозным, он хотел угодить и народу; снижением налогов, покровительством торговле, отменой казней, борьбой с пьянством. Все было разумно, однако, сумятица все увеличивалась. Число питейных заведений умножалось, учащались неурожаи и голод. В 1601 году десять недель без перерыва шел дождь. Хлеб сгнил на корню. Начался великий голод. Борис велел выдавать хлеб голодающим из царских амбаров и копейку на душу. Но голод

продолжался. Чтобы умиловить небо и дать работу голодающим, Борис велел надстроить церковь Иоанна Лествичника в Кремле.

159. Колокольня Ивана Великого высотой 82 метра должна была стать самым высоким сооружением. Иван Великий стал одним из любимых образов народного творчества. Про очень высокого человека говорили: «Выше Ивана Великого»,

160. про очень горластого - «Кричит во всю Ивановскую», как бы вспоминая о том времени, когда глашатаи кричали царские указы на всю площадь перед колокольней.

161. В эпоху тревог и печали народной,
В дни голода вырос... не даром он тощ,
И веет с чела его мглой холодной,
И в ней откликается воля и мощь.
Горит и красуется сторож могучий,
Сокровище взору, источник мечтам,
И волны молитв и громовых созвучий
От купола яркого мчит к небесам.

162. Там богатырь - начальник башен,
Его поставил Годунов,
Чтоб он из вечных житниц неба
Добыл кусок насыщенный хлеба.
Гигант, люблю твой царский гул,
Несомый в воздухе привольно.
Лишь он, бывало, не тонул
В аккорде медноколокольном.

163. Как чутко слушала Москва
Его разгульные слова.
Он молвит раз, он молвит два,
Он молвит три... Хор медный грянет:
«Вставай, Москва!» Старушка встанет
И, слыша отгул вековой,
Крестится дряхлою рукой.

164. Очень много забот приложил Борис к защите города. При нем была воздвигнута Китайгородская стена. При нем Федор Конь воздвиг стену вокруг Белого города по бульварному кольцу.

165. А несколькими годами позже по нынешнему Садовому кольцу пролегал деревянный оборонительный пояс. И лишь перед нашествием французов был сооружен еще один камер-коллежский вал, память о котором осталась в названиях застав: Серпуховская, Калужская, Преображенская, Дорогомиловская. О всех этих укреплениях напоминают лишь остатки китайгородской стены и башни. А ведь в 30-х годах стена была почти цела.

166. Участок от Дзержинской площади до площади Ногина, по свидетельству современников, был особенно живописен.

169. «Спокойная гармония масс, строгая гладь стен, общее впечатление торжественности, величия, монументальности. Стены достигали большой величины, а башня выступали над зеленью бульваров».

170. Еще Александру I ретивый генерал предлагал на месте стен проложить проспект его имени, но Александр распорядился починить стены. Сейчас же здесь просто Новая площадь, которая съела заодно со стенами и красивую церковь Владимирской Богоматери.

171. Но ни добрые дела, ни преступления не обеспечили Борису прочной власти. У этого терема в Угличе был убит людьми Бориса последний сын Ивана Грозного, царевич Димитрий. Наверное, Борис считал это убийство малым злом по сравнению с той пользой, которую могло принести России его правление. Вспомним слова Достоевского: «Чего стоит счастье человеческое, если для его достижения надо убить одного невинного ребенка?». Внешне разумная власть Бориса оказалась непрочной и накликала на Москву смутное время Лжедмитриев и польской интервенции.

172. Мы хорошо знаем памятник Минину и Пожарскому, освободившим Москву от поляков в 1612 году. Он поставлен на Красной площади лишь спустя 200 лет.

173. А вот в селе Медведкове, бывшей усадьбе Пожарского, стоит другой памятник победы над поляками - церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1640 году.

174. Церковь очень хорошо выглядит. Большущий остроконечный шатер окружают восемь главков - перепев Василия Блаженного.

175. Неизвестный зодчий, не знавший лучшего выражения общенародной радости, чем храм Василия Блаженного, решил повторить его конструкцию, но средств и фантазии у него, вероятно, было поменьше. Он украшает все главки барабана разнообразными кокошниками.

176. Особенно радует глаз украшение центральной главы. Воспринимаются они не иначе, как пышный воротник на тонкой девичьей шее. Иногда, кажется, что и шатер по недоразумению мужского пола, ведь это больше женщина в длинном широком сарафане.

177. У гостиницы «Россия» стоит одно из самых старинных зданий Москвы - дом-музей бояр Романовых. После изгнания поляков один из Романовых, Михаил, был избран царем на Земском соборе. С окончанием смуты русское общество вздохнуло свободнее. Это легко увидеть по расцвету зодчества церковного и гражданского.

178. В это время Москве начинает каменеть, сменяя деревянные терема на каменные хоромы. Это дом Шуйских.

179. А это - палаты Семена Ушакова. Красный цвет стен и белые наличники окон - любимое сочетание у старинных домов. Хороший дом, только окна слишком малы для современных его хозяев.

180. На Берсеневской набережной стоит единственный по сохранности комплекс, состоящий из церкви и палат думного дьяка Аверкия Кириллова.

181. Церковь Николы типична для церквей того времени: немного грузное крыльцо с гирьками,
182. пересечение стрелчатых кокошников и редкие по своей вычурности витые колонки на тонких и высоких барабанах глав.
183. Привлекает форма зеленых маковок, приближающихся к форме шлема.
184. Сами палаты украшены еще более разнообразно и богато. Это на них глядя, москвичи говорили: трудами праведными не наживешь палат каменных.
185. Палаты Волкова в Большом Харитоньевском переулке.
186. Наверное, в Москве не найдется другого здания, которое так бы напоминало деревянные барские терема.
187. Стоя перед ним, как будто смотришь на ожившую сказку.
188. Начинаешь понимать, что красный цвет плюс солнце и снег - это действительно прекрасно.
189. Разновеликие части здания, покрытые самой различной кровлей, как бы набегают друга на друга, пересекаются, заслоняют друг друга и вновь раскрывают новые живописные картины.
190. Церковные здания того времени поражают обилием стилей. Раздольно было свежим мыслям, свободным от канонов.
191. Теперь храмы строили не только царь и бояре, но богатые купцы и даже прихожане. На богоугодное дело не жалели ни сил, ни денег, вкладывая в храм все свои представления о возвышенном и прекрасном.
192. Церковь Рождества в Путинках строилась прихожанами, оттого ее завершают три шатра - ведь русский народ всегда любил обостренный силуэт. Три стройных шатра стоят на основном кубе, четвертый в пене кокошников вырос над приделом Неопалимой купины,

193. а между ними, нисколько не нарушая гармонии, главою группы стала колокольня. Дружная нарядная семья шатров на верху здания с обильно декорированными стенами и низкая трапезная с крыльцом - оставляют впечатление изящной игрушки.

194. А вот другой храм того времени - церковь Воскресения на Успенском вражке. Церковь явно подпорчена поздними переделками. Спрятаны под крышу кокошники, новая колокольня.

195. Простой одноглавый куб лучше выражал совсем другие идеалы: прочность, солидность, даже приземистость.

196. Эту красавицу мы, к сожалению, видели только в лесах. Церковь Троицы в Никитниках. Нет на ней ни одной детали декора, которая была бы повторена в других храмах.

197. Она послужила энциклопедией - собрание архитектурных деталей и приемов.

198. Высоко вверх стремится центральный шатер церкви в Троице-Голенищеве.

199. Два ее придела также увенчаны шатрами.

200. Но вскоре все изменилось. В 1655 году при достройке Успенской церкви в Вешняках зодчие обратились к патриарху Никону с просьбой о возведении над приделами шатров, но Никон выдал им храмозданную грамоту, в которой говорилось, чтобы главы на тех приделах были круглые, а не островерхие.

201. Чтобы не допустить обмирщения церковей, он приказал строить храмы «о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые отнюдь не ставить».

202. Возможности зодчих существенно сузились, и их талант, двигаясь к установленным рамкам, стал искать пути своего выражения не столь в форме здания, сколько в его отделке и декоре.

203. Бурно зацветает полихромия изразцов и красок на церковных храмах и колокольнях. Кстати, именно XVII-й век славен своими шатровыми колокольнями (на колокольни запрет не распространялся). Любовно украшали их строители и нередко красили в яркие цвета.
204. Как и эту изящную колокольню у церкви Николы в Хамовниках (в ткацкой слободе).
205. Очень радостный вид дает сочетание зелено-коричневых деталей отделки и белых стен.
206. Церковь Рождества в Измайлове. Более мягкое сочетание белого, желтого и голубого, стен, наличников и куполов, как будто желтое солнышко играет на стенах, а голубое небо отражается в куполах.
207. В купола же церкви Петра и Павла в Солдатской слободе, наверное, долго смотрело ночное небо.
208. Потому и остались на них крупные звезды.
209. Краса XVII-го века - церковь Григория Неокесарийского. Когда-то раньше храм был пестро раскрашен, о чем сохранилось много записей.
210. При постройке этого храма зодчего его Ивашку Кузнечика обязывали: «где прямая стена - прописать в кирпич красным суриком, а у шатра стрелки перевить, а меж стрелок обелить, а слухи и закомары и окна прописать разными красками». Красок сейчас нет. Зато остался у карниза пояс из изразцов.
211. Делал изразцы царев мастер Степан Полубес в Гончарной слободе.
212. И на этой маленькой и симпатичной церкви Успенья в Гончарах на Таганке
213. тоже тянется вдоль стены трапезной фриз из изразцов,
- 214-215. делая церковь еще более привлекательной.
216. Еще более насыщена изразцами церковь в Братцево.

217. Кроме растительного орнамента здесь можно видеть даже изображения ангелов.

218. А вот стена Крутицкого теремка так сплошь покрыта изразцами. Некогда Крутицкое подворье было резиденцией московских митрополитов.

219. Позавидовав постройкам Ростовского митрополита Ионы Сысоича, московский Иона-митрополит тоже решил поразить современников новыми материалами - изразцами, украсив ими парадный выезд в резиденцию.

220. Изразцы с растительными узорами покрывают стены,

221. из них сделаны наличники окон,

221а. причем колонки перевиты как виноградные лозы.

222. На разные вкусы строились церкви. Вот Тихвинская церковь, в селе Алексеевском, в котором богомольный царь Алексей Михайлович делал первую остановку во время частых походов в Троицкую лавру.

223. Церковь отличают почти полное отсутствие украшений на стенах - как бы противопоставление строго церковного вкуса буйному народному узорочью.

224. А еще храм этот много выше приходских - для утверждения власти церкви и царя.

225. Храм Ильи Пророка в Черкизове стоит на высоком берегу бывшей речки (теперь здесь пруд). Он, наверное, особенно хорош летом, в безветренный день, когда его красота как бы удваивается водной гладью. Колокольная его просто не может не нравиться.

226. Сильно развитые окна-слухи над ярусом звона придают ей прелесть женского кокетства.

227. Сама церковь очень проста и лаконична. Ее одноглавность нам импонирует.

228. Явную слабость мы питаем к одноглавой церкви. Правда, вот эта одноглавая церковь Успения в Печатниках не вызвала

у нас симпатии. Ремесленная работа. Ни красоты, ни возвышенности.

229. И все же самой отличительной чертой архитектуры XVII-го века являются многочисленные детали отделки - нередко на стенах и барабанах не оставалось практически никаких неукрашенных участков.

230. Церковь Николая в Пыжах - весьма типична для своего времени: пятиглавие над килевидными кокошниками, шатровая колокольня, низкая трапезная, расположенная между колокольней и основным кубом церкви. Да, украсили ее на совесть. Дважды повторяется трехчастный карниз, разделенный поясом из ширинок - вlepенных друг в друга квадратов.

231. И кокошники не плоские, а перспективные, и в простенках между окнами - колонки годуновского стиля, а сами окна обрамлены наличниками штучного набора и фронтонами, изогнутыми над ними.

232. Казалось бы, что уже ничего не прибавить, но на Троицкой церкви в Останкине украшений еще больше. Кроме основного куба, трапезной и колокольни здесь есть еще два придела (их тоже нужно было украшать) и шатровое крыльцо.

233. Округлые в плане выступы с восточной стороны - апсиды - место расположения алтаря, украшены уникальными перспективно-стрельчатыми фронтонами. Очень нарядно выглядит шатровое крыльцо.

234. Древностью веет и от ползучих арок, и от висячих гирек. Необъяснимая прелесть в этих висячих гиреках.

235. Мастера строители вырезали самые различные детали из белого камня, украшая их.

236. А как усыпаны стены самой церкви и приделов. Здесь и вертикальные ряды ширинок с изразцами, и сложные карнизы.

237. Известно, что нередко соседние окна украшались наличниками разной формы. Мастерам, видно, скучно было делать одни и те же украшения.

238. А вот во что обернулась любовь к узорочью на церкви Воскресения в Кадашах. Здесь удачно синтезировались приемы нового стиля московского барокко и старая композиция храма - простой куб.

239. Гора кокошников заменена двумя ярусами сложных гребней и получилось не только нарядно, но и изысканно. Центральная глава стоит на двухъярусном барабане, предвещая многоярусные композиции. И колокольня у церкви - стройная красавица - вся в тонких кружевах.

240. И вот в последнем десятилетии XVII-го века из синтеза московской, украинской и западной архитектуры получился так называемый стиль московского барокко, или, как его еще иногда называют, нарышкинский стиль, т.к. процветал он в домовых и усадебных церквях этой фамилии. Нарышкины стали богаты и знатны благодаря милovidности Натальи Кирилловны - матери Петра Великого, с первой же минуты приглянувшейся Алексею Михайловичу.

242. Не только красивые сочные детали отделки характерны для этого стиля, но и сама композиция здания изменилась. Стиснутые церковными канонами, запрещающими шатры над храмами, зодчие не уставали искать формы, которые могли бы выразить их возвышенные чувства. И нашли. Центральная глава на 2-3 яруса поднялась вверх, а две или четыре других - остались на приделах снизу.

243. Это церковь Знамения на Шереметьевском дворе - построена по всем законам нового стиля.

244. Забавно читать, что и такую церковь в селе Узком тоже причисляют к московскому барокко. Да, конечно, и у нее есть четыре симметричных придела, и в отделке наличников использованы барочные формы.

245. Но нет красоты композиции, которая во все века и составляла первооснову красоты здания.
246. А вот эта церковь Бориса и Глеба в Зюзине хоть и начисто лишена наличников (наступало деловое петровское время), и на двух приделах нет глав, но определенно выстроена в стиле московского барокко.
247. Церковь эта на фоне новых белых домов кажется очень нарядной, хотя украшения у нее более чем скромные.
248. На излучине Москвы-реки, на кругом берегу ее в селе Троице-Лыково стоит одна из лучших церквей этого стиля.
249. Все описатели этого храма непременно сравнивают его с драгоценностью, усыпанной бисером, обтянутой золотыми нитями и сверкающей на солнце - так велико его декоративное убранство.
250. Теперь уже недолго ждать конца реставрации, когда можно будет обозреть храм в полный рост и полюбоваться всеми его узорами.
261. И этот храм Троицы в Хохловском переулке причисляют к московскому барокко. Но это хоть и необходимо. Пропорции ее далеко не идеальны, но наличники красивые.
252. Этот храм стоит как бы на грани XVIII-го столетия, когда все лишнее, так сказать, ярусы уберут вместе с приделами
253. и будут строить храмы по типу «восьмерик на четверике» - восьмигранную призму на куб ставить.
254. Аналогична и церковь в Конькове. В ней от барокко - разве что витые колонки да наличники.
265. Надвратная церковь Зачатьевского монастыря тоже современница барокко. Монастырь этот был поставлен царем Федором и его женой Ириной Годуновой как моление о наследнике. Построек от того времени не осталось, а надвратная церковь на северной стене появилась столетием позже.

256. В 1692 году боярин Лев Кириллович Нарышкин - дядя Петра, построил в своей усадьбе в Филях церковь Покрова Пресвятой Богородицы, ставшую в один ряд с церквями Покрова на Нерли, Вознесения в Коломенском, Покрова на Рву (Василия Блаженного) и другими. И если храм Покрова на Нерли отражает задумчивость и ясность русской природы, а церковь Вознесения - возвышенность народного духа, Василия Блаженного - торжественность и праздничность, то Покрова в Филях - неудержимую радость, ликование и восторг.

257. При первом знакомстве с храмом сперва на психику обрушивается богатство декора. А когда жадность к новому замолкнет, получив свое, можно не спеша в удовольствие

258. любоваться наличниками первого яруса, перепрыгнуть на карнизы и поплавать по надкарнизным гребням, и от яруса к ярусу дойти до золоченой изящной главы.

259. И, спускаясь с нее на землю, вы вдруг осознаете, как чутко подобраны пропорции ярусов, как органично вписываются в контур приделы со своими золотыми головками.

260. Только сейчас я начал сознавать, какое влияние оказало на меня в детстве это здание своим существованием. Смутные воспоминания детства в годы войны и после хранят ее облезлой и грязной

261. с какими-то трубами, замками, складов и худым бельишком на веревке через балюстраду.

262. Это была первая церковь, которая мне запомнилась, и то потому, что именно рядом с ней разорвалось несколько немецких бомб, и было интересно на это место смотреть. И многие годы мы ходили около этой дряхлеющей будущей развалины, только смутно сознавая, что церковь когда-то была красивой.

263. А потом уже в школе мне попала роскошная искусствоведческая книга и в ней большая иллюстрация с нашей старой знакомой. О, какая она была красавица в своей

молодости. Право, она была лучше всех в той книжке. Удивление и восхищение переполнили меня, и я не мог уже спокойно проходить мимо постаревшей и обмызганной красавицы, обижался и грустил. Зато какую радость вызвало начало реставрации, первый позолоченный купол, первый оштукатуренный восьмерик. И долгие годы реставрации, которая идет и сейчас, мы с радостью замечали изменения к лучшему, возвращения молодости к царице Филей.

262а. Хорошеет Москва. Молодеет не только своими новыми зданиями, но и старыми. Сколько поколений сменилось с тех пор, как поставлено здание этой церкви, сколько людей волновалось и радовалось, глядя на нее, скольких научила она пониманию красоты, добра и радости.

262б. Вернее, те, кто ее строил. Думали ли они, что и через сотни лет их постройка будет закладывать у людей основы эстетического представления, будет непосредственно определять их вкусы и пристрастия.

262в. Не знали, конечно, не догадывались. Просто были хорошими людьми и вложили всю душу в дело рук своих. Вот и весь секрет их «бессмертия».

Часть третья. «Классицизм»

263. Жизнь не стоит на месте. И вот уже рядом с ломившимся от роскоши собором Богоявленского монастыря стоит деловитая и целеустремленная петровская колокольня. Пройдет немного времени, и петровская практичность сломает роскошную лень боярской жизни.

264. Вырастет Петербург, и:
Перед новою столицей
Главою склонится Москва,
Как перед юною царицей
Порфиноносная вдова.

265. Появление Петра до сих пор представляется чудом, спасшим Россию от вековой спячки, повернувшим ее к западной цивилизации.
266. Однако, даже здания говорят о том, что Петр был бы невозможен без просветительской деятельности его предшественников. Петр основал флот, но ведь первые морские корабли построил его отец Алексей Михайлович.
267. Петр посылал боярских детей учиться за границу, но ведь уже при его брате Федоре Алексеевиче было основано в Заиконоспасском монастыре
267. славяно-греко-латинское училище, где учились у Магницкого Ломоносов, Кантимир и Баженов.
269. Долгое время именно монастыри были кладезями знаний, рассадниками культуры. Только монахи были грамотными людьми. Им мы обязаны знаменитыми летописями древнейшей истории. Искусство, живопись, архитектура и музыка также служили церкви и лучше всего сохранились в монастырях.
270. Андреевский монастырь. Здесь Федор Ртищев открыл первое духовное училище во второй половине XVII-го века.
- 271-273.
274. Движение и развитие русского общества конца XVII-го века начало захватывать и женщин, придавленных Домостроем. Уже давно прошло легендарное время походов княгини Ольги и былинных богатырш. Христианство с его мифом о первородном грехе, в котором из-за женщин люди лишились рая, наследовали болезни, голод и стали смертными, принесло презрение к женщине, и даже ненависть.
275. Женщине дано было право лишь на подчинение мужу: «Жена до убоится мужа своего», да на вечную верность. Лучшей же участью для женщины считалось монашество, законом было пострижение вдов в монахини.

276. Это здание было построено уже в нашем столетии академиком Щусевым на Марфо-Марьинской обители.
277. Но как верно передана бело-черным цветом суровость и печаль женского монашества.
280. А вот другой женский монастырь - знаменитый Новодевичий. Солнечный, яркий, нарядный, роскошный. Такой вид монастырю, основанному в начале XVI-го века, придала Софья. В конце XVII-го века зодчие достигли глубочайшего понимания законов построения ансамбля.
282. Поэтому достройка и перестройка не только не ухудшила их, а, наоборот, усиливала их архитектурную выразительность. Обычно монастыри ставили на берегу рек, прудов, чтобы их красота удваивалась, отражаясь в голубой воде. Сочетание зелени деревьев, красного цвета стен, белоснежной резьбы и золота глав, увеличивало торжественность ансамбля.
283. В центре ансамбля расположен Смоленский собор. Соборы такого типа у нас вызывают уважение, а у наших предков, наверное, вызывали очень сложные чувства, понять которые нам довольно трудно.
284. Но люди делают и делают попытки понять их. И в холодный зимний день девушка рисует старинный собор, всматриваясь в него, вдумываясь.
285. По неписаному закону царевны не могли выходить замуж за неровню ей по происхождению, а равных царскому роду не было на Руси. Единственный выход состоял в уходе в монастырь. Сколько их было, царевен, постриженных в годы цветения, сколько слез в подушку и затраченных сил.
278. И эти силы как бы скопились в Софье, когда она боролась за свое место под солнцем, за свое право жить и управлять государством. Ее судьба чем-то схожа с судьбой Бориса Годунова - она тоже захватила не по праву власть и, зная это, заигрывала с народом, со стрельцами.

281. Она тоже была способна на мелкие расправы, но не такие ужасающие, как законные венценосцы Иван Грозный или Петр Первый, устроивший настоящую бойню над стрельцами. Софья потеряла власть и была заточена в монастырь, в отстроенный ею же Новодевичий.

285. В монастыре много построек: над обоими воротами выстроены парадные надвратные церкви. Не знаю, велись ли там службы, наверное, просто молились, а может, считалось, что только церковь может придать наивысшую торжественность входу. Над южными воротами - привлекательная трехглавая церковь, которую необычайно украшают маковки оригинальной формы.

286. А рядом - палаты Ирины Годуновой. Насколько мрачны ее палаты, настолько же светла и празднична трапезная церковь, построенная Софьей.

287. Колокольня монастыря высока и «отменно сложена». Закрытые ярусы чередуются с открытыми, что придает ей необычайную легкость.

288. Колонки по углам тоже усиливают это ощущение.

289. Ушло древнерусское зодчество с концом XVII-го века, были забыты и рецепты, по которым строились высокие, но легкие колокольни. В дальнейшем грузные, неуклюжие великаны все чаще стали появляться над воротами монастырей. Такова, к примеру, колокольня в Новоспасском монастыре.

290. Новодевичий монастырь! Сколько пролито за твоими красными стенами слез, но случилось, что ты их и осушал. Здесь любила бродить тонкая поэтесса прошлого века Ростопчина.

291. Обитель древняя, убежище святыни,
Как стало мне легко в стенах твоих,
Как живо чувствую я ныне
Всю суетность надежд и радостей земных.

292. С разбитым сердцем я, с взволнованной душою
Вступала в сень твою, мятежных дум полна.

За грань житейскую сюда я за собою
Оковы бренности и груз тоски несла.

293. И здесь меня отрада ожидала,
Здесь утешение спустилось сверху мне.
Моление теплое на время оторвало
Печаль, томимую в сердечной глубине.

293а. С очей упал покров, таинственная вечность
Явилась предо мной разительно странна,
Житейской бури я постигла скоротечность,
От ложных призраков душа отвращена.

294. Когда Петру грозила гибель от Софьи, он бежал в
Троицкую лавру, куда постепенно перешли все верные ему
войска и бояре. В благодарность Богу за чудесную победу
мать Петра Наталья Кирилловна поставила церковь Филиппа-
митрополита в Высокопетровском монастыре.

295. Посмотрите, как легко и горделиво звучит материнская
радость за сына.

296. От петровских времен в монастыре сохранилось много
построек. Место соборного храма занимает обширная
трапезная церковь Сергия Радонежского.

297. Несколько в стороне стоит огромный храм-усыпальница
бояр Нарышкиных. Храм сделан по типу приходских храмов
XVII-го столетия.

298. Над западными воротами расположена церковь Антипия.

299. Ее современница (построена в середине XVIII-го века)
Толгская церковь - совсем игрушечная, да еще и раскрашенная
в многоцветье. Рядом с ней видна многоярусная колокольня.
Поскольку в конце XVII-го века монастырь стоял в черте
города, то ему пришлось даже композиционно измениться.
Прежде в монастырях центром ансамбля был собор-храм,
стоящий в середине двора - он был самым высоким и мощным
зданием монастыря.

300. Теперь же главной вертикалью стала колокольня, выдвинутая на фасад монастыря.

301. А вместо каменных стен на Петровку выходят кельи, наряженные наличниками с разорванными фронтонами и фризом, бегущим вдоль стен.

302

303. Здесь мы прощаемся с древней Москвой. Про здания последующих лет уже нельзя сказать, что они полностью самобытны. Петр энергичной рукой крушил старый быт и нравы, весь ритм и уклад жизни. Все, что происходило в общественной жизни, непременно сказывалось и на зодчестве.

304. Но если петербургские зодчие, не имевшие традиций, первоначально больше воспринимали и меньше перерабатывали, то московское зодчество, впитывая в себя западноевропейские формы, своеобразно перерабатывало их и продолжало идти самостоятельным путем.

305-306. Русские архитекторы при постройке церквей начинают применять нерусские «рациональные» конструкции, как, например, колоннады с портиком, огромные купола, которых раньше делать не умели, ордерные формы и многое другое.

307. Церковь Архангела Гавриила построил Зарудный - архитектор, получивший западноевропейское образование. Ярусам, по-московски, тянется церковь вверх.

308. Когда-то она была еще выше. Ее хозяину - Меньшикову - хотелось превзойти колокольню Ивана Великого, почему и звалась она в народе Меньшиковой башней.

309-310. Церковь богато украшена скульптурным орнаментом, почти все детали которого взяты из барочного декора.

311. Церковь Петра и Павла на Кулишках поставлена была в тяжелые годы войны со Швецией.

312. Ее наряды скромны, нет уже резных надкарнизных украшений, ярусов всего два, но пропорции, силуэт, форма

главы - во всем еще явственно ощущается влияние нарышкинского стиля. И колокольня ей вполне подходит.

313. Церковь Иоанна Воина на Якиманке - здание, которым восхищался в свое время Баженов. Действительно, здание необычной конструкции. В церкви слились недавние принципы «московского барокко» и то новое, что шло ему на смену.

314. Закомары-кокошники превратились в полукруглые фронтоны, а прежние малозаметные слухи - в большие люкарны с полным декоративным оформлением.

355. Новые детали в виде волют и остроконечных пирамид заняли место декоративных гребней.

316. В Замоскворечье стоит огромная церковь Климента. По виду это просто дворец, но с куполами. Полагают, что построил ее один из учеников Растрелли.

317. И в то же время этот храм близок к Иоанну Воину. Но только украшен с большим вкусом и любовью. Тончайшим вкусом в отделке обладал его строитель.

318. И, наверное, это последнее барочное (уже в западноевропейском смысле) здание в Москве. На смену барокко на Западе, а довольно скоро и в России, шел классицизм. Конечно, казаковские церкви и красивы, и внушительны, но это не церковная красота - та осталась за порогом XVIII-го века. Ротонда вместо барабана на церкви Филиппа Митрополита придала зданию совсем светский вид.

319. У карниза здания выполнены с большим искусством барельефы на церковные темы. Жаль, что они все больше разрушаются временем.

320. Казаковская рука чувствуется и в этой церкви Вознесения на Гороховом поле.

321. И колоннада красивая, и шпиль - почти шатер. Книги единодушно называют ее лучшим творением Казакова.

322. Совсем непохожа на нее церковь Косьмы и Дамиана на Покровке.

323. Церковь эта как бы составлена из пузырей, так округла каждая ее часть.

324. Единственная церковь, которую построил в Москве Баженов, самый талантливый русский архитектор, к которому судьба екатерининскими руками была так жестока, -

325. церковь Всех Скорбящих Радости в Замоскворечье.

326-327. Да и то осталась лишь колокольня и трапезная, а само здание после пожара 1812 года перестроил Бове.

328. Начиная с петровского времени, старая Москва приходила в упадок, забывались приемы древнерусского строительства, исчезали старинные улицы, запираемые на ночь цепями боярские хоромы, бесчисленные сады и огороды, заменяясь новыми безликими постройками. Этот необратимый процесс больно отзывался в сердцах русских поэтов.

329. О, как пуста, о как мертва
Первопрестольная Москва.

Везде чугун, везде гранит,
Сады, мосты, объем широкий.
Несметных улиц, все блестит
Излишней роскошью - все ново,
Но жизни нет! Она мертва,
Первопрестольная Москва!

330. С домов боярских герб старинный
Пропал, исчез... И с каждым днем
Расчетливым покупщиком
В слепом неведении, невинно
Стираются следы веков,
Следы событий позабытых,
Следы вельможей знаменитых.
Обычай, нравы, дух отцов -
Все изменилось...

331. Сквозь слез гляжу на древний град
Вот он, свидетель величавый
И русских бед, и русской славы
И горестных моих утрат.
Моих утрат!.. Порыв роптаний
Умолкни здесь. Что значу я?
Скрижаль родных воспоминаний
И царства русского глава.
Былого летопись живая
Золотоглавая Москва.

332. Москва! Предел моих желаний,
Где я расцвел, где я увял.
Где наслаждался, где страдал
И где найду конец свиданью.

333. С религией у русского человека была вся жизнь связана
от рождения до самой смерти. И сейчас на всех старых
кладбищах стоят церкви, где отпевают православных и ходят
черные старухи. И любого верующего охватывает светлая
грусть и воспоминания.

334-338.

339. Есть близ заставы кладбище,
Его всем знакомо имя...

340. Божия нива засеена вся.
Тут безвестные люди,
Добрые люди сошлись
В ожиданье весны воскресенья.

341. Ветки простые дерев
Осеньют простые могилы,
И свежа мурава, и покойно, и тихо,
На вечность.

342. Посещают родных,
Как хорошо тут лежать
И свежо, и покойно, и тихо,

И беспрестанно идут и живые,
И мертвые гости...

343. Иным же даже в смертный час не изменяло чувство юмора. Бродя по Ново-Алексеевскому кладбищу, мы натолкнулись на такое завещание:

Живите, дети, не тужите,
С вами божья благодать,
Меня к себе уже не ждите,
Я ж вас буду ожидать.

344. Церковь же у Никитских ворот напоминает о другом - о молодости, радости, свадьбах. Здесь венчался Пушкин с первой московской красавицей Натальей Гончаровой.

345. Мы отменили все красивые обычаи, связанные с церковью, а сейчас начинаем жалеть о них. Порядки во Дворцах бракосочетаний - это лишь жалкое подражание таинственному, освященному древностью обряду венчания.

347. И сейчас много молодых венчается в церкви, наверное, даже не веря в Бога. И не надо осуждать их, настолько любящих старинное и прекрасное, чтобы найти силы отбросить современные предрассудки о церковном дурмане.

348. Многие века единственным убежищем было религиозное, единственной культурой - церковная, единственной живописью - церковная и храмовая роспись, и, наконец, единственной серьезной музыкой было церковное пение.

349. И сейчас еще церковное пение вызывает у верующих самые бурные чувства восторга, печали и умиления, которые, наверное, недоступны нам, безбожникам.

350. Это - главный действующий собор в России - Елоховская церковь. Слышали ли вы когда-нибудь пение, славящее господу на сто ладов, пение, льющееся сверху на благовестную толпу.

351. И какая разница, что соседи тебя немилосердно сдавливают, что кашель, стеснение, шум, просьбы о передачах на икону прерывают голоса певцов.

352. Душа верующего настроена на божественный лад, уши не слышат земной суеты, лицо жадно подставляется под дождь святой воды, руки тянутся за благословением.

352а-358.

365. А эта церковь называется Никола Красный звон. В своем арсенале эта церковь сохранила и развила самую древнюю музыку - колокольный звон. Москва всегда особенно славилась своим колокольным звоном. В Москву ездили «хлеба-соли покушать, красного звону послушать».

368. В колокол мирно дремавший
С налета тяжелая бомба упала.

369. Грянула с треском, кругом
Ее разлетелись осколки.

373. Он - тоже вздрогнул: и к народу
Медные звуки

374. Вдаль потекли, негодуя
Гудя и на бой созывая.

374а. В безмолвии, под ризою ночной
Москва ждала. И час святой настал.
И мощный звон промчался над землею
И воздух весь, гудя, затрепетал.

378. Певучие серебряные громы
Сказали весть святого торжества.
И, слыша глас ее, душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.

379. Один глагол всегда священный
Наследия былых времен,
И как сердцам понятен он,
Понятен думе умиленной.

380. То вещей звук колоколов,
То звук, торжественно чудесный,
Взметающий до облаков

Когда все сорок сороков
Взывают к благодати небесной!

385. Знакомый звон, любимый звон,
Москвы наследие святое,
Ты все былое, все родное
Напомнил мне. Ты сопряжен
Навек в моем воспоминанье
С годами детства моего,

386. С рождением пламенных мечтаний
В уме моем. Ты для него
Был первый вестник вдохновенья,
Ты в томный трепет, в умиленье
Меня вседневно приводил.

389. Ты поэтическое чувство
В ребенке чутком разбудил,
Ты страсть к гармонии, к искусству
Мне в душу пылкую вселил.

391. Религия - опиум для народа. Может быть и так, но скорее это просто один из видов глубокого психологического воздействия на человека. И разве это огромное влияние церковь использовала только во вред людям?

392. Сказать так - это не уважать сегодняшних верующих. И можете поверить, сейчас 25 действующих церквей в Москве отнюдь не пустуют. В большие же праздники здесь просто не протолкнешься. Конечно, сюда заходят и просто любопытные вроде нас, старающиеся впитать в себя архаику обстановки. Но их мало. В основном людей влечет сюда вера, вера отцов и дедов.

393. В археологии есть закон: народ, переживший веру своих отцов, стал новым народом, переродился. Так, славяне, принявшие крещение от Владимира Красное Солнышко, образовали единую русскую нацию.

394. А крах царизма и православия в 1917 году обозначил рождение нового понятия - советского народа - единого в

своей коммунистической убежденности. Нынешние верующие лучше всего сохранили в своей среде обычаи и нравы дореволюционного русского народа.

395. Даже небольшие изменения в вере, введенные патриархом Никоном, привели к изменению народа. Старообрядцы, не воспринявшие новшества Никона, как бы остались жить в допетровском времени.

396. Старообрядческих церквей в Москве немало. Большинство из них резко отлично от православных. Старообрядцам разрешили строить свои церкви лишь в начале XX века.

397. Часть из них построена по типу простых древних храмов, например, Трифона в Напрудном.

398. Церковь Никола у Белорусского вокзала. Она сделана грубо и просто, но подражание законам потеряло и тень той привлекательности эстетического плана, которой обладали древние храмы.

399. А у этой церкви у Парка Культуры повторен другой старинный мотив - вместо обычной колокольни - забытая звонница.

400. Но в это же время появляются и другие совсем необычные постройки, зодчим большинства из которых являлся Бондаренко. Это - церковь Покровско-Успенской старообрядческой общины.

401. Ее стена украшена необычным орнаментом, а колокольня кончается маковкой, но на самом деле очень непривычно видеть маковку без пережима у основания.

402. Храм московской общины старообрядцев-поморцев. Колокольня такая в Москве, наверное, единственная - как будто избушка на курьих ножках. Ее фасад облицован изразцами, так что получилось довольно большое панно с изображением двух ангелов.

403. Изразцами был облицован и портал. Можно сказать, что старообрядческие церкви перепрыгнули от древности в модернизм. Зодчий же элементами типа этой избушки пытался выразить свои представления о древности старообрядческих традиций.

404. Вообще церкви нового времени (конца XIX-го - начала XX-го века) можно отличить по современному кирпичу, по возврату от классицизма к древнерусским формам и по машинообразной точности старинных деталей декора. Время это бескомпромиссные искусствоведы считают безвременьем в архитектуре - не было своего стиля.

405. Мне же больше думается, что архитекторы, разочарованные в классицизме (как ни перерабатывали они его - он все равно не вписывался в русский дух), снова обратились к старым формам. И кто удачно, а кто и неудачно стали возрождать XVII-ый век.

406. Церковь Одигитрии. Здесь даже богатая изразцовая отделка не могла спасти кирпичную коробку башни от купеческого практицизма.

407. Зачастую же новые церкви очень привлекательны. Посмотрите на эти шлемовидные купола - как будто два коренастых богатыря - большой и поменьше, венчают пересечение крыш над объемом церкви.

408. По-моему, вполне удачна церковь Божьей матери. Нечаянная радость на Шереметьевской улице. Конечно, насмотревшись на подлинные древние церкви, ты не примешь эту церковь за древнюю.

409. Но зодчие этих времен и не делали подделки. Они просто искренне уважали старину и считали, что именно такие церкви отвечают московскому духу, и такие-то и надо во все века ставить.

410. Вот еще одна «подделка» - церковь в Сокольниках. Может и правда, что к такому массивному основанию не идет шатер.

411. Но издали она очень хороша шатром, а вблизи - роскошью украшений самого здания.
412. Здание бывшей церкви у метро «Пионерская» можно считать уникальным.
413. Оно построено из белого кирпича
414. и кажется совершенно новой постройкой сегодняшних дней.
415. Это - явно деревенский храм. Он отличается простотой и ясностью композиции. Скупая отделка красным кирпичом и серым камнем подчеркивают мягкость всего ее облика. Крыша красной черепицы вообще делает из здания уютный финский домик. Черепицы волнистой бахромой покрывают купол. Между прочим, такая бахромчатая крыша весьма популярна у архитекторов нового времени.
417. И действительно, насколько более симпатичный вид приобретает приземистая коробка деревенской церкви близ Лианозова, когда ее покрывает купол, взлохмаченный рядом кокошников. Храм совсем недавний. Это видно. Еще не слезла позолота с креста. Но по маковке видно также, что церковь начинает разрушаться.
418. И ждет ее печальная участь всех деревенских церквей - заброшенность и разрушение.
419. Ведь она не является историческим памятником, да и художественной ценности, согласно существующим канонам, не представляет.
420. Мало ли их было разбито только из-за одного желания использовать остатки кирпича для постройки какого-нибудь свинарника. Редко кого заинтересует, что вот такая маленькая деревенская церковь, спрятанная в деревьях, может служить главной и самой прочной нитью связи живущих здесь людей с их предками, с их славой и бедами.
421. И пусть постройка эта недавнего времени, но в глазах народа она овеяна поэзией древности, служит для них

памятником прошлому. Разрушение ее равносильно осквернению могил.

422. За наш XX-ый век уничтожено больше половины всех московских церквей, больше двухсот. Многие перестроены и заброшены так, что уже практически перестали существовать. А этой церкви здорово повезло, ее просто закрыли от мира многоэтажной громадой. И нужно много времени проплутать, прежде чем доберешься до нее. Другим же повезло меньше.

423. Их новые хозяева - многочисленные предприятия, склады и учреждения - типа студий диафильмов или фабрик зонтов - используют отведенные им хоромы на износ. Где надо - копят трубы, где надо - проложены балки, где надо - уложено железо, пробиты окна и двери. Отличный получился промышленно-церковный комплекс, наверное, не хуже, чем домашние домны в Китае.

424. Даровые здания - чинить их не надо, прочно поставлены, да и все равно их сносить будут. Это еще что. Хуже, когда старинные здания обезображиваются и уничтожаются не только физически, но и морально.

425. Какая была необходимость устраивать общественные уборные в сквере перед церковью Климента, прекрасном памятнике XVIII-го века, или устроить тюрьму в древнейшем монастыре Даниловом?

426. А в соборе его современника - Новоспасского монастыря - разместить вытрезвитель?

429. Но нет, они не правы, эти преобразователи жизни, полные недоброжелательности к старой Москве, Фомы, не помнящие своего родства с православным русским народом!

430. Сохранение, а не разрушение старого наследия - вот принцип, который положен в основу государственной политики, пусть он в массе случаев и нарушается. Если и сейчас разрушаются отдельные церковные здания, то еще больше их реставрируют.

431. Реставрация - это долгий и длительный процесс, требующий большого искусства и большой любви... Быстро можно только разрушать.
432. Строить заново гораздо дольше, а восстанавливать здание - это еще дольше.
433. И все же пусть не день за днем, только год за годом, но встают рядом с белыми зданиями новостроек обновленные древние храмы, освобожденные от всех безвкусных наслоений купеческого времени, от всякой грязи и парши.
434. И происходит чудо. Внезапно эти, казалось бы, безликие космополитические коробки приобретают национальный колорит, русский характер, становятся частью нашего большого города.
435. Велика Москва, издавна была такой! Еще два века назад о ней говорили, что Москва - не город, а целый мир. Вот этот мир, его небольшую часть в виде церковных старинных зданий мы и хотели узнать. Посмотрев почти все церковные здания сегодняшней Москвы, большинство тех из них, которые еще сохранили свой прежний облик, мы показали вам в диафильме лишь небольшую часть этого богатства, принадлежащего русскому народу.

Приложение 11.

Сценарий диафильм «ВЕСНА ВОДЫ И МАЯ»

Мне даже трудно называть это диафильмом - так мало в нем содержания. В нем не было Пришвина и стихов, зато было много "веселящей" музыки и "молодецких" кадров (байдарки в льдинах, переодевание после купания в ледяной воде и т.д.). Записан он был в рекордно короткий срок - за полдня и без сценария, по наитию. В тот день Лиле исполнялось 30 лет, и мне хотелось продемонстрировать нашим гостям памятные им эпизоды - в несколько обобщенном и упорядоченном (хронологически) виде. Потом я все же записал этот свой "подарок" Лиле. И вот что получилось.

- 1 – 20 "Нара - март 1969г."
21 - 24
25 Пройти маршрут мы не смогли из-за ледяных заторов. Перевернулись, вымокли, потеряли весло и шапку.
26- 32 "Пахра - апрель 1969г."
33-35 Пройли всего 2 км из-за заторов и жратвы и повернули обратно...
36- 38 "р. Воря - апрель 1968 г."
39 Пройли всего 10 км. Здесь у дерева перевернулись.
40-44 Едва спасли байдарку, но утопили аппарат "Зенит" ботинки, свитера и пр. и пр.
45 Только через месяц Жилин выловил свои вещи в мутной воде речушки-Ворюшки
46-47 "Реванш через неделю".
48-55 "Спортивная река Волгуша"
56 На этот раз мы только распоролы байдарку на 30 см.
57-72 И все же с шиком, через все завалы и перекаты домчались до конца маршрута на станции Турист.
73-78 "Нарские озера - истоки Нары - апрель 1967г"
79. - 87 "Истоки Нары".

- 88-99 р.Нара - апрель 1968 г.
 100 "Да здравствует 1 мая!"
 101. "В городе - демонстрация,
 102-104 а в лесу - маевка!"
 105 "р.Дубна - май 1966 г"
 106-115 слова 4-летнего Артемки: "Мне нравятся туристские песни, есть у костра и спать в палатке".
 Для многих из нас это был первый байдарочный
 116. - поход, но многие шли пешком к последней стоянке
 127 на волжском плесе... И за эти труды Волга наградила нас солнцем и тишью.
 128 "Трехдневка 9 мая".
 129 р.Лу́жа, май 1967 г.
 130-138 "О, это царство разнузданной лени..."
 139 - 147 "Поля на поле".
 148-149 "Впереди - р.Клязьма.
 Артемка: "Ехали мы на байдарке, остановились,
 150. стали рвать травку (щавель) и ее есть".
 151. - "На выпасе".
 152
 153 "И снова трудности".
 154-155 р.Каширка, май 1969г.
 156-158 Фотодокумент "Какими мы были в 30 лет".
 Это был беспримерный по трудности переход.
 Большинство участников падало на землю от
 159-167 усталости и едва передвигало ногами. За 3 дня водного пути было пройдено 40 км сплошных естественных препятствий, завалов, перекатов и редких водяных ям для переворачивания.
 Этот нелегкий переход продемонстрировал наши неувядшие силы, возросшее мастерство и высокую степень готовности к летним походам. И пусть весна
 168 кончается с той же неумолимостью, с какой кончаются наши тридцать лет, впереди у нас самое трудное и интересное. Впереди у нас -лето!
 169-178 "Прощай, наша весна..."

А теперь, чтобы хоть немного почувствовать, о чем шла речь, я приведу текст своей старой заметки в заводскую стенгазету:

"Апрель - время распутицы и межсезонья, когда туристам делать нечего: на лыжи встать - на поле в грязи завязнуть, пешком идти - в лесу из мокрого снега не вылезти. Другое дело речки: любой овраг становится бурным и непроходимым потоком. Кругом вода. И оказывается, что для туристов-водников нет лучшего времени, чем апрель. Тихие и мелкие подмосковные речки становятся бурными и глубокими. Плавание по ним подобно увлекательному слалому, когда хрупкое тело байдарки быстро проскальзывает на крутых поворотах под низкими мостками или между ножеподобными корягами и сучьями. Небольшая неточность или заминка в ходе - и байдарка переворачивается или распарывается бок.

На заводе водный сезон начали рано: уже 31 марта вышли по Наре две байдарки. Эта вылазка была не совсем удачной: переворот байдарки и купание между льдинами не входило в первоначальные планы. Но случайности не могут отпугнуть туристов.

В следующее воскресенье еще больше байдарок пускается в путь. Нара и Воря, Пахра и Волгуша - учили наших "капитанов" - смелости и осторожности, глазомеру и дружеской солидарности.

Конечно, было много драматических моментов вынужденное купание в ледяной воде, и хруст байдарочных скелетов, и ловля своих же вещей в мутной воде половодья.

Нас спрашивают: "Зачем нужны такие издержки?" и не получают ответа. Ибо бесполезно описывать словами мощь апрельской воды и солнца, картину весеннего переворота природы. Это можно только видеть и ощущать всем телом и уж никак нельзя определить ценность апрельских воспоминаний, оставшихся в тебе на долгое время..."

На дне рождения Лили 25.5.69 г. собрались как раз участники этих веселых приключений. Веселились не столько от вина, сколько от переживаний последнего байдарочного похода по Каширке. Столь оперативно состряпанный диафильм имел тогда шумный успех. Самый пустой из наших фильмов в тот вечер был удачным и уместным. Но и только. Уже более поздние просмотры зрительского удовлетворения, как правило, не достигали. Радикальная попытка избавиться от многословья в наших диафильмах, заменив их музыкой, в целом, хороших результатов не дала. Без содержания, оказывается, фильм не смотрится.

Однако желание продолжить чисто туристскую линию новыми фильмами у меня осталось: так много за эти годы насобиралось отснятых кадров о нерассказанных походах и городах, что справиться с этим половодьем зачастую хотелось простым показом под музыку, на манер "Весны воды". И только неуспех последнего остановил меня от появления "Москва-реки", "Волжских городов" и пр.пр. Приходится мириться с ощущением постоянной недоделанности, незавершенности своей диафильмовской работы.

Приложение 12.

Запись собрания профсоюзного актива МТЗ 21.2.1969

(Запись выступлений приведена, в основном, по памяти, поэтому не может быть полным и точным протоколом собрания, но смысл выступлений и отдельные запомнившиеся фразы приведены точно.)

Конференц-зал на 80 человек переполнен. На повестке дня обсуждение поведения члена коллектива инженера Сокирко В.В. Выбирается президиум из 3-х человек и предоставляется слово секретарю партбюро завода **Манохину В.И.**

Товарищи! Все вы помните события 20 августа. По всей стране прошли митинги, поддержавшие решение партии и правительства об оказании братской помощи чехословацкому народу. Весь наш народ одобрил ввод советских войск и войск наших союзников... Но нашлись отщепенцы, которые пошли против воли народа. Это – лингвист Бабицкий, преподаватель Литвинов, внук нашего известного наркома, Делоне, говорят, – сын академика, Богораз-Брухман и Дремлюга. 25 августа они вышли на Красную площадь с лозунгами: "Да здравствует свободная и независимая Чехословакия", "Долой оккупантов", "За нашу и вашу свободу", "Свободу Дубчеку". Остановились у Мавзолея. Им несколько раз предложили разойтись, но они не послушались, после чего их забрали. В сентябре состоялся процесс над этими товарищами ("Волк им товарищ" – нач. проектотдела Шуст В.А., "Не товарищи, а граждане" – голос из зала). Они были осуждены как нарушители общественного порядка: Литвинов – к 5 годам ссылки, Бабицкий – к 2 годам, остальные – к трем годам тюрьмы. И вот в декабре было написано письмо на имя депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР и в редакции газет "Известия", "Советская Россия". Содержание этого письма – несогласие с осуждением этих пятерых, что, мол, участникам демонстрации были вынесены

неправильные приговоры. Приписка в конце письма гласила: "Могли бы подписать и больше людей, но боялись трудовой дискриминации". О какой трудовой дискриминации может идти речь? Одним из подписавшихся был член нашего коллектива, работник технического отдела Сокирко Виктор Владимирович... Действия Сокирко наносят ущерб нашему государству... Отщепенцы не согласны с нашими порядками... Пусть он сам нам расскажет.

Вопрос: Какова национальность демонстрантов: чехи или русские?

Ответ: Нет, наши. Ну, советские подданные.

Слово предоставляется **Сокирко В.В.**

Товарищи! Вчера меня попросили рассказать вам о мотивах, руководствуясь которыми я подписал обращение к депутатам Верховного Совета с просьбой о пересмотре судебного приговора пятерым демонстрантам на Красной площади 25 августа.

С одним из них, Константином Бабицким, я знаком лично. Познакомились с ним и его женой в позапрошлом году, в турпоходе по Карелии, при осмотре деревянных церквей в Яндом-озере и Типиницах. С тех пор у нас поддерживалось нечастое и нерегулярное семейное знакомство, хотя с ним больше я не встречался. Возможно, что если бы не августовские события, это знакомство так и заглохло, но, начиная с августа прошлого года, я узнал о нем очень много от его друзей и жены. Эти сведения, вместе с собственными карельскими впечатлениями, позволяют мне нарисовать довольно полно его облик.

С первого взгляда в нем каждому виден добрый и положительный человек – уже по одной улыбке и поведению. Все отмечают его необычайную работоспособность – отдается работе целиком, самозабвенно. Даже в тюрьме он ухитрился продолжать свою научную работу лингвиста, составляя из клочков бумаги картотеку имен существительных. Продолжает ее он и сейчас в Коми АССР, в ссылке, после рабочего дня плотником, продолжает, хотя знает, что теперь

уже наверняка его книгу не опубликуют. А еще год назад подготовленную диссертацию – не позволят защитить. Он продолжает работать просто в силу своей увлеченности ученого.

Второй его главной чертой является большая принципиальность и моральная стойкость. Человек, построивший крепкую и дружную семью, вырастивший троих детей – не может быть морально неустойчивым, как писалось с наших газетах.

Но не это главное. Важно, что он был буквально воспитан нашей литературой – на ее образцах мужественности и стойкости в защите своих идеалов. Важно, что Костя считал идеалы нашего общества самыми гуманными и справедливыми и тяжело переживал все, что на его взгляд мешало их осуществлению. Он считал, что в наших ошибках, особенно таких тяжелых, как во времена сталинского произвола и хрущевского волонтаризма виноваты сами люди, т.е. мы сами. Именно то, что они не имеют смелости сразу высказаться против очевидных ошибок и нарушений социалистических законов, не имеют гражданского мужества отвечать за свою страну и ее действия.

Именно осознание этого обстоятельства, что идеалы социализма и коммунизма неосуществимы без ответственности и гражданского мужества каждого из нас, заставило его очень чутко относиться ко всем случаям возвращения к жизни сталинизма и нарушений Советской Конституции. И даже если Костя бывал неправ в своих конкретных взглядах, он всегда был откровенен и честно высказывал свои убеждения.

Большим ударом... ("Вы нам здесь агитации не разводите" – директор завода Слепцов С.А.)

"Я могу прекратить, но как Вы тогда узнаете о моих мотивах?"

"Пусть говорит, должен же он объяснить" – голос из зала.

...Большим ударом для Кости явился ввод наших войск в Чехословакию. До этого он с большим сочувствием относился к послеянварскому курсу чехословацких коммунистов и ввод войск против воли большинства членов партии и правительства он расценил как нарушение ленинских принципов права наций на самоопределение и уважения права братских партий на самостоятельную политику, как акт агрессии против малого народа, акт, запятнавший честь великого социалистического Союза. Согласитесь, что это очень тяжелые мысли и убеждения. На собрании в институте 21 августа он сказал так: "Мать-Родину не выбирают, но сегодня мне стыдно за свою страну". – Только высокое осознание своего гражданского долга требовало от него публичного осуждения неправильного, на его взгляд, действия своей страны. Результатом явилась демонстрация на Красной площади, как традиционном месте обращения граждан к правительству. Костя прекрасно осознавал возможные последствия своего поведения и для самого себя, и для семьи, и для родителей, которые сейчас им гордятся. Друзья отговаривали его, но он сказал, что пойдет на площадь даже один. Иначе он не мог!

Я не берусь обсуждать здесь: прав ли был Костя по существу в вопросе о вводе войск, поскольку этот вопрос достаточно сложен и отрицательная позиция по нему многих зарубежных компартий – наших верных друзей – тому ясное доказательство. Только время внесет полную ясность в этот вопрос, но в любом случае – прав ли был Костя или неправ – он поступил согласно своей совести и в рамках советских законов, ради защиты идеалов социалистической Родины. Даже если он неправ, он не только мог выступить с критикой определенного действия правительства, но и морально был обязан выступить с такой критикой, раз был убежден в ее правоте. Раз и навсегда он отверг принцип: "Моя хата с краю, я ничего не знаю" и этим поступком доказал, что он может открыто отстаивать свои убеждения. ... Тем не менее, Костю и его товарищей арестовали.

На суде в октябре постоянно подчеркивалось, что судят их не за убеждения, что в нашем свободном обществе граждане не могут преследоваться за различие убеждений или за их открытое высказывание, а, мол, судят их за возможное нарушение движения транспорта и за распространение заведомо ложных сведений – по статье 190-1.

Однако все обстоятельства демонстрации и разбирательства на суде показывают, что эти обвинения несправедливы, что суд не был беспристрастным и совершил грубое нарушение закона. Вот почему я подписал письмо с просьбой о пересмотре приговора.

Как же происходило все? Попробую изложить, полагаясь на свидетельства очевидцев:

В воскресенье 25 августа в середине дня 7 человек приехали на Красную площадь, встали на тротуаре у Лобного места и развернули плакаты "Да здравствует независимая Чехословакия", "Руки прочь от ЧССР", "Позор агрессорам", "Свободу Дубчеку" и др.... Они простояли, однако, только несколько минут, когда с центра площади к ним подбежали мужчины в штатском с криками: "Бей жидов и антисоветчиков". Подбежав, они закричали: "Расходись", но демонстранты остались на месте. Тогда люди в штатском стали вырывать у них плакаты. Причем, если Костя без возражений сам отдал свой плакат, то тех, кто замешкался, начали бить. Очевидцы говорят, что в течение пяти минут в этой свалке ничего не было видно, пока не подъехали легковые машины и демонстрантов не втолкнули в них.... Литвинова били по голове каким-то портфелем. Причем человек в штатском, который в течение года постоянно следил за ним, сейчас участвовал в этом с криком: "Наконец-то я добрался до тебя, жидовская морда". Ленинградцу Виктору Файнбергу разбили лицо в кровь и выбили зубы. Затолкнули в машину и Наталью Горбаневскую, литературного работника, а коляску с ее трехмесячным ребенком погрузили в другую машину.

Все это продолжалось минут 15, народа вокруг было немного, и только когда все было кончено, стали собираться люди, но ничего не найдя – расходились. В отделении милиции арестованные заявили протест и потребовали наказания людей, которые избивали их, выкрикивали антисемитские лозунги и прервали мирную и законную демонстрацию. Однако это требование не было принято во внимание. Во время суда выяснилось, что эти люди в штатском, хоть и утверждали, что находились на Красной площади случайно, но работали в одной и той же воинской части и явно были сотрудниками госбезопасности. Они утверждали, что избиения не было, а Виктор Файнберг сам себя избил в кровь, будучи ненормальным. Именно на том основании, что он сам себя избил, он не был привлечен к суду, а помещен в психолечебницу.

На суде не отвергалось право подсудимых на демонстрацию и публичную критику правительства. Сами обвинения носили характер мелочных придинок. Например, лозунги "Руки прочь от ЧССР" и "Позор агрессорам" не были предметом обвинения, а вот лозунг "Свободу Дубчеку" послужил поводом для обвинения всех в распространении заведомо ложных сведений. Однако каждому ясно, что до 27 августа не было известно, где находится Дубчек, и были все основания считать, что он арестован как правый ревизионист. Значит, никто не мог знать и о ложности лозунга "Свободу Дубчеку" и что это обвинение несправедливо. Второе обвинение – что демонстрация могла собрать толпу, которая бы помешала движению машин. Однако защита на суде неопровержимо доказала, что случиться этого не могло, да если бы и случилось, то вина за это лежала не на демонстрантах. Тем не менее, суд полностью принял сторону прокурора, не приняв во внимание требование защиты о полном оправдании подсудимых.

И даже в самом характере наказания было допущено беззаконие: вместо максимально возможного срока по этим статьям в 3 года тюрьмы дали: Литвинову – 5 лет ссылки,

Богораз – 4 года, Бабицкому – 3 года ссылки, и двум остальным – 3 года тюрьмы.

Весь ход суда показывает, что на деле их осудили именно за факт демонстрации, за саму критику определенных действий правительства. И факт такого открытого судебного беззакония и нарушения конституционных прав весьма настораживает, заставляет просить все наши высшие органы присмотреться к этому делу, разобраться в нем и наказать виновных. Я уверен, что только если это будет сделано, и если так будут разбираться в аналогичных случаях, только тогда у нас закроется путь к нарушению законности, к возвращению времен сталинского террора и к установлению прокитайских порядков.

Конечно, я вполне сознаю, что вряд ли мои доводы будут восприняты сейчас как справедливые. Именно поэтому я и не обращаюсь к вам с просьбой тоже протестовать против несправедливого дела. Конечно, я осознаю, что для меня эта позиция может навлечь много неприятностей как в смысле работы и аспирантуры, так и в смысле семейном. Но в жизни бывает такой момент, когда человек должен твердо встать в защиту товарищей и справедливости. Иначе он будет подлецом, и совесть, в конце концов, не даст ему жить. Ведь когда вырастут дети, они спросят: "А ты, отец, нашел в себе мужество, нашел ли ты силу устоять перед угрозами и угрозами?" Мне хочется тогда не отводить глаз и ответить: "Да, такое было в моей жизни, и нет на мне вины за ошибки тех лет".

Вопрос из зала: "Расскажите биографию" (шум: "Не нужно")

Вопрос зам.нач.техотдела Арапова В.Д.: "За Литвиновым следили? Значит, он совершил преступление?"

Ответ: "Нет, но в январе прошлого года он подписал обращение к мировой общественности по поводу процесса Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Дашковой.

Вопрос нач.мех.лаб. Ельчанинова В.Н.: "Вы остальных так же хорошо знаете, как Бабицкого?"

Ответ: "Нет, хуже".

Второй вопрос Ельчанинова: "А кто вам рассказывал о событиях на Красной площади?"

Ответ: "Отвечать на такие вопросы не собираюсь, так как считаю их провокационными".

Вопрос механика цеха № 3 Карпова В.Т.: "С их убеждениями Вы согласны. Почему не пришли на митинг?"

Ответ: "О своих убеждениях я говорить не буду. О чехословацком вопросе я уже сказал – считаю его очень сложным. А на митинг 25 августа не пришел, прежде всего, потому, что не знал о нем, работал в вечернюю смену на стане".

Вопрос зам.секретаря партбюро Фурсова И.Г.: "Кто писал письмо?"

Ответ: "Не знаю".

(Шум в зале: "Что здесь – суд, что ли?")

Вопрос нач.техотдела Плаксина И.Н.: "Вы полностью согласны с текстом письма?"

Ответ: "Да".

Вопрос: "Назовите фамилии людей, которые могли подписать, но не подписали?"

Ответ: "Какой же смысл называть фамилии этих людей, когда они именно и не хотели, чтобы назывались их фамилии?"

Вопрос нач.отдела кадров Личновой М.Н.: "Вы всех 90 человек знаете?"

Ответ: "Нет".

К.т.н. Ковалев И.М.: "Расскажите процедуру зарождения письма"

Ответ: "Оно зародилось в среде друзей осужденных и подписано было ими же".

Второй вопрос Личновой М.В.: "Встречаетесь ли Вы со своими единомышленниками? Есть ли у вас какая организация?"

Ответ: "Ни о какой организации не может быть и речи. Лишь только друзья осужденных".

Вопрос председателя завкома Алешина: "Кто вам дал это письмо?"

Ответ: "Повторяю, есть друзья..."

Слово предоставляется **зам.секретаря партбюро завода Фурсову И.Г.:**

"Мы собрались здесь не убеждать Виктора, он убежден, а обсуждать его и осуждать действия, которые Вы наворотили! Мы ответственны за действия своей семьи, а коллектив ответственен за действия любого. Удивительно, что Сокирко окончил МВТУ, а страдает политической слепотой. Есть всякие Богораз, но никто не будет их защищать... Весь народ их осудил... А то что же получается: "они в ногу, а рота – не в ногу?"

Мне приходилось в период событий в Чехословакии руководить партийной организацией: Владимир Иванович отдыхал в Болгарии, а Глебов – в Бельгии, приходилось информировать людей. Так в Киевском районе нашлось только семь человек, высказавшихся против ввода войск. Из них один воздержался. Это – организация, которая направляется какой-то рукой!!!

Нужно пересмотреть приговор суда и привлечь их за политические действия. Есть Варшавский договор: если в любой стране возникают контрреволюционные силы, мы вводим туда свои войска. Значит – все по закону!

Вы сами – сын нашего хорошего коммуниста, и он тебя также осуждает! А то с Костей или чай пил в Карелии, или там рыбку удил: а товарищ! А с нами ты посоветовался, в партком пришел?

А вот когда брали в армию, то поднял всех, вплоть до директора! Отец рабочий, а ты пренебрегаешь рабочим классом, и это я сейчас докажу. Судишь людей, что они бестолковые, а ты, мол – пример! В своей заметке-ответе "Откровенному" (редакционная статья, начавшая дискуссию: "Нужны ли нам самодельные диафильмы?" перед заводским вечером-огоньком "За чашкой кофе") ты писал следующее – и ты не будешь отрицать – в парткоме она и сейчас лежит с

твоей подписью: "Разве мало у нас ходят в музеях, и в кино особенно, серых, духовно неразвитых людей?" (В заметке эта фраза служила обоснованием необходимости художественной самодеятельности и диафильмов, в частности, - В.С.) Серые! Он называет рабочих – нас, кто ходит в кино – серыми! А у нас серость сорок лет назад как канула в вечность после культурной революции!!

Вы плюете в глаза коллективу! Агитацию разводите! Костя! А что мы знаем о Косте! Много Костей! Он стыдится!!! Кто из великих людей говорил так?? Белинский?! Гоголь?!!

Зажирели! Плюет в глаза коллективу, а коллектив для него сделал много. Мы вызволили тебя из Коломны, дали комнату, позволили учиться...

Нет, это кампания, направляемая рукой контрразведки! А они очень хитро действуют, даже наши старые пословицы используют: "Щи да каша – еда наша" – как пример бедности ассортимента блюд нашего рабочего...

Надо не только тех сажать, а и тех, которые их защищают. Тем – не меньше как до 10 лет, и этим... этим столько же !!!?"

Выступление механика трубного цеха № 2 Карпова В.Т.

“Я не буду говорить, как вели себя эти люди... здесь достаточно говорили. Виктора знаю... еще по институту (видимо, имеется в виду исключение Сокирко в МВТУ из комсомола за "неубежденность в марксизме-ленинизме")...

Мне не понравились ссылки на сталинский режим, на хрущевский волонтаризм. Я считаю, что мы слишком много в свое время об этом кричали. Создается впечатление, что чуть ли не каждый второй сидел! А я родился в 1940 году, при сталинском режиме, вырос, и образование получил!!

То, что сейчас возрождается сталинский режим – это ложь. Ведь если на 230 миллионов прижмут одного трепача, то это – не сталинский режим!

Нашлись защитники, выступили за Чехословакию! А где вы были, когда шли митинги? Всего 90 человек, а у нас в Москве – 6 миллионов.

Ты убежден, хочешь правды добиться. Хорошо. Никто не запретил с лозунгами выходить, но ведь надо же по порядку... Нет, лишь бы покрасоваться на киноплёнке зарубежных корреспондентов...

Почему же ты не с нами, не в нашей партии, а всё - "за чашкой кофе", за чашкой коньяку?? Так вот, если ты грамотный такой, то лучше тебе стать в хвост пятого стана и покатать там ленту.

Такие вещи делать – подсудное дело”.

Выступление начальника техотдела Плаксина И.Н.

“Я хочу рассказать, как Сокирко работает. Работает он очень поверхностно, неглубоко. Т.е. учтет несколько факторов, а еще несколько не учтет, в результате письмо или другой материал оказываются подготовленными неправильно. Его способности больше, чем он работает. Сейчас, когда он стал начальником бюро стандартов и техусловий, работает также – неглубоко. Я ему об этом говорил... Он не заинтересован давать ту отдачу за свою зарплату, которую может... Уходил в ЦЗЛ без разрешения. Однажды уехал куда-то в отпуск, не решив вопроса... Сейчас он пока занимает у общества, а не отдает. Сокирко не отвечает требованиям начальника бюро, хотя я и сам его выдвинул. Сегодня он выступил очень нахально, агитировал за свои взгляды. Но если он и в политике учитывает из 100 факторов 1, то он не разбирается и в политике.

Он должен не получать лишнего.”

Выступление начальника мех.лаборатории Ельчанинова В.Н.

“Здесь много сказало правильного. Я хотел бы отметить, что зачитанный им документ является весьма продуманным, я бы даже сказал – программным. И мало того – он является программой для какой-то группы, и, может, заранее подготовлен извне. Ведь все позаимствовано из

зарубежных пропагандистских журналов. Все заранее продумано и организовано. Ведь как понимать такие злостные и двусмысленные лозунги: "Долой оккупантов", "За нашу и вашу свободу!""? Мнение, думаю, будет единое: говорить слово "оккупанты" – это относиться недоброжелательно к нашей стране. И меня очень заботит, чтобы молодежь восприняла эти события так, как надо!..

Эти люди – противники советского народа! Сокирко хочет, чтобы совесть его осталась чистой... Что же, 90 имеют совесть, а мы все бессовестные?.. (Пауза...) Может, мы все шкурники?.. (Пауза) Нет, меня все поддержат.

У меня тоже недавно родился сын, и если он меня когда-нибудь спросит, что я сделал, то я с удовольствием сказал бы, что всегда выступал против людей, позорящих страну!..”

Выступление директора завода Слепцова С.А.

“Сегодня предстал Сокирко перед нами святым и чистым борцом за правду. А за какую правду? У нас правда одна, и общество наше сложилось в борьбе за нее. Это народная правда... А вот когда у фабрикантов отнимали фабрики, а у помещиков землю, они говорили – неправда, не по закону. Было ли это законно? Так, как Сокирко может понимать правду? – Его учили на народные деньги. Был бы он в капиталистической стране инженером? – Нет.

Зачитал послание здесь, где расхваливал проходимцев. Сами выражения чего стоят... Что это за "люди в штатском"? Так может ли он быть политически грамотным? Есть две идеологии – социалистическая и капиталистическая. Они борются... Так могут ли капиталистические государства защищать социалистическое государство? (видимо, Чехословакию –В.С.)...

Красная площадь – святая святых всего мира. Здесь покоится самый великий человек. Самый великий не только в нашей современности, но и за все время существования мира... Какие люди могут устроить здесь дебоши и демонстрации?! Эти люди зажирили... Выросли под

маменьким крылышком в великих "философов-гуманистов"... Эти выученики за счет народа были нами слишком бережно воспитаны. Раньше мы росли в тяжелых условиях, а теперь, видимо, тепличные условия создают ядовитый сок. К этим людям нужно применить более жестокие условия...

Они говорят, что наша Конституция нарушается. Кто же ее нарушает? – Советский суд? Прокурор? Верховный Совет?? Что же – все нарушители, а ваша группочка – честная?..

Ему надо еще раз проходить школу, и школу суровую. И не выступать здесь героем. Иначе, говоря словами великого писателя: "Я тебя породил, я тебя и убью!" Так рабочий класс и поступает со всеми отступниками и изменниками!!

А может, Вам здесь пересмотреть Ваши взгляды, пока не поздно?... Ведь что творится в мире – народы борются в Латинской Америке, Африке. Матери и дети гибнут во Вьетнаме под американскими бомбами. Так кого мы защищаем? Возьмем Чехословакию: так там и сейчас выступают террористы. Вот к чему привела такая свобода – к неорганизованности, когда через такие "канальчики" проходит в страну реакционный строй. Так они хотели и в Чехословакии поставить революционное правительство вместо компартии, а потом возродить капитализм (видимо, оговорка – вместо "реакционное" – В.С.)

Мы должны здесь заклеить позором Сокирко. Он это сделал или от слишком большого ума, или от бездумности..."

Выступление к.т.н. Ковалева И.М.- научного руководителя аспиранта Сокирко в МВТУ им. Баумана

“Поступок Сокирко и это собрание явилось для меня полной неожиданностью. Как работник, он очень хорошо работает над диссертацией, и может, его упущения в основной работе объясняются его хорошей работой, как аспиранта. Но с политической грамотностью у него оказалось совсем неблагоприятно. Конечно, человек он мужественный, так как

этот поступок требует мужества, но и в институте у него было нечто похожее, когда исключали из комсомола...

Стало быть, это письмо – не случайность. Урок его юности не пошел впрок. Из цветочков получились довольно кислые яблоки... Он меня информировал о письме, но я как-то не обратил внимание на серьезность... Так вот, истоком этого заблуждения является политическая безграмотность!

Есть грамотность от книг, а есть от интуитивного чутья. Видно, все здесь зависит от генов... Иначе придется признать, что простой рабочий, то ли от необразованности, то ли от того, что у него голова вот на столько меньше, но имеет меньше политической грамотности, чем ревизионист... Вся история – это история борьбы классов! Уже одно это должно было Вас остановить. А если Вы это отмечаете, то Вы или враг, или безумец!

Тут, видно, есть организация. Без нее никак нельзя. Я сам когда-то подписывался, не под таким политическим письмом, а под местным, в пределах совнархоза, и знаю, как сложно это организовать... И мы знаем, какие сейчас внешние условия, когда на западе проводят политику "наведения мостов" - ловят простачков.

...Каутский был грамотным человеком, но политической грамотности у него не было, и он канул в вечность, как теоретик. Так же может кануть в вечность и Сокирко как политически грамотный... Я имел возможность немного беседовать с ним вечерами, во время работы, и выяснить его взгляды. Он считает, что там, где существует диктатура – это явление временное и случайно. Считает лучшей и естественной формой государства – либерализм!! Он считает, что все сейчас затихло в мире и пора выходить на демонстрации!!

Но на деле: или с нами, или против нас! Наши законы имеют классовую сущность. За них люди кровь пролили. Ваш отец имеет ордена и странно, что в такой рабочей семье вырос политически неграмотный человек.

Я сам осуждаю и поддерживаю негодование коллектива. Думаю, что институт, возможно, также поддержит это".

(Председатель пробует подвести черту, но слово просит еще один.)

Выступление механика цеха № 1 Вирсиса А.Я. - коллеги Сокирко по диафильмам и байдарочной секции

“В августе, в начале событий, события в ЧССР освещались недостаточно полно на страницах нашей печати. И в первый момент понятно было мало. Но это никак не дает повода Сокирко так поступать. Нужно было все же разобраться. Он не был на митинге, а на митинге по поводу агрессии в Греции Вы тоже не были? – Вот где надо было выступить. Там же тоже агрессия (видимо, оговорка –В.С.)! ...Я помню блокаду в Ленинграде. Страшный голод. И когда вели пленных немцев по улицам, женщины подносили лебеду к носу немцев и кричали им: "Ты это ел, сволочь?!" ...

Тебе надо обдумать. Работай, учись, делай все, чтобы государство наше было еще сильнее. А ты, не разобравшись ни в чем, подписал бумажки. Надо тебе подумать!”

Второе выступление Сокирко В.В.

“Здесь было сказано очень много, и я не смогу сейчас на все ответить... Должен заявить, что действительно, мои родители не одобряют моих действий, поэтому я им ничего не говорил... И еще, Ваши слова, Иван Николаевич (обращение к Плаксину И.Н.) о моей поверхностной работе явились для меня сегодняшней неожиданностью... Что касается главного, то я считаю, что сталинизм существовал столь же реально, как и реальна возможность его возвращения, и поэтому необходимо протестовать против нарушения наших законов...”

Секретарь партбюро Манохин В.И.: "Хватит, хватит! Он ничего не осознал... Плюет на коллектив, а сколько ему хорошего сделали: и когда в институте у него была история, по просьбе отца ездили его защищали, думали – молодой, с кем не случается. И из Коломны вызывали, вытаскивали сюда

работать... Диссертацию защищать – пожалуйста, учись... Да, товарищи, ведь фактически мы ему заведомо ложную справку выдали в военкомат, когда прошлым летом его в армию забирали: ведь совсем не был он таким уж необходимым на стане 20-76. И без него справились бы! А он вот так платит неблагодарностью. Хватит, давайте принимать решение".

Вопрос женщины-бухгалтера: "А позвольте спросить, как же Вы, будучи секретарем партбюро, могли подписать справку, заранее зная о ее ложности?" (Смех в зале).

Манохин В.И.: "Товарищи, товарищи, Вы меня не так поняли... Во-первых, меня не было в то время на заводе, и я не подписывал этой справки, и вообще..." (в шуме кончает и садится).

Председатель: "Товарищи, прения окончены, какие есть предложения?"

Манохин В.И.: "Строго осудить и предупредить, что в случае повторения подобных поступков коллектив не потерпит Сокирко в своих рядах".

(Шум в зале: "почему так мало?")

Выкрик: "Лишить его диплома!" (председатель отклоняет).

Выкрик: "Набить ему морду!" (шум и мягкий протест председателя).

Кто-то из зала: "Снять его с начальника бюро. Разве он может руководить людьми?" (На деле в подчинении у меня никого нет, но объяснено этого на собрании не было – В.С.)

Манохин В.И. председателю: "Запишите это".

Кто-то сзади: "Нельзя ему быть ученым. Как же он, будучи политически неграмотным человеком, придет нами командовать? Предлагаю выгнать из аспирантуры".

Манохин В.И.: "Запишите и это. Сообщить в МВТУ и просить принять меры".

...Председатель закрывает собрание.

В окончательной обработке, после напечатания протокола, решение выглядело примерно следующим образом:

1. Выразить суровое осуждение действиям Сокирко Виктора Владимировича, проявившиеся в подписании письма в поддержку Литвинова, Богораз, Бабицкого, Делоне и Дремлюги, демонстрировавших 25 августа на Красной площади против ввода наших воинских подразделений и войск наших союзников в Чехословакию.

2. Сообщить в партком МВТУ им. Баумана о политически незрелых действиях аспиранта Сокирко В.В. и просить принять соответствующие меры.

3. Предупредить Сокирко В.В., что, в случае повторения им подобных поступков, коллектив не потерпит его в своих рядах.

Приложение 13.

Неотправленное письмо в редакцию стенгазеты "Московский трубник" (1969 год)

21 февраля состоялось собрание профсоюзного актива завода, осудившее меня за письмо в адрес Верховного Совета с просьбой пересмотреть судебный приговор участникам демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г.

С осуждением выступило 8 человек. Такова же была резолюция собрания, принятая без возражений. Но в своем ответном слове я не мог аргументировано ответить на доводы обвинителей, т.к. трудно переварить сразу такой объем обвинений.

И вот, чтобы не создалось впечатления, что остался я при своем мнении исключительно из-за "упрямства" или чьей-то "злой воли", или "недопонимания", считаю необходимым дать развернутый ответ и потому прошу принять моё письмо.

На собрании я объяснил, что подписал то письмо, руководствуясь сознанием гражданского долга в защите советских законов в самой уязвимой, на мой взгляд, части их – той, которая касается защиты прав гражданина. Я считаю их наиболее уязвимыми именно потому, что ранее они чаще всего нарушались, вернее, игнорировались при Сталине, потому что и сейчас еще осталось много людей, привыкших к таким нарушениям и пытающихся их нарушать и сейчас в меру своих возможностей и, наконец, потому что это самый главный вопрос для любого человека: кто будет определять его жизнь и свободу – произвол вышестоящих лиц или строго выполняемый и ясный советский закон?

Мною руководило осознание того факта, что советский народ, выполнивший величайший в мире эксперимент по построению нового, социалистического общества, не смог в течение многих лет в полной мере воспользоваться плодами своих свобод и перенес величайшие страдания, во многом из-

за культ личности, что если и были ошибки у советских людей за 50 лет, то главная из них и основная – культ личности и связанные с ним беззакония, что в этом – не только главная беда, но и главная вина советских людей! Да, вина перед самими собой, перед своей жизнью и жизнью своих детей!

Мною руководило осознание того факта, что все массовые репрессии были, прежде всего, связаны с нарушением советских законов. След., единственное средство борьбы с возвращением сталинских преступлений, осужденных партией и народом, является строгое соблюдение социалистической законности. Никому не дано право сажать людей на основании только своих убеждений в их правоте или вредности, безотносительно к законности или незаконности их действий. Даже если мы убеждены, что перед нами злейшие и закоренелые враги, но ведут себя они в рамках законов, их нельзя сажать в тюрьму, увольнять с работы или, тем более – бить по морде. Это мое твердое убеждение, до сих пор я уверен, что с ним согласится каждый, и я просто не понял, почему по этому поводу было произнесено столько слов о классовых интересах, двух правдах, классовых генах и пр.? Наоборот, надо судить и сажать в тюрьму любого, кто таким образом нарушает закон или подстрекает к этому, какими бы "высокими мотивами" он это не оправдывал. Я убежден, что это единственный путь к созданию преграды произволу. Ведь если сегодня я посажу человека, потому что он кажется мне врагом общества, а не потому, что он нарушил закон, и меня самого за это не посадят – то завтра я посажу своего личного врага, сказав, что верю в его вину, и мне за это ничего не будет! Послезавтра же я расстреляю любого, косо на меня взглянувшего, и меня еще за это провозгласят "отцом народов", как Сталина, хотя соц.законы требовали от общества лишь одного – осудить Сталина как величайшего преступника советских законов и наказать его со всей строгостью (4 раза расстрелять или несколько тысяч лет лагеря строгого режима).

Все это было изложено мною на собрании, хотя и очень кратко. Однако, судя по смыслу последующих выступлений, никем не было воспринято. Мало того, уже после собрания многие меня спрашивали: "Зачем тебе это надо?", ставя этим в тупик. Или они все прослушали и не поняли, что речь идет с самым главным – о собственной жизни без репрессий и страха? Или они все понимают, но смеются и разыгрывают меня? Ведь совершенно очевидно, что возврат неизбежен, если не будет опротестовываться и наказываться каждое нарушение закона. Видимо, спрашивающие меня забыли или не знают ни решений XX и XXII съездов партии, определивших одной из задач партии и народа – борьбу с нарушениями социалистической законности, ничего не знают о борьбе, которую партия вела и сейчас ведет согласно постановлению ЦК от 30 июля 1956 г. (о культе Сталина), ничего не знают о решениях октябрьского пленума 1964 г. против возникновения нового культа личности. Видимо, живя старыми, еще довоенными представлениями, они не понимают, что эта борьба постоянна и упорна и идет по широкому фронту – начиная от международного плана против преступлений Мао Цзэ-дуна, кончая самым рядовым заводом или колхозом нашей страны, везде, где нарушаются соц.законы. Прочтите хотя бы статью в "Правде" от 30 марта 1969 г. "Преступили закон" и вы поймете, о чем я говорю: никому не позволено, даже из лучших побуждений, нарушать закон!

А люди говорят мне: "Зачем ты лезешь?" Этот факт показывает, что не все на заводе благополучно с политико-воспитательной работой, раз один из важнейших аспектов борьбы партии многим людям совершенно неизвестен и не учитывается в своей деятельности.

Но, возможно, эти люди все понимают, но боятся неприятностей и потому заранее готовы пройти мимо любого нарушения закона и этим молчаливо способствовать росту произвола? Но ведь это еще хуже и должно вызывать еще большую тревогу!

И я не знаю, куда смотрит партбюро, когда само собрание показало вопиющую безграмотность многих выступавших в вопросе о партийной борьбе против нарушений соц. законности. Я подчеркиваю: именно выступавшие, потому что само собрание было организовано в законном и спокойном духе. Однако люди, которые с первых же слов потребовали "не убеждать, а обсуждать и осуждать" (выражение т. Фурсова) явно хотели превратить собрание в обыкновенную "охоту за ведьмами". И, надо сказать, частично им это удалось. Тон осуждения был задан и дошел до такой степени накала, что т. Вирсис выступил с ничем не обоснованным и потому для него позорным обвинением в подрыве оборонной мощи страны.

Несмотря на все мои старания объяснить, что дело именно в соблюдении существующих законов, а не в чехословацком вопросе, что если бы закон ясно и прямо заявил, что любые демонстрации с лозунгам, критикующими действия правительства – незаконны, то я не подписал бы этого письма – несмотря на это, все выступавшие упирали именно на чехословацкий вопрос, как будто от решения вопроса: надо было вводить войска или нет, зависит ответ на мой вопрос: законен или незаконен процесс над демонстрантами? Вернее, я это знаю: сам суд и прокуратура не определили факт демонстрации как незаконный и преступный, хотя и пошли против правды и закона, приписав демонстрантам недоказанные преступления (нарушения общ. порядка и распространение заведомой лжи).

И даже этот факт не произвел впечатления на выступавших, а как бы еще более их подогрел. Разве не чудовищно, что в наше время зам. секретаря партбюро во всеуслышание требует суда "за политические действия", требует возобновить знаменитые 10 лет (десятку) лагерей "над теми, кто критикует" и теми "кто защищает": "Тем – не меньше как по 10 лет, и этим столько же". Ведь это прямой призыв к репрессиям сталинских времен! А говорится это на собрании и никто не только не оборвал, но даже не подправил

этого зарвавшегося хунвейбина! Да, хунвейбина (в переводе "красного охранника") – я отвечаю за этот термин.

Для доказательства прочтите цитату из журнала "Вопросы философии" № 3, 1969 г., с.99: "В течение ряда лет пекинская пропаганда вела шумную кампанию клеветы, направленную против советского народа и социалистического строя в СССР, пытаясь вопреки нормам отношений между социалистическими странами навязать советскому обществу собственные рецепты построения коммунизма, толкнуть КПСС на развязывание в стране "культурной революции" маоистского типа, на путь свертывания демократии, разжигания "классовой борьбы" и проведения политики репрессий".

Вы замечаете, как подходит речь т.Фурсова к этой цитате? Представляете, как быстро восстановилась у нас дружба с Мао Цзе-дуном, прислушайся наше руководство к требованиям т.Фурсова или дай ему немного власти? И пусть он клянется, что ненавидит китайских провокаторов, его образ мышления и действия играют им на руку!

Другим нашим отечественным хунвейбином показал себя т.Карпов. В его речи был полный букет маоистских средств: от требований судить или применить знаменитый метод "перевоспитания физическим трудом" ("если ты умный такой, то встань в хвост 5-го стана рулоны катать" – сказал т.Карпов) до грязных выпадов в адрес художественной самодеятельности завода ("За чашкой кофе" или за рюмкой коньяку?) И призывов реабилитировать культ Сталина. Я не понимаю, как может член партии безнаказанно заявлять, что, мол, "мы сами зря кричали лишнее о жертвах при Сталине" и что ничего, кроме хорошего, мы от его руководства не получили. (Кто это "мы сами" – вся партия или только партийная печать?) Как может член партии безнаказанно ошельмовать все усилия партии по борьбе с культом личности? Видите ли, он получил образование! (Кстати, образование он получил уже после разоблачения культа Сталина, а не при нем – это обыкновенная передержка).

И на этом основании он считает, что кроме хорошего ничего при Сталине не было, а раз так – то поклонимся ему за "великие заслуги" и перейдем "опыт руководства". Т.Карпов забывает, что не он один к этому призывает наших людей, что хунвейбины (китайские) при осаде советского посольства тоже пробовали заставить наших людей на пути к аэродрому поклониться портрету Сталина, но у них не вышло, не выйдет и у хунвейбина Карпова (даже рука не поднимается товарищем обозначить!). Никогда не поклонится народ Сталину.

Дальше в лес – больше дров. Т.Ельчанинов, нимало не смущаясь, заявляет, что я выступил на собрании не с объяснением, а с программой, заданной, мол, из-за рубежа. Обвинение это даже не стоит опровержения, оно смехотворно настолько же, насколько и подло. И когда он спрашивал зал: бессовестны мы или нет, то попал прямо в точку, только зря объединил себя со всем залом – с такими заявлениями никто не выступал. И, конечно же, когда придется держать ответ перед сыном, то – опять же без стыда – скажет: "всегда я охранял страну от "внутреннего супостата", пользы ради шел и на прямую клевету, за что и получал благорасположение по службе". Только вряд ли отличит сын отца-охранителя от отца-хунвейбина.

Но верхом чудовищных несообразностей этого собрания было выступление к.т.н.Ковалева, моего экс-руководителя по научной работе. И этот человек, за день до этого откровенничавший со мной до невероятных вещей, вдруг выступает с разоблачением "либерального и внеклассового" мировоззрения своего аспиранта. Но, во-первых, он ни черта не понял в моем мировоззрении, поскольку я и не собирался его излагать, а во-вторых, кто ему дал моральное право ссылаться на частный разговор? Правда, не только я успел уже убедиться, что об этике у Ковалева самое элементарное понятие, этика к нему не относится, вернее, он ею иногда пользуется в собственных интересах по принципу "цель оправдывает средства".

Когда я слушал его выступления на собрании в заводе, а потом – на кафедре сварки МВТУ, то поражался: почему этот человек, обливающий меня грязью, как только может, не боится, что я расскажу людям о нашем разговоре? А потом понял: он считает, что мне уже никто не поверит, что я уже мертв, а трупы, как известно, молчат. Но он ошибается крупно в характере нашего времени – я жив, рот мне не заткнули, и потому, хотя из партии Вас не исключат (свидетелей не было), но люди поверят, потому что знают: лгать и изворачиваться мне нет смысла.

Так вспомните, Игорь Михайлович, наш разговор 19 февраля перед собранием, когда я известил вас о моей беседе в партбюро. Вы начали говорить сперва о неосторожности, а потом и бессмысленности защиты демонстрантов. "Разве я не хочу свободы своему народу? – говорили Вы, - но посмотрите на наших рабочих, хотя бы тех электриков, что здесь работали (свар.лаб.) – ведь это настоящие дикари! Дай им свободу, они все пропьют и разнесут... Нет, русский народ надо дерзать в узде. Ведь сами же призвали на власть варягов и вообще, рабская покорность власти – это коренное качество славян, оно у них в крови, в генах. Отсюда – неизбежность диктатуры. Вы даже привели в доказательство сказки Салтыкова-Щедрина, якобы любимого писателя Сталина: и народ-савраса, которому надо кнутом грозить, и город Глупов, где ходок за правду народ сам властям отдавал, и т.д. Потом разговор перекинулся на Сталина, на политическую и экономическую необходимость массовых репрессий: "Гениальный ход – сказали Вы – в тяжелых районах была получена дешевая рабочая сила". Но все это оказалось бледными цветочками в сравнении с Вашей одобрительной оценкой Китая, как страны, перенявшей у нас сегодня роль пугала "оголтелого коммунизма" и угрозу капит.миру, и с Вашей глубокой убежденностью в нашем единстве с Китаем. ("Вот увидите, мы еще будем обниматься с Мао Цзэ-дуном или его преемником" – это Ваша дословная фраза). А чего стоит, например, Ваше одобрение китайской "культурной

революции", которая, мол, предназначена для разогрева энтузиазма масс в производстве ("Если все смотрят на портрет вождя на стенке – тогда все будут хорошо работать")...

Так что же, может, мне все это померещилось? Может, не Вы – самый убежденный хунвейбин, какого я только видел в своей жизни? И самый последовательный маоист в своих практических действиях – со всей своей показной любовью к рабочему классу, проповедью биологической врожденности классового сознания и неразборчивостью в средствах?

Но разве не Вы предали память своего отца и дяди (крупного партработника), расстрелянных в 1937 г. – тем, что оправдываете преступления Сталина?

Разве не Вы предали идеалы своей молодости, поставив перед собой только одну задачу – любыми средствами – чистыми и нечистыми, завоевать положение в обществе? Разве не Вы настолько извратили свою природу, что стали способны менять свои оценки и отношения к людям буквально на ходу, в зависимости от обстановки и собственной выгоды? Способны сегодня говорить одно, завтра другое, а послезавтра – совсем другое?

Вы странный человек, Игорь Михайлович. Сейчас Вы рветесь к власти, и, возможно, ее достигнете. И только тогда развернется в полной мере Ваше маоистское нутро! Вы устройте нам такую "культурную революцию" и такое "приобщение к физическому труду", что никому не поздоровится. Я это знаю и потому не могу скрыть от людей наш частный разговор.

Люди! У меня нет свидетелей и мне нельзя пойти в партком и прижать его к стене, но все же – бойтесь Ковалева! А вместе с ним – бойтесь всех наших хунвейбинов! Возможно, из них только один Ковалев осознал сам свою приверженность к идеям Мао, но суть у них одна: все они рвутся к власти и мечтают установить старые репрессивные порядки. Не давайте им власть, иначе нам всем будет плохо. Сейчас они стали смиренными, сквозь зубы поругивают правительство за мягкотелость и позор имени Сталина, и даже заигрывают с

простыми людьми... Но дайте им только власть – и они свое покажут, даже в местном масштабе распустият руки.

Наш народ вынес тяжелейшее бремя сталинского террора и при всех своих социалистических завоеваниях он вздохнул свободно только после разоблачения культа личности. Мы сейчас живем так хорошо, как никогда! Так зачем же нам надо снова повторять старые ошибки: превозносить мудрость Сталина, нарушать наши законы и давать распускаться рукам сталинских последышей и идейных единомышленников Мао Цзе-дуна? Думаю, что советскому народу с ними не по пути. И я думаю, что рано или поздно это будет высказано с еще большей полнотой и определенностью в отношении внутренних хунвейбинов, чем говорилось до сих пор.

P.S. После того, как было написано это письмо, меня успели отстранить от научной работы и отчислили из заочной аспирантуры, а также понизили в должности ("по сокращению штатов") и предупредили, что в случае повторения подобных действий меня уволят. А я подумал: конечно, хорошо быть уверенным, что рано или поздно победит здравый смысл, но ведь и угроза надо мной висит нешуточная, и не столько она висит надо мной, сколько над моей семьей.

А что если решат, что приведенное письмо в стенгазету – есть также повод для увольнения? – И я решил не отдавать это письмо в редакцию "Московского трубника" и уж тем более не показывать эти слова нашим хунвейбинам – ведь опровергнуть их нельзя, а "жаловаться" и "заявлять" на меня они смогут. А я ведь жить и работать хочу.

Поэтому даже подписываться не буду и заранее отказываюсь от каждого здесь слова - "Как бы чего не вышло!"